

Рыбина Елена Александровна — специалист по истории и археологии средневекового Новгорода, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ.

В 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию «Торговые связи Новгорода X—XIV вв. по археологическим материалам», в 1992 г. — докторскую диссертацию «Западноевропейские связи Новгорода X—XIV вв.». Она впервые привлекла для изучения новгородской средневековой торговли богатый археологический материал, что дало возможность проследить динамику торговых связей Новгорода в разные периоды его истории.

Научная и профессиональная деятельность Рыбиной связана с Новгородской археологической экспедицией, где она впервые работала в 1962 г. в качестве студентки-практикантки.

Е. А. Рыбина — известный специалист в области новгородско-ганзейской торговли; она неоднократно принимала участие в археологических и исторических конгрессах, конференциях, симпозиумах в России и за рубежом.

Автор более 150 научных и научно-популярных работ, в числе которых три монографии. Статьи Рыбиной о новгородско-ганзейской торговле и археологических находках Новгорода постоянно печатаются и рецензируются в зарубежной научной печати таких стран, как Америка, Англия, Бельгия, Германия, Дания, Испания, Швеция.

Основные публикации: Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978; Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986; Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

ISBN 978-5-9551-0331-0

Новгород и Ганза

Е. А. Рыбина

Е. А. Рыбина

Новгород и Ганза

Е. А. Рыбина

Новгород и Ганза

**ВЕЛИКИЙ
НОВГОРОД**

1150

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2009

Рыбина Е. А.

Р 93 Новгород и Ганза. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 320 с. (Вклейка в конце книги.)

ISBN 978-5-9551-0331-0

До сих пор о феномене Ганзы и ее значении в жизни средневековой Европы, в том числе и истории Руси, российский читатель за исключением узкого круга специалистов ничего не знал. На протяжении XIV—XV вв. Ганза (торговый союз немецких городов) монополизировала западноевропейскую торговлю и была главным посредником в торговых связях между Центральной, Восточной и Северной Европой. Новгород во все времена был одним из главных торговых партнеров Ганзы. Как сказано современным писателем Б. Киселевым, «там, где Петр I рубил окно в Европу, во времена Новгорода двери были настежь».

В книге впервые в научно-популярной форме рассказывается о зарождении новгородско-ганзейских контактов, их становлении и развитии. На основании разнообразных источников освещается весьма противоречивая история новгородско-ганзейских отношений, наполненная конфликтами, взаимными претензиями и столкновениями. Вместе с тем продемонстрирована постоянная заинтересованность сторон в продолжении и развитии новгородско-ганзейских связей. Особое внимание уделено существовавшим в средневековые правила ведения торговли и правовым нормам. В книге подробно излагается история ганзейской конторы в Новгороде, которая была одной из главных контор Ганзы наряду с конторами в Бергене, Брюгге и Лондоне. Отдельная глава, автором которой является Е. Р. Сквайрс, посвящена языковому аспекту новгородско-ганзейских связей.

В работе широко используются многочисленные ганзейские источники, древнерусские документы, материалы археологических раскопок в Новгороде.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использованы гравюры
«Вид Новгорода» (внизу) и «Любек» (вверху)*

Елена Александровна Рыбина
НОВГОРОД И ГАНЗА

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева. Корректор Е. Банькова
Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым

Художественное оформление переплета Сергея де Рокамболя и Петра Кочарова
Подписано в печать 25.05.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 21. Тираж 1000. Заказ № 1907.

Издательство «Рукописные памятники Древней Руси». № госрегистрации 1067746430102.
Тел.: 95-171-95. E-mail: Lrc.house@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета» «Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова». 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 978-5-9551-0331-0

© Е. А. Рыбина, 2009

© Рукописные памятники Древней Руси, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Источники и литература	9
Об источниках	9
Исследования о новгородско-ганзейских связях (<i>обзор литературы</i>)	18
Глава II. Новгород в балтийском регионе в X—XII вв. . .	29
Западнославянское направление (X—XI вв.)	29
Скандинавские связи (IX—XI вв.)	33
Готланд, Дания (X—XII вв.)	35
Возникновение и местоположение Готского и Немецкого дворов	46
Глава III. Западноевропейские связи Новгорода в XIII в. .	55
Доганзейский период	55
Возникновение Ганзы	61
Хроника событий второй половины XIII в.	62
Глава IV. Новгород и Ганза в XIV—XV вв.	72
Хроника событий первой половины XIV в.	72
Четвертая редакция скры	82
Хроника событий второй половины XIV в.	87
Хроника XV в.	94
История Готского двора	116
Ганзейская контора и ганзейское купечество в Новгороде . . .	128
Характер, правовые нормы и правила ведения торговли	155
Глава V. Новгород и Ганза в московское время (XVI—XVII вв.)	168
Хроника событий	168
Хроника событий XVI в.	173
Глава VI. Западноевропейские находки и их топография .	181
Западный импорт	181
Топография западноевропейских находок	205

Глава VII. Языковой аспект торгово-дипломатических отношений Новгорода с Ганзой (Е. Р. Сквайрс).	213
1. Языки средневекового Новгорода	214
2. Ранние контакты. Пути слов.	217
3. Письмо в обиходе ганзейцев.	223
4. Язык как двигатель торговли	226
5. Профессиональные переводчики	229
6. Жанры русско-ганзейского корпуса текстов	237
7. Нижненемецкая грамота по-новгородски.	244
8. Языковая археология	246
Nowgorod und Hanse (резюме).	250
Приложения	271
IV скра (перевод И. Э. Клейненберга)	273
Повесть о посаднике Добрыне (Синодская и Волоколамская редакции)	299
Список торговых актов Новгорода.	305
Библиография	311
Список иллюстраций	317
Список сокращений.	320

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из двух названий, вынесенных в заголовок книги, слово «Ганза» вряд ли понятно современному читателю. До сих пор о феномене Ганзы и ее значении в жизни средневековой Европы, в том числе и истории Руси, российский читатель, за исключением узкого круга специалистов, ничего не знал.

Что же такое Ганза? Термин «Ганза», по мнению исследователей, восходит к слову «Schar» и по смыслу аналогичен слову «гильдия», что означает не что иное, как союз, сообщество, товарищество.

Средневековая торговля имела ярко выраженный корпоративный характер, которым были проникнуты все виды экономических связей, как внутренних, так и внешних. Купец средневековья не был индивидуалистом, он был, как все его современники, по существу коллективистом. Торговые поездки, особенно морские, в чужие земли были трудны и опасны, путешественникам предстояло бороться и со стихией, и с разбойными нападениями. Поэтому уже в раннем средневековье складывались своеобразные объединения купцов, занимавшихся иноземной торговлей. Самой простой формой таких объединений было совместное пользование одним кораблем. Со временем на основе этих простых товариществ стали образовываться союзы купцов, называющиеся гильдиями. Об их существовании известно из двух рунических камней XI в. из Сигтуны, установленных купческими гильдиями в память об умерших членах.

Как свидетельствуют источники, такие купеческие гильдии занимались не только обеспечением торговых поездок, но гарантировали своим членам определенные привилегии в торгующей стране, строили собственные церкви, служившие одновременно надежным хранилищем товаров. Заботились гильдии также и об устройстве жилых и складских помещений в тех местах, где купцы вели торговлю. Существование подобных корпораций в виде купеческих объединений характерно для всего XII в. Купеческие гильдии являлись по существу частными организациями без поддержки и покровительства властей. Их действия были ограничены собственной инициативой, что отнюдь не способствовало развитию торговых связей. Большинство

историков видят в этих гильдиях предшественников будущей городской Ганзы.

Со временем на основе этих гильдий стали складываться городские купеческие объединения, включавшие в себя купцов одного города или одной национальности. Эти объединения получали льготные грамоты для ведения торговли от своих правителей, а также определенные привилегии в тех странах, где они торговали. В XIII в. в Германии периодически стали образовываться региональные городские союзы для обеспечения безопасности купцов, в чьей деятельности города были весьма заинтересованы. В конце концов для успешного ведения торговли назрела необходимость в организации общегородского союза, объединявшего все группы немецких городов (вендских, нижнесаксонских, вестфальских, ливонских). Таким объединением и стал торговый союз немецких городов, получивший название Ганза (или Ганзейский союз) и окончательно оформившийся к середине XIV в.

На протяжении XIV—XV вв. Ганза монополизировала западноевропейскую торговлю и была главным посредником в торговых связях между Центральной, Восточной и Северной Европой. Ганза с трудом поддается определению, поскольку вмещает в себя множество аспектов. Это не только торговое объединение, в XIV—XVI веках Европа была пронизана духом Ганзы. В разных странах находились ганзейские поселения, существовало ганзейское право, моря бороздили ганзейские корабли, ганзейские купцы влияли на социально-политическое и культурное развитие городов. Регулярно проходили ганзейские съезды, которые решали не только торговые дела, но и занимались сугубо городскими проблемами.

Торговые контакты Новгорода в балтийском регионе начались задолго до создания Ганзейского союза. Новгородско-ганзейским отношениям предшествовал долгий период становления и развития торговых, культурно-исторических и политических связей Новгорода с европейским Севером и Западом. В X—XI вв. несомненны тесные культурно-исторические и торговые контакты Новгорода с областью южной Балтики, уходящие корнями в далекое прошлое этих регионов, а также торговые и политические связи со Скандинавией. В X в. устанавливаются тесные контакты Новгорода с островом Готланд, который на протяжении веков был центром балтийской торговли. К моменту появления на Балтике немецких купцов были выработаны правила ведения торговли. Поэтому в этой книге рассказу о новгородско-ганзейских отношениях, о пребывании ганзейских купцов

в Новгороде предшествует изложение ранней истории новгородско-балтийских контактов.

Новгород был одним из главных партнеров Ганзы. Здесь ганзейские купцы покупали меха, известные во всей средневековой Европе, отсюда вывозили воск, мед и другие товары. С конца XII в. в Новгороде находился Немецкий двор с церковью св. Петра, ставший впоследствии основой ганзейской конторы, одной из важнейших контор Ганзейского союза.

Различные аспекты взаимоотношений Новгорода и Ганзы не раз становились темой исследования отечественных и зарубежных историков. В предлагаемой читателю научно-популярной книге излагается история зарождения, становления и развития новгородско-ганзейских контактов. Отдельные разделы посвящены истории Готского двора, ганзейской конторы, правовым нормам, характеру и правилам ведения торговли. Одна из глав знакомит с археологическим материалом, который дает наглядное представление о быте ганзейских купцов, о товарах, которые они поставляли в Новгород, а также содержит свидетельства о непосредственных контактах ганзейцев с новгородцами.

В книгу включена глава о языковом аспекте новгородско-ганзейских отношений, автором которой является доктор филологических наук Екатерина Ричардовна Сквайрс, которой я сердечно благодарна за помощь и участие в этой работе.

В Приложениях к основному тексту книги публикуются список новгородско-немецких и новгородско-ганзейских торговых договоров и грамот, а также два источника, которые помогут современному читателю проникнуться духом средневековья. Это — легенда о посаднике Добрыне, благодаря которой уточнена дата возникновения Готского и Немецкого дворов в Новгороде, и четвертая редакция скры (устава ганзейской конторы в Новгороде), из которой можно почерпнуть много интересных и конкретных сведений об организации и правилах ведения торговли, а также о быте ганзейских купцов.

В конце помещено обширное резюме на немецком языке. В книге отсутствует научный аппарат, но она снабжена практически полным списком публикаций письменных источников и достаточно подробной библиографией отечественных и зарубежных авторов, где заинтересованный читатель найдет все необходимые сведения.

Москва, декабрь 2008 г.

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Об источниках

История торговых и культурно-исторических связей Новгорода с Северной и Западной Европой находит отражение в разного вида источниках: это и письменные документы, и археологические материалы, и данные нумизматики и сфрагистики. Для раннего периода (X—XIII вв.) письменных свидетельств сохранилось очень мало, и поэтому для него так важны археологические и нумизматические свидетельства. Напротив, период XIV—XV вв., когда особенно интенсивными были новгородско-ганзейские отношения, освещен в письменных источниках достаточно подробно, и археология лишь дополняет их.

Письменные источники. Письменные источники по своему характеру можно разделить на две группы. К первой из них принадлежат собственно документы: торговые договоры XII—XV вв. с Готландом, немецкими городами, Ливонским Орденом; торговые грамоты того же периода; княжеские уставы; договоры Новгорода с князьями; лавочные и писцовые книги по Новгороду Великому; устав Немецкого двора (скра), постановления ганзейских съездов, переписка ганзейской конторы, таможенные и торговые книги ганзейских купцов.

Другую группу письменных памятников составляют нарративные, т. е. повествовательные источники, в составе которых русские летописи, скандинавские саги, отдельные свидетельства западных хроник, легенда о посаднике Добрыне, сочинение XII в. «Вопрошание Кириково».

Торговые договоры и торговые грамоты Новгорода. Прямым свидетельством существования торговых связей, несомненно, являются торговые договоры, заключенные между партнерами, и различные грамоты, обеспечивающие купцам «чистые пути», регулирующие различные частные конфликты и взаимоотношения между торговыми партнерами. Всего до нас дошло около пятидесяти подобных

документов, которые характеризуют только западноевропейское (в основном ганзейское) направление новгородской торговли. Другие направления торговых связей Новгорода подобными источниками не обеспечены.

Древнейший торговый договор был заключен Новгородом с Готским берегом (о. Готландом) и немецкими городами в 1191—1192 гг. Торговые договоры, как правило, являлись результатом урегулирования различных конфликтов, нередко возникавших в торговых отношениях. Формуляр таких документов был стандартным и отработанным в течение долгого времени. В преамбуле договора назывались имена должностных лиц обеих сторон, которые его заключали. Далее излагалось существо дела или пересказывался конфликт, который должен быть улажен, после чего указывались виновные и определялось наказание; после этого купцам обеих сторон гарантировались «чистые пути», свободная торговля и устанавливался ее порядок. Кроме того, в торговых договорах, заключенных между Новгородом и ганзейскими городами, содержатся некоторые сведения, касающиеся устройства иноземных гостиных дворов в Новгороде, обязанностей купцов, их взаимоотношений с новгородцами.

Торговые договоры заключались от имени высших должностных лиц Новгорода: князя, посадника, тысяцкого и архиепископа. Заметно отличается от остальных формуляр двух первых договоров, написанных на одном пергаменном листе. В них отсутствует владыка, а кроме князя, посадника и тысяцкого названы «все новгородци», в то время как во всех последующих договорах и большинстве торговых грамот первым среди должностных лиц обязательно упоминается владыка. Кроме князя или его наместника, посадника и тысяцкого неизменными участниками заключения торговых договоров были старосты купеческие (впервые в договоре 1270 г.), купцы, дети купеческие.

С развитием административной системы Новгорода, с происходящими в ней реформами заметно изменялся состав лиц, заключавших договоры или регулировавших торговые конфликты. Особенно расширился состав лиц, упоминаемых в преамбуле документов, в XV в., когда изменяется не только структура власти, но и сама фразеология. В это время наряду с действующими посадником и тысяцким называются *все* (или, позднее, *старые*) посадники и *все* (или *старые*) тысяцкие, кроме них упоминаются еще бояре, а кроме старост купеческих еще и дети купеческие или просто купцы.

Также меняется состав лиц, подписывавших документ со стороны новгородских контрагентов, что хорошо прослеживается

по начальным формулярам торговых договоров на протяжении XII—XV вв. Вплоть до 1392 г. (Нибурова мира) все переговоры и заключение договоров с Новгородом вели послы Любека и Готланда от имени всего заморского купечества. В 1392 г. впервые наряду с ними названы послы трех ливонских городов: Риги, Ревеля (Таллинна), Дерпта (Тарту). В дальнейшем только ливонские послы вели все торговые переговоры с Новгородом, что, несомненно, отражало их увеличивавшуюся роль в новгородско-ганзейской торговле.

Кроме непосредственно торговых договоров, фиксирующих заключение торгового мира после очередного конфликта, существовали и другие торговые акты разнообразного характера. Чаше всего они были посвящены гарантии «чистых путей», возврату награбленного товара, взысканию долгов. Эти документы также относились к числу государственных актов, т. е. регулирование любых торговых отношений было в ведении новгородских властей.

Всего к настоящему времени сохранилось 19 торговых договоров и 33 грамоты разнообразного торгового характера. Любопытна их статистика: из 52 торгово-правовых документов только один датируется концом XII в. и 5 — XIII в.; к XIV в. относятся 4 договора и 10 торговых грамот, к XV в. — 11 договоров и 21 грамота. Таким образом, подавляющее число документов (46 экз.) происходит из XIV—XV вв., т. е. относятся к ганзейскому периоду. Несомненно, до нас дошла только часть существовавших в свое время актов, однако прослеживается определенная закономерность в хронологии сохранившихся торговых договоров и грамот. Если для XII—XIII вв. известно всего 6 торговых документов, то уже для XIV в. — 14, а для XV в. — 32 акта. Даже с учетом того, что часть документов как раннего периода, так и более позднего не сохранилась, нельзя не заметить относительное обилие договорных и прочих грамот в XV в., от которого дошло более половины всех имеющихся документов. Отмеченная тенденция свидетельствует, с одной стороны, о динамике торговых связей, об увеличении с течением времени товарооборота, торговой активности как новгородских, так и иноземных купцов. С другой стороны, обилие регулирующих торговые конфликты документов, несомненно, указывает на обострение торговых отношений между Новгородом и Ганзой в XV столетии, когда конфликты между торговыми партнерами следовали один за другим и каждый из них завершался заключением торгового мира. Последний договор времен новгородской независимости был заключен между Новгородом, Псковом и Дерптом в 1474 г. Еще три договора были заключены до конца XV в. уже после потери

Новгородом независимости, но сохранявшим временно прежнюю административную структуру и значение торгового центра.

В торговых договорах и грамотах содержится немало имен новгородских купцов, которые в будущем, возможно, удастся обнаружить в текстах берестяных грамот соответствующего времени.

Княжеские уставы. Из трех княжеских уставов XIII в., содержащих важные свидетельства об организации новгородской торговли и новгородского купечества, для рассматриваемой темы имеет значение «Устав князя Ярослава о мостех», который датируется 60-ми гг. XIII столетия. Как отмечают исследователи, этот документ главным образом непосредственно связан с торговыми делами, хотя речь в нем идет о мощении улиц. В части «Устава», посвященной Торговой стороне, перечисляются участки улиц и дорог, ведущих к Торгу и к пристаням, которые были обязаны мостить городские власти всех уровней, включая князя и посадника. Следовательно, забота об этих магистралях была общегосударственным делом в Новгороде. Кроме того, мощение улиц вменялось в обязанность иноземным гостям (немцам и готам) и жителям соответствующих улиц.

Договоры Новгорода с князьями. Сохранилось около 20 таких договоров XIII—XV вв., заключенных между Новгородом и приглашаемыми князьями. В них наряду со многими статьями, где обусловлены права и обязанности сторон по отношению друг к другу, есть и статьи, регулирующие торговую деятельность. В частности, начиная с 1268 г. из договора в договор повторяется статья о том, что князь не имеет права распоряжаться Немецким двором, т. е. объявлять о его закрытии, а также торговать с немецкими купцами: «А в Немецком дворе тебе торговати нашею братиею, а двора ти не загваряти, а приставов не приставливати».

Для рассматриваемой темы интересны составленные в конце XVI в. **лавочные и писцовые книги** по Новгороду, в которых содержатся сведения о местоположении Немецкого двора и дается его описание.

Что касается **берестяных грамот**, то сведений о внешней торговле Новгорода в них, к сожалению, совсем немного. Покупку немецкой соли фиксируют грамоты 32 и 282 (обе XIV в.).

Летописи. В нескольких летописных статьях XII—XIII вв. сообщается о пожарах варяжской и немецкой церковей в Новгороде. Ценность этих показаний заключается в том, что они дают исходное основание для локализации иноземных дворов на территории Новгорода.

Среди повествовательных источников большой интерес для истории возникновения иноземных дворов в Новгороде представляет *легенда о посаднике Добрыне*, сохранившаяся в трех списках XVI—XVII вв. Источниковедческий анализ этих списков позволил уточнить дату возникновения в Новгороде Готского и Немецкого дворов.

Косвенные сведения о существовании варяжской божницы в Новгороде имеются также в «*Вопрошании Кириковом*» (1130—1150 гг.). Оно представляет собой сочинение, составленное в форме вопросов новгородского священника и математика XII в. Кирика (отсюда и название памятника) и ответов епископа Нифонта. В них регламентировались правила поведения, нормы морали в средневековом обществе, давались рекомендации священникам в решении самых разнообразных жизненных вопросов. Один из ответов определял меру наказания тем людям, которые обращаются за церковными требами к варяжским священникам: «А оже се носили к варяжскому попу дети на молитву. Ответ: 6 недель епитимье, рече, занеже акы двоеверци суть». Для нас здесь важно упоминание варяжского попа в Новгороде во второй четверти XII в., что, несомненно, свидетельствует о существовании католической церкви в это время.

* * *

Количество письменных документов иноземного происхождения, хранящихся в архивах Любека, Гданьска, Риги, Таллинна, Тарту и других городов, значительно превышает отечественный материал такого рода. Датируются они преимущественно XIV—XV вв., характеризуя главным образом новгородско-ганзейскую торговлю. В составе этих источников имеются: материалы ганзейских съездов, переписка ганзейской конторы в Новгороде, скра — устав Немецкого двора в Новгороде; всевозможные торговые и таможенные книги немецких городов, Тевтонского ордена, купеческих фамилий.

Постановления ганзейских съездов. В 70-е годы XIX столетия сначала Исторической комиссией при Мюнхенской Академии наук, затем созданным в 1870 г. Ганзейским историческим обществом было предпринято многотомное издание постановлений ганзейских съездов и всей переписки, связанной с их подготовкой и проведением. Издание состоит из четырех частей, каждая из них включает 7—8 томов, в которых соблюдался строгий хронологический порядок публикации источников: часть I — Die Recesse und andere Akten;

части II—IV — Hanserecesse, сокращенно HR. Тогда же Ганзейское историческое общество начало публикацию различных ганзейских грамот и иных документов (в том числе деловых купеческих писем), вышедших в одиннадцати томах под названием «Hansische Urkundenbuch», сокращенно HUB.

Эти издания — наиболее полная публикация ганзейских документов, которые освещают в основном вопросы запретов по тем или иным причинам торговли с Новгородом, ведения с ним переговоров и заключения торговых договоров, рассмотрения различных конфликтных ситуаций, т. е. всего того, что входит в сферу торговой политики. Вместе с тем среди материалов съездов нередко встречаются документы, непосредственно касающиеся судеб ганзейской конторы в Новгороде, дела которой постоянно обсуждались на съездах.

Значительную часть ганзейских документов составляет разнообразная *переписка* между немецкими купцами, торговавшими в Новгороде, и городскими советами Любека, Висбю, Риги, Ревеля, Дерпта, руководившими ганзейской конторой. Публикация этих материалов началась в середине XIX века в многотомном издании прибалтийских документов Liv-Est- und Curländisches Urkundenbuch (сокращенно LUB). Это 15-томное издание содержит массу документов, главным образом XIV—XV вв. и отчасти XVI в., относящихся к переписке немецких купцов из Новгорода с ливонскими городами. В них находятся самые разнообразные сведения из жизни купцов в чужом городе, об устройстве их быта, о взаимоотношениях с новгородскими властями и жителями города, о положении и состоянии иноземных дворов в периоды ухудшения или полного разрыва торговых отношений. Письма купцов, как любая, в том числе и деловая, переписка, сохранили живые подробности эпохи и интересные факты из жизни ганзейской конторы в Новгороде.

Скра. Важнейшим источником по истории новгородско-ганзейских торговых отношений в целом и ганзейской конторы в Новгороде в частности стала скра — устав Немецкого двора, — известная в семи редакциях.

Образование торговых дворов в чужих землях, несомненно, требовало составления определенных правил торговли и поведения немецких купцов, для чего и была создана скра («Scra», «Schra», «Schrage»), что означает «книга законов», или «судебник». Этот многоплановый источник наиболее полно характеризует устройство дворов, быт купцов, живущих в Новгороде, правила ведения торговли и многое другое.

Первая дошедшая до нас скра датируется первой третью XIII в. * С изменением условий торговли, политической обстановки, торговых взаимоотношений между Новгородом и его западными партнерами, расстановки сил внутри самого Ганзейского союза менялась и новгородская скра. За три с половиной столетия было создано семь редакций этого документа, из которых пять относятся к периоду независимого Новгорода (X—XV вв.), а две последних фиксируют состояние новгородско-ганзейской торговли в XVI—XVII вв.

Все эти редакции можно разделить на две части, одну из которых составляют три первые редакции, содержащие древнейшее право Немецкого двора в Новгороде, каждый раз дополняемое новыми статьями уголовно-юридического и процессуального характера. Ко второй части относятся IV—VII редакции скры, совершенно отличные от трех первых и состоящие главным образом из постановлений, касающихся внешнего распорядка двора и различных решений торгового и правового характера.

Скра неоднократно издавалась разными авторами, но самое полное издание ее редакций, с учетом всех имеющихся списков, заново сверенное с оригиналами, было осуществлено Вальтером Шлютером и предназначено им в качестве подарка XV Археологическому съезду, состоявшемуся в Новгороде в 1911 г. Предполагалось, что это издание в дальнейшем будет переведено на русский язык. Однако до сих пор это намерение не исполнено, хотя данный источник содержит бесценные сведения для истории новгородско-ганзейской торговли на протяжении нескольких столетий.

Еще в середине XIX в. три первые редакции скры были переведены на русский язык И. Е. Андреевским. В 1905 г. на русском языке появилась публикация III редакции скры. Отмечу, что оба русских издания скры грешат неточностями перевода и при работе требуют критического отношения и обязательного сопоставления с оригиналами. В настоящем издании публикуется перевод IV скры, послужившей основой для всех последующих редакций (см. Приложение).

Ганзейские таможенные и торговые книги относятся к числу делопроизводственных документов, содержащих сведения о составе, объеме, ценах на экспортные и импортные товары. Таможенные книги появились впервые в середине XIV в. с целью упорядочения сбора торговых пошлин. В литературе известны таможенные книги Любека, Риги, Ревеля XIV—XV вв., фиксирующие ассортимент и стоимость

* Подробней о содержании каждой редакции скры см. главу IV.

товаров для какого-то конкретного периода. Наряду с таможенными с XIV в. известны и так называемые торговые купеческие книги (название достаточно условно), которые представляют собой записи отдельных ганзейских купцов о проводимых ими торговых операциях. Поскольку такие записи делались купцами для себя (т. е. для личного пользования), они содержат конкретные сведения о товарах, их ценах, о торговых сделках с партнерами, о колебаниях цен на рынке, об изменении спроса, о продавцах и покупателях, т. е. детализируют общую картину торговой деятельности. Для новгородско-ганзейской торговли особенно важны торговые книги отца и сына Виттенборгов. Существовала также торговая книга Тевтонского Ордена, в которой фиксировалось отправление и получение товаров, в том числе и новгородских.

Западноевропейские источники XI—XIII вв. Прямых упоминаний Новгорода в западноевропейских источниках раннего времени (XI—XIII вв.) не встречается, однако существуют некоторые косвенные свидетельства. В «Хронике» Адама Бременского (1070 г.) указано время, необходимое для плавания от Волина, Шлезвига или Бирки (балтийских торговых центров) «до Острограда Руси»: «От Юмна (Волин) 14 дней плавания под парусами до Острограда Руси, столицей которой является Киев». Вряд ли следует сомневаться в том, что речь в данном случае идет о Новгороде, поскольку в сообщении определено говорится именно о морских путях, которыми Новгород издавна был связан с Балтикой. «Хроника» Адама косвенным образом свидетельствует о прямых контактах в XI в. Новгорода с Данией и другими странами, расположенными в Балтийском регионе.

В грамотах Генриха Льва (1142—1180 гг.), Фридриха I Барбароссы (1188 г.), Любекском таможенном уставе (1220-е гг.) дано право беспошлинной торговли в Любеке русским, норвежцам, шведам, готландцам и другим народам Балтийского региона. Очевидно, под русскими в данном случае следует понимать прежде всего новгородцев, учитывая их ранние культурно-исторические контакты с южной Балтикой.

Археологические источники. Для исследования новгородско-ганзейских связей актуальны и материалы археологических исследований Новгорода. Благодаря исключительной сохранности новгородского культурного слоя они обладают двумя важными качествами: массовостью находок и их четкими датировками.

Вещественный материал дает зримое представление, как была устроена ганзейская контора, какие предметы окружали ганзейских купцов в быту, какие товары они привозили в Новгород. Найденные на тех или иных новгородских усадьбах предметы западноевропейского импорта дают основания для выявления купеческих усадеб, владельцы которых вели активную торговлю с ганзейцами, для определения социального статуса усадеб.

Археологический материал, свидетельствующий о западноевропейских связях Новгорода, представлен как массовыми категориями западного импорта, так и индивидуальными находками. К первой группе относятся предметы из цветных металлов, ткани, янтарь, которые исчисляются сотнями и даже тысячами находок. Кроме того, обнаруживаются и другие, не столь многочисленные, категории западного импорта, которые насчитываются десятками экземпляров. В их числе фрагменты оконного стекла, стеклянных сосудов, стеклянные перстни и хрустальные вставки, оправы стеклянных зеркал.

Выявленные при раскопках массовые категории западного импорта характеризуют состояние и динамику новгородских связей на протяжении X—XIV вв., фиксируя при этом периоды подъема и спада в ввозе западных товаров. Слои XV в. из-за плохой сохранности изучены в Новгороде неравномерно, поэтому находки в слоях этого времени не отражают реальной картины импорта.

Наряду с массовыми категориями западного импорта в огромной вещевой коллекции из раскопок Новгорода содержится несколько десятков разного рода единичных западноевропейских изделий, в числе которых имеются предметы быта, письменности, досуга, культа, товарные пломбы, украшения. С ганзейским импортом связаны находки остатков дубовых бочек (днищ и клепок) с западноевропейскими купеческими знаками собственности. В таких бочках ганзейские купцы доставляли в Новгород свои товары.

Анализ всех импортных категорий показывает, что самыми массовыми являются те из них, которые были необходимы для развития собственного ремесла. К ним относятся цветные металлы и янтарь, количество которых, как отмечено выше, исчисляется в тысячах экземпляров. Стеклянные изделия, украшения из камня представлены лишь сотнями, а чаще десятками экземпляров. Таким образом, уже статистика импортных находок дает возможность делать объективные выводы о характере новгородской торговли, ~~которая была направлена на доставку сырья.~~

Совершенно очевидно, что археологически выявлены не все статьи новгородского импорта. Такие известные по письменным источникам товары, как соль, сельдь, вино, а также предметы вооружения, кони и некоторые другие, не оставили следов в культурном слое города. Однако полученные при анализе археологического материала выводы могут быть распространены на развитие западноевропейских связей Новгорода в целом, поскольку массовые импортные находки объективно отражают развитие торговых связей.

В 1968—1970 гг. впервые были проведены археологические исследования на месте Готского двора, окончательно уточнившие местоположение и впервые давшие конкретные сведения об его устройстве. В ходе раскопок была исследована часть территории Готского двора общей площадью 542 кв. м, на которой были обнаружены остатки частоколов, нескольких деревянных и одного каменного сооружений и собрана коллекция западноевропейских предметов. (Подробнее об этом см. в главе IV.)

Исследования о новгородско-ганзейских связях

(обзор литературы)

Важнейшим толчком для изучения в России новгородско-ганзейской торговли послужила публикация в 1801—1808 гг. немецким историком Г. Сарториусом многочисленных ганзейских документов, снабженных авторским комментарием и значительно дополненное им второе издание этой книги, которая была подготовлена к печати С. Н. Лаппенбергом уже после смерти Сарториуса. Многие документы, опубликованные в названных работах, касались новгородско-ганзейских взаимоотношений и истории немецкого двора в Новгороде, что надолго обусловило интерес историков к указанной теме.

В русскую историческую науку эти материалы были впервые введены в конце 30-х гг. XIX в. С. Строевым, который осуществил частичный перевод работ Сарториуса на русский язык. В те же годы в статье Шлецера были даны характеристика Любекского архива и обзор торговли между Новгородом и Любеком, причем автор подчеркивал ведущую роль Новгорода в этой торговле и второстепенное значение Любека.

Своеобразным итогом изучения истории новгородской торговли в первой половине XIX в. стала книга М. Славянского «Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком», в которой автор, основываясь на изданных к тому времени русских

и иностранных источниках, дал полный обзор торговых взаимоотношений между Новгородом и Западом с подробными выдержками из скры и других документов. В конце работы описаны торговые пути и перечислен ассортимент западного ввоза и новгородского вывоза. Хотя эта книга по сути носит фактологический (а не исследовательский) характер, заслуживает внимания предпринятый Славянским анализ проекта договора между Новгородом и немецкими городами. Отмечу также высказанное им возражение против распространенного в то время среди иностранных историков мнения о чрезмерном влиянии иноземной торговли на развитие русских земель. Культуртрегерская миссия иностранных, особенно ганзейских, купцов в России стала на долгие годы одним из предметов споров между историками.

К середине XIX в. относятся работы И. Е. Андреевского, опубликовавшего параллельные тексты на нижненемецком, немецком и русском языках проекта договора 1270 г. Новгорода с немецкими городами и Готландом. Издание документа снабжено подробным авторским комментарием. Кроме того, здесь же была опубликована скра Немецкого двора в нескольких редакциях также с параллельными текстами на трех языках. Другая книга Андреевского была посвящена правам иностранцев в России, где большой раздел, основанный на материалах скры, характеризует права иноземных (в основном ганзейских) купцов в Новгороде. Названные работы Андреевского содержат много фактического материала, который и сейчас может быть использован при изучении новгородско-ганзейской торговли.

В первой половине XIX в. на многие десятилетия вперед определилось основное направление в изучении новгородской торговли. Главное внимание историков было приковано к исследованию торговых отношений Новгорода с западноевропейскими партнерами, и прежде всего с Ганзой, а также к истории иноземных дворов в Новгороде. Это обусловлено наличием и состоянием источников, среди которых, как отмечено выше, большую часть составляют разнообразные документы Ганзейского союза, таможенные книги иностранных купцов, договоры Новгорода с Готландом и немецкими городами, скра (устав) Немецкого двора в семи редакциях.

Во второй половине XIX в. база изучения внешней торговли Новгорода постоянно пополнялась новыми документами. Начиная с 50-х гг. регулярно издаются разнообразные ганзейские и прибалтийские актовые материалы, содержащие сведения о западноевропейских торговых связях Новгорода, что вызывало новые исследования в данной области. К этому времени относится деятельность ведущих

исследователей средневековой новгородской торговли М. Н. Бережкова и А. И. Никитского. Самое полное и детальное описание торговых связей Новгорода с Готландом и Ганзой принадлежит в это время М. Н. Бережкову. Главное место в его обобщающем труде «О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.» (1879 г.) уделено новгородской торговле. В нем автор подробно исследует начало и развитие торговых отношений Новгорода с Западом еще в доганзейский период, переходя затем к всестороннему, документированному многочисленными источниками описанию новгородско-ганзейских связей и иноземных дворов в Новгороде. Хотя книга Бережкова, как и большинство работ того времени, носит описательный характер, она, в отличие от многих из них, содержит элементы анализа и систематизации использованных источников, критический обзор предшествующей литературы по истории новгородской торговли, а также характеристику денежного обращения.

Перу А. И. Никитского, который в течение всей жизни занимался экономическим бытом Новгорода и Пскова, принадлежит несколько работ по торговле Новгорода. Основополагающий труд А. И. Никитского — «История экономического быта Великого Новгорода» (1893 г.). В нем исследователь впервые объединил сведения из различных документов для создания возможно более полной картины экономической жизни средневекового Новгорода. Наиболее полно и подробно в работе Никитского изучена западная торговля Новгорода: состав товаров и источники их получения, торговые пути, правовое положение иноземных купцов в Новгороде, иноземные дворы и их статус. Никитский первым отметил активную деятельность новгородцев в торговле с Ганзой и обратил внимание на их попытки ввести ограничения в ганзейскую торговлю.

Исследование А. И. Никитского как бы подвело итог изучению истории новгородско-ганзейской торговли в отечественной историографии XIX в. После этого вплоть до второй половины XX в. не было специальных работ по данной проблематике, хотя отдельные аспекты новгородско-ганзейских связей находили отражение во многих общих работах по древнерусской истории. Большую роль в пробуждении активного внимания к указанной тематике сыграло издание многочисленных актовых документов, среди которых основными были договорные грамоты Великого Новгорода с западными контрагентами, а также различные памятники русского права.

Первой среди исследователей нового времени, обратившихся к истории новгородской торговли, была Н. А. Казакова, выбравшая

темой своих многолетних исследований торговую политику Древней Руси, в частности Новгорода, в отношении западных партнеров. Эта тема разрабатывалась автором в различных статьях и завершилась монографией «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI вв.» (1975 г.), в которой значительное место занимают взаимоотношения Новгородской республики с Ливонией и Ганзой. Торговая политика Новгорода по отношению к его западным контрагентам разработана исследовательницей основательно, с тщательным анализом всех известных к тому времени памятников. Казаковой удалось проследить историю торговых связей Новгорода с Западом в пору расцвета новгородской государственности, установить все изменения, происходившие в торговой политике Новгорода, связать усиление или уменьшение активности в новгородской торговле с внешнеполитическим положением республики. Автор привела многочисленные примеры попыток Новгорода ограничить преимущества ганзейских купцов в торговле, требований новгородцами установления твердых цен. Одним из главных показателей увеличения активной торговли Новгорода Казакова называет требование новгородцев в 20—30-е гг. XV в. «чистого пути за море», что, по мнению автора, свидетельствует о росте внешней торговли Новгорода в это время. О влиянии, которым пользовался Новгород на севере Европы в указанный период, говорят, по ее мнению, и новгородско-датские переговоры 1428 г.

Интересны наблюдения Н. А. Казаковой над начальными текстами новгородско-немецких договоров XII—XV вв. Представители купечества появляются в них только со второй половины XIV в., а с конца первой четверти XV в. кроме купеческих старост в заключении договоров регулярно участвуют еще и «дети купеческие», и купцы, что было, по мнению Н. А. Казаковой, следствием подъема внешней торговли Новгорода и возросшей в связи с этим роли купечества в его торговой политике. Работами Н. А. Казаковой в значительной степени исчерпана тема торговой политики Новгорода и торговых взаимоотношений с западными странами в XIV—XVI вв.

Гораздо сложнее обстоит дело с другими разделами новгородской торговли, плохо обеспеченными источниками, и прежде всего с выяснением конкретной торговой деятельности новгородских и ганзейских купцов. Особого внимания в этой связи заслуживают исследования М. П. Лесникова, который привлек в качестве источников по истории новгородской торговли практически не использованные до него торговые книги Тевтонского ордена и ганзейских

купцов, в частности деловой архив Фекингусенов, что позволило обратиться к малоизученным проблемам. Автор проанализировал уровень цен в Новгороде и на Западе, в результате чего пришел к, казалось бы, неожиданному выводу о несущественной разнице между ними, что в свою очередь свидетельствует о незначительности прибылей, получаемых ганзейскими купцами от торговли с Новгородом. Этот вывод Лесникова подвергнут сомнению в литературе, что делает необходимым дальнейшее исследование поставленной им проблемы. Лесникову принадлежит также ряд интересных наблюдений над происхождением некоторых сортов пушнины и серебра. Представляется важным и обращение историка, несмотря на подчеркнутую им «скудость источников», к рассмотрению конкретной торговой деятельности, а не только правовых норм ведения торговли. Анализ источников позволил Лесникову решительно возразить против распространенного в западной исторической литературе взгляда на Новгород как на пассивный «колониальный придаток» Ганзы.

Существенный вклад в изучение новгородской торговли со странами Прибалтики и Западной Европы в XIV—XV вв. внесла А. Л. Хорошкевич, обратившая особое внимание на состав товарооборота в западной торговле Новгорода. В конце 50-х гг. появился ряд ее статей о торговле в Новгороде импортными тканями, благородными металлами, о вывозе воска, одного из главных предметов новгородского экспорта. Впоследствии эти работы легли в основу монографии, где всестороннему анализу были подвергнуты главные, устанавливаемые по письменным источникам, статьи новгородского вывоза (пушнина, воск, кожа) и ввоза (ткани, соль, благородные и цветные металлы, сельдь и др.). Для каждой из названных импортных и экспортных категорий Хорошкевич определила места их происхождения или изготовления, выяснила сорта пушнины и тканей, качество других товаров. Несомненной заслугой исследовательницы является определение ею круга поставщиков экспортных товаров и потребителей предметов импорта, что позволило автору осветить в некоторой степени общее экономическое положение Новгорода. Заслуживает внимания предпринятая ею попытка определить, насколько позволяли письменные источники, динамику новгородского ввоза и вывоза некоторых товаров. В круг интересов А. Л. Хорошкевич входили и отдельные правовые проблемы новгородской торговли. В частности, она подвергла тщательному анализу проект договора 1269 г. между Новгородом и немцами, кроме того, издала и прокомментировала две неизданные грамоты.

Некоторые частные аспекты истории новгородской торговли освещал в своих статьях И. Э. Клейненберг, разрабатывавший главным образом различные правовые вопросы, проблемы метрологии торговли, существование заемного процента в Новгороде.

В последней четверти XX в. активизировалось исследование новгородско-скандинавских связей, основанное на новых переводах и комментариях исландских саг и рунических надписей. Т. Н. Джаксон в одной из статей прокомментировала все сведения саг, касающиеся торговли Новгорода. Остроумна гипотеза Е. А. Мельниковой, рассмотревшей возможность заключения в 1024—1028 гг. торгового мира между Ярославом Мудрым и норвежским королем Олавом Харальдсоном.

Непреходящий интерес у историков вызывает описанный в НПЛ под 1188 г. конфликт между новгородскими и немецкими купцами. Со времен Карамзина, первым обратившим внимание на это сообщение, появилось немало работ, посвященных анализу и интерпретации данного летописного текста, дискуссионный характер которого вызван неоднозначностью перевода слов «рубаша», «Хоружек» и «Новоторжец» и общего понимания происшедшего конфликта.

Что касается размещения в Новгороде иноземных дворов, то долгое время не существовало единого мнения об их числе и конкретном местоположении, хотя иноземные дворы давно находятся в поле зрения исследователей. После раскопок Готского двора удалось локализовать его на берегу Волхова, а новое обращение к письменным источникам позволило точнее определить и местоположение Немецкого двора в Новгороде.

Развитие западноевропейских, и в первую очередь ганзейских связей Новгорода, история и устройство ганзейской конторы в нем стали темой научных исследований автора данной книги.

Особое значение для изучения новгородско-ганзейских отношений имеет исследование Е. Р. Сквайрс и С. Н. Фердинанд, посвященное новгородско-ганзейским языковым контактам. Авторы впервые подвергли лингвистическому и филологическому анализу большой комплекс ганзейских документов, в числе которых договоры с Новгородом, скра Немецкого двора, переписка ганзейских купцов, посольские отчеты и др. На основе изучения их формуляров, языка и стиля исследовательницы выявили в ганзейских грамотах и письмах значительное число заимствований из русского языка, разработали систему оценки источников, которая позволяет установить время и место их создания. Несомненно, эта новаторская

по сути работа немало способствует дальнейшему углубленному исследованию различных сторон истории новгородско-ганзейских контактов.

* * *

Изданные в XIX в. разнообразные ганзейские и ливонские источники содержат немало сведений о торговле Новгорода с Западной Европой, что привлекло внимание иностранных ученых к изучению западноевропейских торговых связей Новгорода и особенно его взаимоотношений с Ганзой. Уже сама публикация ганзейских и прибалтийских документов сопровождалась комментариями издателей, обращавших особое внимание на Новгород. Начало этой работе положили Г.Ф. Сарториус и С.М. Лаппенберг, а продолжили Ф.-Г. фон Бунге, Г. Гильдебранд, К.Э. Напиерский, К. Коппман, В. Шлютер и другие исследователи, издававшие разнообразные ганзейские и ливонские источники. Следует отметить, что авторы комментариев часто бывали субъективны в своих оценках западноевропейской торговли Новгорода и не всегда точны в толковании текстов. Например, К. Коппманн в предисловии к первой части издававшихся им ганзейских рецессов и других актов отметил существование в Новгороде трех иноземных дворов и трех церквей иноземных купцов: св. Олафа, св. Николая и св. Петра. Однако в действительности в средневековом Новгороде было только два торговых двора иноземцев: Готский с церковью св. Олафа и Немецкий с церковью св. Петра. Указания К. Коппманна на третий двор и немецкую церковь св. Николая ошибочны из-за неверного толкования источника. Хотя многие историки подходили критически к этому сообщению автора, указанный комментарий издателя породил и в русской, и в зарубежной литературе путаницу относительно числа и местоположения иноземных дворов в Новгороде.

Наличие и состояние источников обусловили и выбор тем, разрабатываемых иностранными учеными. Наиболее изученными стали история Немецкого двора в Новгороде и развитие новгородско-ганзейских отношений.

Первым исследователем Немецкого двора в Новгороде был Г. Ризенкампф, давший общий обзор истории торговой фактории немецких купцов в Новгороде. В двух небольших книжечках В. Бука особенно подробно исследована история немецкой конторы в первое столетие ее существования; ее возникновение автор относит к последним десятилетиям XII в., что вполне согласуется с развитием

новгородско-немецких торговых отношений. Исследователя отличает корректное отношение к источникам.

Для последнего периода существования Немецкого двора представляет интерес статья Г. Гильдебрандта о закрытии конторы в Новгороде в 1494 г., написанная автором на основе изданных им отчетов дерптского и ревельского послов. В статьях Р. Хаусманна и П. Остен-Закена также обращено внимание на последний этап в истории новгородской ганзейской конторы, когда руководство ею полностью переходит к ливонским городам Риге, Дерпту, Ревелю.

Для хронологии этапов и общей схемы развития торговой фактории ганзейцев важна работа М. Гурланда, создавшего периодизацию истории ганзейской конторы, основой которой (периодизации) являлась смена руководства. Первоначально оно находилось в руках Висбю, затем в конце XIII в. к нему присоединился Любек, после чего со второй половины XIV в. активное участие в управлении конторой принимают ливонские города. К последним с середины XV в. переходит вся полнота власти над немецким двором в Новгороде. Эта схема была впоследствии принята почти без изменений историками Ганзы.

В дальнейшем вопросы, связанные с историей ганзейской конторы в Новгороде, рассматривались в общих исследованиях по новгородско-ганзейским связям. Из специальных работ второй половины XX в. отмечу статью Г. Свенстрёма о значении и истории Готского и Немецкого дворов в Новгороде. Описание конторы св. Петра в Новгороде содержится в статье П. Йохансена, посвященной купеческим церквям в прибалтийских областях. Чешский исследователь О. Халага также дал общий обзор купеческих церквей в Западной Европе и описание двора св. Петра в Новгороде.

Что касается новгородско-ганзейских отношений в целом, то первой в этой области можно назвать работу Э. Херманна, вышедшую в первой половине XIX в. Следующие специальные труды по торговле Новгорода с Ганзой появились лишь в конце XIX в. Характеристика новгородско-ганзейских торговых отношений, начало которых автор относит к первой половине XI в., нашла место в обзорном сочинении А. Винклера «Немецкая Ганза в России».

В первой половине XX в. наиболее полное и подробное исследование русско-ганзейских торговых связей, большая часть которых посвящена новгородской торговле с Ганзой, содержится в двух фундаментальных трудах Л. К. Гётца. В монографии о немецко-русских торговых договорах наряду с их источниковедческим анализом дан

подробный комментарий автора о развитии торговых отношений Новгорода с Западной Европой. Вторая работа Л. К. Гётца, посвященная развитию немецко-русской торговли в целом, до сих пор остается самой основательной в зарубежной исторической литературе. Существенным ее отличием от многих других зарубежных трудов является использование автором русских источников и знакомство с русской литературой по выбранной теме. Более важное отличие книги Гётца состоит в том, что он первый среди западноевропейских ученых подошел к комплексному изучению русско-ганзейских связей, уделяя внимание и составу товаров, и истории немецкой конторы, и торговым путям. Раздел о Новгороде делится на хронологическую и систематическую части. В первой из них историк последовательно описывает этапы развития торговых отношений Новгорода с Готландом и Ганзой, полностью принимая периодизацию истории немецкой конторы, предложенную М. Гурландом, и распространяет ее на всю историю новгородско-ганзейских связей.

Знакомство Л. К. Гётца с русской литературой нашло отражение в его теоретических построениях. Как и большинство русских историков XIX — начала XX в., он считал торговлю определяющим элементом как во внутренней, так и во внешней жизни Новгородской республики. Более того, даже политика Новгорода в отношении князей определялась, по его мнению, торговыми интересами города. Что касается характера новгородско-ганзейских отношений, Гётц не согласен с широко распространенным среди немецких историков мнением о пассивной роли Новгорода и приводит примеры активных действий новгородцев в ганзейской торговле.

Заметный вклад в изучение новгородской истории, в том числе его торговли, внес в 50—60-е годы XX в. германский историк П. Йохансен. Кроме уже упомянутых работ, содержащих описание Готского и Немецкого дворов в Новгороде, им написаны две статьи, посвященные Новгороду. Заслуга Йохансена состоит прежде всего не в аналитическом исследовании торговых связей Новгорода с Ганзой, а в том, что он после долгого перерыва обратил внимание западных историков на необходимость дальнейшего изучения новгородско-ганзейских торговых отношений. При этом автор подчеркивал, что, несмотря на основополагающие труды Л. К. Гётца и другие работы, остается еще много пробелов в этой области. Важна мысль историка, что положение и значение Ганзы в Новгороде можно правильно оценить только после подробного изучения истории Новгорода и особенностей развития этого города.

Цели и задачи будущих исследований по указанным проблемам сформулированы Йохансенем в обзорной статье «Новгород и Ганза», где он дал краткий очерк истории Новгорода, его торговых связей с Готландом и Ганзой, торговых путей к Новгороду, рассказал о дворах и организации жизни в них. Касаясь вопроса о влиянии Ганзы на развитие Новгорода, Йохансен, хотя и призывал к осторожности в решении этой проблемы, тем не менее считал, что высокий культурный уровень Новгорода и Пскова был связан с их близким соседством с Западом.

Другая статья историка касается непосредственно ганзейской торговли с Россией и особенно с Новгородом, в которой автор оригинально решает вопрос о значении торговли для Ганзы и Новгорода, утверждая, что в раннем средневековье преобладала торговля предметами роскоши, поэтому развитие торговли во многом зависело от моды и от вкусов покупателей, а не от экономического развития. Кроме того, Йохансен анализирует вопрос об активности и пассивности ганзейской торговли на русском востоке и приходит к выводу, что поскольку ганзейские купцы постоянно доставляли в Новгород свои товары, то новгородская торговля постепенно утратила свой активный характер, в то время как ганзейская торговля всегда оставалась активной.

История новгородско-ганзейских отношений — предмет пристального внимания современного немецкого историка Н. Ангерманна, который постоянно следит за всей выходящей по этой теме в России литературой, реферирует ее и активно использует в своих статьях.

Специальное исследование о немецко-русской торговле в ранний период (до XIII в.), большая часть которого касается немецко-новгородской торговли, посвятил В. Реннкамп. Автор подробно рассмотрел ранние торговые договоры Новгорода и предложил свою датировку самого первого из них.

Перечисленными работами исчерпываются специальные исследования по истории новгородско-ганзейской торговли, имеющиеся в западной литературе. Вместе с тем проблемы новгородско-ганзейских отношений находят отражение в многочисленных общих исследованиях по истории Ганзы, Готланда, Тевтонского ордена. Представляют также интерес исследования ганзейских торговых путей в Новгород.

* * *

С началом систематического археологического исследования Новгорода источниковая база изучения средневековой новгородской торговли, и в частности новгородско-ганзейских связей, значительно расширилась. Обнаруженные при раскопках категории массового импорта (цветной металл, янтарь, стекло, ткани), некоторые категории находок и индивидуальные изделия западноевропейского происхождения стали предметом специальных исследований разных авторов. Массовые категории западноевропейского импорта были проанализированы в моей работе «Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв.» (1978 г.), где впервые был собран и исследован массовый археологический материал, объективно отражающий европейские связи Новгорода в X—XIV вв.

Наиболее полная сводка индивидуальных западноевропейских предметов из цветных металлов и их характеристика содержатся в работе М. В. Седовой «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)».

Некоторые особенно интересные импортные изделия и произведения прикладного искусства западноевропейских мастеров сразу после их обнаружения становились предметом отдельных публикаций. Их авторы были заняты атрибуцией, источниковедческой и искусствоведческой характеристикой этих предметов. Образцом анализа археологических находок, ставших источником для интересных исторических наблюдений, является статья Ю. Л. Шаповой о двух обломках венецианских сосудов, найденных в Новгороде

Большое значение для характеристики цветных металлов, одной из основных категорий сырьевого импорта, имела работа А. А. Коновалова по определению состава сплавов изделий из цветных металлов. Спустя 30 лет после смерти автора его работа была опубликована в полном объеме, что дает в руки современных исследователей полноценные сведения об одной из важнейших статей ганзейского импорта.

ГЛАВА II

НОВГОРОД В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В X—XII вв.

Новгород основан в регионе, который с VIII в. находился в зоне активных балтийских контактов, и прежде всего с южнобалтийским побережьем. Давним связям с европейским западом и севером Новгород обязан своим происхождением и местоположением на перекрестке важнейших водных путей (путь «из варяг в греки» и балтийско-волжский путь). Судя по топографии кладов арабских монет, оба эти пути сходились в озере Ильмень и шли далее через Новгород по Волхову в Балтийское море, благодаря чему Новгород непосредственным образом был связан как с европейским севером и западом, так и с востоком, и с югом (рис. 1).

Западнославянское направление (X—XI вв.)

Начало торговым отношениям Новгорода с западными соседями и странами, расположенными в балтийском регионе, было положено его связями с коренным славянским населением южной Прибалтики. Еще на рубеже XIX—XX вв. исследователи обращали внимание на некоторые черты в языке, религиозных верованиях, обычаях и преданиях, роднящих население Новгородской земли с западными славянами. За последние десятилетия накопился разнообразный материал, который существенно пополняет давние наблюдения. Согласно новейшим исследованиям в области археологии, антропологии, лингвистики славянское заселение северо-запада Восточной Европы (будущие территории Новгородской и Псковской земель) шло сложными путями. Кроме южного потока (из Приднепровья), который традиционно считался единственным путем продвижения славян на Северо-Запад, значительная часть славян пришла в этот регион с южного побережья Балтики, из области расселения западных славян.

Археологические материалы, проанализированные В.В. Седовым, указывают на миграцию населения из Средней Европы (бассейн

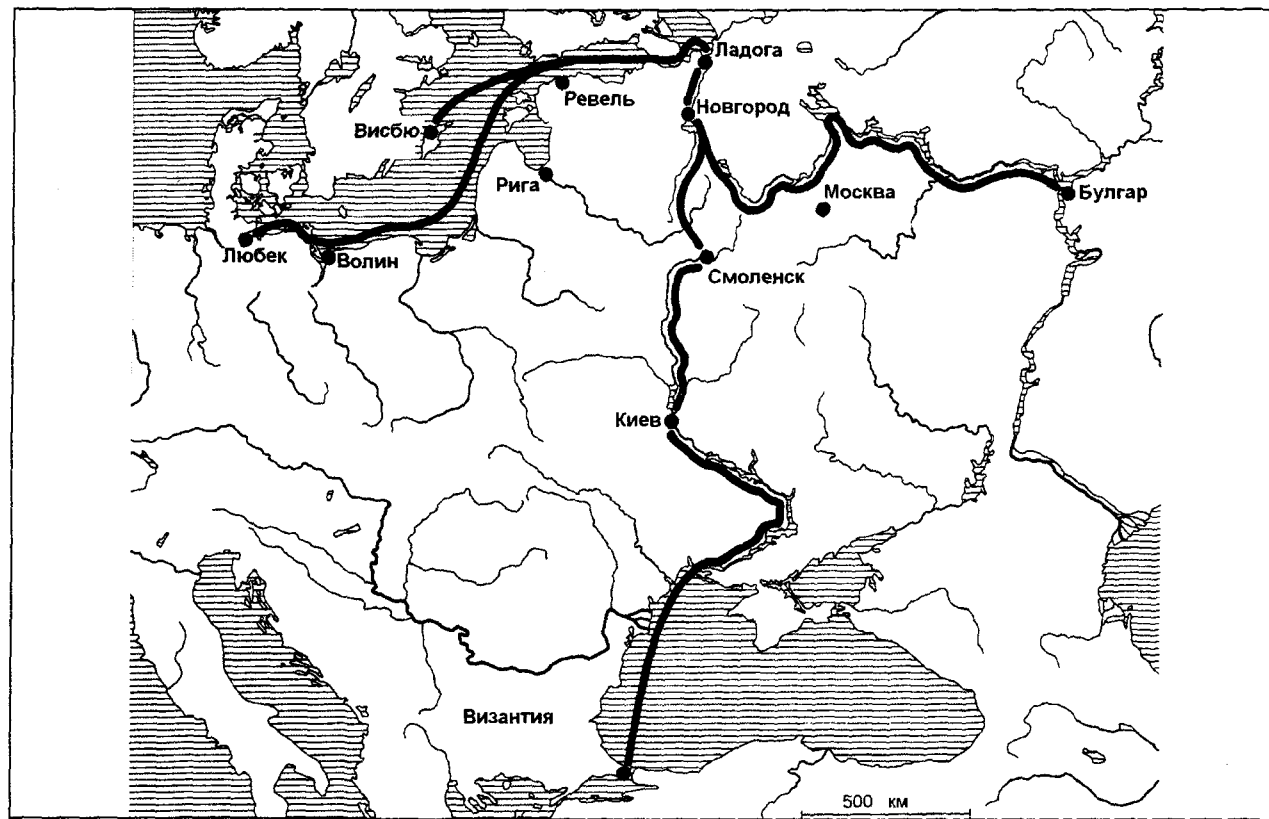

Рис. 1. Карта основных торговых путей и партнеров Новгорода

Вислы) в северо-западный регион Восточной Европы. Данные палеоантропологии, привлеченные автором, также свидетельствуют о генетической связи новгородских словен с балтийскими славянами. Особое значение в связи с этим имеют выявленные А. А. Зализняком при лингвистическом анализе берестяных грамот особенности древненовгородского диалекта, которые существенным образом отличают его от южнорусского, и прежде всего в ранний период (XI—XII вв.). Характерной чертой древненовгородского диалекта является наличие в нем ряда признаков (зафиксировано уже около 30) в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, большинство которых связаны с западнославянскими, преимущественно севернолехитскими, языками. Примечательно, что с находками новых грамот XI—XII вв. число этих признаков увеличивается.

Поселившись в бассейне озера Ильмень, выходцы из южной Балтики не утратили связи со своей «прародиной». Тесные контакты Новгорода и Новгородской земли с западнославянскими землями демонстрируют разнообразные нумизматические и археологические материалы.

1. Озеро Ильмень с истоком Волхова были главными воротами, через которые восточное серебро из стран арабского халифата поступало в IX—X вв. в Западную Европу. Топография кладов арабских монет показывает, что большая часть их в IX в. оседала в Новгородской земле и западно-славянских землях (Померания, Восточная и Западная Пруссия), причем состав этих кладов был идентичен. Последнее обстоятельство, несомненно, свидетельствует о том, что указанные территории находились в непосредственном контакте друг с другом и восточное серебро через Новгородскую землю «уходило» в южную Балтику. Отмечу, что на севере Европы (на Готланде и в Швеции) для этого времени зафиксировано лишь три клада восточных монет. Зато позднее ситуация кардинально изменилась, и «отлив» восточного серебра в X в. происходил на Готланд, в Швецию и в Норвегию, где (по данным на 1950-е гг.) обнаружено 73 клада арабских монет, т. е. в это время происходит установление постоянных прямых контактов между названными регионами и Новгородом.

2. В XI в. начинается активный ввоз в Новгородскую землю западноевропейских монет, где, как отмечают специалисты, сосредоточено наибольшее количество кладов с денариями, происходящих с территории Восточной Европы. Монетный состав западноевропейских кладов указывает на то, что главными поставщиками серебра

в Новгород были Германия, Англия и Дания, монеты которых преобладают в кладах, обнаруженных в Новгородской земле. Тот же состав наблюдается в кладах западноевропейских монет, обнаруженных на территории Померании и Пруссии, т. е. на южном побережье Балтики, что лишний раз свидетельствует о «безусловном родстве» этих кладов и непосредственных контактах северо-западной Руси с западнославянскими землями.

3. В связи с последними исследованиями о происхождении Новгорода становятся понятными давние наблюдения В. Л. Янина, установившего существенную разницу между северо-западной (по существу новгородской) и южной денежно-весовыми системами. Особое значение приобретает сделанный им в начале 50-х годов XX в. вывод о тесной связи северо-западной системы с западноевропейской, в отличие от южнорусской, ориентированной на византийскую денежную систему. Как писал исследователь, Новгород усвоил западную весовую систему, послужившую основой для создания собственного денежного счета, еще до того, как стал получать западноевропейский денарий.

4. Об устойчивых связях Новгорода с южно-балтийским побережьем в раннее время свидетельствует состав сплавов изделий из цветных металлов. При их металлографическом анализе, проведенном А. А. Коноваловым, обнаружилось, что сплавы новгородских изделий X—XI вв. тождественны сплавам подобных изделий, происходящих с южно-балтийского побережья.

5. При раскопках Городища (Рюрикова) и в Поозерье были обнаружены различные материалы IX в. западнославянского происхождения. Среди них хлебные печи, двушипные наконечники стрел, некоторые типы керамики, имеющие прямые аналогии в материалах польского Поморья. Подобные предметы обнаруживаются также в самых ранних городских слоях, которые датируются в Новгороде серединой — второй половиной X в.

6. По наблюдениям В. И. Поветкина, музыкальная культура и состав музыкальных инструментов Новгорода и Киева были различны, в то время как между Новгородом и западнославянскими землями в этой области проявляются черты сходства. В частности, конструктивные особенности музыкальных инструментов, прежде всего гуслей, найденных в Новгороде, Гданьске и Ополе, имеют одинаковое устройство и восходят к общим корням.

Перечисленные факты делают несомненным наличие тесных культурно-исторических и, возможно, торговых контактов между

Новгородской землей и ее центром Новгородом и западнославянскими землями в раннее время, а именно в IX—XI вв.

Скандинавские связи (IX—XI вв.)

Балтийско-днепровская и балтийско-волжская водные магистрали стали теми путями, по которым в IX в. двигались скандинавы, осваивая новые территории для торговли. Еще до образования собственно Новгорода в истоке Волхова, на его правом берегу, в IX в. существовало торгово-ремесленное поселение, контролировавшее путь «из варяг в греки», известное в источниках под названием Городище. Именно здесь поселился со своей дружиной варяжский князь Рюрик, призванный в 859 г. местными племенами. С тех пор Городище стало местопребыванием князя (княжеской резиденцией) в течение нескольких столетий. Оно и было предшественником Новгорода, то есть Нового города, в этом регионе.

Начавшиеся в IX в. контакты Новгорода с северной Европой носили в дальнейшем не только торговый, но и политический характер, что нашло отражение в упомянутом призвании варяжского князя, политических союзах, династических браках. На несомненное присутствие скандинавов указывают многочисленные находки скандинавских предметов на Городище под Новгородом. Примечательно, что хотя скандинавские предметы известны здесь с IX в., наибольшее их число приходится на X в., когда на Городище прочно обосновалась княжеская резиденция с дружиной, состоящей из скандинавов.

Отдельные скандинавские находки обнаружены и в самом Новгороде в слоях X—XI вв. В их составе две скорлупообразные фибулы, подвеска с молоточками Тора и ладьевидная подвеска, круглая ажурная привеска с орнаментом в виде сплетенных звериных туловищ, овальная ажурная накладка, бронзовые наконечники ножен меча, обломок кости с рунической надписью, костяная проколка с орнаментированной плоской головкой, фрагмент железной крученой гривны с молоточком Тора.

Столь малое число скандинавских предметов в составе огромной вещевого коллекции, собранной за годы раскопок в Новгороде, говорит об исключительном характере каждой такой находки на территории города. Перечисленные скандинавские изделия не дают основания для вывода о присутствии скандинавского элемента в населении города, тем более о локализации скандинавов в том или ином районе Новгорода, поскольку эти районы в большей или меньшей степени уже охвачены археологическими исследованиями. Эти находки

не могут быть причислены также к предметам торговли, и каждая из них требует индивидуального подхода при объяснении причин их появления в Новгороде.

К сожалению, новгородско-скандинавские торговые связи практически не фиксируются археологически, а единичные находки скандинавских вещей в Новгороде являются лишь косвенным свидетельством этих связей. Вместе с тем, несомненно, скандинавские изделия, найденные в Новгороде, служат все-таки неким (слабым) индикатором новгородско-скандинавских контактов, зафиксированных в сфере политики и в торговле.

Новгородско-скандинавские торговые связи нашли отражение в скандинавских сагах. Особый интерес представляют саги, в которых рассказывается о норвежских купцах, приезжавших в Новгород за товарами и называвшихся Хольмгардсфари, т. е. купцами-путешественниками в Новгород. В одном из отрывков саги «Книга о взятии земли» рассказывается о купце — Хольмгардсфари Бьёрне, прозванном Меховым, потому что он ездил в Новгород и привозил оттуда пушнину. В «Саге о фарерцах», записанной около 1220 г., но сохранившейся в рукописи конца XIV в., рассказывается о событиях X в., в частности об одном норвежском купце по имени Хравн, который постоянно ездил в Хольмгард (Новгород) и назывался поэтому Хольмгардсфари.

В «Круге земном», своде саг о норвежских конунгах, содержится рассказ о некоем Гудлейке Гардском, который был купцом и совершал торговые поездки в разные земли, в том числе и на Русь. Далее сага рассказывает, что Гудлейк отправился в Хольмгард, чтобы приобрести там по просьбе конунга Олава «драгоценные ткани, которые, он думал, пойдут конунгу на торжественные одежды», «дорогие меха» и «роскошную столовую утварь».

Особый интерес представляют саги, в которых Новгород назван «торговым городом», что является исключительным случаем, поскольку никакой другой из двенадцати древнерусских городов, упомянутых в скандинавских сагах, так не именуется. Несомненно, интересны и саги, рассказывающие об Олаве, будущем норвежском короле с 994 по 999 г., который в детстве жил в Новгороде. Рассказывая о нем, сага упоминает и новгородский торг X в.

Судя по перечисленным фактам, скандинавские купцы, и прежде всего норвежские, постоянно ездили в Новгород за высококачественной пушниной, которая поступала в город в виде дани из северных территорий. Археологические находки деревянных пломб,

запечатывавших мешки с данью, свидетельствуют о том, что уже в XI в. Новгород получал пушнину с устья Ваги и из района реки Тихменга, находящихся далеко за пределами ядра Новгородской земли. На новгородском торге скандинавы покупали также предметы роскоши (драгоценные ткани, дорогую столовую посуду, очевидно, и другие товары) из Византии, стран Ближнего и Среднего Востока. Нередко поездки купцов были не только личной инициативой купцов, но санкционировались государством.

Готланд, Дания (X—XII вв.)

Центром международной торговли в средневековой Европе была Балтика — область взаимодействия различных народов, населявших прибалтийские земли. Долгое время ведущее положение в торговых связях Балтики занимал остров Готланд, находящийся почти в центре Балтийского моря и в политическом отношении практически независимый ни от одной из Прибалтийских стран (рис. 2). В силу своего географического положения на протяжении X—XII вв. он был промежуточной «станцией» на торговых путях Балтийского и Северного морей. На Готланде непременно останавливались все купцы, ведущие торговлю в балтийском регионе (рис. 3). В X в. устанавливаются прямые контакты Новгорода с Готландом, центром балтийской торговли в раннее время, и Швецией, что документировано обилием в указанных регионах кладов арабских монет, попадавших туда через Новгород. О связях Новгорода с Данией в XI в. свидетельствует на страницах своей «Хроники» Адам Бременский, сообщая о поездках в Остроград (Новгород) и о женитьбе новгородского князя Ильи на датской принцессе.

Судя по археологическим находкам, в X—XI вв. в Новгороде были широко распространены ткани английского производства. Речь в данном случае, очевидно, не идет о прямых контактах между Новгородом и Англией. Английские ткани, скорее всего, поступали в Новгород тем же путем, что и монеты английской чеканки, т. е. через южную Балтику. Но сам факт бытования английских товаров в Новгороде в X—XI вв. несомненен и заслуживает внимания.

Несмотря на малочисленность источников о связях Новгорода в ранний период, их общее направление и характер определяются достаточно надежно. В X—XI вв., несомненно, существовали культурно-исторические и торговые контакты между Новгородом и западнославянскими землями (южно-балтийское побережье), уходящие корнями в далекое прошлое этих регионов.

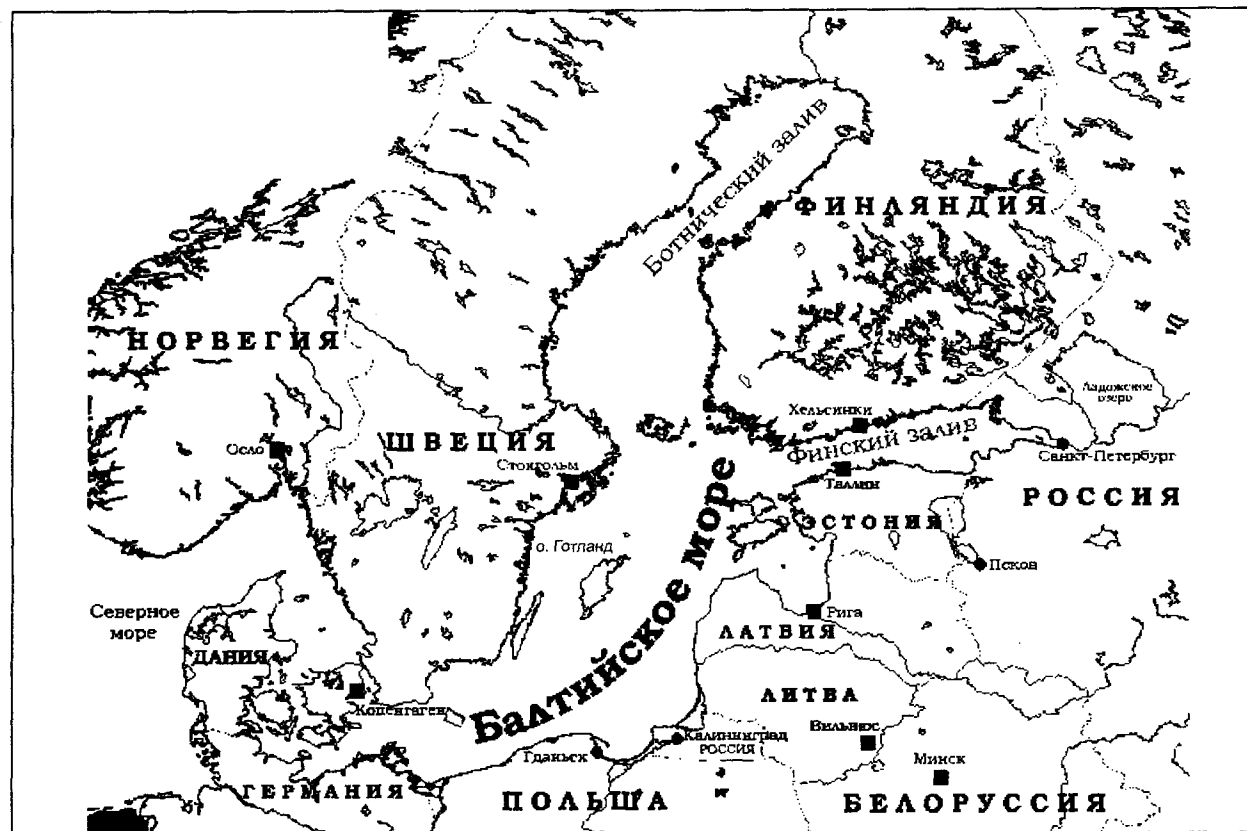

Рис. 2. Балтийское море с островом Готланд

Рис. 3. Готский берег с городом Висбю и печать готских купцов

Также несомненны в рассматриваемое время и прочные связи Новгорода со скандинавскими странами и островом Готланд.

К началу XII в. первое из этих направлений практически утрачивается. К началу столетия прекращается приток западноевропейского серебра, происходит смена составов сплавов цветных металлов, которые становятся аналогичными шведскому металлу. Зато связи с Северной Европой и особенно с Готландом к XII в. укрепляются. Самым значительным событием ранних внешнеторговых связей Новгорода стало устройство в нем Готского торгового двора с церковью св. Олафа, названной в новгородских летописях варяжской божницей. (О времени основания Готского двора см. ниже.) Известно и о существовании новгородского подворья в Висбю, где до сих пор существует Новгородская улица.

Основание Готского двора, несомненно, свидетельствует о наличии развитых и постоянных торговых связей между Новгородом и Готландом. Ведь собственный торговый двор с церковью был необходим иноземным купцам только в том случае, если они регулярно посещали Новгород и вели там активную торговлю. Доказательством ранних торговых связей Новгорода с Готландом служат, как уже отмечалось, многочисленные находки арабских монет на острове. На присутствие готландцев в Новгороде XII в. указывают и некоторые другие сведения. «Вопрошание Кириково», относящееся к 1130—1156 гг., содержит известие о том, что новгородцы обращались за церковными требами к варяжским попам. На существование самой Варяжской церкви, какой была церковь св. Олафа на Готском дворе, указывают свидетельства новгородской летописи о ее пожарах в 1152 и 1181 гг. Несомненно, после пожара 1152 г. Варяжская

церковь вновь была отстроена, что лишний раз доказывает регулярность торгового сообщения Новгорода с Готландом в это время.

Совокупность источников, несмотря на их малочисленность, позволяет говорить об активной заморской торговле Новгорода в XII в. Для этого времени характерны регулярные поездки новгородцев в Данию и на Готланд, что зафиксировано в Новгородской Первой летописи под 1130 г. в рассказе о возвращении новгородцев с Готланда и из Дании: «В то же лето идуще и — замория с Гот, и потопи лодии 7, и сами истопоша, и товар, а друзии вылезоша, нъ нази». Под 1134 г. летопись сообщает о конфискации товаров у новгородских купцов в Дании. Кроме того, в Хронике Саксона Грамматика имеется известие о том, что в 1157 г. русские купеческие корабли были ограблены у берегов Дании.

На существование в Новгороде объединения купцов, ведущих заморскую торговлю в XII в., указывает и сообщение летописи о строительстве в 1156 г. заморскими гостями церкви Параскевы (ил. 1). Под «заморскими гостями» в данном случае имеются в виду новгородцы, торговавшие за морем, в частности на Готланде и в Дании.

Отмеченное направление связей Новгорода в XII в. нашло отражение и в археологическом материале. Именно в это время изменяется состав сплавов предметов из цветных металлов, химико-металлургическая характеристика которых указывает на их происхождение из Швеции. Замечательна находка в слое середины XII в. слитка золотистой бронзы весом 360,9 г, имеющего вид длинного стержня с треугольным сечением. Большая группа совершенно аналогичных слитков «желтой меди» (видимо, со значительной примесью цинка), происходящих из рудных месторождений Швеции, известна на Готланде. Доставка цветных металлов в Новгород в виде рудных слитков — явление чрезвычайно редкое в практике новгородской торговли.

Таким образом, для XII в. характерны тесные связи Новгорода со странами северной Европы, и прежде всего с Данией, Швецией и Готландом.

Между тем, во второй половине XII в. в балтийской торговле происходят существенные перемены, обусловленные появлением на Балтике немецких купцов. Наряду с Готландом в середине столетия торговое значение начинает приобретать город Любек, основанный в IX в. славянами на полуострове, образуемом между двумя реками (рис. 4), и имевший самый короткий путь к Балтийскому морю. Удобное географическое положение города на юго-западном побережье Балтики очень скоро превратило его в транзитный пункт торговли между Балтийским и Северным морями. Одновременно

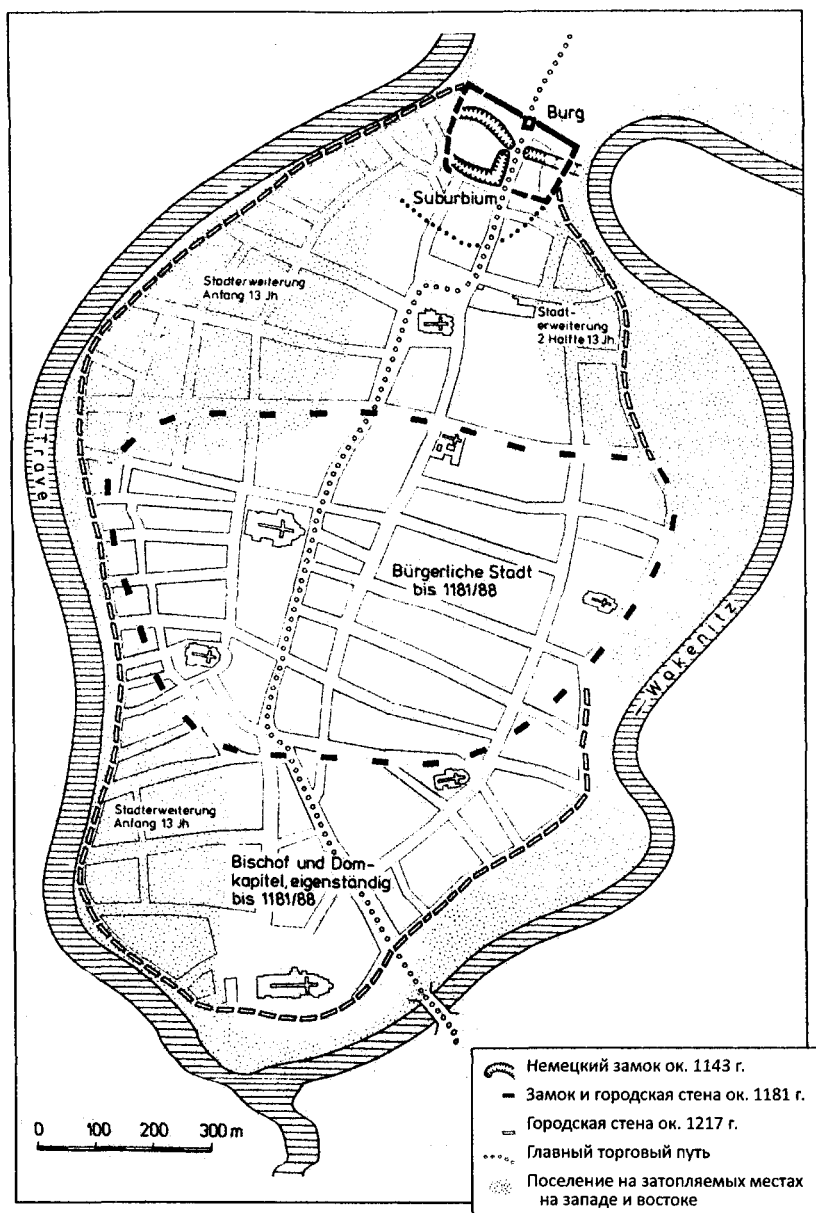

Рис. 4. План Любека. Из книги: *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Eine Ausstellung des Museums für Hamburgische Geschichte. Hamburg. 1989. S. 186*

Любек стал складочным местом всех товаров, которые поступали из внутренних районов земли. В течение столетий город не раз разрушался и вновь возрождался. После запустения в X в. Любек начинает активно застраиваться с середины XI в. и достигает расцвета на рубеже XI—XII вв., превратившись в столицу ободритов. С конца 30-х годов XII в. начинается завоевание южного побережья Балтики германскими племенами, в 1143 г. Любек был разрушен и вновь возродился уже как немецкий город к 1159 г. (рис. 5, ил. 2). Очень быстро он восстановил утраченные функции торгового центра и на протяжении столетий возглавлял торговлю в циркумбалтийском регионе.

Поскольку Готланд был центром всей балтийской торговли, немцы из Любека и других немецких городов были заинтересованы в непосредственных контактах с островом. Особое значение для упрочения торговых отношений Готланда с Любеком имел договор 1163 г., предоставивший готским купцам ряд привилегий с условием, что они будут посещать Любек. Об укреплении немецко-готских связей свидетельствует и льготная грамота, данная Фридрихом I иностранным купцам в 1188 г., по которой «русским^{*}, готам, норманам и другим народам Востока» было предоставлено право беспошлинной торговли в Любеке. Сами немецкие купцы из Любека и других городов охотно посещали готский рынок и даже переселялись на постоянное жительство в центральный город острова — Висбю, основав там в 80-е гг. XII в. свою купеческую общину (*gilda communis*). Объединение немецких купцов на Готланде известно под названием «Товарищество купцов Римской империи, посещающих Готланд». Оно имело свою печать (рис. 6), заключало договоры с иноземными правителями, получало от них для купцов льготные грамоты. Обосновавшись на Готланде, немецкие купцы вступили в прямые контакты с давними партнерами готов — новгородцами и стали налаживать с ними торговые отношения, вытеснив со временем первых с их ведущих позиций в новгородской торговле.

О конфликте 1188 г.

Под 1188 г. новгородская летопись рассказывает о конфликте, происшедшем между новгородскими и немецкими купцами: «В то же лето рубоша новгородьце Варязи на Гътехъ Немьце въ Хоружьку и въ Новотържъце; а на весну не пустиша из Новагорода своихъ

^{*} Под «русскими» в данном случае следует понимать, скорее всего, новгородцев, которые были удобно связаны водным путем с Балтийским морем и совершали по нему в XII в. регулярные поездки.

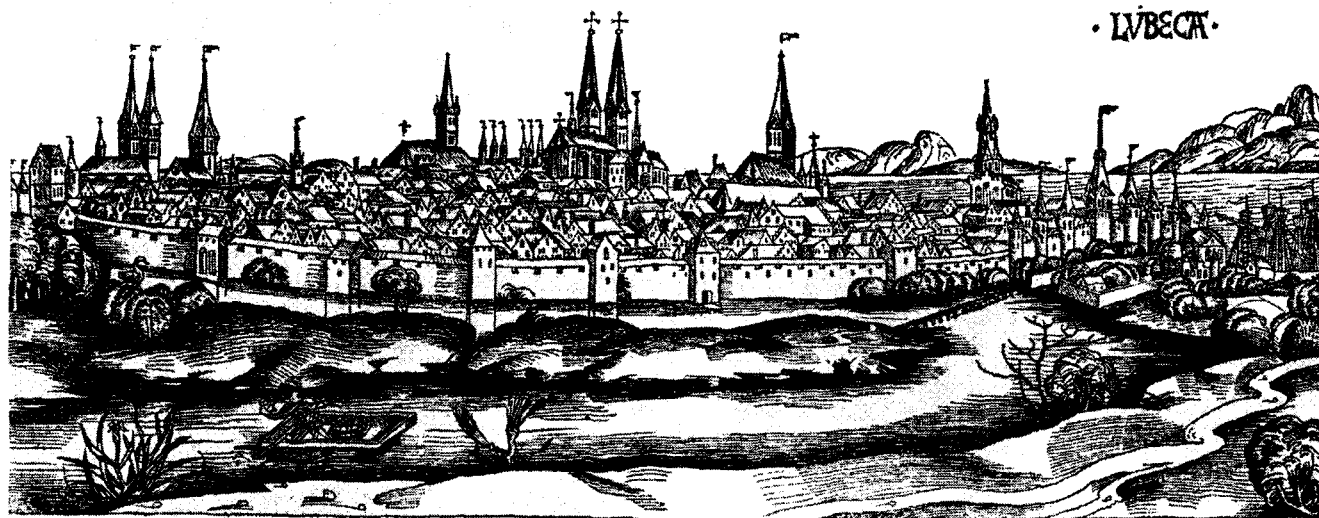

Рис. 5. Вид Любека с востока. Из Всемирной хроники Хартмана Шеделя. Нюрнберг, 1493 г.

Рис. 6. Печать немецкой купеческой общины на Готланде. 1280 г.

ни единого мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира». Это летописное сообщение 1188 г. с момента первой публикации летописи вызывало пристальный интерес многих поколений отечественных и зарубежных историков

и стало темой возобновлявшихся время от времени острых дискуссий, причиной которых была неоднозначная трактовка слов *рубоша*, *хоружек* и *новоторжец* и общий смысл происшедшего конфликта.

Первыми комментаторами указанного летописного известия были А. Х. Лерберг и Н. М. Карамзин, который отмечал неясность летописного текста: «Это не ясно: кто и кого *рубоша*? Новгородцы ли Варяговъ, или Варяги Новгородцевъ? что такое *Хоружька*?» Зато слово *новоторжец* у историка, отметившего, что «новоторжцами назывались жители Торжка», не вызывало сомнений.

Почти все без исключения исследователи трактуют летописный рассказ как заключение новгородцев в тюрьму («рубоша» — посадили в поруб) варягами на Готланде и немцами в Хоружке и Новоторжце, предполагая под последними названиями самые различные топонимы. Вместе с тем существовала и противоположная точка зрения, высказанная еще в XIX в. А. Х. Лербергом, который считал, что в летописи говорится о заточении варягов новгородцами. Спустя сто лет эта версия, но в ином варианте, была высказана известным исследователем новгородско-немецких отношений Л. К. Гётцем, согласно которому пострадавшей стороной в этом конфликте были немцы и речь в летописи идет об их столкновении с новгородцами на территории Руси, где они встретились как конкуренты.

Мнение Лерберга и Гётца было легко опровергнуто отсутствием в древней Руси населенных пунктов с названиями *Хоружек* и *Новоторжец*. Остальные исследователи, как уже отмечалось, были едины в том, что согласно летописному сообщению 1188 г. новгородские купцы были арестованы (посажены в тюрьму) варягами на Готланде и немцами в городах *Хоружек* и *Новоторжец*, которые оставалось лишь найти на карте. Это и стало предметом дискуссии на многие годы, поскольку нигде на европейской карте не обнаружено населенных пунктов с такими (или подобными им) названиями. В качестве претендентов назывались самые различные пункты на территории

Финляндии и Швеции. Чаще других предлагались города на восточном побережье Швеции — Thorshälla (Торсхэлла) и Nyköping (Нючепинг), которые якобы и были обозначены новгородским летописцем как Хоружек (транскрипция названия Торсхэлла) и Новоторжец (прямой перевод города Нючепинг). Между тем уже сама многовариантность претендентов на летописные пункты не может не вызывать сомнений в их объективной атрибуции. Кроме того, подлинные названия городов в иностранных источниках чаще всего давались в транскрипции, иногда до неузнаваемости изменяясь. Например, Новгород в многочисленных нижненемецких средневековых документах ни разу не назван Neustadt, а всегда Nogarden, Nowgarden, Nauwerden и т. д.

Рассматриваемое летописное сообщение стало предметом специального лингвистического анализа, проведенного А. А. Зализняком в связи с изучением берестяной грамоты № 246. Прежде всего им был рассмотрен термин *рубоща*, который происходит от древнерусского глагола *рути* («подвергать конфискации»), превратившегося со временем в глагол *рубити*. Так в древнерусском языке глагол *рубити* оказался с двумя разными по смыслу значениями: одно из них — «рубить деревья», «наносить раны, ударяя чем-либо острым» и т. д., второе — «подвергать конфискации имущество». Очевидно, смешение этих идентичных слов и стало причиной ошибочных переводов и комментариев летописного текста в исторической литературе. Между тем большая группа аналогичных по значению и близких по звучанию слов (*rúbiti*, *porúbiti*, *rúbec* и др., означающих «подвергать конфискации») была обнаружена исследователем в словенском языке. Особенно следует подчеркнуть разъяснение лингвиста по поводу грамматической формы *новоторжец*. По нормам русского языка она совершенно исключена для названия города и может обозначать только жителя города Новый Торг (Торжок). Напомню, что точно так же понимал этот термин еще Карамзин.

Итогом лингвистических изысканий стал новый, соответствующий грамматическим нормам древнерусского языка и не оставляющий возможности для разночтений, перевод летописной статьи 1188 г.: «В том же году варяги, на Готланде немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружка и новоторжцев». Прямые аналогии этой конструкции содержатся в берестяной грамоте № 246 XI в., в которой автор письма Жировит угрожает адресату Стояну, что он конфискует в счет долга Стояна товар другого новгородца («хочу ти вырути в тя лучшего новгорожанина»), находящегося в данный

момент в городе, где живет Жировит, поскольку сам Стоян далеко. Аналогичные записи *рубезжа* зафиксированы во многих письменных документах. А. А. Зализняк приводит убедительные примеры из разнообразных письменных источников, свидетельствующие об употреблении в торговой практике *рубезжа* в значении конфискации имущества вплоть до XVII в.

Что же случилось в 1188 г.? Согласно переводу А. А. Зализняка из летописного сообщения следует, что новгородский купец Хоруг и новоторжские купцы (жители Нового Торга, входящего в состав Новгородской земли) в чем-то провинились перед немецкими купцами на Готланде, скорее всего оказались их должниками. Ввиду отсутствия непосредственных должников (Хоруга и новоторжцев) немцы за их долг конфисковали товар у других новгородских купцов, прибывших на Готланд. Скорее всего, это было первое столкновение между новгородскими и немецкими купцами, поскольку последние незадолго до указанной даты поселились на Готланде, а возникший конфликт вызвал не только резкую реакцию со стороны новгородцев, но и интерес летописца к данному событию*.

Примечательно, что в первой части сообщения летопись расшифровывает, о каких варягах идет речь. Поскольку варягами назывались жители Готланда, а конфликт произошел с немецкой общиной, летописец объяснил, что в данном случае под варягами имеются в виду немцы, живущие на Готланде: «варяги, на Готах немцы».

Несправедливая конфискация новгородских товаров на Готланде вызвала ответные меры новгородцев, отправивших варягов, находившихся в Новгороде, весной 1189 г. «без мира» и без сопровождающего, а своих купцов не пустивших за море: «...ни съла** въдаша Варягом, но пустиша я без мира...».

* В последующие столетия на страницах летописи нет ни слова о торговых конфликтах, хотя они случались постоянно.

** В данном случае под послом («сълом») подразумевается человек, обязанный сопровождать иностранных купцов в пределах Новгородской земли, как при приезде, так и при отъезде. В этом нас убеждают соответствующие статьи торговых договоров 1259 и 1269 гг.: «А зимний гость, оже не поиметь нашего посла, ни новгородьских купецъ из Новагорода или съ Гьцького берега, я что ся учинить, ис Котлингъ до Новагорода или из Новагорода до Котлингъ немецкъму гости, оже бес посла поидуть, то Новугороду тяжя не надобе въ старый миръ» (ГВНП, № 29, с. 57.). «И брать им новгородского посла и новгородских купцов по старому миру. А не возьмут они новгородского посла, и учинится что между Новгородом и Котлингом, князю и новгородцам до того дела нет».

О первом торговом договоре

Таким образом, торговые поездки между Новгородом и Готландом были прерваны. Однако взаимная заинтересованность сторон в продолжении торговли потребовала скорого урегулирования конфликта, что выразилось в заключении торгового договора от имени князя Ярослава Владимировича, посадника Мирошки, тысяцкого Якова и всех новгородцев с послом Арбудом, со всеми немецкими сынами и с готами.

Заслуживает внимания, что на первом месте после имени посла в нем названы «немецкие сыны» как главные действующие лица происшедшего конфликта.

Этот документ, первый из дошедших до нас торговых договоров Новгорода, сохранился на одном пергаменном листе со следующим торговым договором, заключенным в XIII в. при Александре Невском. Поскольку прямой даты договор не имеет, основой его датировки стали годы княжения в Новгороде Ярослава и правления посадника Мирошки (1189—1199 гг.), от имени которых он был заключен. Однако анализ исторических событий конца XII в., время действия должностных лиц, упомянутых в преамбуле договора, позволили уточнить дату его заключения в пределах 1191—1192 гг.

Договор не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», что предполагает существование предшествовавшего ему договора. Возможно, «старый мир» был заключен с островом Готланд еще в период его господства на Балтийском море, т. е. в первой половине или даже начале XII в., когда в Новгороде основывается первая иноземная фактория — Готский двор с церковью св. Олафа. Подтверждением этого предположения является анализ договора 1191—1192 гг., проведенный В. С. Покровским. Исследователь показал, что многие статьи документа, основанного на «старом мире», находят прямые аналогии в городском праве Висбю. Кроме того, в статьях договора нашли отражение юридические нормы, зафиксированные в «Русской правде».

Вместе с тем наряду с разнообразными статьями уголовно-правового характера, почерпнутыми из законодательных актов обеих стран, в договоре имеются статьи, непосредственно регулирующие состоявшееся «розмирье». Во-первых, было постановлено, что любое спорное дело, возникающее в торговых делах немцев в Новгороде или новгородцев «в немцах», не должно быть поводом для

конфискации товаров («рубжега не творити») или для прекращения торговли («на другое лето жаловати»). Другая статья прямо предписывала предъявлять иск только виновным лицам, а не наказывать всех немецких или новгородских купцов в случае нарушения одним из них правил торговли («немца не сажати в погреб в Новгороде, ни новгородца в Немцах, но емати свое у виновата»). Эти правила впоследствии неоднократно повторялись в торговых договорах, так как на практике они соблюдались редко.

В других статьях, касающихся торговли, немцам и новгородцам гарантировался безопасный путь, обуславливалось разрешение спорных дел, происходивших вне Новгорода, назначался штраф в 10 гривен серебра за убийство купца.

Перечисленные статьи договора 1191—1192 гг. обеспечивали разрешение возможных будущих конфликтов и заложили основные принципы взаимоотношений Новгорода с западными партнерами. Заключение рассмотренного договора послужило основой для устройства в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра.

Возникновение и местоположение Готского и Немецкого дворов

О времени возникновения и местоположении, а также о количестве дворов заморских гостей в Новгороде у исследователей нет единого мнения, поскольку источники не содержат по этому поводу конкретных сведений. Большинство авторов, основываясь на косвенных данных, относят устройство Готского двора к началу XII в. Немецкого — к последним десятилетиям этого столетия, что полностью согласуется с историей балтийской торговли в целом и развитием торговых связей Новгорода с Западной Европой. Однако в рамках указанных периодов истории называют различные конкретные даты.

Между тем существует один литературный памятник, позволяющий уточнить время возникновения иноземных дворов в Новгороде в XII в. и католических церквей, стоящих на них. Речь идет о легенде о посаднике Добрыне, с которым связывается строительство Немецкого двора и церкви св. Петра в Новгороде (см. Приложение). Сообщение об этом содержится в Новгородской третьей летописи под 1184 г.: «В лето 6692 заложиша церковь древяну Иоанн архиепископ Собор святаго Иоанна Предтечи, и в лето 6700 (1192 г. — *Е. Р.*) пренесли церковь древяну святаго Иоанна Предтечи на иное место,

а на том месте поставиша Немецкую ропату и о том бысть чудо о посаднике Добрыни».

Что же скрывается за этим летописным сообщением? Прежде всего отмечу, что при составлении в XVII в. Новгородской третьей летописи наряду с разнообразными документами, в том числе и не дошедшими до нашего времени, были использованы многочисленные повести легендарного и полуполюгендарного характера, к которым относится и повесть о посаднике Добрыне, упомянутая летописью. Суть этой повести, сохранившейся в нескольких редакциях, состоит в том, что немцы, прибывшие торговать в Новгород, просили у новгородцев место для строительства своей церкви, в чем им сначала было отказано. Но потом при содействии посадника Добрыни, тайно получившего от них денежное вознаграждение, немецкие купцы добились разрешения на постройку своей церкви и выбрали для нее место близ торгового, где стояла православная церковь Иоанна Предтечи. Посадник Добрыня, получивший «мзду», «ослепи очи свои и сердце омрачи златоприятием и забыв день судный, не имея страха Божьего», велел перенести православную церковь, а на ее месте поставить немецкую ропату. За это он был сурово наказан: при возвращении домой через Волхов его насад был поднят в воздух и упал в воду. Тело посадника с трудом выловили, а за свое «лихоимство» Добрыня был погребен без христианского обряда.

Несомненно, эта повесть, несмотря на свой легендарный характер, основывается на реальных исторических событиях. Она относится к числу тех повествований, которые, по словам Ф. И. Буслаева, «проходят через три эпохи: во-первых, эпоху самого события или лица, послуживших предметом повествования, во-вторых, время, когда составились народные предания, и, наконец, эпоху литературной обработки предания». Достоверным представляется сообщение легенды о переносе при посаднике Добрыне православной церкви Иоанна Предтечи и строительстве на ее месте католической божницы. Косвенным образом на это указывает традиционное существование впоследствии церкви Иоанна Крестителя рядом с Немецким двором.

Однако в самом летописном рассказе имеется алогизм: строительство немецкой ропаты в 1192 г. связывается с именем посадника Добрыни, умершего в 1117 г. Н. М. Карамзин, впервые опубликовавший текст легенды, а позже и Д. И. Прозоровский, отметив указанное несоответствие, отнесли даже легенду о Добрыне к числу вымыслов, не имеющих реальной основы.

Тем не менее, источниковедческий анализ различных списков легенды, обращение к истории взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами позволяют разобраться в несоответствиях летописного рассказа и определить с большей степенью точности время возникновения Готского и Немецкого дворов.

Долгое время исследователи пользовались двумя списками легенды. Первый список, назовем его Волоколамским, не раз издавался в XIX в. по тексту рукописного сборника, составленного в XVI в. при Иосифо-Волоколамском монастыре. Второй список, входящий в сборник, составленный в Новгороде в третьей четверти XVI в., был обнаружен в середине XX в. С. О. Шмидтом в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области и назван поэтому Ярославским.

Оба списка практически идентичны и, вероятно, восходят к одному оригиналу. При сличении их текстов обнаруживаются лишь незначительные разночтения, которые легко можно объяснить ошибками или описками переписчиков. В то же время очевидно, что оформление текста легенды было тесно связано с летописанием. Возможно, что в одном из ранних списков Новгородской третьей летописи имелся и текст легенды, замененный в дальнейшем глухой ссылкой на него.

Волоколамский и Ярославский списки могут быть отнесены к одной редакции. Однако кроме них существует еще один список легенды, введенный в научный оборот в начале XX столетия А. И. Никольским, но совершенно забытый в последующие годы. Во всяком случае, ни в одной работе, так или иначе использующей эту легенду, он не был даже упомянут. Вместе с тем его текст существенно отличается от названной выше хорошо известной редакции. Указанный список является частью рукописного жития Иоанна Предтечи, написанного полууставом конца XVII в., хранившегося в рукописном отделе архива Синода (поэтому список в дальнейшем именуется Синодским). Житие включает восемь сказаний о чудесах Иоанна Предтечи, из которых два последних связаны с постройкой в Новгороде католической церкви.

При издании этих сказаний А. И. Никольский отметил, что по сравнению с известным в то время Волоколамским списком легенды Синодский представляет собой «редакцию совершенно особую». В самом деле, события, связанные с постройкой в Новгороде немецкой церкви, описаны в нем более подробно, эмоционально и с определенной тенденцией. Весь текст легенды носит

обличительный характер с нравоучением в конце. В заключительной части сказания сообщается, что оно читалось в один из праздников Иоанна Предтечи, вероятно в посвященном ему храме. А. И. Никольский при издании данного списка легенды обратил особое внимание на его стилистические отличия. Более подробное и детальное сравнение разных списков легенды выявляет не только особенности стиля и языка Синодского списка, но и его некоторые принципиальные отличия, что позволяет определить старшинство редакций легенды и установить время ее составления.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие в Синодском списке терминов «степенный посадник» и «старосты купеческие». Возникновение института степенных посадников связано с реформой Онцифора Лукинича и относится, следовательно, к середине XIV в. Когда возник институт купеческих старост, неизвестно, но впервые они упоминаются в немецком проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готландом, относящемся к 1268 г. В русских документах термин «староста» впервые встречается в грамоте 1301 г., а «старосты купеческие» — в грамоте 1342 г. Таким образом, Синодский список, несомненно, возник ранее XIV в. и является первоначальным относительно двух других списков. Некоторые особенности текста Синодского списка позволяют уточнить дату его составления. В заключительной части сказания сообщается, что рассказанную легенду «отцы наши поведаша нам не утаися от нас, чад их», т. е. очевидно, что легенда была создана вскоре после действительных событий, связанных с постройкой в Новгороде католического храма, а именно в XII в., и рассказана впервые очевидцами этой постройки.

Присутствие в Синодском списке термина «епископ» также свидетельствует, что данный список появился в XII в., так как титулование новгородских владык епископами характерно лишь для XI—XII вв. С начала XIII в. оно уже не употребляется, поскольку новгородская епископия была преобразована в архиепископию.

Устный рассказ о чудесах, случившихся при постройке в Новгороде католической церкви, был впоследствии записан и включен в житие Иоанна Предтечи. В дальнейшем легенда, видимо, неоднократно переписывалась и дошла до нас в рукописи XVII в., сохранив при этом некоторые характерные особенности, позволяющие считать Синодский список первоначальной редакцией, составленной, очевидно, в XII в. Лишь один анахронизм проник в текст Синодской редакции — упоминание «70 городов немецких», в то время как

союз немецких городов оформился только в 1370 г. Вероятно, это понятие было включено в Синодский список при поздних переписках. Синодская редакция, вошедшая в житие Иоанна Предтечи и предназначенная для богослужения, не вышла, вероятно, из круга церковных памятников. Косвенным свидетельством этого предположения служит то обстоятельство, что Синодская рукопись XVII в. с житием Иоанна Предтечи происходит из Деревяницкого монастыря, бывшего загородной резиденцией новгородских владык.

Анализ разных списков легенды и история развития торговых взаимоотношений Новгорода с западными партнерами делают очевидным тот факт, что речь в легенде о посаднике Добрыне идет о строительстве церкви св. Олафа на Готском дворе в начале XII в. или на рубеже XI—XII вв., т. е. в годы жизни посадника. Несомненно, строительство первой католической церкви в Новгороде вызвало недовольство и возмущение новгородцев, что и послужило непосредственной причиной составления легенды.

Другая редакция легенды, от которой сохранились два списка (Волоколамский и Ярославский), как уже указывалось, была составлена в XV в. Причины интереса в это время к сюжету легенды о Добрыне легко объяснимы социально-политической ситуацией, сложившейся в Новгороде и характером новгородско-ганзейских отношений. К XV в. новгородское боярство превратилось в олигархический орган, противостоящий остальному населению города. Для этого времени характерна зафиксированная летописями оценка бояр как «бесправдивых» и возникновение ряда произведений, бичующих корыстолюбие и взяточничество новгородских бояр, и прежде всего посадников. Тогда же заметно обострились отношения с ганзейскими купцами. Эти обстоятельства и послужили поводом к созданию нового варианта легенды о посаднике Добрыне.

Между тем к началу XV в. церковь св. Олафа на Готском дворе уже не существовала. Оба двора, Готский и Немецкий, объединились под общим управлением немецкой купеческой компании. Готский двор со второй половины XIV в. постоянно арендовался немецкими купцами и именовался иногда Немецким речным двором. Это способствовало у новгородцев созданию образа единого иноземного купечества. Именно поэтому народное предание XV в. стало связывать перенесение церкви Иоанна Предтечи со строительством немецкой церкви св. Петра, поскольку другой католической церкви в Новгороде тогда не было. Поэтому в новой редакции легенды чудеса связываются с постройкой немецкой ропаты, которая на самом деле была

возведена только в последней четверти XII в. Таким образом и возникло несоответствие в датах: 1192 г. — постройки церкви и 1117 г. — летописной даты смерти посадника Добрыни.

Следовательно, возникновение Готского двора с церковью св. Олава должно быть отнесено ко времени посадника Добрыни, т. е. к рубежу XI—XII вв. (до 1117 г.). Датой основания Немецкого двора с церковью св. Петра следует считать 1192 год, который указан в Новгородской третьей летописи. Эта дата подтверждается и анализом первого торгового договора Новгорода с немцами и Готландом (см. выше). Очевидно, она была известна составителям данной летописи из недошедших до нас документов.

Что касается местоположения Готского и Немецкого дворов на территории Новгорода, то оно устанавливается по письменным источникам, хотя и не достаточно точно, но вполне определено. Оба двора находились на Торговой стороне города в непосредственной близости от резиденции князя на Ярославовом Дворище.

Конфликты Готского двора с жителями Михайловой улицы позволяют с полным основанием помещать Готский двор на этой улице вблизи Волхова, т. е. с южной стороны Ярославова Дворища. В проекте договорной грамоты 1371 г. говорится: «А что учинилось зло на Готском дворе, то мы (иностранные купцы. — *Е. Р.*) с нашими соседями с улицы св. Михаила докончали по дружбе». В 1439 г. вновь возник инцидент между жителями Михайловой улицы и Готским двором в связи с установлением новых ворот двора, о чем красноречиво повествуется в донесении руководства двора. На территории между древней Михайловой улицей и берегом Волхова в 1968—1970 гг. были проведены археологические исследования, окончательно уточнившие местоположение Готского двора. Весь комплекс обнаруженных при раскопках древностей с несомненной очевидностью свидетельствует о принадлежности этого участка иноземным купцам, а в сочетании с показаниями письменных источников убеждает, что раскопкам подвергся сравнительно небольшой участок Готского двора.

Немецкий двор размещался, согласно письменным источникам, с восточной стороны Ярославова Дворища, напротив Никольского собора. Об этом свидетельствуют споры Немецкого двора с жителями древней Ильиной улицы, а также территориальная близость русской церкви Иоанна Крестителя, которая постоянно упоминается в документах как церковь, стоящая у Немецкого двора. Местоположение этого несохранившегося храма обозначено на одном из планов

Новгорода XVIII в. к востоку от Никольского собора. При раскопках летом 1975 г. были обнаружены остатки этой церкви в нескольких десятках метров к востоку от Никольского собора. Таким образом, мы располагаем достаточными сведениями для уточнения топографии Готского и Немецкого дворов в Новгороде и помещения их на городском плане (рис. 7).

К сожалению, о размерах иноземных дворов судить трудно, так как сведений о них практически не имеется. Лишь в писцовой книге по Новгороду, составленной в 1583 г., указываются размеры Немецкого двора и дается краткое описание сохранившихся к тому времени построек. Немецкий двор имел в длину 28 сажень (60,48 м), в ширину 15 сажень (32,4 м), что составляло площадь в 1960 кв. м, из которой 217 кв. м занимало кладбище.

Вряд ли в более раннее время участок Немецкого двора был иным по размерам. Как свидетельствуют источники, территории иноземных дворов в Новгороде оставались неизменными на протяжении всей их истории, что постоянно оговаривалось в торговых договорах. Площадь Немецкого двора полностью соответствует обычным размерам богатых новгородских боярских усадеб времен независимости, которые, судя по археологическим раскопкам, занимали площадь не более 2000 кв. м (чаще меньше). Примерно такой же была площадь Шведского гостиного двора, устроенного в Новгороде в XVII в. Очевидно, земельный участок размером в 2000 кв. м был неким стандартом, принятым в Новгороде для устройства больших усадеб, обусловившим в дальнейшем и размеры иноземных дворов. Примерно такую же территорию, вероятно, занимал и Готский двор, хотя о его размерах вообще не сохранилось никаких сведений.

Что касается третьего двора немецких купцов, то упоминание о нем встречается единственный раз в торговом договоре 1259 г., заключенном Новгородом с Готским берегом, Любеком и немецкими городами: «А которых трее дворць въпросили ваша братья послѣ, а техъ ся есмы отступили по своей воли». Поскольку в это время в Новгороде уже существовали Готский и Немецкий дворы, вряд ли речь шла о получении немецкими купцами еще трех дворов. Очевидно, как отмечал Л. К. Гётц, данная статья лишь подтверждает существование в Новгороде имевшихся дворов, два из которых хорошо известны, а третьим двором был двор гильдии, упомянутый в проекте договора 1268 г. как проданный готами.

Два сохранившихся свидетельства о третьем иноземном дворе не позволяют пока сколько-нибудь ясно представить, когда и где он

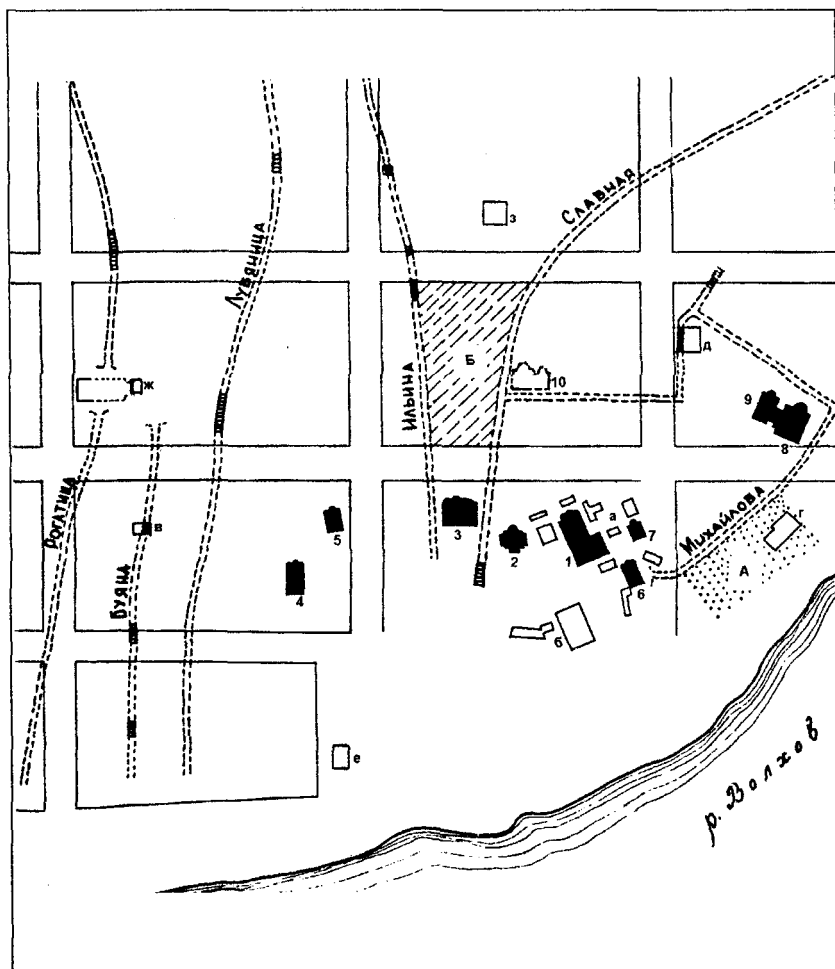

Рис. 7. Местоположение дворов в Новгороде: А — Готский двор; Б — Немецкий двор. Церкви: 1 — Никольский собор, 2 — Параскевы, 3 — Успения, 4 — Иоанна на Опоках, 5 — Георгия на Торгу, 6 — Жен Мироносиц, 7 — Прокопия, 8 — Михаила архангела, 9 — Благовещения, 10 — Иоанна Крестителя. Раскопы: Ярославово Дворище: а — 30-е годы, б — 1947—1948 гг.; в — Буяний, 1967 г.; г — Готский, 1968—1970 гг.; д — Михайловский, 1970 г.; е — Торговый, 1971 г.; ж — Рогатицкий, 1971 г.; з — Славенский, 1972—1974 г.

был устроен. Возможно, в XII в. наряду с основным Готским двором с церковью св. Олафа готы имели еще небольшой двор, который они продали в период между заключением торговых договоров 1259 и 1269 гг. Во всяком случае, в последующее время третий иноземный двор в источниках ни разу не упоминается.

ГЛАВА III

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ СВЯЗИ НОВГОРОДА В XIII веке

Доганзейский период

Строительством в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. и заключением договора 1191—1192 гг. начинается новый период в торговых связях Новгорода на западном направлении. Ведущее положение в них стала занимать не община купцов Готланда, а община немецких купцов, которые обосновались на острове во второй половине XII в. и постепенно вытеснили готландцев в новгородской торговле, взяв контроль над ней в свои руки. К концу XII в. Готланд утратил значение самостоятельного центра балтийской торговли и с этого момента вся западная торговля Новгорода проходила под эгидой немецких купцов, монополизировавших торговлю в балтийском регионе.

Ничтожно мало сохранилось источников о новгородско-немецких торговых взаимоотношениях в рассматриваемое время, сведения о них приходится собирать буквально по крупикам. В 1201 г. произошел новый конфликт между торговыми партнерами, о чем в новгородской летописи содержится глухое упоминание: «А варяги пустиша без мира за море», и через строчку записано: «А на осень придоша Варязи горою на мирь, и даша имъ миръ на всей воли своеи». В отличие от событий 1188 г., очевидно, этот конфликт был быстро улажен на основании заключенного в 1191—1192 гг. договора.

Это известие — первое свидетельство существования наряду с морским путем, которым готландские и немецкие купцы пользовались в XII в., торгового пути по суше («горою»). Данное обстоятельство сыграло со временем важную роль в возрастании роли ливонских городов — Риги, Ревеля, Дерпта — в торговле Новгорода с Ганзой.

В начале XIII в. немецкие купцы получили от князя Константина (1205—1207) некоторые привилегии, на которые они ссылались 60 лет спустя при заключении нового договора с Новгородом.

В латинской редакции договора 1270 г. имелась статья, согласно которой дорога от Готского двора к торгу, шедшая мимо княжеского двора, должна была быть свободной от построек по праву, данному еще князем Константином. В дальнейшем, вплоть до 50-х годов XIII столетия, письменные источники не содержат сведений о торговле Новгорода с немецким купечеством.

О первой скре

Важным фактором в регулировании взаимоотношений между новгородскими и немецкими купцами, установлении определенных правил ведения торговли, устройстве иноземных дворов в Новгороде и правил проживания в них стала выработка устава Немецкого двора, известного под названием «скра».

Первая дошедшая до нас скра относится ко второй четверти XIII в (ил. 3). Упоминание в ней церкви Марии на Готланде, освященной в 1225 г., не позволяет датировать данную редакцию скры более ранним временем. Вместе с тем несомненно существование определенных правил и в более раннее время, о чем говорится во введении к основным статьям: «Предписано правду, которая издревле была и существовала в новгородском немецком дворе, так блюсти и ныне всем тем, которые обыкновенно приезжают в упомянутый двор водою или сухим путем» (см. Приложение).

I скра состоит из 9 статей (текст разделен на статьи издателем), в которых определены порядок выбора старосты и его помощников, содержание священника во дворе и его оплата, права и обязанности купцов. В них были обусловлены привилегии купцов, прибывающих водным путем, перед сухопутными гостями, устанавливалась пошлина в казну св. Петра, которую платили все купцы, приезжающие торговать в Новгород. Одна из статей регулировала отношения между самостоятельными купцами, называемыми *meistermann*, и их помощниками, их права и обязанности по отношению друг к другу. Разрешение всех происходивших во дворе ссор находилось в компетенции старост двора, но если ссоры происходили на пути в Новгород и оканчивались тогда же примирением, то они должны были быть забыты.

Скра устанавливала правила охраны двора, которую должны были нести по очереди все его жители, как морские, так и сухопутные гости. За неявку на охрану двора назначался штраф в 1 марку кун, за отсутствие на ночном дежурстве виновный платил 1 марку серебра.

В I скре определялись и некоторые правила торговли, из которых главное заключалось в том, что никто не должен торговать с русскими в церкви св. Петра. За нарушение этого постановления налагался штраф в 10 марок серебра — самый большой штраф, предусмотренный I скрой.

Конец скры содержал постановление, по которому остаток общественной суммы, собранной в течение года во дворе, отсылался на Готланд в кассу церкви св. Марии и ключи от этой кассы находились у властей Любека, Зёста, Дортмунда. Два последних города, находившиеся в непосредственной близости один от другого, представляли группу вестфальских городов и, очевидно, совместно вели торговые дела этой группы, потому и названы оба как хранители ключей. Хранение ключей от общественной кассы в перечисленных пунктах делает очевидным вывод о том, что представители названных групп городов и купеческой общины на Готланде чаще других ездили в это время в Новгород с торговыми целями.

Исследователи отмечают тесную связь текста первой скры с правовыми нормами немецкой купеческой общины на Готланде.

О договоре 1259—1260 гг.

К XIII столетию относятся два торговых договора, сохранившихся до наших дней. Один из них был заключен в 1259 г. от имени князя Александра Невского, его сына Дмитрия, посадника Михаила, тысяцкого Жирослава и всех новгородцев с немецким послом Шифордом, любекским послом Тидриком и готским послом Ольстеном. Как и предыдущий, этот документ не содержит даты и датируется поэтому разными авторами в рамках 1259—1263 гг. Чаще всего заключение этого договора комментаторы связывали с победоносным походом русских князей во главе с новгородским князем Дмитрием на Юрьев (Дерпт) в 1262 г.

Однако, как верно заметил Гётц, этот договор не мог иметь отношения к названному походу, так как невероятно, чтобы новгородцы после столь удачного похода брали бы на себя обязательства удовлетворить жалобы немецких купцов и устранить затруднения в новгородско-немецкой торговле, зафиксированные в договорной грамоте. Кроме того, трудно установить связь между военным походом на Юрьев и торговыми делами Новгорода с Готландом и немецкими городами. Напомню, что в заключении договора принимали участие любекский и готский послы, чье участие вряд ли было бы правомерным при решении спорных вопросов между Новгородом и Юрьевом.

Несомненно, что рассматриваемый договор, относящийся к числу торговых, был заключен после очередного конфликта между торговыми партнерами. Русские источники не содержат никаких сведений по этому поводу, в то время как в немецких сохранилось письмо Ревеля, отправленное в конце июня 1259 г. в Любек в ответ на его жалобу о несправедливостях и насилиях, чинимых немецким купцам в Новгороде. В ответ на жалобы Любека Ревель высказал свою верность Любеку и всему немецкому купечеству и готовность защищать интересы последнего во всех делах. Это письмо Ревеля — первое свидетельство причастности ливонских городов к делам торгового двора немецких купцов в Новгороде. В первой половине XIII в. каждый из этих городов (Рига, Ревель, Дерпт) достигли значительного политического и экономического развития, стали важными торговыми пунктами на Балтике.

Очевидно, названные в письме немецких купцов испытываемые ими несправедливости и насилия в Новгороде послужили причиной прекращения торгового сообщения между Новгородом и немецкими городами, возобновлению которого и был посвящен разбираемый здесь договор.

Учитывая события, предшествовавшие договору (недовольство Любека условиями торговли и его переписка по этому поводу с Ревелем), следует признать верной его датировку 1259—1260 гг. Вместе с тем давно отмечено явное несоответствие между именами князей Александра и Дмитрия, заключавших договор, и скрепившей его княжеской печатью Ярослава Ярославича, новгородского князя с 1265 г.

Пергаменный лист, на котором были записаны два древнейших торговых договора Новгорода (договор князя Ярослава Владимировича и договор Александра Невского), снабжен двумя комплектами печатей: к верхнему краю листа подвешены позолоченные печати князя Ярослава Ярославича, архиепископа Далмата и всего Новгорода, к нижнему краю — свинцовые печати, оттиснутые теми же матрицами. В.Л. Янин объяснил «столь беспрецедентное оформление акта его запоздалой ратификацией», когда договор, заключенный Александром и его сыном Дмитрием, был утвержден только в 1265 г. с вокняжением князя Ярослава. Именно поэтому два комплекта печатей были призваны утвердить заключенный прежним князем договор.

Это мнение уточнил И.Э. Клейненберг, отметив, что поскольку печати были подвешены к пергаменному листу с двумя договорами, то позолоченные печати утверждали договор Александра,

а свинцовые — «старый мир», т.е. договор конца XII в., приписанный вслед за договором Александра.

Дополню эти логичные выводы еще одним обстоятельством. Сохранившиеся в подлиннике договоры Новгорода с Любеком и Готским берегом, заключенные от имени князя, посадника и тысяцкого и всего Новгорода, всегда содержат печати лишь названных должностных лиц. Печать архиепископа привешивалась к акту только в том случае, если он имел отношение к документу. Например, к посланному в начале XIV в. благословению рижанам владыкой, посадником, тысяцким и всем Новгородом были подвешены печати архиепископа, посадника и тысяцкого. В остальных случаях печать архиепископа не привешивалась к торговым договорам. Между тем, как уже отмечалось, к рассматриваемому договору были подвешены кроме княжеской еще печати архиепископа Далмата и всего Новгорода, т.е. совершенно иной набор булл, чем было принято при скреплении торговых договоров.

Все это является дополнительным аргументом в пользу поздней ратификации договора князя Александра Невского. К 1265 г., когда новгородский стол занял Ярослав Ярославич, посадника Михаила и тысяцкого Жирослава, принимавших участие в заключении договора в 1259—1260 гг., сменили другие лица, печати которых не могли быть подвешены к этому документу. Поэтому договор при ратификации был скреплен прежде всего печатью архиепископа Далмата как носителя высшего духовного авторитета и бывшего владыкой (1251—1273) в момент заключения договора. Совершенно исключительна в сфрагистическом материале Новгорода XIII—XIV вв. печать всего Новгорода, которая в данном случае заменяет именные буллы посадника и тысяцкого.

Таким образом, несомненно, что договорная грамота, составленная и принятая при Александре Невском и его сыне Дмитрие в 1259 или 1260 г., была ратифицирована только при князе Ярославе Ярославиче не ранее 1265 г. Само оформление договорной грамоты Александра Невского и его сына Дмитрия и особенно заключительные строки документа со всей очевидностью свидетельствуют об его утверждении спустя несколько лет после заключения. Очевидно, при Ярославе Ярославиче договор был заново переписан на пергаменном листе и заключен словами: «А се старая наша правда и грамота, на чем целовали отцы ваши и наши крест... А иное грамоты у нас нетуть, не потаили есмы, не ведаем. На том крест целуем». В подтверждение слов, что другой грамоты у них нет, новгородцы приписали вслед

за недавно заключенным договором старый мир конца XII в., который пришлось дописывать на оборотной стороне листа, чтобы уместить весь текст. По существу пергаменный лист с двумя рассмотренными договорами является полным сводом торговых договоров Новгорода с конца XII в. до вокняжения Ярослава Ярославича в 1265 г.

В отличие от первого договора, рассматриваемый документ целиком посвящен торговым делам. В его статьях урегулированы возникшие раздоры и установлены основные правила торговли на будущее. В одной из статей указано, что новгородцы приняли к употреблению вместо своих гирь и весов немецкие скалвы, т. е. чаши. Другая статья обсуждает плату за вес, так называемую весовую пошлину. Немецкие купцы должны были платить теперь твердо установленную пошлину по две куны от «капи» и от всякого весового товара, как проданного, так и купленного.

Статья договора «А в Ратшину тяжю платили есмы 20 гривнь серебра за две голове, а третьюю выдахомъ» со всей очевидностью свидетельствует о конфликтах, происшедших между новгородскими и немецкими купцами, которые договор призван был уладить. Кто такой Ратша, с которым связан раздор, неизвестно, но несомненно, что все случившееся было хорошо известно обеим сторонам. Как предполагает Гётц, речь здесь идет об убийстве немецких купцов и о наказании убийц, один из которых был найден, а за двух других новгородцы заплатили штраф по 10 гривен серебра.

Часть статей договора гарантировала чистые пути и свободную торговлю «без пакости» немцам и готам в Новгороде, а новгородцам — на Готланде, а также предусматривала взаимные обязательства по обеспечению свободного торгового сообщения. При этом Новгород гарантировал свободный проезд до Котлинга (остров Котлин в Финском заливе, ныне Кронштадт) и обратно в сопровождении посла или новгородских купцов, хорошо знавших дорогу и отправлявшихся с товарами на немецких судах на Готланд. Оговаривалось также правило торговли немцев в Карелии. Если там что-нибудь случалось с немцами или готами, новгородцы за это не отвечали. Существенным было постановление о разрешении спорных вопросов там, где они возникнут.

Договор 1259—1260 гг. свидетельствует о дальнейшем развитии торговых отношений между новгородцами и немцами, о повышении роли Любека в балтийской торговле, поскольку в его заключении участвовал посол этого города, представлявший не только Любек, но и образовавшийся в то время союз вендских городов.

Возникновение Ганзы

Со второй половины XII в. важным торговым центром на побережье Балтики становится город Любек, удобно расположенный в устье реки Траве и связанный, таким образом, как с внутренней частью Германии, так и со всем морским побережьем. Это обстоятельство предопределило ведущую роль Любека в союзе немецких городов. В силу неустойчивой политической обстановки, сложившейся в сфере влияния Римской империи в конце XII — первой половине XIII в., отдельные города и купеческие объединения были не в состоянии обеспечивать безопасность торговых поездок, гарантировать свободную торговлю в других землях, получать привилегии от своих правителей и от властей стран — партнеров по торговле. В связи с этим возникла необходимость в создании межгородских союзов.

Первые такие союзы образовали в 1246 г. вестфальские города во главе с Дортмундом (Мюнстер, Оснабрюк, Минден, Зёст, Херфорд, Косфельд, Липпштадт) и нижнесаксонские во главе с Брауншвейгом (Ганновер, Гельмштадт, Кведлинбург, Гельберштадт, Гильдесхайм, Гослар, Вернигероде, Магдебург; иногда к последним присоединялись Люнебург, Гамбург, Штаде, Бремен). Хотя это были региональные союзы, их конечная цель заключалась как в обеспечении безопасности торговых путей внутри страны, так и в защите купцов и их товаров за рубежом (ил. 4). Самым крупным городским союзом этого времени было объединение рейнских городов, созданное в 1254 г.

Образование и существование таких городских союзов являлись важнейшим толчком к возникновению союза морских городов на юго-западном побережье Балтийского моря. Процесс сближения этих городов, называемых вендскими (рис. 8), шел в течение всего XIII в., поскольку Любек, Росток, Висмар, Штральзунд были конкурентами в торговле. Однако развитие торговых связей, постоянные и вместе с тем опасные морские поездки делали необходимым объединение морских городов. Первый договор между Любеком, Висмаром и Ростоком был заключен в 1259 г. для борьбы с пиратами, а договоры 1264—1265 гг. между этими городами существенно расширили сферу их совместных действий. Особенно важна была договоренность о взаимопомощи во время войны того или другого города против своего сюзерена.

С середины XIII в. немецкие купцы, организованные в товарищества, прочно обосновались не только на Балтийском и Северном морях, но и на их побережьях, создавая там немецкие городские

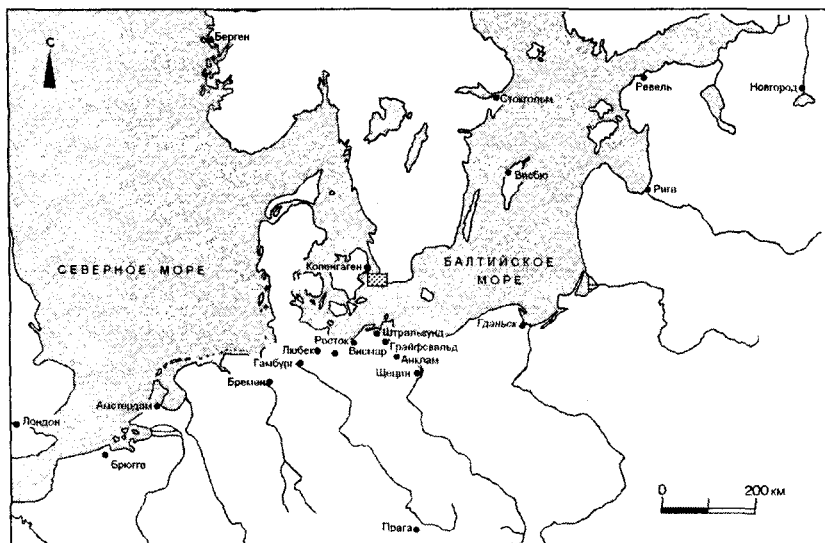

Рис. 8. Вендские города (Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грайфсвальд, Анклам) на южном побережье Балтийского моря

поселения или торговые фактории. Уже на рубеже XII—XIII вв. были образованы немецкие торговые дворы в Брюгге, Лондоне, Новгороде. В течение второй половины XIII в. региональные городские союзы то распадались, то снова периодически создавались в виду общей опасности.

Хроника событий второй половины XIII в.

События конца 60-х годов XIII в. демонстрируют возросшую роль Ливонского ордена в торговых связях Новгорода с его западными партнерами. В это время Орден активно расширял свои территории, приближаясь к западным границам Новгородской земли, что неизбежно вело к столкновению с Новгородом. Особенно обострилась борьба между Новгородом и Орденом в конце 60-х годов. Один из военных походов, организованных в это время, закончился в феврале 1268 г. Раковорской битвой, в которой новгородцы, несмотря на большие потери, одержали победу. После этого Орден решил прибегнуть к экономическим мерам и обратился к Любеку с просьбой не доставлять в Новгород товары и объявить ему торговую блокаду. Любек согласился с этим, как отмечают исследователи, с явной неохотой,

поскольку заключенный незадолго до этого и ратифицированный в 1265 г. договор вполне устраивал немецких купцов, обеспечивая им необходимые гарантии в торговле. Любек принял предложение орденового магистра с условием, что в мирном договоре будет обеспечено старое право немецких купцов иметь свободное торговое сообщение с Русью. Уже в июне 1268 г. магистр просил Любек прислать послов для заключения мирного договора, особенно для выработки постановлений, касающихся торговых дел, но никаких товаров на Русь пока не отправлять. Об этом же написала в Любек и Рига, что свидетельствует об участии этого города в новгородско-немецких торговых делах. Приехавшие осенью 1268 г. в Новгород послы Любека передали свои предложения, однако торговое соглашение тогда не было заключено. Эти предложения сохранились в архиве Любека в виде написанного по-латыни немецкого проекта договора. Новгородцы не приняли данный проект и выработали собственный вариант договора, исключив те статьи латинского проекта, которые казались им неприемлемыми. Русский договор в подлиннике не сохранился, известен его нижненемецкий перевод, находящийся также в Любекском архиве.

Договор 1269—1270 гг.

Оба эти документа, немецкий проект и русский договор в переводе на нижненемецкий (ил. 5), с момента их публикации привлекли пристальное внимание исследователей. Пожалуй, ни один из торговых договоров не вызвал столь противоречивых мнений относительно достоверности и времени составления, как рассматриваемые здесь документы.

Наиболее полные обзоры существующих в исторической литературе точек зрения, анализ статей договора содержатся в работах И. Е. Андреевского, Э. Боннеля, Л. К. Гётца, В. Ренкампа (см. Библиографию). А. Л. Хорошкевич посвятила этому договору специальную статью, где суммировала прежние выводы и проанализировала причины заключения данного договора. Мнения о дате русского варианта договора расходятся, разные исследователи называют 1269 или 1270 гг. как время составления русского текста, которое пока не может быть уточнено из-за отсутствия достаточных сведений. Во всяком случае, к апрелю 1270 г. торговое соглашение уже вступило в силу, поскольку 21 апреля 1270 г. в Любек была отправлена грамота, сообщающая немецким купцам, что торговля с Новгородом открыта.

Большинство исследователей, начиная с первого издателя договора Сарториуса, считали русский вариант подлинным договором, несмотря на отсутствие в конце документа обязательной формулы крестоцелования и печатей. Вместе с тем время от времени возникали сомнения в его подлинности, в результате чего в источниковедческой литературе утвердилось представление, что русский вариант договора был так же, как и немецкий, только проектом. Однако нет причин сомневаться в достоверности рассматриваемого документа. Замечу, что его начальная формула несет все признаки настоящего договора, в ней перечислены все те лица, от имени которых договор был заключен. С русской стороны в нем участвовали князь Ярослав Ярославич, посадник Павша, тысяцкий Ратибор, старосты и весь Новгород, с немецкой — посол Любека Генрих Вуленпунде и готские послы Лудольф Добрике и Якоб Куринге. Отсутствие обычной крестоцеловальной формулы в конце, возможно, связано с тем, что до нас дошел только перевод русского текста на нижненемецкий язык, в то время как сам подлинник договора на русском языке, снабженный крестоцеловальной формулой и печатями, не сохранился.

Это наблюдение нашло поддержку в разработанных Е. Р. Сквайрс языковых и тексто-лингвистических критериях для оценки русско-ганзейских грамот, а также палеографических особенностях нижне-немецкой грамоты. Проведенный исследовательницей анализ текста практически не оставляет сомнений в том, что данная грамота являлась переводом подлинного русского договора (см. главу VII). Не следует забывать и о том, что еще в 1554 г. при восстановлении ганзейской конторы в Новгороде и отправке в связи с этим посольства к Ивану IV на ганзейском съезде в Любеке был прочитан данный договор, названный привилегией князя Ярослава.

По содержанию оба документа, немецкий проект 1268 г. и русский договор 1269 г., очень близки друг к другу, что прослеживается даже в порядке постановлений. Немцы в своих требованиях исходили из того, чтобы иметь в Новгороде такие же права, какие они имели в других странах. Кроме того, учитывая опыт торговли с Новгородом, они стремились оговорить вплоть до мелочей свои права и обязанности против возможных в будущем обвинений и обманов. Новгородцы же в соответствии со своими интересами принимали, изменяли или отклоняли эти требования, что хорошо прослеживается при постатейном анализе немецкого проекта и русского договора. Обращает на себя внимание стремление новгородцев

к монопольной торговле с немцами, что заставило их отклонить статью немецкого проекта о разрешении гостевой торговли, т. е. торговли немецких купцов с новгородцами. Стремление Новгорода к монополизации немецкой торговли нашло отражение и в докончаниях с князьями. Именно в это время впервые в договоре Новгорода с князем Ярославом Ярославичем появляется статья, запрещающая князю прямую торговлю с немцами и ограничивающая его действия по отношению к иноземным факториям: «А в Немецьком дворе тебе торговати нашу братию; а двора ти не затваряти; а приставовъ ти не приставливати». Это условие в дальнейшем почти без изменений повторялось во всех докончаниях Новгорода с князьями вплоть до 1471 г.

Немецкий проект во многом подробнее и детальнее обсуждает разные стороны торговых взаимоотношений между новгородскими и немецкими купцами. Это отражено в статьях о безопасности торгового пути в пределах новгородской территории, размерах проезжей пошлины, о движении вверх и вниз по Волхову, о весах и гирях, мерах длины. Кроме того, в немецком проекте имеется ряд статей, не принятых русской стороной. В них немцы оговаривали право свободы своих гостиных дворов от любого вмешательства со стороны новгородских властей и жителей города, настаивали на том, чтобы дворы имели право убежища (т. е. находившиеся во дворе лица, в том числе и преступники, не подлежали выдаче новгородским властям). Примечательна одна из последних статей немецкого проекта, в которой оговариваются права Готского двора: «Дорога от Готского двора через двор князя вплоть до рынка будет свободна и незанята строениями на основе привилегий, которые дал князь Константин; также около двора тех же готов, в соответствии с древним правом не должны ставиться постройки на расстоянии 8 шагов и не должно устраиваться нагромождения дров и ничего на нем [дворе] не должно происходить кроме их воли. Также возле двора гильдии, который готы продали, они не обязаны ремонтировать мостовую»^{*}.

Что касается мощения улиц, то незадолго перед заключением торгового договора 1269 г., а именно в 1265—1267 гг., в Новгороде был составлен «Устав о мостех» князя Ярослава, в котором назывались отдельные лица и объединения, ответственные за мощение определенных участков города. Среди прочих в уставе упоминались немцы и готы, обязанные мостить прилегающие к их дворам проезды.

* Перевод Д. А. Дрбоглава.

В связи с этим мостовую возле проданного готами двора гильдии они отказывались мостить.

Отдельные статьи договора 1269 г. находили аналогии в двух предшествующих договорах: об обеспечении безопасности пути до Котлинга (о. Котлин) и обратно, о гарантии купцам «чистого» пути во время войны новгородцев с соседними землями, о размерах штрафов за убийство послов, купцов и других лиц.

Вместе с тем указанная договорная грамота намного информативнее прежних договоров о новгородско-немецких отношениях, поскольку ее заключение не связано с конкретным случаем нарушения торговли и поэтому носит не частный, а общий характер. Она содержит сведения об устройстве гостиных дворов, о характере взаимоотношений между немецкими купцами и новгородцами (как властями, так и жителями города), устанавливает правила приезда и отъезда иностранных купцов и правила ведения торговли. Можно сказать, что договор 1269 г. был основополагающим документом, на многие годы определившим принципы новгородско-немецкой торговли. Недаром на него ссылались, как уже упоминалось, еще в 1554 г., спустя почти 300 лет после заключения. Все последующие соглашения носят частный характер, регулируя возникающие конфликты и возобновляя время от времени некоторые прежние постановления.

Деятельность Любека по созданию Ганзы

Спустя 10 лет после заключения рассмотренного договора магистр Ливонского ордена вновь обратился к купцам с просьбой не возить товаров в Новгород, иными словами, объявить торговую блокаду, что и было принято собранием немецких городов и купцов.

Активная роль Любека в новгородско-немецкой и вообще во всей балтийской торговле в XIII в. постоянно росла. Большое значение для безопасности поездок по Балтийскому морю имело заключение в 1280 г. договора Любека (рис. 9) с немецкой общиной на Готланде о том, что община обязывалась обеспечивать безопасность купцов Любека и других немецких городов во всех балтийских гаванях и в Новгороде. Аналогичный договор Любек заключил в 1282 г. на 8 лет с Ригой, а также с Висбю, как бы закрепившим тем самым заключенный ранее только с Висбю договор на 10 лет. Оба договора свидетельствуют о еще главенствующей роли в балтийской торговле немецкой купеческой общины на Готланде и все возрастающей роли Любека, выступающего в этих соглашениях не только от своего

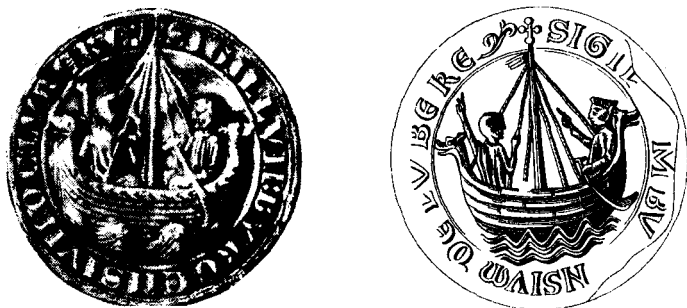

Рис. 9. Печать Любека 1280 г. (фото и прорись)

имени, но и от имени других немецких городов, ведущих торговлю на Балтийском море.

В 1283 г. в Ростокe состоялось заключение союза, впервые объединившего Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грайфсвальд, Штеттин, Деммин, Анклам — главные города на южном побережье Балтики, известные под общим названием вендские города (см. рис. 8). Особенно важным, как отмечают исследователи, было признание этого союза сюзеренами названных городов.

Возглавлял эту вендскую группу городов Любек, становившийся постепенно руководящим центром в балтийской торговле. Однако поначалу у него был серьезный соперник в лице Висбю на Готланде, служившего, как известно, продолжительное время промежуточным пунктом в поездках по Балтийскому морю. С образованием в XII в. немецкой купеческой общины на Готланде Висбю не только сохранил, но даже упрочил свое положение. Именно Висбю был высшей апелляционной инстанцией в решении всех спорных вопросов в торговых делах немецких купцов, здесь же хранилась общая печать немецкой общины (см. рис. 6).

Вместе с тем Любек, укрепивший свои позиции в последние десятилетия XIII в., имевший большие возможности для защиты интересов купцов, стремился стать для них единственным судьей и высшей инстанцией во всех торговых делах. В октябре 1293 г. в Ростокe состоялся съезд вендских городов, постановивший перенести апелляционную инстанцию из Висбю в Любек. По окончании съезда Росток разослал во многие города формуляр с этим решением, после чего города один за другим стали присоединяться к нему, при этом такие крупные торговые центры, как Киль и Дортмунд,

благодарили Любек за его усилия для блага купцов. Среди ливонских городов первым присоединился к Любеку Ревель, в то время как Рига, получившая при своем основании висбийское городское право, считала несправедливым постановление вендских городов и предлагала устроить собрание городов со всеми купцами для окончательного решения этого вопроса. Также против указанного постановления выступил Оснабрюк, за что получил благодарственное письмо из Висбю, в котором утверждалось, что апелляция в Любек противоречит старым свободам, которые вытребовали себе немецкие купцы в древнейшее время. Видимо, имелись в виду первые десятилетия пребывания немецких купцов на Готланде во второй половине XII в.

Висбю стремился предотвратить сокращение своих прав и купеческих свобод, однако не мог, конечно, противостоять силе Любека, поддержанного большинством городов — от нижнего Рейна до Пруссии. На съезде городов в 1298 г. в Любеке последний, чтобы не вызывать протеста среди еще не примкнувших городов, просил апеллировать к нему только в сомнительных, трудных случаях. На этом же съезде города приняли решение о лишении Висбю права держать у себя печать всех купцов, чтобы Висбю не мог воспользоваться ею во вред другим городам. С этих пор каждый город имел свою печать для удостоверения принадлежности купцов и их товаров тому или иному городу.

Таким образом, в результате активной деятельности Любека немецкая **купеческая** община, обосновавшаяся на Готланде с XII в., уступила в конце XIII столетия свое влияние и роль посредника в балтийской торговле **городской** общине немецких купцов.

Вторая редакция скры

Переход главенствующей роли в торговле с Новгородом от немецкой общины Висбю к Любеку был ознаменован созданием в 1295 г. новой, второй, редакции скры (рис. 10). Она сохранилась в трех списках: любекском, копенгагенском и рижском, причем в последнем списке была выскоблена статья, в которой говорилось об апелляции по всем спорным делам из Новгорода в Любек. Издатель редакций скры В. Шлютер отметил, что все три списка II скры совершенно идентичны и даже содержат одинаковые ошибки. Очевидно, это свидетельствует не только о восхождении к одному оригиналу, но и о том, что все три списка были сделаны в Любеке и разосланы потом для исполнения в Висбю и Ригу — ведущие центры в торговле

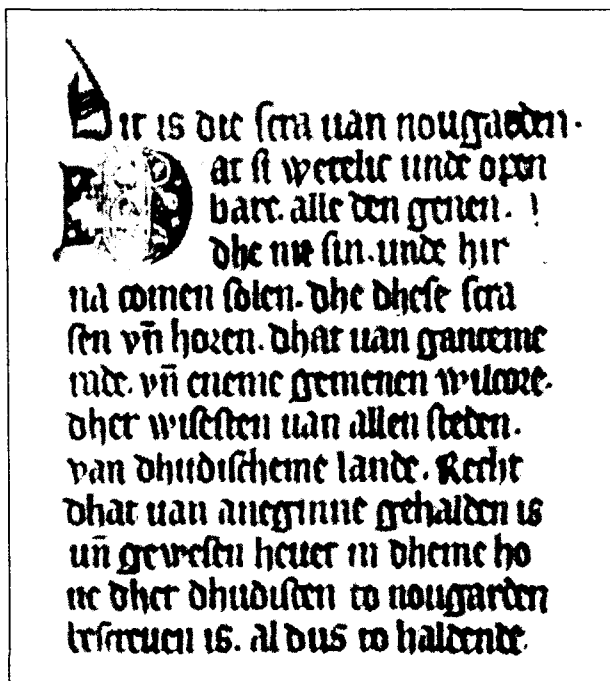

Рис. 10. Вторая редакция скры. Фрагмент

с Новгородом. В Риге, которая поначалу, как известно, не согласилась с решением городов об апелляции в Любек, очевидно, вычистили соответствующую статью в присланном документе. Однако позднее, в конце 1297 г., уличенная в этом Рига заявила, что, к ее огорчению, это случилось без ведома города и что, конечно, скра должна сохраняться в том виде, в каком была составлена в Любеке. Несомненно, это заявление Риги доказывает укрепление позиций Любека и отход от Висбю даже его ближайших союзников.

Вторая скра полностью включила 9 статей первой редакции и была значительно расширена за счет 55 статей, основанных на любекском праве, что подтверждало ведущую роль Любека. Новые статьи носили главным образом характер различных юридических постановлений, связанных с уголовно-правовыми преступлениями: за убийство, нанесение увечий, драки, за оскорбления, ранения и т. д. Здесь же — постановления о правилах торговли, категорически запрещающие объединяться с русскими в торговые сообщества, возить товар русских, брать что-либо у русских в долг. За нарушения этих

правил налагался штраф 10 марок серебра, а за особенно опасные для немецких купцов проступки штраф достигал 50 марок серебра, в то время как в I скре максимальным был штраф в 10 марок.

Во многих статьях второй скры подробно рассматривались разные уголовные преступления: например, за удар в ухо назначался штраф в 1,5 фердинга, за удар в ухо, от которого остался синяк или кровоподтек, — 1,5 марки серебра и т. д. В отдельных статьях защищалась честь старост и их помощников, за необоснованные оскорбления которых полагался штраф в 3 марки. Подвергались штрафу и те, кто пользовался фальшивыми весами и разновесами, фальшивым локтем и другими неточными мерами.

Почти каждая статья заканчивалась назначением того или иного штрафа за проступки, преступления, нарушения правил торговли, соблюдения порядка во дворе и т. д., причем специально оговаривалось, что две части этого штрафа поступают в казну св. Петра, а одну часть делили между собой старосты и их помощники.

В связи с этим представляет интерес статья, запрещающая старосте принуждать кого-либо к началу иска, если старосте не была подана жалоба или если у пострадавшего не было ран и не было слышно крика. Возникновение этой статьи возможно объяснить только одним: старосты, заинтересованные в получении дополнительных доходов, вероятно, превышали свои полномочия, необоснованно назначая штрафы, поэтому для вмешательства старосты в раздоры между купцами необходимы были жалоба потерпевшего или явные доказательства происшедшего столкновения.

Вместе с тем если кто-то из купцов начинал иск, а по ходу дела мирился с ответчиком, то истец не имел права закончить дело полюбовно без согласия на то старосты и помощников. В противном случае истец должен был заплатить 1 марку серебра св. Петру и продолжить иск. Здесь также заметна забота о пополнении казны св. Петра.

Скру следовало читать каждый год два раза: один раз для зимних гостей, другой раз — для летних, чтобы не было отговорок в незнании существующих правил порядка во дворе и ведения торговли.

Заканчивалась вторая скра статьями о том, что во всех сомнительных случаях следовало обращаться в Любек, который брался решить любое недоразумение и прислать необходимое постановление. Также, если возникало какое-нибудь новое правило, которого не было в скре, об этом необходимо было доложить в Любек, чтобы можно было его узаконить. Таким образом, Любек полностью подчинил своему влиянию и руководству торговлю немецких купцов в Новгороде. Теперь

интересы немецких купцов защищали и представляли города, а не община немецких купцов на Готланде.

Таким образом, в конце XIII в. создались реальные предпосылки для образования общенемецкого союза городов.

ГЛАВА IV

НОВГОРОД И ГАНЗА В XIV—XV ВВ.

Хроника событий первой половины XIV в.

Начало XIV в. ознаменовано активной деятельностью немецких купцов по обеспечению безопасности торговых поездок в Новгород. В это время ими было получено несколько грамот о предоставлении чистого пути при поездках в Новгород и обратно, причем в основном речь шла о сухопутных путях.

В 1301 г. Новгород гарантировал немецким купцам, от имени которых выступали послы Любека, Готланда и Риги, три сухопутных пути и один водный, «в речках». Здесь впервые наравне с прежними партнерами Новгорода названа Рига как полномочный представитель и главный город из трех ливонских центров (Рига, Ревель, Дерпт) (рис. 11; ил. 6). На протяжении всей истории новгородско-ганзейских отношений рижский магистрат принимал активное участие в контактах с Новгородом и в жизни ганзейской конторы. При решении конфликтных ситуаций в новгородско-ганзейской торговле, а также проблем во взаимоотношениях с жителями Новгорода Рига была последней инстанцией перед обращением в Любек как главу Ганзейского союза. Именно в Риге до второй половины XIV в. хранился ключ от сундука с казной двора св. Петра в Новгороде. Очевидно, неслучайно подавляющее большинство дошедших до нашего времени новгородско-ганзейских договоров сохранилось именно в Рижском архиве.

В том же 1301 г. году Новгород отправил в Любек еще одну грамоту о захвате Швецией невского пути. Новгородцы в ответ на грамоты Любека о «старом мире», старой правде и крестном целовании (документы не сохранились) обещали купцам охрану по пути в Новгород. Однако новгородцы писали, что могут обеспечить чистый путь по Неве только в случае мира со Швецией, захватившей в то время часть принадлежавших Новгороду земель и построившей крепость Выборг. В 1303 г. шведский король Биргер оговорил условия,

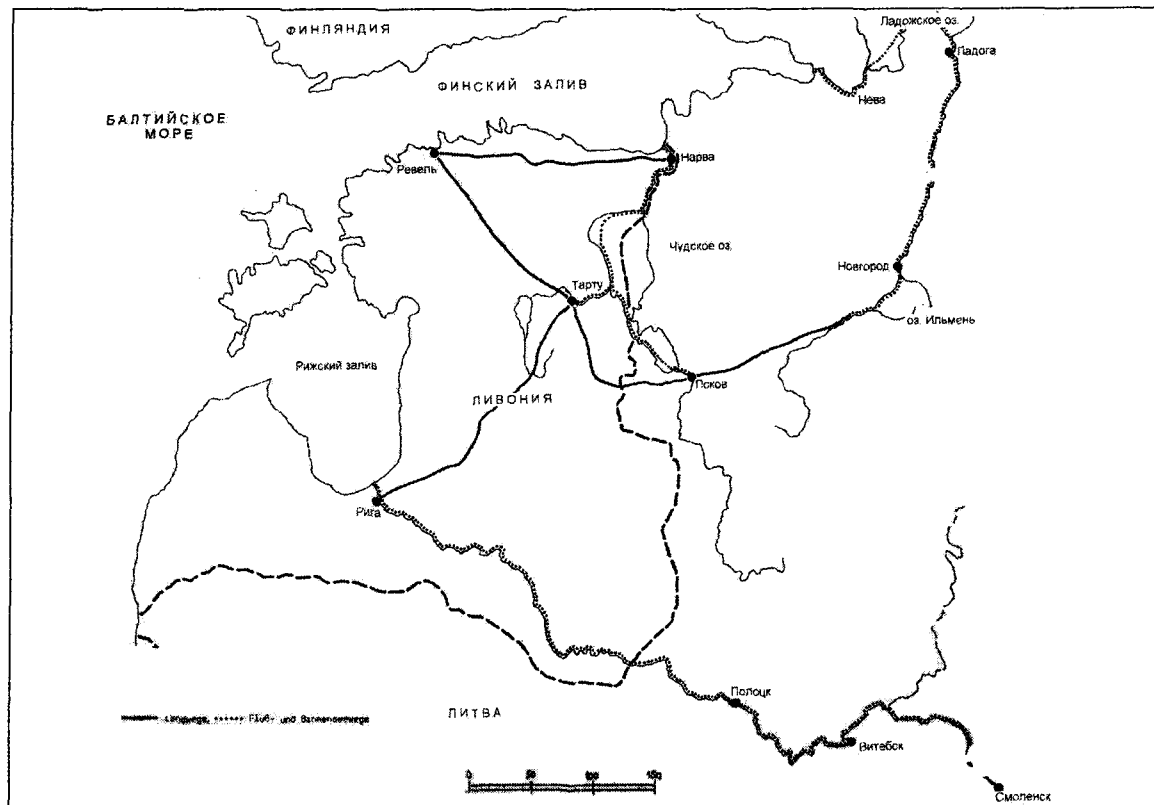

Рис. 11. Ливонские города и пути русско-ганзейской торговли (по Фридрих Брунс и Хуго Вечерка.
Ганзейские торговые пути Атлас Кельн-Гнаи. 1962. карты В и VIII)

на которых он разрешал любчанам поездки в Новгород по Неве. В 1307 г. король Дании, новый покровитель Любека, разрешил его жителям свободный проезд через свои владения, и особенно через Эстонию. Совершенно очевидно, что Любек, стремясь к главенствующей роли в торговле в балтийском регионе, начал свою деятельность с обеспечения безопасности торговых путей, в том числе сухопутных, которыми пользовались немецкие купцы для поездок в Новгород. Именно об этом свидетельствуют приведенные документы.

Вместе с тем Любек, взявший на себя руководство новгородско-немецкой торговлей, в начале XIV в. был занят политической борьбой, стремясь сохранить свою независимость от графов Гольштейнов, сюзеренов Мекленбурга, на земле которого он находился. В этой борьбе город не мог рассчитывать на помощь союзников, несмотря на возобновленный в 1296 г. договор о взаимопомощи между Любеком, Висмаром, Росток, Грайсфальдом и Штральзундом. Последние боялись навлечь на себя гнев сюзеренов и отказались помогать Любеку. В сложившейся ситуации Любек вынужден был обратиться за содействием к датскому королю, который обещал помощь при условии перехода Любека под власть Дании. Таким образом, союз вендских городов, едва успев образоваться, распался, а Любек оказался в подчинении Дании.

Занятый в первой половине XIV в. своими политическими делами Любек не мог уделять достаточного внимания купеческим делам, чем и поспешила воспользоваться немецкая купеческая община в Висбю с целью укрепления своего положения во дворах в Новгороде. Она продолжала вести самостоятельную, независимую от городов, политику в отношениях с торговыми партнерами, принимала необходимые постановления в торговых факториях, руководствуясь при этом своими интересами.

Около 1307 г. община принимает дополнительные постановления к существующей второй редакции скры, которые напрямую связаны с Висбю, а в 1325 г. создает новую, III редакцию скры, хотя в обновлении устава не было никакой нужды. Третья скра целиком вобрала в себя статьи I и II скры, сверх которых было добавлено всего шесть новых статей, напрямую связанных с правом Висбю и призванных символизировать победу немецкой купеческой общины Готланда над зарождающейся во главе с Любеком городской Ганзой. В частности, в одной из статей новой скры говорилось, что русский, которому запрещено появляться в Немецком дворе, может через год получить на это разрешение у немецкой общины Готланда.

Еще ряд постановлений был принят в 1346 г. непосредственно самим купечеством, торговавшим в Новгороде. Впоследствии они целиком вошли в очередную редакцию скры. Судя по приведенным фактам, первая половина XIV в. прошла под знаком несомненной самостоятельности и независимости немецкой купеческой общины в Новгороде.

Конкретных сведений о взаимоотношениях немцев с русскими и о самой торговле, о положении дворов в Новгороде в этот период сохранилось сравнительно немного, однако имеющиеся в нашем распоряжении документы донесли живые подробности событий.

В первое десятилетие XIV в. возник конфликт между Новгородом и Ригой, где были ограблены и избиты новгородские купцы. Существо конфликта из-за отсутствия источников остается неясным, но сохранилась грамота, посланная по этому поводу из Новгорода в Ригу, которая содержит лаконичный, но чрезвычайно красноречивый и местами ироничный текст. Новгородцы во главе с владыкой писали рижанам: «... что избили братию нашу у вас и товар поимали, за то вам Бог помози...». Далее они требовали возвращения товаров, а также выдачи разбойников, в противном случае «не будет промежи нас речи».

Борьба Новгорода со Швецией за господство в карельских землях закончилась в 1323 г. заключением так называемого Ореховецкого мира, в котором была определена граница между новгородскими и шведскими владениями в Карелии. Важно было обеспечение в этом договоре свободных торговых путей «горою» и водой, как для немецких купцов, так и для новгородских. Было также оговорено, чтобы шведы из Выборга не переманивали гостей, едущих в Новгород.

Об одном из первых известных нам конфликтов, происшедших у немецких купцов, живших на своих дворах в Новгороде, с жителями города, узнаем из подробного донесения Немецкого двора рижскому магистрату в ноябре 1331 г. Из этого документа можно почерпнуть много различных сведений о жизни немцев в Новгороде и их взаимоотношениях с новгородцами, о ходе судебного разбирательства сложных конфликтов, каким было это происшествие.

Существо дела заключалось в том, что как-то вечером немцы с Готского двора отправили своих людей на Немецкий двор варить пиво. Когда последние возвращались обратно, то были задержаны русскими, завязавшими с ними драку. На шум сбежались немцы обоих дворов с дубинами и мечами, в результате побоища было ранено несколько немцев и русских, а один русский был убит. После

этого немцы разошлись по своим дворам, а дружелюбно настроенные к ним новгородцы советовали им спрятать товар и всем укрыться во дворе св. Петра, так как русские вооружаются и немцам не сдобровать. Разбирательство этого дела длилось несколько дней, в один из которых новгородцы напали на Немецкий двор, уничтожили часть забора, взломали амбары и унесли что могли. Новгородцы требовали удовлетворения не только за недавно убитого русского, но и за убитого ранее в Дерпте новгородского купца Ивана Сыпа, на что немцы отвечали, что они к тому делу не имеют отношения, потому что они приехали из морских (а не ливонских) городов. Как видим, предусмотренное всеми торговыми договорами правило предъявлять иск только непосредственным виновникам, а не ко всем купцам, на практике не соблюдалось, что служило постоянной причиной конфликтов.

Разрешению аналогичного конфликта, происшедшего несколькими годами позже, была посвящена договорная грамота Новгорода с немецкими городами 1338 г., в начале которой разбирался конфликт и определялись меры по его ликвидации. Во второй части договора сформулированы постановления, регламентирующие будущие контакты. Хотя из названной грамоты суть раздора в основном ясна, в ней содержатся отдельные труднокомментируемые места. Между тем среди ганзейских грамот сохранилась жалоба немецких купцов, непосредственно связанная с этими событиями. К сожалению, документ имеет утраты, но содержание конфликта и его решение ясны. Суть дела сводится к тому, что где-то под Нарвой были ограблены и убиты новгородский купец Волос с «братиею». В ответ новгородцы заперли немецких купцов, находившихся в Новгороде, в церкви и потребовали выдачи убийц и награбленного товара. И хотя арестованные немецкие купцы не имели отношения к совершенному убийству и ограблению, тем не менее вынуждены были подчиниться новгородцам под угрозой смерти и выдать в качестве залога такое количество товаров, какое было похищено у новгородских купцов.

Судя по изложенной купцами жалобе, переговоры между новгородцами и немецкими купцами велись долго. Немецкие купцы доказывали свою непричастность к происшедшим событиям; новгородцы же, защищая интересы своих сограждан, настаивали на удовлетворении их требований. Данный конфликт не удалось разрешить в самом Новгороде, даже несмотря на организованное посольство в Нарву, Феллин, Дерпт, откуда были доставлены подтверждения невинности немецких купцов. Потребовалось собрание всех

заинтересованных сторон и привлечение главных кураторов иноземных дворов — Любека и Готланда. Послы Новгорода, Любека, Готланда в мае 1338 г. собрались в Дерпте с представителями магистрата этого города, которых возглавил дерптский епископ, и в результате переговоров была заключена договорная грамота об урегулировании конфликта. В ней назывались истинные виновники происшедшего, упомянутые в жалобе немецких купцов. Ими были Гинзе Фельтберге и Герберт, которых немецкие города обязывались, если они там появятся, задержать и передать в суд. Родственникам убитого Волоаса и его товарищей предлагалось предъявить иск названным лицам, а к немецким купцам претензий не иметь. Новгородцы обязаны были вернуть немцам их товар, взятый в качестве залога («а что взят у гостя его товар, и то его вернуть»).

Для предотвращения подобных ситуаций в будущем («будет после зло, убийство или другое побоище») указывалось, что гостю до этого дела нет, а истец должен ведаться с истцом и дело должно решаться там, где оно возникнет. Все эти правила хорошо известны из прежних договоров Новгорода с немецкими городами. Грамота 1338 г. предполагала также невмешательство купцов в возможные военные конфликты Новгорода с его соседями, и гарантировал им во время войн чистый путь.

В приведенных документах запечатлен конкретный случай из взаимоотношений новгородцев с немецкими купцами, передана атмосфера события и продемонстрировано, насколько неустойчивы были в средневековые правила торговли, постоянно нарушавшиеся обеими сторонами, несмотря на крестоцелование и скрепление договоров печатями.

Отмечу, что в решении упомянутого конфликта активное участие принимал Дерпт как представитель ливонских городов. С этих пор эпизодическое прежде участие ливонских городов в управлении немецкими дворами в Новгороде все заметнее. Из документов второй половины XIV в. известно, что ключ от сундука с казной двора св. Петра хранился в Риге. Очевидно, когда Висбю лишился своих прав руководителя дворов и хранителя общественной казны, ключ от нее был передан в Ригу. Около 1360 г. Любек, узнав от купцов, посещавших Новгород, что двор имеет повреждения и нуждается в ремонте, просил Ригу отправить ключ от казны (буквально — «от сундука») в Новгород, чтобы находившиеся там купцы могли располагать этими общими деньгами для оплаты строительства двора и устранения долга.

Создание Ганзы

Тем временем к середине XIV столетия усилился процесс консолидации немецких городов. В 1356 г. в Любеке состоялся съезд городов, который исследователи с полным правом называют первым общеганзейским съездом; на нем присутствовали представители всех «третей» — вендско-нижнесаксонской, вестфальско-прусской и готландско-ливонской (рис. 12). Таким образом, закончился длительный период в образовании союза немецких городов, известного под названием Ганзейский союз, или Ганза, возглавлявшего в течение XIV—XV столетий балтийскую торговлю и монополизировавшего вообще всю западноевропейскую торговлю того времени.

Долгое время формальной датой образования Ганзы считался 1370 г., когда объединенные немецкие города одержали победу над Данией, ознаменовав ее подписанием Штральзундского мира (Штральзунд — один из крупных торговых центров на южном побережье Балтики). В подписании участвовало более 70 немецких городов, составлявших основу Ганзы (рис. 13). На самом деле процесс образования Ганзы в том виде, в каком она была известна во всей средневековой Европе, начался гораздо раньше, и современные историки не склонны называть точную дату образования Ганзейского союза городов.

С образованием союза немецких городов произошли существенные изменения в руководстве немецко-новгородской торговлей и иноземными дворами в Новгороде. В 1361 г. к немецким купцам в Новгород было отправлено чрезвычайное посольство городов с решением, что все постановления, принимаемые купцами в Новгороде, будут иметь законную силу только в случае их одобрения Любеком, Висбю, а также Ригой, Ревелем и Дерптом. Следовательно, 1361 год можно считать официальной датой включения ливонских городов в число руководителей немецкой конторы.

Образовавшийся союз немецких городов вплотную занялся и делами своих зарубежных контор в Брюгге, Новгороде, Лондоне и обнаружил полную самостоятельность и независимость купцов в вопросах правопорядка во дворах. В связи с этим города приняли различные решения по содержанию дворов, порядку в них и правилам ведения торговли. Очевидно, тогда же были созданы первые варианты гербов ганзейских контор. Сохранилось изображение XVI в. с гербами всех четырех контор Ганзы, основу которых составляет двуглавая птица (орел?). Однако на гербе конторы в Новгороде вместо

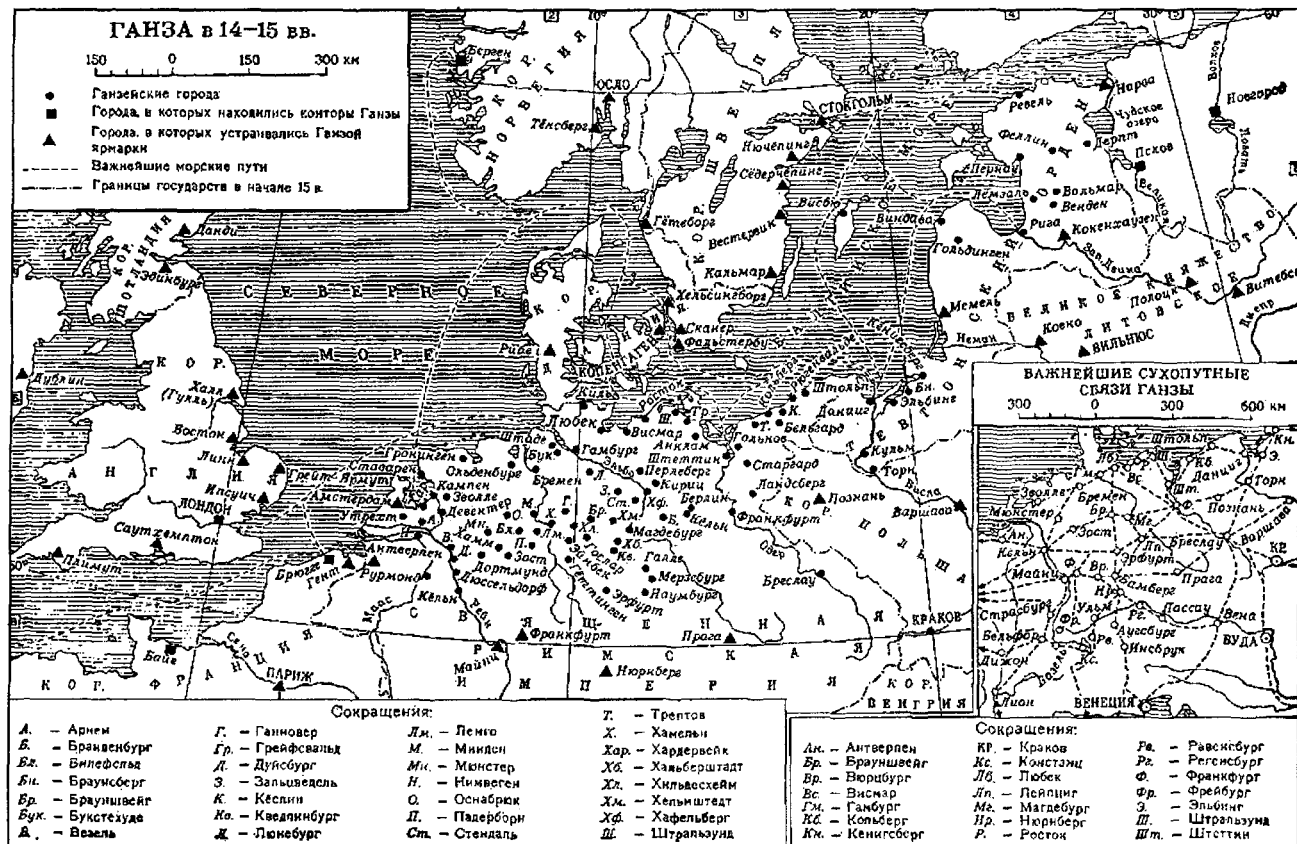

Рис. 12. Ганзейские города

Рис. 13. Штральзундский мир 1370 г. с печатями 70 городов

второй головы помещен ключ, форма которого весьма характерна для XIV—XV вв. (рис. 14: 3).

Со второй половины XIV в. все дела новгородской конторы обсуждались на ганзейских и позже — на ливонских съездах. В частности, на состоявшемся в июне 1363 г. ганзейском съезде в Любеке было принято решение, что старостой двора в Новгороде при отсутствии купцов из Любека или Висбю должен избираться способный и умелый человек из ганзейских купцов независимо от его принадлежности к тому или иному городу. Однако священника двора попрежнему назначали попеременно только Любек и Висбю.

На съезде ганзейских городов в Любеке, проходившем в июне 1366 г., были приняты многочисленные постановления по поводу контор в Новгороде и Брюгге. Находившимся там купцам были посланы разнообразные инструкции, из которых главными были запрет торговли в кредит, указания о выборах старост, ограничение круга купцов, пользующихся правом двора св. Петра в Новгороде, только гражданами ганзейских городов. Наиболее существенным изменением было принятое на съезде постановление о том, что конторы в Новгороде и Брюгге впредь не имели права издавать никаких важных решений без ведома городов. Это постановление, предложенное послами еще в 1361 г., было вызвано тем, что в первой половине XIV в. немецкие купцы в Новгороде в дополнение

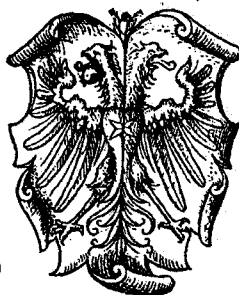
AD ILLVSTREM ET MAGNIFICAM CIVITATVM HANSÆ SOCIETATEM.

cautus in regni tenuissi fortiter olim
Adversibus extollis, nobilis Hays, Omas.
horibus antiquis, et libertate potenter.
Dimissis gravis, periculisq; pedit.

Quia ex domo ista clara legumitur, ingens
Ordinis Imperium noscitur vnde tot.
Hic ego simplicibus repetam per carmina verbum,
Hansæ fave, et laudes atq; gratia tuas.

Sic tua libertas, concordia, gloria, virtus,
In castris monent illecebræ felle dicit,
Sic ego prodixi tua nomine carmine tollere,
Atque tua iussu gesta d'vrent omnes.

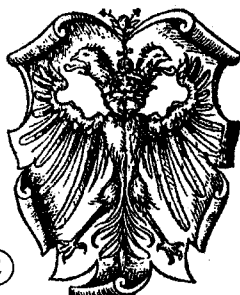
Insignia quattuor Hansæ Teutonicæ Domorum, quæ Contoria
dicuntur: descripta in Gymnasio Daniscano, ab Henrico Mollero Hesso.

1

INSIGNE EMPORII BRUGÆ
SIS IN FLANDRIA.

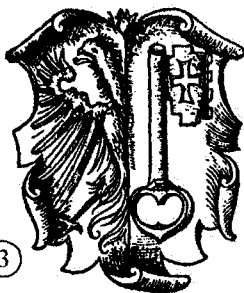
In clypeo bicolor, biceps bicolorq; volucrum
Regina, est signum Flandricæ Bruggæ tuum.
Altera pars Aquileæ cen flauet, et altera nigra est,
Cen finis hic clypei flauus, et ille niger:
Sic Aquile in medio quæ pectore clara nitescit
Hanc illamq; pari Stella colore refert.
Atamen band corunt in eadem sede colores,
Sed retinent inflas in statione vices.

2

INSIGNE EMPORII LONDÆ
NISIS IN ANGLIA.

Londinum, varia quod Tamefis alluit æstu,
Fert Aquilam clypeo sub bicoloris migrant.
Hæc caput geminum campo sustollit in albo,
Sed geminos rubeo figit in orbe pedes.
Auratum collo diadema coheret viroque,
Quale coronatus Cæsar habere solet.
Est superincumbis venerandi insignis Monarchæ,
Cum rutila, Mali forma rotunda, Cruce.

3

INSIGNE EMPORII NOVOGAR
DIENSIS IN MOSCOVIA.

Mostrum pingues Neogardia nota per agros,
Orbe gerit tales in bicolore natus.
Dimidium Imperij volucrum, per cuius ex ala,
Diffusioq; nigrum lucci in orbe caput.
Dextera pars clypei tenet hanc, spectabilis auro:
Caruleus suffert arma sinistra locus.
Spectet argento splendentem dante clauem,
Lunior ut cali Petrus habere solet.

4

INSIGNE EMPORII BERGEN
SIS IN NORVEGIA.

Norvegiæ quoque Berge caput, bicolorib; armis
Gaudet, et hæc laudis fuit monumenta
Dimidium, forma proutis meretricæ, Volucrum
Dicitur arbergo quæ dare tela loat.
Hoc dextram clypei lotus est, ac fulget d'vix
Altera pars veluti porpara Cæsaribus.
Atque loco capitis Salpam diadema gerentem
Portant hypoborci dona beata Maria.

GERARDI EXCEDEBAT IACOBI QVODV: ANNO 1566. MENSE IPRIO.

Рис. 14. Гербы ганзейских контор: 1 — Брюгге; 2 — Лондон;
3 — Новгород; 4 — Берген

к существовавшей тогда III скре принимали различные постановления (III а, III б) о правилах торговли и распорядке во дворе.

Четвертая редакция скры

В связи с изменениями, происшедшими в 60-е годы XIV столетия в руководстве ганзейской конторой в Новгороде, стало необходимым оформление новой редакции скры, поскольку существующая III редакция многократно исправлялась и дополнялась разнообразными новыми постановлениями и в результате не соответствовала изменившимся условиям.

Новая IV скра создавалась, как это следует из датировок ее отдельных статей, длительное время, но окончательное оформление получила в 1370—1371 гг., т.е. после официального создания Ганзейского союза городов. Она коренным образом отличалась от первых трех редакций и знаменовала собой новый тип устава двора св. Петра в Новгороде. IV скра состоит из разнообразных постановлений, регламентирующих внешний распорядок двора, правила торговли, а также предписания торгово-полицейского содержания, и, как писал Шлютер, производит впечатление «бессистемного собрания разнообразных элементов». Однако поскольку во введении все эти постановления, собранные вместе, обозначены словом «скра», то они, несомненно, должны быть приняты как право двора св. Петра (см. Приложение).

От уголовно-правовых постановлений II и III скры, основанных на любекском праве, в IV скре не осталось почти никакого следа. Те статьи прежних редакций, которые все-таки вошли в новую скру, оказались кардинально измененными. История составления IV редакции скры объясняет в какой-то мере ее характер и отличие от трех первых редакций. Как известно, в 1325 г. была создана III редакция скры, призванная доказать, что немецкая купеческая община Висбю еще не утратила своих позиций в новгородской торговле, несмотря на переход в конце XIII в. руководящей роли к Любеку. Между тем уже в начале XIV в. и затем на протяжении первой половины столетия общим собранием купцов, живущих во дворах в Новгороде, постоянно принимались новые постановления без одобрения Висбю. Вероятно, купцов не удовлетворяли предписания прежних редакций, не учитывавших развития торговых отношений с Новгородом, местных условий и особенностей, что и потребовало выработки особых постановлений, составивших в конце концов новую редакцию третьей скры.

Четвертая редакция содержит 119 статей, которые группируются в несколько разделов, несмотря на известную бессистемность новой скры. Вместе с тем в начале скры, кроме обычной формулы «все те, кто видит эту грамоту и слышит ее чтение», говорится, что «нужно соблюдать все церковное право и право двора и все право св. Петра, будь то в мелочах или в крупных делах, как это было исстари правом и обычаем». Как видим, сами составители IV скры выделяли в ней отдельные разделы. Первый из них составляют статьи 2—23, которые Шлютер назвал «церковным правом», поскольку в них определялся порядок хранения товаров в церкви, устанавливались места для хранения тех или иных видов товаров, порядок охраны двора и церкви.

В указанных статьях подробно оговаривались любые возможные проступки, связанные с размещением товаров в церкви, ее охраной, с пользованием предметами, принадлежащими церкви, и назначался штраф за нарушение правил. Заканчивается первый раздел статьями, определявшими порядок действий купцов в случае их отъезда и закрытия двора. В частности, в статье 21 указано, что если большинство купцов уедет, то церковь может быть открыта для хранения товаров и богослужения только в том случае, если на дворе будет проживать не менее 6 самостоятельных купцов и 9 помощников. Тут же устанавливался штраф в 10 марок за самовольное назначение помощников самостоятельными купцами. В статье 23, завершающей первый раздел, отмечалось, что собранные постановления были утверждены общим собранием купцов в 1354 г. Следовательно, первый раздел положил начало созданию новой скры.

Второй, самый большой, раздел охватывает статьи 24—92 и может в целом называться «дворовым правом», поскольку здесь определялись порядок размещения купцов в помещениях двора, правила торговли, порядок пользования помещениями двора, содержания их, поддержания порядка. Тут же регулировались отношения с русскими купцами и условия торговли с ними. Отдельные статьи относились к уголовно-правовому процессу.

Важную часть составляли статьи, в которых шла речь о порядке назначения старост двора, церкви св. Петра и их помощников. В этом состояло одно из главных отличий IV скры от трех древнейших редакций, согласно которым старосты выбирались самими купцами. Теперь же старосты избирались из купцов Любека или Готланда послами ганзейских городов. Старосты церкви св. Петра обычно назначались старостами двора, но в случае их отсутствия города присылали специальных людей для избрания старост св. Петра из имеющихся

во дворе купцов Любека или Висбю. Если же таковых во дворе не находилось, можно было избрать на должность старост пригодных для этой цели купцов из других городов до прибытия любекских или купцов из Висбю. Священника Любек и Висбю назначали по очереди.

Эти постановления лишали немецкую купеческую общину той самостоятельности и свободы в действиях, которые она имела до сих пор, и поставили ее в зависимость от воли и решений Ганзы.

Последний раздел, состоящий из статей 93—116, представляет собой ряд постановлений, принятых общим собранием купцов в разные годы и утвержденных впоследствии городами (главным образом о торговле воском, мехом, тканями — самыми основными статьями импорта и экспорта в торговле ганзейских купцов с Новгородом). В этот раздел была включена также договорная грамота, заключенная в 1342 г. между Новгородом и послами Любека, Готланда, Риги и других немецких городов о торговле воском. За 10 лет до этого общим собранием купцов было принято решение, запрещавшее покупку фальсифицированного, смешанного с разными искусственными примесями, воска. Очевидно, новгородские купцы «подсовывали» немцам нечистый воск, что и вызвало необходимость специальной договорной грамоты; в свою очередь, новгородцам также предписывалось не брать такой воск от низовых и от корелов, т. е. от основных поставщиков воска в Новгород. В этом же разделе две статьи — 108 и 109 — были посвящены пребыванию во дворе священников.

В статье 113 излагалось постановление городов о продаже вина и других напитков только полными бочками, за нарушение чего грозили самый большой штраф в 50 марок и лишение прав члена общины двора.

Прекрасной иллюстрацией покупки-продажи заморского вина служит целиком сохранившаяся берестяная грамота XIV в. (№ 39), найденная в Старой Руссе. В переводе текст грамоты звучит так: «Поклон от Григория Ермоле и Озекею. Я послал тебе шесть бочек вина — как палец хватит, так что ты это хорошенько проверь. А продай как и те. Если же по той же цене продал, то полученное отошли. А моим ребятам денег не давай — пошли вместе с долгом». Несомненно, что автором грамоты является новгородский купец Григорий, оптом покупающий вино в бочках у ганзейцев (именно они были главными поставщиками в Новгород фряжских и иных вин) для дальнейшей перепродажи. Контрагентами Григория были старорусские купцы Ермола и Озекей (Иезекиил), которым Григорий уже отправлял партию вина. Посылая еще одну партию, он ждет получения

выручки за нее вместе с прежним долгом. Григорий не очень доверяет своим «ребятам», которым поручил отвезти в Русу шесть бочек вина. Они по дороге могут часть товара продать в свою пользу (или выпить?). Поэтому своим адресатам советует измерить пальцем уровень вина в бочках: если палец его достанет, то всё в порядке. Но денег за товар с этими ребятами посылать не стоит. Лучше их вернуть потом вместе с прошлым долгом. Эта грамота вводит нас в реальную атмосферу новгородско-ганзейской торговли.

В 1351 г. вынуждены были принять постановление, запрещающее варку и продажу пива на Готском дворе, так как новгородцы выражали по этому поводу неудовольствие. В случае если старосты Готского двора принимали к себе во двор продавцов пива, то они (старосты) обязаны были заплатить за это штраф в 10 марок.

Завершалась IV скра статьей 116, в которой определялись обязанности старосты двора. Он должен был еще до получения ключей прочитать данную скру, чтобы знать, чем ему руководствоваться в своей деятельности. Староста обязан был сохранять все привилегии и послания городов, которые получал двор в Новгороде. За исчезновение каких-либо грамот староста лишался права члена общины двора и платил штраф в 50 марок. Три последние статьи 117—119, содержащие даты 1370—1371 гг., были приписаны к IV скре позднее.

Почти каждая статья IV скры предусматривала тот или иной штраф в пользу казны св. Петра за нарушение принятых постановлений. Причем, в отличие от II и III редакций, по которым третья часть штрафа шла в пользу старост и его помощников, в IV скре такой порядок не предусмотрен. Напротив, за некоторые нарушения старосты сами должны были платить штраф в пользу казны св. Петра и иногда, как видно из приведенного ниже примера, немалый.

Самые высокие штрафы в 50 марок серебра и лишение прав члена общины св. Петра назначались за трехкратный отказ быть старостой двора, за отказ вести переговоры по поручению старосты или общего собрания купцов, за привоз товаров неганзейских купцов и ведение общих дел с ними, за получение от своих сюзеренов льготных грамот, которые нанесли бы вред всему купечеству, за тайную покупку нечистого воска и его тайный вывоз со двора, за продажу вина и других напитков неполными бочками, за увоз скры без разрешения старост, за игру в кости в русских дворах, где нет постояльца-немца (за игру в кости в ганзейских дворах назначался штраф в 10 марок). За привоз товаров на сумму, превышающую тысячу марок, и за пребывание во дворе больше года виновные лишались права члена общины двора.

Обращает на себя внимание тот факт, что экстраординарная мера наказания, какой было лишение членства общины двора и огромный штраф в 50 марок, применялась к купцам только в тех случаях, если их действия могли нарушить ганзейскую монополию в торговле с Новгородом и нанести вред всему купечеству. Что касается слишком строгого наказания за продажу вина неполными бочками, то это, видимо, было обусловлено нежеланием портить отношения с русскими, которые постоянно выражали неудовольствие по поводу продажи вина и других напитков малыми мерами.

Создавалась IV скра, как следует из датировок ее отдельных статей, длительное время. Шлютер относит окончательное оформление этой редакции к периоду между 1355—1361 гг., так как первая дата — самая поздняя из упоминаемых в скре дат, а последняя — год чрезвычайного посольства ганзейских городов в Новгород, принявших важное решение, чтобы купечество во дворе не решало никаких дел без одобрения Любека, Висбю и ливонских городов. Поскольку такой статьи в скре нет, это дало основание Шлютеру ограничить дату составления IV редакции указанными выше годами.

Однако наличие в конце данной редакции трех статей, датированных 1370—1371 гг., позволяет считать эти годы временем окончательного оформления IV скры. История создания IV редакции скры подробно рассказана в ст. 117. В 1370 г. в связи с войной Новгорода с Орденом, длившейся около двух лет (с 1368 г.), Любек и Висбю отправили своих послов в Дерпт для принятия необходимых мер. В это время немецкая церковь в Новгороде была закрыта и купцы покинули его, захватив с собой все ценности конторы: мерила, книги, грамоты, старую скру, и предъявили их в Дерпте ганзейским послам Любека и Висбю. К этому времени во дворе находилась лишь старая III скра с добавлением к ней новых постановлений, некоторые страницы в скре были вырезаны, во многих местах были сделаны исправления, в связи с чем встал вопрос о поновлении и переписке текста скры, что и было сделано. Из Дерпта послы вместе с купцами отправились для переговоров в Новгород, где приняли ряд новых постановлений (ст. 118—119), дописанных к IV редакции уже на месте, в Новгороде. В частности, с одобрения немецкого купечества послы решили, что никто под угрозой смертной казни или конфискации товаров не должен приезжать в Новгород с товаром по суше или по воде в то время, когда немецкие купцы там арестованы. Такие суровые меры назначались в связи с тем, что участвовавшие нарушения запретов торговли наносили большой убыток объединенному немецкому купечеству.

Рига, которая, судя по документам, в течение первой половины XIV в. принимала активное участие в делах новгородского двора, претендовала и в дальнейшем на ведущую роль в торговле с Новгородом. Магистрат Риги настаивал, чтобы во дворе в Новгороде наряду со старостами, выбиравшимися из купцов Любека и Висбю, назначался еще и староста из Риги. Кроме того, в письме, направленном в Любек, Рига обвиняла немецкое купечество новгородской конторы в том, что оно нарушает скру и вносит в нее различные поправки. Любекский магистрат переслал эту жалобу немецким купцам в Новгород, чтобы они объяснили суть дела. Вместе с ответом купечество направило в Любек для проверки скру, указывая при этом, что она не содержит никакого нового права, а только инструкции Любека и Висбю и постановления купцов; никаких изменений в скре не появилось и никаких новых постановлений купцам неизвестно. Что касается назначения старосты из числа рижских купцов, то об этом старосты спрашивали на общем собрании у всех купцов, был ли прежде такой обычай, на что получили решительный ответ, что рижане никогда не избирались старостами. В этом же письме купцы не преминули обвинить рижан в пренебрежении решениями Любека и Висбю.

Описанный конфликт между двором и Ригой рассматривался на общеганзейском съезде в мае 1373 г., где присутствовали и представители ливонских городов. Тогда скра, очевидно, была зачитана для всех участников съезда, после чего послы городов, за исключением рижского, приняли скру такой, какой она была, отклонив, таким образом, претензии Риги на назначение своего старосты во дворе в Новгороде. Вместе с тем съезд просил немецкое купечество в Новгороде придерживаться постановлений, записанных в скре, ничего в ней не менять без одобрения 5 городов (т.е. Любека, Висбю, Риги, Ревеля, Дерпта) под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав члена двора.

Хроника событий второй половины XIV в.

Вторая половина XIV в. изобилует запретами на торговлю с Новгородом: в частности, в 70-е годы конфликты между Новгородом и ганзейскими купцами следовали один за другим. Еще в 1368 г. магистр Ливонии обратился к Любеку и другим морским городам с предложением прекратить торговые поездки в Новгород в связи с его враждебным отношением к Ордену и католической церкви, с чем Любек согласился. Однако купцы ливонских городов продолжали торговать с русскими в Выборге, Нарве и на Неве, что вызвало недовольство

Любека и его жалобу орденскому магистру. С этих пор все отчетливее начинают сказываться разногласия между ливонскими городами и Любеком, интересы которых в торговле с Новгородом не всегда совпадали.

Отношения между Новгородом и Любеком в это время обострились еще из-за нападения на новгородских купцов морских разбойников, отправивших товары новгородцев в Любек. Рассказ об этом событии содержится в грамоте Новгорода, направленной Любеку с требованием вернуть новгородский товар. Поскольку речь в ней идет о морском разбое, очевидно, что нападение на новгородских купцов произошло летом 1370 г., после чего Новгород и отправил свои требования Любеку. Дело завершилось соглашением между Новгородом, Любеком и Готским берегом, о чем и свидетельствовала грамота новгородского владыки Алексея, посадника Юрия, тысяцкого Матфея и всего Новгорода «о той жалобе, что у нас была на любячяне и на годьцке бережане».

В 1371 г. Любек и Висбю отправили в Новгород своих послов, которые в августе того же года заключили с новгородцами договор от имени заморских гостей. Этот договор вызвал недовольство со стороны ливонских городов, так как обеспечивал чистый путь как сушей, так и морем без рубежа только купцам заморских городов, в то время как ливонские города в нем не были упомянуты. Кроме того, новгородцы отказались скрепить документ печатями, поэтому он не имел законной силы. В связи с этим Дерпт предложил послать к нему представителей Ревеля и Риги, чтобы обсудить создавшееся положение. Уже в декабре 1371 г. послы Иоганн Нибур и Иоганн Сварте заключили с Новгородом перемирие до дня св. Ивана, т. е. до 24 июня 1372 г.

Но вернемся к грамоте 1371 г., которая хотя и не была ратифицирована, но, несомненно, отражает состояние взаимоотношений между ганзейскими и новгородскими купцами после конфликта, определяет правила торговли, а также содержит сведения о правах ганзейцев в Новгороде. В первой части документа повторялись основные правила торговли, установленные в «старых грамотах»: «истцу ведаться с истцом», обеспечение чистых путей «без пакости и без рубежа» немцам в Новгородской земле, а новгородцам в немецкой, независимость торговли от военных столкновений между Новгородом и его политическими противниками (Швецией, Орденом и др.).

Во второй части немецкого проекта договорной грамоты были высказаны конкретные требования ганзейцев по поводу ведения торговли у Немецкого двора и обеспечения его неприкосновенности.

В частности, в грамоте указывалось, чтобы новгородские купцы не вели торговлю («не стояли», как сказано в грамоте) на прилегающих к двору улицах и не вбивали кольев в ограду двора. Кроме того, немецкие купцы требовали, чтобы на их участке новгородцы не ставили никаких строений и грязи туда не возили, а какие строения ими уже поставлены, следовало убрать. Вероятно, после отъезда немецких купцов в 1370 г. и закрытия двора новгородцы поспешили использовать его территорию для своих целей, против чего и возражали послы заморских городов.

По другой статье, касающейся прав Немецкого двора и его купцов в Новгороде, русским запрещалось торговать во дворе «со своими мешками с мехом» (рис. 15), а также и на мостовой, которую немцы называли своей и за которую они «давали» Новгороду серебро. Здесь, видимо, речь идет о мостовых возле иноземных дворов, которые согласно «Уставу о мостех» обязаны были мостить немецкие купцы. Не исключено также, что какие-то боковые проулки, прилежавшие к Немецкому двору, были собственностью иноземных дворов и они платили за них Новгороду серебро.

Несмотря на заключенное в декабре 1371 г. перемирие вернувшиеся в Новгород немецкие купцы снова подверглись притеснениям, о чем они сообщили в марте 1372 г. ливонским городам. В том же

Рис. 15. Охота на пушного зверя на Руси. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558*

письме они жаловались на упадок торговли тканями и переполнение двора товарами. В апреле того же года они написали о своих проблемах в Любек. Отмечу при этом, что в первую очередь немецкое купечество из Новгорода обратилось за помощью к ближайшим к Новгороду ливонским городам. В ответ Любек сообщал немецким купцам в Новгород, что ждет послов из Висбю, с которыми обсудит все дела, и о результатах даст знать купцам. В то же время Любекский магистрат просил продлить прежнее перемирие еще хотя бы на год.

В июне 1372 г. прежнее перемирие было продлено еще на два года. Договорная грамота гарантировала всем немецким купцам чистый путь и торговлю «бес пакости и без рубежа» не только в самом городе, но и в «подсудной Новгороду местности». Аналогично обеспечивался чистый путь новгородцам в немецкую землю и до Готского берега на основе старых грамот и крестоцелования. Ни слова не было в заключенном перемирии об удовлетворении конкретных претензий ганзейцев по содержанию Немецкого двора, высказанных в их проекте 1371 г. По окончании перемирия в Новгород должны были приехать немецкие послы для заключения торгового мира не позже дня св. Иоанна, т. е. 24 июня. В противном случае настоящая грамота о перемирии в тот же день должна была быть уничтожена. К сожалению, сведения о дальнейшем ходе событий в источниках отсутствуют. Известно лишь, что в 1373 г. состоялись очередные переговоры с Новгородом, не завершившиеся, однако, заключением договора.

Между тем в июле 1375 г. в ответ на арест в Дерпте новгородских купцов и их товаров были арестованы немецкие купцы, находившиеся в Новгороде, о чем последние сообщали в письме Ревелю. Новгородское посольство в Дерпт было безуспешным, новгородские купцы и их товары возвращены не были, что вызвало в свою очередь ухудшение положения немецких купцов в Новгороде. Мало того, в ноябре 1375 г. с согласия посадника и тысяцкого в Новгороде был арестован некий Иоганн Брунsvик, прибывший с зимним поездом торговать в Новгород и не подозревавший о происходивших событиях. Товары его и компании были перенесены в церковь Иоанна Предтечи, а с ним самим обращались как с преступником. Немецкие купцы обратились с жалобой к новгородскому архиепископу, который выразил сожаление по поводу происшедшего и дал своего человека немцам с тем, чтобы они передали жалобы посаднику. В ответ им было сказано, что, поскольку епископ и рат Дерпта задержали новгородских купцов и опечатали их товары, не имея к тому никаких оснований, они стали инициаторами конфликта и спровоцировали ответные действия

новгородцев. Вместе с тем новгородцы, в случае благополучного возвращения им братьев с товарами из Дерпта, обещали отпустить арестованного Брунсвика и вернуть ему товар. В мае 1376 г. Дерпт сообщал в Ревель о завершении этого дела: новгородский купец был освобожден и отправлен с послами в Новгород.

Описанный случай является конкретным и вместе с тем, очевидно, типичным примером из практики новгородско-немецких отношений. При этом обсуждением и разрешением возникшего конфликта занимались исключительно ливонские города, что демонстрирует их возрастающую роль в новгородской торговле и в руководстве ганзейской конторой в Новгороде.

В 1377 г. произошло новое столкновение между новгородскими и немецкими купцами, приведшее опять к взаимному аресту купцов и конфискации их товаров. В 80-е годы XIV столетия отношения между Новгородом и ганзейскими купцами продолжали оставаться напряженными. Аресты купцов обеих сторон следовали один за другим. В январе 1385 г. съезд ливонских городов в Вольмаре полностью запретил поездки в Новгород. С этого времени новгородско-ганзейская торговая война не прекращалась несколько лет не только из-за арестов купцов и конфискации товаров, но и из-за взаимного недовольства условиями торговли. В частности, новгородцы жаловались, что они терпят убытки в связи с отказом немецких купцов покупать некоторые сорта мехов. Тогда же новгородцы предъявили немцам претензии в отношении стоимости соли. В свою очередь ганзейцы требовали соблюдения прежних привилегий в торговле. На съезде в Любеке в июле 1386 г. ганзейские города обсуждали вопрос о поездках в Новгород и высказали предложение перенести всю торговлю с русскими в Дерпт и не торговать с ними ни в каком другом месте. Правда, это предложение не получило поддержки, но на съезде в Дерпте в 1389 г. было принято решение запретить поездки на Русь под угрозой потери жизни и товаров, о чем следовало предупредить купцов всех городов.

В довершение всего в 1385 г. «погоре в Новгороде Торговая сторона вся и церкви вси... лют бо бяше пожар». Во время этого пожара, причинившего большой ущерб не только самим новгородцам, но и немецким купцам, их дворы были разграблены новгородцами, что послужило дополнительной причиной ухудшения торговых связей.

Судя по источникам, с начала 70-х гг. XIV столетия не прекращались конфликты между новгородскими и немецкими купцами, перешедшие после 1385 г. в состояние войны между партнерами.

Характерной чертой этих конфликтов стали впервые выраженные новгородцами претензии к ганзейцам по поводу условий торговли мехами, стоимости соли и другие недовольства.

Только в 1391 г. состоялись переговоры между новгородцами и немцами в Изборске, завершившиеся в 1392 г. заключением мира, вошедшего в историю под названием Нибурова (ил. 7), по имени ганзейского посла Иоганна Нибура, заключавшего договор от имени Ганзы. После подписания мира немецкие послы отправились в Новгород, и как сообщает летопись: «товары свои поимахут, и крест целовале, и начаша дворъ свои ставити изнова: занеже не бяшет по 7 год миру крепкаго». Нибуров мир наряду с урегулированием конкретных нарушений торговли, устанавливал и традиционный, известный по прежним соглашениям, порядок решения конфликтных ситуаций: истцу ведаться с истцом, возникающие между сторонами тяжбы рассматривать там, где они произойдут, и т. д. Что касалось пожара 1385 г. и случившегося при этом грабежа немецких товаров, новгородцы обязывались произвести розыск.

Нибуров мир на многие годы определил характер торговли и служил основой при решении последующих конфликтов между новгородскими и немецкими купцами.

Вторая половина XIV в. прошла под знаком всевозрастающей роли ливонских городов в делах ганзейской конторы в Новгороде, о чем свидетельствует многочисленная переписка руководителей конторы с магистратами Дерпта, Ревеля, Риги, а также переписка между ливонскими городами по делам немецких купцов. Территориальная близость ливонских городов, дававшая возможность сравнительно быстро решать все возникающие в торговых делах вопросы, способствовала усилению их влияния (особенно Ревеля и Дерпта) в ведении новгородской торговли и управлении торговой факторией немецких купцов в Новгороде. Основные сухопутные дороги, ведущие из Новгорода на запад, проходили через Дерпт и Ревель, из них последний получил и права складочного пункта новгородской торговли. Большое значение приобрели ливонские города в связи с урегулированием последствий торговой войны 1385—1391 гг., им принадлежала инициатива в поисках путей примирения с Новгородом, что обсуждалось на ливонских съездах в 1388 и 1390 гг.

Нибуров мир стал своего рода рубежом в новгородско-ганзейских торговых отношениях, которые с этих пор целиком находились в ведении ливонских городов. Все торговые соглашения между Ганзой и Новгородом, имевшие место в XV в., заключались только послами

ливонских городов без участия послов Любека и Висбю. По сложившейся еще в XIV в. практике по всем насущным вопросам: конфликты с новгородцами, финансовые проблемы, дела, связанные с восстановлением дворов, — немецкие купцы обращались в Ревель и Дерпт.

Предшествовавший заключению Нибурова мира длительный период разногласий в новгородско-ганзейских отношениях, нарушивший жизнь ганзейской конторы в Новгороде, несомненно, потребовал упорядочения правил торговли и устройства быта немецких купцов, вновь поселившихся во дворах.

Пятая редакция скры

Сразу после заключения Нибурова мира в 1392 г. немецкие послы прибыли в Новгород, где была составлена новая, пятая, редакция скры, состоящая из 142 статей. Сохранилось несколько списков V скры, судя по которым первоначально она содержала 140 статей, а две последние были добавлены только в 1466 г.

Основу V скры составили статьи IV скры, включенные в новую редакцию в том же порядке, что и в предшествующей. Кроме двух статей 1466 г. в текст V скры были включены еще 26 новых постановлений, среди которых — сообщения о посольстве 1373 г. и принятых им решениях, постановление о мехах, принятое в 1377 г., решения о торговле тканями, принятые еще в 1358 г., но не вошедшие в IV скру. Среди новых статей были статьи о запрете останавливаться в русских дворах, о досмотрщиках вина и меда, об оплате переводчика. Завершался основной текст V скры 140-й статьей, в которой рассказывалось о приезде в Новгород посольства 1392 г., передавалось содержание Нибурова мира и принятых мер по урегулированию предшествовавших конфликтов. Следом за этим шла статья 140 а, в которой говорилось, что все статьи и пункты, как старые, так и новые, прежде не утвержденные городами, были ими одобрены и оформлены как скра в 1392 г. Следовательно, заключение V скры содержит, в отличие от IV, дату составления новой редакции.

Непосредственным откликом на существовавшие в конце XIV в. постоянные конфликты между немецкими и новгородскими купцами была статья 121, согласно которой немецкие купцы, виновные в раздоре с русскими, должны были дать крестное целование перед тысяцким, а также написать объяснение, которое следовало хранить в сундуке в церкви св. Петра.

Новый период в жизни ганзейской конторы в Новгороде начинался трудно. Кроме пожара 1385 г., во время которого дворы сгорели,

а товары были разграблены, в 1399 г. на Торговой стороне случился еще один пожар: «...загореся на Лубянице, и погоре Плотничский конец до Федорова ручья, а Славенский конец весь погоре, церкви каменных 22 огоре, а приделов 5... толь лют бяше пожар, с вихром, огонь по воде горя хожаше» (рис. 16). Несомненно, что во время столь сильного пожара Готский и Немецкий дворы тоже сильно пострадали.

Хроника XV в.

Новый большой пожар Славенского конца произошел в 1403 г., когда только княжеский берег и Готский двор не горели. Немецкий двор, находившийся в центре Славенского конца, конечно, опять потерпел существенный ущерб. О пожаре 1403 г. немецкие купцы сообщали в Ревель, указав, что Немецкий двор сгорел, а у Готского только часть ограды выгорела, что вполне соответствует летописному сообщению.

Частые пожары в конце XIV — начале XV вв. разрушали и каменную церковь св. Петра, стоявшую на Немецком дворе. В 1402 г. немецкие купцы писали в Ревель, что «купеческая церковь стоит без крыши и особенно стены очень ветхие и мы боимся, что рухнет свод». Аварийное состояние церкви было явным следствием пожаров 1385 и 1399 гг. Купцы настойчиво просили Ревель обратить на это серьезное внимание и вовремя все исправить. Тогда же они просили Дерпт прислать каменщика, который осмотрел бы церковь с целью определения предстоящих расходов кирпича и извести, необходимых для ремонта. Кроме того, они настоятельно просили оказать содействие плотнику в присылке ему помощников, так как он жаловался, что без содействия городов никого не мог привезти в Новгород. Объем плотницких работ по восстановлению дворов был большим, и для их выполнения требовался, конечно, не один человек. Что касалось налога, который двор должен был отправлять в города, то в этом вопросе купцы были решительны и неуступчивы. Они уведомляли, что, пока не отремонтирована церковь, налога они не пошлют и только после окончания ремонта оставшуюся сумму вышлют в города. Дело в том, объясняли купцы, что иначе им для восстановления дворов придется брать деньги в долг, а это обойдется слишком дорого, потому что нужно будет с 10 рублей давать 1 рубль в качестве процента, в то время как в городах можно получить деньги под проценты — с 16 марок 1 марку. В апреле 1403 г. после очередного пожара купцы писали в Дерпт, что церковная крыша требует ремонта, в свою очередь Дерпт переслал просьбу купцов в Ревель.

Роуиштесть в шеликомъ погори городъ
 пожаръ бысть . погаръ слодеи сит
 кониць и плотины сит доромъ део
 роукаго . нури вей шгоръ . иа
 стъиць цркъвъ пѣмъ горъ . нмъ
 нѣхъ рти днко с мнѣи сѣтѣи о згорѣ
 а люди мнѣи прѣи вѣи охъ изто
 пли . а ннѣи мнѣи охъ изгорѣша .

Рис. 16. Пожар в Новгороде. Миниатюра

Первое десятилетие XV в. было трудным для ганзейской торговли в Новгороде. Заметно сократилось количество купцов, приезжавших в Новгород, опустела казна св. Петра, вследствие чего купцы не могли даже приобрести необходимые для двора предметы и вынуждены были пользоваться услугами отдельных купцов. Например, некий Иоганн Вреде приобрел для нужд двора колокол, подсвечники и весы для взвешивания серебра общей стоимостью 5,5 рижских марок. Контора долгое время не могла с ним расплатиться и просила в 1403 г. Ревель заплатить купцу долг двора, потому что он часто напоминал об этом, а казна св. Петра обеднела настолько, что нечем было расплатиться.

Аналогичная просьба была выражена купцами в октябре 1406 г. в отношении оплаты дворового священника, поскольку в казне св. Петра не было денег. Священник хорошо исполнял свои обязанности, сообщали купцы в Ревель, поэтому нужно удовлетворить его требования, чтобы у него не было жалоб на купцов. Интересно, что это письмо было запечатано не печатью двора, а личной печатью купца Германа Везенбурга, так как печать двора св. Петра в конторе в это время отсутствовала.

В это же время начались и новые конфликты между Новгородом и Ганзой. Только одно десятилетие после заключения Нибурова мира сохранялись стабильные отношения между партнерами. Уже в декабре 1403 г. новгородцы запретили выезд из Новгорода немецким купцам в связи с жалобой новгородца Ивана Кочерина. Интересно, что виновником конфликта стал уже известный нам Иоганн Вреде, оказавший некогда услуги двору. Особенно осложнились торговые отношения в 1406 г., когда началась война Литвы и Ордена против Пскова. Хотя новгородцы обещали ганзейцам сохранять гарантии «чистого пути» в своих владениях, весной 1406 г. немецкие купцы были задержаны в Новгороде. Ввиду появившейся опасности и возможного отъезда из Новгорода купцы переслали в августе 1406 г. в Ревель бочку с драгоценностями конторы, подробно перечислив ее содержимое, с просьбой сохранить все до того времени, когда эти предметы опять им понадобятся. Наряду с церковной утварью были отправлены все книги церкви св. Петра, расчетные книги купцов, архив, состоявший из писем городов, а также обе печати двора св. Петра.

Опасения немецких купцов оказались не напрасными. Действительно, в декабре 1406 г. на новгородском вече было объявлено об их задержании в Новгороде в ответ на ограбление русских в Нарве. Летом следующего 1407 г. новгородцы объявили на Торгу о запрете

торговли с немецкими купцами в связи с тем, что последние привозят в Новгород укороченные поставки сукон и неполновесные мешки с солью.

Неустойчивое положение немецких купцов в Новгороде сохранялось в течение нескольких лет, и только в 1409 г. туда прибыли ревельские послы для заключения мира. Однако условия, предложенные новгородскими властями, показались им совершенно неприемлемыми и переговоры обострились настолько, что немецкие купцы собрались закрыть церковь и покинуть двор, а скоропортящийся товар переправить в Дерпт. Однако вскоре отношения были урегулированы, и прибывшие послы заключили в августе 1409 г. договорную грамоту о взаимном возврате захваченных товаров.

В период конфликта 1406—1409 гг. ганзейские купцы продолжали посещать Новгород, поскольку запрета на торговлю города не объявляли. Вместе с тем из-за отсутствия во дворе скры и печатей немецкое купечество испытывало большие неудобства. Купцы жаловались в Дерпт, что их права в Новгороде постоянно нарушаются, потому что во дворе нет скры, статьями которой они могли бы руководствоваться, и просили вернуть им отправленные в 1406 г. скру и печать для воска. Что касается запечатывания донесений конторы, администрация двора вынуждена была использовать для этой цели личные печати купцов. В решении этого вопроса приняли участие все ливонские города. Поскольку ценности конторы хранились в Ревеле, Дерпт переправил просьбу купцов туда. Тот в свою очередь обратился за мнением к Риге, которая предложила скру переписать и копию вместе с печатью переправить в Новгород, а оригинал скры хранить в Ревеле до тех пор, пока не изменятся обстоятельства, т. е. пока не будут урегулированы торговые отношения.

Поскольку главной причиной «розмирья» были жалобы новгородцев на недоброкачественность товаров, и особенно недостаточный вес соли, Рига обратилась за решением проблемы в Любек — высшую инстанцию по всем спорным вопросам. Глава Ганзы ответил, что Рига лучше знает традиции новгородско-ганзейской торговли и поэтому ей вместе с другими ливонскими городами поручается выработать меры против недостаточного веса в торговле солью. Эта переписка подчеркивает ведущую роль ливонских городов в торговле с Новгородом в рассматриваемое время, что было признано самим Любеком. Кроме того, она демонстрирует «цепочку» городов, участвовавших обычно в решении важных торговых дел: Дерпт-Ревель-Рига-Любек.

После заключения торгового соглашения в августе 1409 г. деятельность конторы была нормализована, и в декабре того же года купцы просили Ревель вернуть принадлежавшие св. Петру ценности, потому что купцов во дворе «благодаря Богу» было много, и поэтому отсутствие необходимых предметов остро ощущалось в конторе. Примечательно, что купцы заранее предполагали утрату некоторых предметов и просили Ревель приобрести их для двора, как это он всегда делал раньше. Уже в первой половине января 1410 г. Ревель переправил в Новгород бочку с ценностями, сопроводив ее письмом с описанием содержимого.

Между тем в Новгороде продолжало расти недовольство условиями торговли, которые не были ликвидированы заключенным в августе 1409 г. соглашением. Поэтому новгородцы не только ужесточили правила торговли, но в начале 1410 г. в течение 4-х недель вообще не вели торговлю, в результате чего в немецких дворах скопилось большое количество товаров и церковь св. Петра была забита ими до отказа. Новгородцы надеялись, что приезд летних гостей заставит ганзейцев пойти на уступки и принять их требования. В связи с этим немецкое купечество затеяло деятельную переписку с магистратами ливонских городов о положении в Новгороде. В одном из писем они сообщали: «...новгородцы хвалятся, что немецкое купечество у них в мешке, который они завязали лыком, и считают, что вскоре его здесь завяжут ремнем». Купцы, находившиеся в Новгороде, просили задержать приезд в Новгород летних гостей, и города ответили им согласием.

Новгород пытался воздействовать на Ганзу разными способами, предъявляя претензии как в отношении торговых дел, так и в устройстве ганзейской конторы. Дело в том, что приказчик двора не имел права вести торговлю, но для возмещения расходов ему было разрешено держать во дворе корчму, доходы от торговли которой шли в его пользу. В описываемый период новгородцы требовали ликвидировать корчму, способствовавшую, по их мнению, возникновению беспорядков, так как ее охотно посещали и русские. Бывший в то время приказчиком двора Генрих фон Бэме отказался исполнять дальше свои обязанности, поскольку не хотел лишиться верной статьи дохода, в связи с чем немецкие купцы просили Дерпт позаботиться о новом приказчике.

В это же время из соляного амбара на Готском дворе новгородцами было украдено 8,5 бочек пчелиного меда, кроме того, они попытались ограбить церковь на Немецком дворе, для чего устроили

помост к частоколу двора. После неудавшейся попытки ограбления вооруженные новгородцы дважды вламывались во двор, угрожая убить немецких купцов, а их товары забрать себе. Купцы подробно описали происшедшие события, жаловались на новгородские власти, которые ничего не делали для их охраны и защиты, и просили позаботиться о купечестве, так как из-за такого отношения новгородцев ни один купец не решится ехать в Новгород. В этом же письме они предлагали закрыть корчму.

Предложение купцов о закрытии корчмы обсуждалось всеми ливонскими городами, поскольку вопрос заключался в необходимости возместить труд приказчика. Дерпт, больше других заинтересованный в его регулярной оплате, потому что именно он назначал людей на эту должность, предлагал повременить с отменой корчмы до следующего съезда. Судя по позднейшим документам, приказчику удалось сохранить за собой право держать корчму.

Тем временем отношения между ганзейскими и новгородскими купцами вновь стали ухудшаться. В 1415 г. новгородцы начали выражать недовольство «короткими» сукнами, которыми торговали ганзейцы. Известно, что ткани в Новгород привозились и продавались здесь поставами («штуками»), которые должны были иметь определенную длину и удостоверяться пломбами, подтверждающими их качество и место изготовления. В самом начале 1416 г. на новгородском вече было принято общее решение о запрете ганзейской торговли за исключением торговли продуктами и напитками. Кроме того, были приняты частные решения о запрете розничной торговли, о разгрузке товаров собственными силами, об оплате новгородских лодочников. Новгородское решение вызвало ответную реакцию со стороны ливонских городов, наложивших запрет на поездки купцов в Новгород, а также под угрозой лишения товара запрет на торговлю с новгородцами в Пскове. Конфликт 1416 г. сначала не был поддержан общеганзейским съездом городов, недовольных усиливающейся ролью ливонских городов в торговле с Новгородом. Однако весной 1417 г. на очередном ганзейском съезде объявленная ливонцами торговая блокада Новгорода была поддержана. В свою очередь, Новгород запретил поездки новгородцев в Полоцк и Псков, где можно было встретиться с немецкими купцами.

В этом конфликте обращает на себя внимание то обстоятельство, что ливонские города самостоятельно, без уведомления Любека, объявили торговую блокаду, что лишний раз подчеркивает их вес в этот период в новгородско-ганзейской торговле. Урегулированием

конфликта также занимались исключительно ливонские города, которым в августе 1417 г. была отправлена грамота новгородского архиепископа Семена с предложением мирных переговоров. Вскоре в Новгород прибыли ревельские послы, заключившие очередной договор с Новгородом, который был отмечен даже новгородским летописцем, сообщавшим под 1417 г.: «А в то время взяша новгородци миръ с Немци». Таким образом, торговые отношения между Новгородом и Ганзой были восстановлены, и жизнь двора св. Петра оживилась.

В октябре 1416 г. дворовый приказчик Ганс фон дер Липпе был обеспокоен устройством новых частоколов вокруг дворов, для чего просил необходимые средства. Восстановление частоколов потребовало больших усилий со стороны приказчика, вынужденного неоднократно обращаться к новгородским властям за разрешением. Ганс Липпе сообщал в своем письме в Ревель, что должен был дать каждому из «главных» новгородцев 5 больших шиллингов и каждый день ставить кружку пива.

Новые заботы наступили для немецкого купечества после пожара 1419 г., во время которого выгорел весь Славенский конец Новгорода и оба немецких двора сгорели, хотя церковь осталась нетронутой. Как писали немецкие купцы в Дерпт, «...наши оба двора сгорели и ни одного столба не осталось. Церковь, слава Богу, в хорошем состоянии, как в верхней, так и в нижней части. Немецкий двор еще продолжает гореть, на Готском дворе из-за пожара имеются большие убытки в соли». В связи с непрочным положением купцов в Новгороде последние интересовались, должны ли они заняться восстановлением дворов. Дерпт, получивший это известие, написал соответствующие письма в Ревель, Ригу и Любек, поскольку речь шла о финансировании конторы. Было решено непременно поставить новые хорошие частоколы, но с наименьшими затратами. Купцы договорились о восстановлении частоколов за 25 руб. на Немецком дворе и за 30 руб. на Готском, но просили прислать для этого деньги. Кроме того, они напоминали, что нуждаются и в жилых помещениях. В том же донесении содержалась жалоба на новгородского посадника и тысяцкого, препятствовавших восстановлению частоколов и требовавших от немецких купцов даров. Дело в том, что, пользуясь отсутствием частоколов, новгородцы постоянно занимали территории ганзейских дворов своими постройками. Поэтому купцы просили руководителей конторы направить письмо Великому Новгороду, чтобы он поступал хорошо, «по старому обычаю» и крестному целованию и разрешил оставить частоколы.

Ответ городов не сохранился, но несомненно, что дворы были вновь восстановлены и окружены частоколами. Об этом можно судить по полученному купцами в мае 1420 г. распоряжению городов. В нем было сказано, что в связи с обострившейся обстановкой приказчик двора в случае необходимости и плохого отношения со стороны новгородцев закрыл бы церковь и действовал по скре, т. е. передал ключи архиепископу Новгорода и игумену Юрьева монастыря, поставил бы русских приставов для охраны и покинул бы Новгород вместе со священником. Следовательно, к весне 1420 г. дворы уже действовали.

Предостережение оказалось ненапряженным, потому что вскоре один за другим последовали острые конфликты между Новгородом и Ганзой, во время которых 11 немецких купцов были арестованы, закованы в железо и размещены по дворам новгородцев. Конфликт 1420—1421 гг. был улажен заключением в 1423 г. договорной грамоты, которую подписали от имени ганзейских городов послы Ревеля, Дерпта и Риги. Однако уже в следующем году произошло ограбление новгородских купцов у берегов Ливонии, в ответ на которое в Новгороде было задержано 150 ганзейских купцов. Им категорически запрещалось выходить со двора и даже предполагалось посадить их в тюрьму.

Трудности купцов усугубились происшедшим в 1425 г. новым большим пожаром, во время которого Немецкий двор сгорел, а у Готского выгорела часть ограда. Этот пожар отмечен в Новгородской летописи следующим сообщением: «Погоре Торговая сторона и Людин конец весь». Осенью 1425 г. очередной конфликт был улажен, чему немало способствовал новгородский архиепископ. После этого немецкие купцы приступили в очередной раз к восстановлению частоколов и различных построек, необходимых для жилья и хранения товаров. При этом им было указано ввиду недостатка средств строить лишь самое необходимое.

Заботы о ремонте церкви, проведении водоотводной трубы на Немецком дворе стали одними из главных по устройству ганзейской конторы в Новгороде в 30-е годы XV столетия. В апреле 1431 г. немецкие купцы писали о своих проблемах в Дерпт: «Достопочтенные господа, знайте, что церковь здесь, в Новгороде, требует ремонта, потому что крыша очень сильно разрушена и в настоящее время имеет много дыр, так что в церкви даже опасно находиться. Да убережет Бог от того, чтобы возник пожар. Далее, дорогие друзья, церковь в нижней своей части очень обветшала, как ваши послы установили, которые сами это смогли видеть. Руководители двора

и купцы, которые здесь тогда были, доводят это до вашего сведения вместе с другими пунктами.

И мы опасаемся, что церковь поддастся и свод рухнет, отчего купечество потерпит много убытков и неудобств. Поэтому, дорогие господа, позаботьтесь об этом, ведь теперь можно починить церковь при небольших расходах, потом это будет стоить больших денег. Далее, мы просим Вас знать, что мы здесь имеем большие неприятности на Немецком дворе из-за воды, потому что участок двора заболачивается изо дня в день, так как вода не имеет стока со двора. Поэтому Лауренсий Хоне, приказчик двора, разговаривал со старостами улицы о проложении трубы через участок двора, и нам кажется, что старосты улицы хотят ходатайствовать об этом перед Новгородом, чтобы это можно было осуществить, чтобы проложить трубу от церкви, что стоит перед Немецким двором. Это нужно поскорее сделать, так как позже потребует больших расходов (взятки. — *Е. Р.*). Потому, дорогие господа, обдумайте это, так как это двору и церкви очень нужно. И мы собираемся в этом направлении пока ничего не делать, пока не получим от вас ответ. И приказчику двора мы приказали, чтобы он их (старост улицы. — *Е. Р.*) добрыми словами держал при их решении до того времени, как мы получим от вас ответ. Далее, дорогие господа, жалуется священник, господин Генрих Падберх, который в настоящее время здесь находится, что он сильно поистратился в то время, когда он здесь служил, не имея доходов, потому что в это время много купцов отсюда выехало. Поэтому, дорогие господа, мы просим вас написать в Висбю, чтобы они не торопились присылать сюда священника. Копию этого письма мы послали одновременно в Ревель. Да благословит Бог вашу достопочтенность. Писано во второй вторник после пасхи в 1431 г.»

Высказанные купцами просьбы надолго стали предметом переписки ливонских городов между собой и с ганзейской конторой в Новгороде. Рига в связи с жалобами купцов просила Дерпт принять меры по сохранению церкви, пока она совсем не развалилась. Поскольку в Ревель было отправлено аналогичное письмо самими немецкими купцами, Дерпт в своем донесении туда ограничился обсуждением практической стороны дела, т.е. предлагал послать в Новгород хорошего каменщика, который мог устроить покрытие церкви и заодно определить дефекты фундамента и стен, чтобы подготовиться к основательному ремонту церкви в будущем году.

Вскоре, в августе 1432 г., немецкая церковь в Новгороде была приведена в порядок, о чем приказчик двора Тидеке Визе уведомлял

Дерпт. Трудно сказать, чьими силами осуществлялся ремонт. Не исключено, что к этому делу были привлечены и новгородские мастера, поскольку было сделано лишь самое необходимое: покрыта церковь, поставлены столбы для ее укрепления, восстановлена в отдельных местах штукатурка. Очевидно, затянувшаяся переписка между городами о посылке и оплате каменщиков заставила руководство двора с согласия Дерпта нанять мастеров на месте и произвести срочный ремонт. Из той же записки известно, что купечество, предварительно договорившись с Дерптом, хорошо оплатило работу каменщиков, дав каждому сверх определенной заранее суммы сукно на кафтан.

Относительно устройства водоотводной трубы дело не решилось столь быстро. Вопрос о ней поднимался еще в 1335 г., когда немецкие купцы предъявили ряд претензий Новгороду и Пскову. Среди прочего они требовали разрешить им проведение водоотвода от церкви к Волхову. В данном случае столкнулись интересы новгородцев и немцев, кроме того, постоянные «розмирья» Новгорода с Ганзой не позволяли положительно решить этот вопрос. Замечу, что Немецкий двор находился в непосредственной близости от ручья, приносившего большие неудобства и самим новгородцам. Археологические исследования в соседнем с Немецким двором квартале (рис. 7: з) обнаружили в слое начала XIV в. мощное дренажное сооружение для отвода воды ручья. Не исключено, что предпринятые новгородцами меры по осушению территории своих усадеб повлияли на увеличение стока воды на Немецкий двор.

О проведении водоотводной трубы просили послы, приехавшие в Новгород в 1436 г. для заключения нового торгового соглашения. И только после подписания договорной грамоты в 1436 г. Новгород разрешил провести водосточную трубу для осушки Немецкого двора, но с условием, что русским купцам в Ревеле будет разрешено сделать в их церкви дверь, выходящую непосредственно на улицу. Очевидно, этот вопрос был урегулирован, потому что в 1438 г. немецкие купцы просили прислать плотника для устройства трубы, что и было исполнено Дерптом, уведомлявшим Ревель, что одного плотника он уже послал в Новгород и нет необходимости Ревелю заботиться об этом.

30-е годы XV столетия стали переломными в истории новгородско-ганзейской торговли. В связи с усилением конкуренции ганзейскому купечеству со стороны бурно развивающихся Нидерландов в это время ослабевают позиции Ганзы в общей балтийской торговле, что отразилось и на состоянии ганзейской конторы в Новгороде. Поскольку центр новгородско-ганзейской торговли переместился

к тому времени в ливонские города, заметно сократилось число купцов, приезжавших в Новгород, в связи с чем установленный прежде порядок выбора старост и их помощников часто нарушался и контора оставалась без руководства. Все это заставляло ливонские города, которые оставались по существу единственными руководителями конторы, учредить новые должности во дворе св. Петра. Они были призваны при отсутствии традиционных выборных старост выполнять их функции. Новой административной должностью стал *Vorstender* (дословно — управляющий или начальник), который следил за соблюдением скры, своевременным внесением налогов, штрафов, назначал наказания, т. е. осуществлял юридическую власть во дворе.

Еще на рубеже XIV—XV вв. была учреждена должность приказчика двора (буквально — *Hofesknecht*), которого назначали ливонские города, и главным образом Дерпт. В обязанности приказчика входили хозяйственные дела конторы, наблюдение за порядком во дворе, за сохранностью церкви и помещений двора и т. д.

Внешне упадок конторы выражался в нарушении порядков двора отдельными, особенно молодыми, купцами, в невыполнении постановлений скры, что можно объяснить отсутствием здесь твердой власти. Молодые люди (*junge*), обучавшиеся торговому делу, подолгу задерживались во дворе вопреки установленному сроку. Они же продавали вино и пиво бочками и ведрами, что запрещалось постановлениями двора, играли в азартные игры и т. п.

В 1433 г. немецкие купцы жаловались на плохое поведение молодых людей во дворе, особенно когда там отсутствовали старосты, а оставался только их заместитель, управляющий конторой, плохо представлявший круг своих обязанностей и прав. Поэтому купцы просили издать строгие предписания, которыми мог бы руководствоваться в своей деятельности управляющий.

Делами конторы занялся состоявшийся в 1434 г. съезд ливонских городов, на котором были приняты различные постановления по наведению порядка во дворах. Было решено, что люди без занятий должны высылаться со двора; запрещались все азартные игры; никто, кроме приказчика, не мог продавать пиво и другие напитки в розлив ни днем, ни ночью; запрещалось останавливаться в русских дворах.

Другим важным решением съезда была статья о том, что священник новгородской конторы должен признаваться ливонскими городами. Всеми делами конторы в Новгороде практически ведали ливонские города, и только священника назначали поочередно Любек

и Висбю. Это постановление ливонских городов вызвало в дальнейшем продолжительные споры между ними и Висбю, который жаловался, что ливонские города пытаются лишить его законных прав в новгородском дворе. Дело в том, что в 1437 г. ливонские города, не дожидаясь назначенного из Висбю и опоздавшего к сроку священника, послали в новгородскую контору своего, что вызвало возмущение Висбю. Ливонские города оправдывались тем, что им ничего не было известно о священнике из Висбю, потому они и отправили в Новгород своего человека на эту должность. Кроме того, города уведомляли Висбю, что купцы не в состоянии платить священнику прежнюю сумму, и предлагали сократить ее до половины. Это предложение ливонцев вызвало резкий протест со стороны Любека и Висбю, не желавших терять своих последних прав в ведении конторы.

Между тем назначенный в 1440 г. Любеком священник Бернд Бракель жаловался в Ревель, что, уезжая из Любека, он ничего не знал о сокращении платы и никто не сказал ему об этом и позже. В связи с этим, учитывая его трудную службу в Новгороде и долгий путь из Любека в Новгород, он просил поговорить с купцами о сохранении прежней платы. Вслед за письмом священника в Ревеле было получено письмо купцов, уведомлявших о переговорах, которые велись во дворе о сокращении платы священнику, тем более что дворовая касса была пуста, и платить ему прежнее жалование купцы были не в состоянии. Оплата священника новгородской конторы обсуждалась на собранном в феврале 1440 г. съезде, откуда послы ливонских городов сообщили немецким купцам в Новгород, что они согласны с предложением о сокращении платы священнику наполовину и написали об этом в Любек и Висбю. Вместе с тем послы призывали купцов соблюдать скру и выполнять все предписания городов.

Бернду Бракелю послали разъяснения о сокращении оплаты и просили его учесть тяжелое положение двора и прийти к соглашению с купцами. В письмах, отправленных со съезда в Любек и Висбю, также разъяснялась сложившаяся обстановка. В них предлагалось назначать священнику в Новгороде в качестве годового жалования 5 руб. серебром, «бесплатное» питание, по полрубля серебром на проезд в Новгород и обратно.

Решение ливонских городов вызвало взрыв негодования у Висбю и Любека, выразившийся в многочисленных письмах, направленных ими в эти города. Осенью 1440 г. Висбю дважды отправлял письма трем ливонским городам с требованием восстановить прежний порядок назначения священника и его оплаты. Любек предполагал, что

сокращение жалования священника произошло без ведома ливонских городов самими купцами, находящимися во дворе св. Петра, и добавлял, что размер платы и статут священника были установлены много лет назад общей Ганзой и могут быть изменены только с привлечением Любека и Висбю.

Ни одна сторона не хотела уступать в этом споре. Несмотря на решительные протесты Любека и Висбю, купцы продолжали платить священнику половину прежнего жалования; в частности, они отказались доплатить Бракелю вторую половину жалования в 5 руб.

Ливонские города поддерживали руководство конторы и на своем съезде в феврале 1442 г. вновь подтвердили, что размер платы священнику должен составлять 5 руб., и если «морские» города не согласны с этим, то они готовы и дальше обсуждать этот вопрос. Учитывая положение ганзейской конторы в Новгороде, они обещали выплачивать священнику прежнюю плату только в том случае, если количество купцов во дворах значительно возрастет и торговые поездки в Новгород увеличатся. Вскоре, в мае того же года, состоялся общеганзейский съезд в Штральзунде, где также обсуждался вопрос о размере жалования священника в новгородской конторе. Активную позицию занимал Висбю, давно утративший всякое влияние во дворе, но не желавший мириться с потерей своих последних привилегий. Позиция Любека и Висбю в деле о жаловании священника была последней попыткой проявить ставшую уже призрачной их власть в руководстве ганзейской конторой в Новгороде.

Между тем положение немецких купцов в Новгороде с каждым годом ухудшалось. Еще в 1439 г. при установлении новых ворот на Готском дворе возник острый спор между ганзейскими купцами и старостами Михайловой улицы, красочно описанный в донесении купцов в Дерпт и Ревель. Речь шла о захвате немцами уличанской территории во время строительства ворот. На самом деле площадь занятой земли была ничтожной, всего в ладонь шириной; при установлении косяков ворот столбы не помещались на старом месте, поэтому пришлось подтесать мостовую Михайловой улицы, что и вызвало резко отрицательную реакцию новгородцев, призвавших на помощь посадника и тысяцкого. Дело было, конечно, не в величине занятой территории, а в принципе. В эти годы отношения с немецкими купцами постоянно сопровождались взаимной конфискацией товаров и задержаниями купцов, упреками в недоброкачественности товаров, так что новгородцы ни в чем не хотели уступать немцам, и это сказывалось в любых мелочах.

После продолжительных болезненных споров об оплате священника, после съездов в Вольмаре и Штральзунде, весной 1442 г. состоялись переговоры между Любеком и ливонскими городами относительно новгородской конторы и торговых связей с Новгородом. В конце концов договаривающиеся стороны пришли к соглашению, подписанному 20 июня 1442 г., о полной передаче руководства новгородской конторой ливонским городам, которым поручалась забота о ней и о торговых контактах с Новгородом. Пункты соглашения гласили, что три ливонских города — Рига, Ревель и Дерпт — должны определять необходимость закрытия и открытия сообщения с Новгородом, согласуясь с нуждами всех ганзейских городов. Кроме того, они должны были мешать арестам немецких купцов и стремиться к миру и новым торговым договорам. Специально было оговорено, что только в случае отсутствия во дворе старосты или его заместителя приказчик мог выполнять его функции.

В письме немецким купцам в Новгород Любек сообщал о состоявшейся передаче конторы под власть ливонских городов и рекомендовал в срочных случаях обращаться в Дерпт, которому было передано непосредственное управление двором. Это соглашение юридически закрепило давно сложившееся на практике безраздельное господство ливонских городов в торговле с Новгородом, фактически наступившее после Нибурова мира.

Значительные перемены, происшедшие в новгородско-ганзейской торговле в первой половине XV в., требовали изменения существующего устава двора св. Петра. Вопрос о новой редакции скры обсуждался на нескольких ливонских съездах, начиная с 1450 г. Очевидно, ливонские города, получив официальную власть в управлении новгородской конторой, стремились зафиксировать это юридически в новых постановлениях скры.

Состоявшийся в Пернау (Пярну) в 1465 г. съезд принял решение о необходимости подготовки новой скры, так как старая скра была уничтожена. Уже в следующем, 1466 г., как сообщают источники, Дерпт, Ревель и Любек с 73 городами вместе с купцами издали новую скру для двора. Следует обратить внимание на последовательность перечисления городов в этом документе, отражающую действительную роль каждого из них в новгородско-ганзейской торговле и руководстве конторой. Видимо, существовавшая до тех пор V скра была тогда заново переписана и к ней были добавлены две статьи, принятые в 1466 г. Именно в них впервые появляются такие термины, как «Hofesknecht», «Vorstender», и определяются их обязанности.

Здесь же впервые упоминаются «Weistender» и «Schwarzhaupter», т. е. «белоголовые» и «черноголовые», представлявшие собой купеческие объединения из ливонских городов. «Белоголовые» составляли корпорацию старейших купцов, которые, в отличие от «черноголовых», имели право привозить с собой двух молодых людей, обучавшихся торговому делу. «Черноголовые» поначалу представляли группу иноземных купцов, поселившихся в Ревеле и образовавших там свое братство. Впоследствии к ним присоединились молодые местные купцы, и постепенно братство «черноголовых» превратилось в корпорацию молодых неженатых купцов, которая существовала не только в Ревеле, но и в Дерпте, и в Риге (рис. 17). В Таллинне до сих пор сохраняется дом, принадлежавший в прошлом братству «черноголовых», а в Риге дом «черноголовых» недавно был восстановлен по сохранившимся рисункам и фотографиям.

Перемены в новгородской конторе ганзейцев коснулись и самого порядка ведения торговли. Так, еще в начале XV в. было принято постановление, запрещающее держать во дворе маклера, т. е. посредника между продавцом и покупателем, однако к середине XV в. маклеры были узаконены во дворе. Впервые маклеры упоминаются в документе в 1437 г., а в 1452 г. уже был принят маклерский порядок во дворе св. Петра, в котором определялись права и обязанности торговых посредников.

Вторая половина XV в. так же, как и предыдущие периоды, была заполнена бесконечными конфликтами, возникавшими во взаимоотношениях Новгорода и Ганзы из-за несоблюдения правил торговли, плохого качества товаров и т. д. Кроме того, несмотря на повторяющиеся в каждом договоре условия, что военные действия не должны влиять на приезд купцов в Новгород, все-таки военные конфликты Новгорода с Орденом постоянно оказывали отрицательное действие на торговлю. Как отмечала Н. А. Казакова, сосредоточение ганзейской торговли в руках ливонских городов поставило эту торговлю в теснейшую зависимость от взаимоотношений Новгорода с Орденом, который давно уже пытался оказывать влияние на новгородско-ганзейскую торговлю. Особенно ярко эта зависимость проявилась в конце 30-х и в 40-х годах XV столетия. Так, в 1439 и 1440 гг. последовали запреты Ордена на ввоз соли и лошадей на Русь. В 1441 г. в ответ на обиды, нанесенные новгородцам в Ревеле и Нарве, немецкие купцы были арестованы в Новгороде. После неудачных переговоров новгородских и орденских послов в Нарве в 1442 г. положение ганзейцев ухудшилось настолько, что

Рис. 17. Дом «черноголовых» в Риге (справа)

приказчик двора Ганс Мунштеде сообщал в Дерпт, что новгородцы угрожают ему смертью.

К несчастью, именно в эту пору (11 мая 1442 г.) в Новгороде случился пожар, от которого большей частью пострадал Готский двор, где сгорели сенник, жилой дом, половина кухни, частокол двора. Учитывая сложившуюся обстановку, Мунштеде спрашивал у Дерпта, должен ли он предпринимать восстановление двора, которое будет стоить 40 рублей серебром.

В 1443 г. на ливонском съезде в Пернау было принято решение о закрытии новгородской конторы, при этом Рига от имени ливонских городов просила Данциг известить об этом запрете остальные ганзейские города. Постановления съезда предписывали немецким купцам покинуть двор, церковь закрыть, а ключи передать, как обычно, архиепископу Новгорода и архимандриту Юрьева монастыря.

Этот конфликт был одним из самых сложных и трудных в истории новгородско-ганзейских отношений, обострившихся настолько, что впервые на время отъезда немецких купцов из Новгорода церковные власти города отказались принять ключи от немецкой церкви и двора, как это было раньше в подобных случаях.

Начавшаяся в 1443 г. война Новгорода с Орденом также ухудшила и без того обострившиеся торговые взаимоотношения, но вместе с тем, несмотря на принятый запрет, ганзейские товары продолжали поступать в Новгород через Псков, с которым ганзейские купцы продолжали торговать. В связи с этим орденский магистр приказал Ревелю закрыть дороги от Ревеля в Дерпт, так как товары, идущие оттуда, попадали в Псков, а затем в Новгород. Однако ливонские города, и особенно Ревель, были недовольны таким положением дел, поскольку терпели большие убытки в связи с запрещением новгородской торговли. Поэтому уже в 1444 г. они предложили магистру прекратить военные действия и заключить с Новгородом мир. Города угрожали орденскому магистру, что в случае отказа они найдут себе другого покровителя. Кроме того, они настаивали, чтобы Орден не вмешивался в торговые дела городов и не путал их с политическими делами страны.

После заключения в 1448 г. договора между Новгородом, Псковом и Орденом города занялись урегулированием своих отношений с новгородцами. Еще во время русско-ливонских переговоров в Нарве в 1448 г. они интересовались, каким образом можно восстановить права немецкого купечества в Новгороде. Новгородцы объяснили, что для этого требуется посольство ганзейских городов. Поскольку

именно ливонские города в первую очередь были заинтересованы в возобновлении прерванных отношений, они повели активную переписку с Любеком о необходимости организации такого посольства. Примечательно, что съезд ливонских городов в апреле 1449 г. решил обойтись без Любека и только испрашивал у него полномочия на ведение переговоров от имени Ганзы. Такие полномочия для ведения лишь предварительных переговоров были ими получены, и в мае 1450 г. было заключено 7-летнее перемирие между Новгородом и Ганзой. Оно, как и прежде, гарантировало чистый путь для купцов обеих сторон «по старым грамотам и по сей грамоте», партнеры обещали также «исправу давать» по всем обидным делам. В договорной грамоте ставилось условие, что в течение перемирия в Новгород должны прибыть послы от всех 73 ганзейских городов для заключения «подлинного» мира.

Однако такой мир был заключен только спустя 22 года, в течение которых постоянно возобновлялось перемирие 1450 г. с некоторыми дополнениями. Обе стороны, и Любек и Новгород, занятые в это время своими политическими делами, не спешили с организацией посольств и подписанием настоящего мира.

Между тем жизнь ганзейской конторы в Новгороде после возобновления торговли стала налаживаться. Еще во время конфликта 1445 г. Дерпт отправил своего человека в Новгород с тем, чтобы он осмотрел дворы и церковь и исследовал «тамошнее положение». В 1451 г. Любек и Висбю обсуждали вопрос о назначении священника в новгородскую контору.

В июле 1453 г. в Новгороде случился очередной пожар, в результате чего сгорела большая часть Немецкого двора, а у Готского выгорела примерно половина частокола. Было необходимо вновь окружить дворы частоколами для сохранности имеющихся там товаров и тех товаров, которые находились в пути. Но денег в кассе св. Петра не было, поэтому купцы решили с прибывающего в течение года (до пасхи 1454 г.) товара брать с каждых 100 рублей 1 рубль для восстановления дворов.

Состоявшийся в августе 1453 г. ливонский съезд направил в Новгород архиепископу, посаднику, тысяцкому, старостам купеческим, купцам и купеческим детям и всему Великому Новгороду письмо с просьбой разрешить восстановление двора по старому обычаю и предотвратить любые помехи в этом деле.

Заслуживает внимания тот факт, что после семилетнего перемирия, продленного еще на год, города, собравшиеся в феврале 1458 г.

на съезд в Вольмаре, послали в Новгород приказчику двора инструкцию, в которой рекомендовали ему тайно следить за соблюдением условий перемирия новгородцами и в случае необходимости без шума покинуть Новгород. Следовательно, города не исключали возможности возникновения нового конфликта из-за того, что все еще не было организовано ганзейское посольство в Новгород для заключения мира. Опасения на этот раз оказались напрасными, и в сентябре 1458 г. приказчик двора по поручению городов продлил прежнее перемирие.

В 1465 г. по истечении срока очередного перемирия в Новгород должны были приехать послы ливонских городов, в связи с чем немецкие купцы решили обновить ограду дворов, но новгородцы запретили им это. В этом мелком факте отразилось недовольство новгородцев ганзейскими купцами, поставлявшими в Новгород неполноценный и некачественный товар.

Осенью 1468 г. состоялись очередные переговоры между Новгородом и ганзейскими городами, представленными Дерптом и Ревелем. Новгородцы требовали, чтобы немецкие купцы взяли на себя ответственность за постоянные ущербы, которые терпят они (новгородцы) в торговле с немцами. Послы, возмущенные столь наглым, по их мнению, требованием, велели замуравать, т. е. закрыть, церковь и покинули Новгород вместе с купцами. Состоявшиеся в феврале и апреле 1469 г. съезды в Вольмаре и Любеке утвердили это решение. Любекский съезд 1470 г. подтвердил запрет на торговлю с Новгородом, причем предостерегал от контрабандных поездок к устью Невы. Запрет распространялся и на ливонские города, имевшие обыкновение торговать с новгородцами в период конфликтов. Наконец, в 1472 г. начались переговоры, закончившиеся подписанием мира, последнего торгового договора Новгорода с Ганзой времен независимости Новгорода.

Между тем в 1471—1472 гг. во время новгородских пожаров Немецкий и Готский дворы опять сильно пострадали. Летопись под 1471 г. сообщает: «Той же осени бысть пожар от Варейской улицы от берега посреде улиц и до Лубяницы, одва переяша и много дворов погоре и две церкви огоре: святые Иоанна у Немецкого двора и святой Георгий на Торгу и Немецкий двор горнии». Обращаю внимание на то, что в XV в. новгородцы уже не различали Немецкий и Готский дворы, а называли собственно Немецкий двор — горним (т. е. верхним), а Готский — Немецким речным, что соответствует местоположению дворов. В Псковской летописи под 1472 г. говорится

о пожаре Готского двора, названного Немецким речным: «...месяца октября загорелось в Новгороде с вечера в ночь от Белого костра с берега и горе в гору всю ночь и до обеда мало не оба конца выгорело, а Немецкий речной сгоре».

Тем не менее купцы продолжали посещать Новгород, о чем мы узнаем из посланий съездов купцам в Новгород. Чаше всего речь шла о конкретных делах: принять во двор того или иного купца, которого двор не хотел принимать, заплатить налог и т. д. Обращает на себя внимание заявление ливонских городов, что руководство новгородскими отношениями находится целиком в их руках и никто, в том числе Любек, не должен давать им на этот счет указаний.

Поход Ивана III на Новгород в 1478 г., в результате которого Новгородская республика утратила свою независимость и была подчинена московскому князю, отразился также на судьбе новгородско-ганзейской торговли в целом и ганзейской конторы в Новгороде и ее жителей в частности. Как сообщали ливонские города в Любек, немецкие купцы с их товарами были задержаны в Новгороде в связи с тем, что великий князь подчинил Новгород своей воле.

Ганзейские города, обеспокоенные создавшимся положением, созвали в марте 1478 г. съезд, где обсуждались только новгородские дела. В частности, чтобы оказать давление на русских, было предложено в качестве компенсации арестовать товары русских купцов, скопившиеся в большом количестве в Нарве. Съезд решил отправить послов в Новгород с требованием выполнять подписанные прежде договоры, а пока запретил поездки в Новгород с торговыми целями.

Из письма Дерпта в Ревель становится ясно, что немецкие купцы были только задержаны в Новгороде, но не арестованы, однако находились в большой опасности, поэтому Дерпт при согласии Риги велел им покинуть двор и добираться до Нарвы, власти и купцы которой обещали оказать содействие и помощь ганзейским купцам.

В 1484 г. проходили переговоры с Новгородом о сохранении дворов и церкви немцев в Новгороде. В ответ на письмо Дерпта по этому поводу из Новгорода пришла грамота, выражавшая желание и согласие новгородцев торговать по-старому.

После вхождения Новгорода в Московское государство, несмотря на ликвидацию независимости и ломку административного аппарата республики, вплоть до середины 80-х годов XV столетия оставалась неизменной экономическая основа новгородского боярства — землевладение, участие в международной торговле и т. д. Только

с выводом бояр и житых людей в 1480—1484 гг. и помещением на их место москвичей произошло коренное изменение всей системы новгородской экономики. В это время изменился контингент торговых людей Новгорода, ведущих торговлю с западными партнерами, что создало дополнительные трудности ганзейским купцам. Им пришлось переориентироваться в новой ситуации, налаживать новые торговые связи.

Отмечу, что регулированием создавшегося сложного положения в новгородско-ганзейской торговле занимались исключительно ливонские города, по инициативе которых в 1486 г. в Москву было отправлено посольство, стремившееся получить у великого князя подтверждение своих старых торговых свобод. В ответ на это Иван III уполномочил своих наместников в Новгороде заключить мир с ганзейцами.

В начале 1487 г. послы Дерпта и Ревеля как представители Любека и всех ганзейских городов отправились в Новгород, где заключили мир на 20 лет, по которому немецким купцам из ганзейских городов предоставлялись свободная торговля и сообщение с Новгородом по старому обычаю. В тот же год Любек от имени всех ганзейских городов обратился к великому князю московскому с ходатайством о сохранении обещанных немецким купцам прав в Новгороде.

Однако, несмотря на мирный договор 1487 г., новгородские наместники практически не выполняли его условий, что вызывало жалобы немецких купцов в Дерпт, который, обсудив сложившуюся ситуацию с Ревелем, решил направить в 1489 г. очередное посольство в Москву. В состав посольства входил и приказчик новгородской конторы, обязанный соблюдать интересы двора. Это посольство оказалось успешным, великий князь подтвердил данные ганзейским купцам права (имеется в виду мир 1487 г.) и намеревался летом сам прибыть в Новгород. После этого отношение наместников к немецким купцам переменялось, о чем свидетельствуют результаты последующих переговоров.

Немецкие купцы снова занялись ремонтом церкви, у которой были сильно повреждены крыша и своды. Вопрос о том, кому посылать каменщика и как и кому оплачивать строительство двора, и в особенности церкви, опять стал предметом разногласий между Дерптом и Ревелем. Последний настаивал, чтобы каменщика и необходимый материал отправил Дерпт, который, в свою очередь, не торопился это делать. В ответ на жалобы немецких купцов Ревель напоминал, что он уже послал купцам много денег для послов,

отправленных ранее в Новгород, а из-за больших расходов, связанных с посольством в Москву, не может послать денег для строительства двора и советовал употребить на эти цели прежде всего налог.

Положение ганзейцев в Новгороде продолжало оставаться трудным, в частности была повышена весовая пошлина. Особенно доставалось от наместников приказчику двора, за которого купцы просили заступиться Дерпт.

В 1494 г. ганзейская контора в Новгороде была закрыта по велению Ивана III. В литературе существуют различные мнения по поводу закрытия немецкой конторы в Новгороде, которые особенно подробно рассмотрены в работах Н. А. Казаковой. Исследовательница на основании тщательного анализа всех материалов, связанных с закрытием конторы, пришла к выводу, что оно не было заранее запланированным мероприятием правительства Ивана III, который на самом деле намеревался урегулировать возникший в 1494 г. конфликт мирным путем. И только после казни двух русских купцов в Ревеле, явившейся нарушением условий договора, Немецкий двор в Новгороде был закрыт, а купцы и их товары арестованы.

Во время ареста во дворе находилось 49 купцов из 18 городов, среди которых большую часть (17 человек) составляли представители Любека; из Дерпта было 7 человек, в их числе приказчик двора; по три купца было из Дортмунда, Коосфельда, Ревеля; Луненберг, Шеперод, Шверин были представлены каждый двумя купцами; по одному купцу было из Гамбурга, Мюнстера, Брекенфельда, Инна, Дусборка, Франкфурта, Эмеке, Дудерштадта, Грайфсвальда, Лемгардена. Это единственный список купцов, сохранившийся за все время существования конторы в Новгороде, в котором нашло отражение участие городов в поездках в Новгород. Несомненно, что и в прежние, особенно благополучные времена состав купцов был столь же разнообразным. Вместе с товарами стоимостью 96000 марок были описаны и ценности конторы. С закрытием ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г. завершается период самостоятельных новгородско-ганзейских связей. Их возобновление спустя 20 лет происходило уже в другой политической ситуации.

Характерной чертой новгородско-ганзейских отношений в XV в. явилась более активная позиция Новгорода, что выразилось в требованиях об упорядочении торговли солью, медом, сукнами; об условиях оплаты носильщиков и лодочников, о розничной торговле и самое главное — в требовании «чистого пути за море». Весь XV в. прошел под знаком непрекращающихся конфликтов между Новгородом

и Ганзой, отмеченных в 1403, 1406—1409, 1410—12, 1416, 1420—21, 1424—25, 1439—40, 1441, 1443, 1448, 1468, 1478 гг.

С XV в., несмотря на усиленное сопротивление Ганзы, быстро развиваются торговые связи между Новгородом и его неганзейскими партнерами: Выборгом, Стокгольмом, шведскими портами и особенно Нарвой. Эти контакты активизируются во время обострения новгородско-ганзейских отношений, которые, в свою очередь, приходят в постепенный упадок, связанный с общим ослаблением позиций Ганзы в балтийской торговле.

История Готского двора

В исторической литературе, посвященной иноземным дворам, расположенным в Новгороде, практически нет работ, рассматривающих историю Готского двора. Везде речь идет о дворе св. Петра, т. е. в широком смысле о ганзейской конторе в целом, а в узком смысле только о Немецком дворе. Между тем сохранившиеся документы о существовании Готского двора в Новгороде содержат немало интересных подробностей и конкретных фактов.

Прежде всего необходимо отметить, что несмотря на образование единой ганзейской купеческой общины, под управлением которой в Новгороде находились оба иноземных двора, Готский двор всегда оставался собственностью Готланда и только сдавался в аренду немецкому купечеству.

Первый дошедший до нас арендный договор относится к 1402 г., однако есть сведения, доказывающие, что немецкие купцы арендовали Готский двор еще в XIV в. В отношении XIII в. говорить об этом трудно, поскольку, как уже не раз подчеркивалось, ранняя история иноземных дворов в Новгороде, и в частности Готского, по существу, не документирована.

Косвенные сведения об использовании Готского двора немецкими купцами можно извлечь из донесения Немецкого двора в Новгороде, посланного в ноябре 1331 г. в рижский магистрат, где рассказывается о ссоре, происшедшей между русскими и немцами, в результате которой был убит один русский. Для нас в данном случае важно начало документа: «Когда немцы с Готского двора должны были отправить своих людей для варки пива во двор св. Петра...». Следовательно, уже в 1331 г. немецкие купцы кроме двора св. Петра, т. е. собственно Немецкого двора, занимали и Готский двор, хотя неизвестно, на каких условиях. Из постановлений IV скры о плате за жилье на Готском дворе и запрещении продавать там пиво совершенно

очевидно, что уже в середине XIV в. немцы занимали Готский двор. Кроме того, арендный договор, заключенный в 1402 г. между Ревелем и Готландом, не был первым, о чем свидетельствуют материалы ливонского съезда, состоявшегося в феврале 1402 г. Среди них имеется ответ немецких купцов, находившихся в Новгороде, властям Готланда, в котором идет речь о задолженности по арендной плате за Готский двор и содержится просьба оставить все по-старому: «Уважаемые господа и благосклонные дорогие друзья! Да будет ведомо Вашему степенству, что мы смысл посланного Вами нам письма, касающегося Готского двора в Новгороде и задолженной арендной платы, внимательно прочитали и правильно поняли. Дословную копию этого письма мы послали ливонским городам, а упомянутые ливонские города далее написали любекским властям и надеются в скором времени сообщить нам удовлетворительный ответ, который мы Вашему степенству охотно отпишем при первой возможности. Поэтому, уважаемые дорогие господа, мы очень просим Вас, чтобы Вы дело, о котором Вы нам писали, оставили таким, как оно есть сейчас, пока мы не получим ответ от городов, который мы надеемся получить вскоре».

После устройства в 1192 г. в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра, инициаторами чего были купцы немецкой общины из Висбю, оба двора, Готский и Немецкий, находились в ведении этой общины. Позднее власти Готланда, вспомнив, что Готский двор принадлежит ему, стали требовать с немецких купцов плату за использование ими построек двора. Судя по приведенному письму, до 1402 г. существовало соглашение об арендной плате, которую немецкие купцы отправляли на Готланд. К сожалению, неизвестно письмо, в котором Готланд, вероятно, интересовался, будут ли немецкие купцы в дальнейшем арендовать Готский двор в Новгороде, и, возможно, предлагал заключить новый договор об аренде. Однако ни немецкие купцы, ни власти двора св. Петра не вправе были решить этот вопрос самостоятельно и переправили письмо готландцев ливонским городам. Те в свою очередь обратились за решением в Любек, успевшие ожидать от него ответа до пасхи, после чего самим принять необходимые постановления по поводу Готского двора, чтобы устроить это дело «наилучшим и наивыгоднейшим образом».

Уже в марте 1402 г. Любек сообщил в Ревель, что он написал о своем решении относительно Готского двора на Готланд и просил обязать купцов из Новгорода послать уполномоченных на Готланд для переговоров о сохранении двора за немецким купечеством.

Ревель решил не усложнять дело и отправил на Готланд своего уполномоченного Хинце Штольте, заключившего 24 июня 1402 г. договор с Готландом об аренде Готского двора в Новгороде на 10 лет. От имени Готланда договор подписал пробст Якоб фон Балле, который в дополнительном документе в качестве уполномоченного Готланда утвердил договор. Приводим его текст полностью: «Всем, кто это письмо видит, слышит или читает: я, Хинце Штольте, гражданин Ревеля, посланный на Готланд от имени Ревеля, всех городов и всех немецких купцов вести переговоры о Готском дворе в Новгороде: во-первых, о просроченной ренте предшествующих лет за то время, когда купцы пользовались двором. По этому вопросу я договорился с господином Якобом дер Балле, пробстом Висби, которого земля Готланда уполномочила вести все дела, касающиеся вышеописанного двора в Новгороде, а именно о просроченной ренте. Ренту я заплатил, так чтобы в будущие времена не поступало новых напоминаний по этому делу.

Далее, я говорил с господином Якобом о Готском дворе по поводу использования его купеческой общиной. Мы договорились, что купцы должны в дальнейшем пользоваться вышеупомянутым двором 10 лет, за что каждый год должны платить 5 марок серебра готской валюты, т. е. 32 эра за марку серебра.

Далее, когда упомянутые 10 лет пройдут, то вышеназванный Готский двор должен оставаться в пользовании ганзейского купечества, но только при условии достойной оплаты, о которой обе стороны должны прийти к соглашению.

Далее, строения двора принадлежат св. Петру и купечеству, которые в дальнейшем должны следить за этими зданиями и поддерживать их в хорошем состоянии за счет купцов.

Далее, когда кончатся вышеупомянутые 10 лет и готы захотят сами владеть двором, то готы должны для осуществления перехода двора к ним взять для этого 2 немцев и 2 русских и купечество также должно взять 2 немцев и 2 русских, которые должны оценить здания вышеназванного двора. Как эти 8 человек оценят здания, столько готы должны будут уплатить немецкому купечеству.

Если же случится, что в течение вышеназванных 10 лет некоторые готские купцы придут в Новгород и привезут с собой грамоту с печатью страны, подтверждающую их принадлежность к Готланду, то они должны иметь на Готском дворе свободный постой.

При этом соглашении присутствовали уважаемые люди, как господин начальник госпиталя Висбю Корд фон дем Берге и господин бургомистр Висбю Крайерскот. Для большего подтверждения этого

вышеописанного дела, я, Хинце Штольте, попросил почтенных господ Корда фон дем Берга и Иоганна Крайерскота, чтобы они привесли к этой грамоте свои печати вместе с моей. Грамота выдана и написана в 1402 г. от Р.Х. в день святого Иоанна в середине лета 24 июня».

Этим договором официально было подтверждено право немецких купцов пользоваться Готским двором в Новгороде. Пользовались ли готландские купцы данными им по этому договору привилегиями, неизвестно.

Впоследствии договор регулярно возобновлялся. Срок первого арендного соглашения истекал в 1412 г., однако лишь в 1414 г. готландская община вспоминает о нем и посылает в Ревель для сбора ренты и заключения нового договора своего уполномоченного Олафа Томассона, который получает там 40 рижских марок за аренду Готского двора в течение истекших 12 лет и заключает новое соглашение на 10 лет на прежних условиях. В частности, арендная плата сохранялась в размере 5 готских марок за каждый год. Вообще арендная плата была чисто символической, так как согласно скре многие проступки купцов штрафовались в 10, а иногда в 50 марок серебра.

Поскольку арендный договор был заключен и продлен Ревелем, в дальнейшем все переговоры с Готландом об аренде Готского двора велись этим городом.

Через 10 лет мы вновь встречаемся с Олафом Томассоном, которого Готланд отправил с инспекционной поездкой в Ревель и в Новгород и уполномочил получить задержанную арендную плату, о чем Висбю уведомил Ревель в специальном письме. В мае 1424 г. Олаф Томассон, получив от Ревеля задолженность за 10 лет, заключает с ним как представителем немецких купцов новый арендный договор на 20 лет. Условия аренды оставались прежними, за исключением того, что на этот раз рента исчислялась не в готских марках, что было неудобно Ревелю, не привыкшему иметь дело с готской денежной системой, а в рейнских гульденах, имевших широкое хождение в то время в Европе. Размер ежегодной платы оставался прежним, т. е. составлял 5 рейнских гульденов, однако в отличие от предыдущих договоров данное соглашение специально оговаривало, что арендную плату следовало выплачивать каждые 5 лет по 25 рейнских гульденов тем людям, которых уполномочит «готская земля».

Хотя в дальнейшем арендный договор не возобновлялся, во всяком случае среди ганзейских документов сведений об этом не сохранилось, Готский двор постоянно использовался немецкими купцами

на условиях арендной платы на протяжении всего времени существования ганзейской конторы в Новгороде.

Готланд строго следил за своевременной уплатой аренды. Однако условие последнего договора (о выплате арендной платы каждые пять лет) не выполнялось немецкими купцами, и Готланду постоянно приходилось напоминать об этом Ревелю. Около 1435 г. Висбю уведомил Ревель, что он уполномочил своего представителя Тидеке фон Бодекена получить 74 рижские марки за Готский двор.

Срок возобновленного в 1424 г. арендного договора истекал летом 1444 г. За прошедшие 20 лет Ревель неоднократно требовал, чтобы немецкие купцы, живущие в Новгороде, сами отправляли арендную плату на Готланд. Однако, судя по документам, они этого не делали, также и в скре не было специального постановления, обязывавшего купцов *отсылать* арендную плату за Готский двор на Готланд. В связи с этим послы ливонских городов, собравшиеся на съезд в феврале 1442 г. в Вольмаре, обратились с письмом к немецким купцам, находившимся в Новгороде, чтобы они ежегодно передавали Ревелю арендную плату за Готский двор, а также регулярно заботились о погашении долга. Как и предыдущее письмо ливонских городов 1441 г. в Новгород, это послание, очевидно, осталось без ответа, так как в октябре 1443 г. судьи Готланда вновь обратились в Ревель с просьбой выплатить задержанную плату за Готский двор аббату Румского монастыря Иоанну и сообщить, намерен ли Ревель возобновить истекающий в скором времени (т. е. летом 1444 г.) арендный договор, заключенный в 1424 г. Олафом Томассоном.

Вместе с тем Ревелю, очевидно, надоело тратить, пусть и небольшие, деньги на аренду Готского двора, и магистрат города справедливо полагал, что *немецкие купцы, пользующиеся Готским двором* в Новгороде, сами должны нести расходы по его аренде. Однако это не было вменено в обязанность старост двора или старост церкви св. Петра, а купцы, приезжавшие торговать в Новгород, постоянно менялись (никто не имел права задерживаться во дворах в Новгороде больше чем на один срок, в крайнем случае на два срока, т. е. на 1 год). Поэтому никто из купцов не нес ответственности за несвоевременную уплату аренды. Кроме того, в первой половине XV в. отношения между Новгородом и Ганзой часто осложнялись из-за взаимных упреков в нечестной торговле, обвинений в убийстве купцов, других недоразумений, что вело к разрыву торговых отношений между партнерами и к отъезду немецких купцов из Новгорода, в связи с чем *последним было не до арендной платы.*

Вопрос об уплате аренды, поднятый в начале 40-х годов XV в. и не раз обсуждавшийся на ливонских съездах, был решен только в 1447 г., так как предыдущие годы были заполнены разрешением острейшего конфликта между Новгородом и Ганзой, вызванного русско-ливонской войной.

В мае 1447 г. уполномоченный Готланда Герман Муддепеннике подтвердил получение им от Ревеля арендной платы за 13 лет. Однако, как впоследствии выяснилось, этот человек не передал деньги готландской общине, о чем власти Готланда уведомляли Ревель. В 1454 г. в очередной раз встал вопрос об уплате задержанной ренты за Готский двор, в связи с чем Готланд направил в Ревель своего уполномоченного Альберта Шаттенхузена, доверяя ему получение 40 рейнских гульденов за 8 лет аренды. В сопроводительном письме власти Готланда настаивали на возобновлении арендного договора, так как срок заключенного в 1424 г. соглашения давно истек. В связи с этим в начале марта 1455 г. послы ливонских городов, собравшиеся на съезде, просили власти Готланда оставить Готский двор в пользовании немецких купцов на следующие 10 лет за прежнюю плату в 5 рейнских гульденов ежегодно. Продлевая таким образом договор на 10 лет, немецкие купцы вместе с тем писали, что арендная плата в 5 рейнских гульденов вполне достаточна, потому что «мы, так сказать, немного имеем от двора и в нем также располагается не слишком много купцов, а также мы часто терпим большие убытки из-за него по причине пожара».

Тогда же, в 1455 г., Ревелем был уплачен долг в 40 гульденов, о чем Альберт Шаттенхузен выдал расписку. Кроме того, в расходных книгах Ревеля за 1421—1455 гг. сохранились записи об уплате аренды за Готский двор: в 1424 г. — 18 ноблей, в 1434 г. — 50 гульденов за 10 лет, в 1447 г. — 65 гульденов за 13 лет, в 1455 г. — 40 гульденов за 8 лет.

Дело Олафа Аксельсона

В 1453 г. на съезде в Любеке неожиданно для Ревеля и других ливонских городов гауптман Готланда Олаф Аксельсон потребовал увеличить плату за Готский двор, а в случае отказа потребовал этот двор для себя. Не все материалы по этому конфликту, длившемуся около 10 лет, сохранились, но основные его вехи известны.

В ответ на притязания Аксельсона города решили написать ему вежливое письмо, предлагая сохранить в отношении Готского двора старые порядки. Однако этот шаг не привел к желаемым результатам,

и в 1455 г. послы ливонских городов, собравшиеся на съезде в Пернау, просили ландесдомеров Готланда оградить немецких купцов от требований Аксельсона. Тогда же послы отправили Любеку письмо с напоминанием, что глава Ганзы должен написать письмо Аксельсону, как было решено на последнем ганзейском съезде. Послы настаивали, чтобы городской совет Любека выполнил это постановление, и заверяли, что они регулярно платят аренду за Готский двор и в дальнейшем будут ее платить. Далее ливонские послы жаловались, что Олаф Аксельсон силой захватил товары с двух кораблей, потерпевших крушение у Готланда, и просили власти Любека заставить его вернуть товары их владельцам. Неизвестно, что предпринял по этому поводу Любек, однако два с половиной года спустя, в сентябре 1457 г., Ревель вновь написал в Любек письмо относительно Аксельсона, не отказавшегося, несмотря на все объяснения Ревеля, от своих мнимых прав на Готский двор в Новгороде. В связи с этим Ревель искал защиты и помощи у Любека, который должен был убедить Аксельсона оставить Готский двор во владении немецких купцов и не докучать в дальнейшем Ревелю. На состоявшемся в сентябре 1457 г. ганзейском съезде ливонские послы вновь обратились к Любеку с просьбой унять Аксельсона и заставить его удовлетворяться заплаченной рентой за Готский двор готландским властям.

Тем не менее Аксельсон продолжал настаивать на своем, он жаловался в Любек, что Готский двор в Новгороде разрушен, а немецкие купцы больше не платят пяти ежегодных гульденов за него. Он упрекал Ревель в том, что этот город использует Готский двор в своих целях, сдавая его в аренду купцам других ганзейских городов за более высокую плату, чем 5 рейнских гульденов. Магистрат Любека переслал письмо Аксельсона вместе со своим требованием удовлетворить его жалобы в Ревель, который в сентябре 1460 г. ответил, что Готский двор издавна арендовался не только ливонскими, но и всеми немецкими купцами, которые содержат двор на свои средства в хорошем состоянии и платят за него ренту. Ревель считал, что жалобы Аксельсона касаются не только ливонских, но и всех ганзейских городов, поэтому Любек должен убедить его оставить двор немецким купцам.

Состоявшийся вскоре, в феврале 1461 г., съезд ливонских городов также обсуждал претензии Аксельсона и послал постановление съезда в Любек, которого опять просил как главу Ганзы уладить дело Аксельсона так, чтобы тот остался доволен старой платой за Готский двор. Используя все возможности для обуздания неугомонного Аксельсона, города решили пойти на прямой обман. Они посоветовали Любеку

в случае, если «Олаф не удовлетворится прежней информацией, сказать ему, что новгородские власти не признают его претензий на Готский двор. В прежние времена новгородцы имели на Готланде две церкви, за что они разрешили властям Готланда устроить двор в Новгороде. Теперь новгородцы не нуждаются больше в церквях на Готланде, поэтому они хотят опять взять двор (Готский — *Е. Р.*) в свое владение, а господин Олаф не должен им владеть. Если вы сможете найти лучшее решение, то мы предоставляем это на ваше усмотрение».

Но это еще не был конец истории. В инструкции ревельскому послу, направлявшемуся на очередной ганзейский съезд в июне 1461 г., указывалось, что ливонские города не намерены уступать Аксельсону и будут впредь платить не более шести (вместо пяти) рейнских гульденов за Готский двор ежегодно. Королевский губернатор Готланда тоже не уступал своих позиций, поэтому было предложено обсудить проблемы Готского двора на съезде в Копенгагене с приглашением туда Аксельсона и всех заинтересованных сторон. Однако, как сообщал Ревель в Любек в мае 1462 г., это намерение не имело успеха, и следовало позаботиться о том, чтобы Готский двор по-прежнему оставался у немецких купцов.

На этом «дело Аксельсона» заканчивается; во всяком случае, других документов по этому вопросу неизвестно. Претензии Аксельсона больше не обсуждались в ганзейской переписке, а Готский двор продолжал арендоваться немецкими купцами за прежнюю плату.

* * *

Наряду с требованиями Аксельсона, Ревель продолжала беспокоить проблема выплаты арендной ренты за Готский двор, так как Готланд неизменно обращался к нему с просьбами о внесении арендной платы за очередной срок. Поднятый Ревелем в первой половине XV в. вопрос о том, что немецкие купцы сами должны вносить плату за Готский двор, так и не был решен, и городской совет Ревеля нес лишние для него расходы по аренде Готского двора. В связи с этим ливонский съезд в феврале 1456 г. постановил, чтобы в будущем немецкие купцы ежегодно отправляли деньги за аренду Готского двора из казны св. Петра в Ревель. С тех пор проблема аренды Готского двора постоянно обсуждалась на ливонских, а иногда и общеганзейских съездах, поскольку купцы уклонялись от обязанности платить ренту за Готский двор. В свою очередь Ревель, ссылаясь на решения ливонского съезда 1460 г., обратился к главе Гонзейского союза с просьбой приказать немецким купцам

в Новгороде вернуть ему уже выплаченную арендную плату за Готский двор. В дальнейшем и послы ливонских городов, и сам Ревель еще не раз обращались к Любеку по этому вопросу. В ответ немецкие купцы просили Любек отменить на продолжительное время эту обязанность возвращения денег Ревелю за аренду Готского двора, так как после пожара 1460 г. они истратились на восстановление двора и имеют много долгов.

Между тем в 1468 г. Готланд вновь обратился к Ревелю с просьбой заплатить задержанную в течение 18 лет арендную плату в размере 90 рейнских гульденов, что последним было незамедлительно выполнено. На съезде ливонских городов в феврале 1469 г. эта сумма была возвращена Ревелю. Очевидно, в результате настойчивых неоднократных требований Ревелю удалось добиться своевременного возмещения его расходов по аренде Готского двора в Новгороде.

С 1478 г. торговая жизнь Новгорода замирает, двор св. Петра закрывается на неопределенное время, и лишь в 1487 г., после заключения 20-летнего мира, вновь возобновляются новгородско-ганзейские торговые отношения.

Сведения о Готском дворе вновь появляются в ганзейских документах в 1494 г. и опять в связи с арендной платой. В начале сентября 1494 г. глава Готланда обратился в Ревель с напоминанием, что он должен ежегодно платить домерам Готланда 5 рейнских гульденов за Готский двор, как записано в договоре. Однако рента в течение последних 30 лет не выплачивалась, поэтому Готланд намеревался отправить в Ревель посольство с полномочиями и квитанцией об уплате ренты последний раз.

Очевидно, после выплаты арендной платы за Готский двор в 1468 г. Ревель устранился в дальнейшем от этой обязанности, а наступивший вскоре длительный перерыв в новгородско-ганзейской торговле стер всякие воспоминания об аренде Готского двора. Обращение Готланда в 1494 г. вызвало недовольство Ревеля, считавшего выплату ренты за Готский двор всецело обязанностью немецких купцов. В связи с этим ревельский магистрат обратился с письмом в Дерпт, занимавшийся всеми делами ганзейской конторы в Новгороде, в котором напоминал давнее установление о том, что немецкие купцы должны платить Готланду дань за Готский двор. Вместе с тем продолжительное время Ревель сам вносил необходимые деньги, и теперь из письма гауптмана Готланда выяснилось, что в течение последних 30 лет рента за Готский двор не выплачивалась купцами, за что Готланд привлекает к ответу Ревель. Далее в письме указывалось, что Ревель отказывается

в дальнейшем платить ренту и просит Дерпт дать указание начальнику двора в Новгороде, чтобы деньги за аренду Готского двора были посланы в Ревель для их дальнейшей отправки на Готланд.

Закрытие в ноябре 1494 г. двора св. Петра и арест немецких купцов в Новгороде отодвинул на несколько лет вопрос об аренде Готского двора. Любек и ливонские города были обеспокоены судьбой купцов, сохранностью их товаров и долгое время занимались решением этого конфликта.

Тем временем фогт Готланда в сентябре 1497 г. осмелился арестовать товары Ревеля из пришедших на Готланд судов, объясняя это тем, что Ревель в течение нескольких лет не выполняет свои обязанности по уплате аренды за Готский двор в Новгороде. На разъяснения Ревеля о причинах неуплаты ренты фогт не обращал внимания. Обо всем этом Ревель написал в Данциг и просил уведомить другие города, а также добыть через послов копию грамоты, обязывающую Ревель платить ренту. Кроме того, в сентябре 1497 г. Ревель послал в Данциг письмо для передачи его на Готланд. Весной 1498 г. просьба Ревеля об отправке его письма готландским властям была повторена, и вновь в ней шла речь об изготовлении двух копий документа (вероятно, об арендном договоре), один экземпляр которого Ревель просил послать ему, а другой — на ганзейский съезд.

Сохранилось и письмо, посланное Ревелем в сентябре того же, 1498 г. гауптману Готланда. В ответ на прежнее напоминание о просроченной ренте и упреки в задержке ответа Ревель сообщал, что он посылал письма с объяснением всех касающихся Готского двора вопросов на Готланд через Данциг, считая это самым надежным путем. Здесь же Ревель еще раз отклонил предъявленные ему претензии о неуплате арендной платы, указывая, что это, собственно, не его дело, а купцов Ганзы. В конце письма Ревель требовал прислать копию грамоты с его обязательствами по Готскому двору и заявлял, что поскольку ганзейская контора в Новгороде закрыта русскими, то никто и не обязан платить ренту за Готский двор.

Вскоре в Ревеле было получено новое послание с Готланда, в котором содержалось требование во избежание ссоры уплатить 200 золотых гульденов за аренду Готского двора в прошедшие годы.

Ревель тут же написал ответ, датированный октябрём 1498 г., в котором оправдывался тем, что неоднократно посылал на Готланд письма через Данциг, Швецию и весной через посла, но все эти письма вернулись обратно. Что касается невыплаченной ренты в 200 гульденов, то она казалась Ревелю завышенной, поскольку последний

раз деньги за Готский двор были выплачены в 1469 г. Генриху Галекуву. Здесь же Ревель в очередной раз сообщал о закрытии конторы и неиспользовании Готского двора. Вместе с тем, стремясь избежать конфликта с готландскими властями, Ревель обещал будущей весной, т.е. в 1499 г., отправить на Готланд посла, а до того времени просил отложить решение этого вопроса.

Действительно, в начале июня 1499 г. Ревель посылает своего человека на Готланд с письмом и полномочиями вести переговоры о Готском дворе. В письме сообщалось, что в ревельских книгах нашлась расписка в том, что последний раз аренда была выплачена в 1469 г., следовательно, требуемые Готландом 200 гульденов за прошедшие 30 лет — слишком высокая плата. Далее Ревель еще раз подчеркивал, что, поскольку двор не используется немецкими купцами, он снимает с себя обязанность платить за него ренту и просит прислать грамоту, определяющую размер арендной платы. Тем не менее с послом Ревеля Тымме Виттекопом властям Готланда была передана задержанная с 1468 г. арендная плата за Готский двор в размере 160 рейнских гульденов, что засвидетельствовано распиской готландских властей. Как видно, ревельский посол добился успеха в переговорах о размере суммы ренты, которая была сокращена до фактической стоимости, составляющей 5 гульденов в год.

Кроме ведения переговоров с ландесдомерами Готланда Тымме Виттекоп имел поручение к городскому магистрату Висбю как члену Ганзы. Ревель сообщал последнему о своих делах на Готланде, объясняя, какие поручения выполняет его посол, и просил посодействовать ему. Особенно беспокоила Ревель предстоящая бессмысленная плата за Готский двор, который закрыт и никем из ганзейских купцов не используется. В связи с этим Ревель просил Висбю ходатайствовать перед властями Готланда о передаче Готского двора в Новгороде в полную собственность Ганзы. Однако эта попытка Ревеля раз и навсегда решить вопрос об аренде двора успеха не имела, и, как считал совет Висбю, Ревель напрасно обратился с этой просьбой к готландским ландесдомерам, поскольку они не намерены отказываться от традиционной платы за Готский двор.

Между тем Готланд предпринял меры, обязывающие Ревель и в будущем платить арендную плату за Готский двор. Поскольку Ревель неоднократно просил прислать ему копию грамоты об арендном договоре, то такая копия была наконец отправлена с послом Тымме Виттекопом. Ее текст гласил: «Пусть ведомо всем людям, которые это открытое письмо видят, слышат и читают, что мы, бургомистр

и рат Ревеля, договорились от имени немецкого купечества на Готланде и за всю страну насчет Готского двора в Новгороде с домерами Готланда. Мы согласились и этим нашим открытым письмом подтверждаем свое согласие платить вышеназванным домерам на Готланде небольшую ренту за вышеназванный двор, а именно 5 рейнских гульденов за каждый год, и выплачивать каждые 5 лет постоянно безо всякой хитрости.

Таким образом вышеназванный двор должен быть в распоряжении купечества ганзейских городов все время за вышеупомянутую плату и никого другого на вечные времена. Для вящего подтверждения того, что эти вышеназванные статьи и пункты должны постоянно и неизменно соблюдаться, то мы, бургомистр и рат города Ревеля, подвесили печать нашего города к этому нашему открытому письму, которое дано и написано в нашем городе Ревеле в 1425 году от Р. Х. в ближайшую среду после дня св. апостола Якова».

В отличие от предыдущих арендных договоров этот документ чрезвычайно краток по содержанию, а основной его смысл сводится к тому, что Готский двор передавался на вечные времена в распоряжение немецких купцов и Ревель был обязан платить Готланду ежегодно 5 рейнских гульденов «безо всякой хитрости».

При издании этого документа Г. Гильдебранд сопроводил его подробным комментарием, в котором обосновывалась неподлинность грамоты. Главный аргумент исследователя основан на сопоставлении арендного договора 1424 г. с текстом грамоты 1425 г., в которой не упоминался заключенный год назад договор на 20 лет и не объяснялись причины, по которым договор 1424 г. оказался недействительным. Кроме того, ссылки на договор 1424 г. (а не 1425 г.) содержатся в письмах 1447 г. и 1454 г., которые Готланд направлял в Ревель по поводу арендной платы.

Совершенно справедливо признавая грамоту 1425 г. подделкой, Гильдебранд вместе с тем считал, что в ней был заинтересован Ревель. Однако в действительности этот город, вынужденный многие годы платить ренту за Готский двор, стремился освободиться от этой обязанности, а не взваливать ее на себя «на вечные времена». Совершенно очевидно, что отказ Ревеля платить в дальнейшем ренту за Готский двор и вместе с тем неоднократно высказанное им требование прислать подтверждающий его обязательства документ послужили причиной для составления на Готланде поддельной грамоты от имени Ревеля, якобы бравшего на себя обязательства платить арендную плату за Готский двор.

Поскольку в самом Ревеле не нашлось документа об аренде Готского двора, что заставило его просить копию у Готланда, последний, вероятно, был застрахован от разоблачения. Судя по дальнейшей истории двора, Ревель, видимо, принял фальшивку за подлинный документ.

После возобновления новгородско-ганзейских отношений в 1514 г. и открытия ганзейской конторы в Новгороде Готский двор оставался в собственности Готланда, который продолжал получать за него арендную плату. Во время бушевавшего в 1541 г. на Торговой стороне пожара сгорели почти все городские постройки, в том числе и иноземные дворы. Очевидно, после этого пожара Готский двор больше не восстанавливался, так как с тех пор его название не встречается ни в одном документе. В лавочных и писцовых книгах по Новгороду, составленных в конце XVI в., о Готском дворе, называвшемся в последние годы его существования Немецким речным двором, не упоминается.

История Готского двора, запечатленная в многолетней переписке и постановлениях ганзейских и ливонских съездов, демонстрирует правовой подход к решению проблем. Вместе с тем, как можно было убедиться, не обходилось и без подлога документа со стороны Готланда и даже шантажа противника.

Ганзейская контора и ганзейское купечество в Новгороде

История ганзейской конторы в Новгороде, больше известной в источниках под названием «двор св. Петра», насчитывает несколько столетий и может быть разделена на отдельные этапы, объединяющие доганзейский и собственно ганзейский период в ее существовании. Выделение этапов в истории конторы непосредственным образом связано с политической и экономической историей стран балтийского региона, что в свою очередь влияло на смену руководителей конторы от Готланда до ливонских городов.

I этап — XII век. Торговля с Новгородом целиком находится в руках Готланда. Основание Готского двора.

II этап — XIII век (с основания в 1192 г. двора св. Петра до конца XIII в.). Ведущая роль в торговле и руководстве дворами переходит к немецкой купеческой общине, обосновавшейся в Висбю.

III этап — с конца XIII в. по 1361 г. Совместное руководство конторой Любеком и Висбю.

IV этап — с 1361 по 1392 г. Наряду с Любеком и Висбю в руководстве конторой активное участие принимают ливонские города.

V этап — 1392—1494 гг. Переход конторы в полное распоряжение ливонских городов. В 1442 г. официальная передача конторы ливонским городам.

VI этап — 1494—1514 гг. Перерыв в торговле с Новгородом. Контора закрыта.

VII этап — с 1514 г. до конца XVI в. Контора находится в ведении ливонских городов.

VIII этап — с 1603 г. до конца XVII в. Контора полностью подчинена Любеку.

Рассказывая о внешнем устройстве Готского и Немецкого дворов, приходится с сожалением констатировать почти полное отсутствие сведений об их микротопографии, количестве построек, их размещении на территории дворов. Некоторые данные об этом содержатся в скре и писцовых книгах по Новгороду, а также в материалах раскопок Готского двора.

Готский и Немецкий дворы (рис. 7: А, Б), расположенные внутри чуждого, а порой и враждебного им города, были окружены частоколами, причем более мощными, чем частоколы новгородских усадеб. Последние устраивались обычно из жердей диаметром 12—14 см, в редких случаях — 20—22 см. Частокол Готского двора, обнаруженный при раскопках, был устроен из бревен диаметром 40 см. Поддержание частоколов в порядке было одной из постоянных забот немецкого купечества во все время существования конторы. Частые пожары, случавшиеся в Новгороде, требовали всякий раз восстановления дворов, и в первую очередь их ограды. Нередко новгородские власти препятствовали устройству новых частоколов, требуя даров. При установке ограды вокруг иноземных дворов жители соседних с ними улиц — Михайловой у Готского двора и Ильиной у Немецкого — требовали, чтобы новые частоколы непременно ставились на старых местах и не занимали уличанской земли. Это правило впервые было записано в договоре 1269 г. Острый конфликт возник, например, в 1439 г. во время строительства частокола и новых ворот Готского двора, о чем уже упоминалось ранее. Тогда для установки столбов потребовалось подтесать на ширину ладони мостовую Михайловой улицы, что вызвало резкое возмущение ее жителей, призвавших для разрешения конфликта посадника и тысяцкого.

Сами новгородцы не раз нападали на иноземные дворы и разрушали частоколы. Это, в свою очередь, заставляло немецких купцов

принимать необходимые меры. В частности, в договоре 1269 г. была специальная статья, предусматривавшая наказание за повреждение ворот и тына иноземных дворов. Однако со стороны новгородцев это постановление постоянно нарушалось; сохранилось немало жалоб немецких купцов о повреждениях частоколов в XIV—XV вв., нанесенных русскими. В 1371 г. вопрос об ограде дворов снова был включен в договорную грамоту Новгорода с ганзейским купечеством, где говорилось, что русские не должны вбивать брусьев в ограду.

В XV в., когда часто случались острые конфликты в новгородско-ганзейской торговле и немецкие купцы покидали свои дворы, новгородцы спешили занять их своими постройками. Во время урегулирования раздоров немецкие послы неоднократно требовали возвращения ганзейских дворов незастроенными.

Главными зданиями внутри обоих дворов были церкви: на Готском — св. Олафа, на Немецком — св. Петра. Церковь св. Олафа вначале была деревянной; как сообщается в новгородской летописи, в 1152 г. она сгорела, о втором пожаре летопись упоминает под 1181 г., когда она загорелась «от грома», т. е. от молнии. Следовательно, еще и в это время церковь св. Олафа была деревянной. Очевидно, после пожара 1181 г. была выстроена каменная церковь, так как в пожар 1217 г. «в Варяжской божнице изгоре товар весь варяжский бес числа», а сама церковь не названа среди сгоревших. Последний раз Варяжская церковь упоминается на страницах новгородской летописи в 1311 г. в числе каменных церквей, пострадавших от пожара: «церквей каменных 6 огореша, а 7-я варяжская». В ганзейских источниках церковь св. Олафа на Готском дворе не встречается ни разу. Видимо, вскоре после пожара 1311 г. она разрушилась и больше не восстанавливалась, тем более что в 1340 г. на Торговой стороне бушевал огромный пожар, в огне которого «погоре... и церкви каменыи и древяные, и доме».

О немецкой церкви св. Петра новгородская летопись упоминает только один раз в рассказе о пожаре 1275 г., во время которого церквей «каменных 4 огореша, а 5-я немецкая». В данном случае речь идет действительно о церкви на Немецком дворе, так как пожар начался «на княжи дворе, подле немецкой двор» и не затронул Готский двор. Церковь св. Петра, вероятно, сразу была выстроена в камне, поскольку купцы не раз обращались с просьбами к руководителям конторы о присылке каменщиков и кирпичников и даже камня для ремонта церкви. Рядом с церковью было расположено кладбище.

Церковь св. Петра была местом хранения не только казны конторы, но и ценностей самой церкви и архива двора. Все эти предметы купечество свято сохраняло и в случае опасности или закрытия конторы отправляло их в Ревель или Дерпт. Сохранилось несколько списков с перечнем этих предметов, из которых два наиболее полно отражают состав ценностей и других предметов, хранившихся в церкви. Один список был составлен в 1406 г. при отправке ценностей в Ревель. Тогда предметы были упакованы в бочку и сопровождаемы письмом, в котором перечислялось содержимое бочки: 6 серебряных чаш, 4 серебряных стакана, 1 золотой сосуд, 16 гривен серебра, 6 ноблей, 1 крона, 4 гельдернских гульдена, 1 рейнский гульден, 1 позолоченная кружка, 1 позолоченный кубок (потир?), 1 церковная шапка (клобук), 1 риза из белого шелка, 1 риза из синего шелка, 1 новая парчовая риза, 1 старая риза, 2 локтя белого шелка, также 10 церковных книг, 1 немецкая «памятная книга», 1 «памятная книга» с грамотами, 1 русская «книга памятная», 1 расчетная книга, а также книги св. Петра, сундук с письмами городов, обе печати св. Петра.

Второй перечень ценностей был составлен в 1494 г. в момент закрытия конторы. В нем наряду с уже знакомыми предметами упоминаются и новые: 6 серебряных чаш, 6 серебряных кубков, 1 дароносица, 1 кубок, блюдо для просфоры, 1 крест, 2 кружки, 23 марки полнотенного серебра, 2 красивых колокола, 1 хорошая сковорода для изготовления пива, 5 кувшинов для вина, много оловянных кувшинов, 1 серебряная брошь от клобука, другие ценности и деньги, которые не все были записаны. По другим источникам известно, что тогда же в инвентаре церкви св. Петра находилось еще 3 требника, 13 книг, 1 псалтирь, 2 ризы, 1 золотая гривна, 1 серебряная гривна, 1 клобук и некоторые другие предметы, дальнейшая судьба которых неизвестна. Списки этих предметов в особых комментариях не нуждаются. В них наряду с церковным инвентарем в обоих случаях упомянуты хранившиеся в казне деньги, богослужебные книги. Отметим только, что во втором перечне называются и несомненно «светские» вещи: кувшины для вина, сковорода.

Заслуживает внимания упоминание в первом списке купеческих книг, среди которых были «расчетная» («rekenschopbok») и «памятные» («denkebok») книги. Расчетная книга была заведена купечеством, очевидно, в первой половине XIV в., во всяком случае, в 1355 г. было принято постановление, согласно которому старосты двора, которые покидают Новгород и, следовательно, освобождают должность,

должны предъявить общему собранию купцов расчетную книгу с записями поступивших налогов и расходов на нужды конторы.

«Памятные книги» тоже были важными финансовыми документами, куда записывались долги купцов, торговые операции. Тут же, вероятно, велась запись различных сборов, а также постановлений и решений общих собраний купцов. Время от времени города требовали эти книги для проверки. Обычно эту обязанность выполняли послы городов, приезжавшие для переговоров в Новгород и проверявшие правильность записей на месте. Но иногда эти книги увозили в Ревель или Дерпт, где записи проверялись в магистратах этих городов. Например, в 1424 г. в период острых конфликтов с Новгородом две «памятные книги» были отправлены через Дерпт в Ревель. Рига предложила тогда хранить книги в Дерпте, а копию прислать в Ригу.

Церковь св. Петра как самое надежное и хорошо охраняемое здание предназначалась также и для хранения большинства товаров. Очевидно, она, как и многие русские церкви, использовавшиеся для хранения товаров, была двухэтажной. Заметим, что в постановлениях IV скры о размещении товаров внутри церкви говорится, что бочки, полотно и другие крупные товары нужно помещать под своды. В письме приказчика двора о пожаре 1419 г. сказано, что церковь находится в хорошем состоянии как в верхней, так и в нижней части здания. Видимо, имелись в виду оба этажа церковной постройки. Было бы заманчиво реконструировать внешний облик католической церкви, однако пока мы не располагаем для этого необходимыми материалами. Возможно, будущие археологические раскопки на месте Немецкого двора обнаружат хотя бы фундаменты этой церкви.

Наряду с нижним этажом для хранения товаров использовалось и непосредственно церковное помещение, где товары размещались у стен в ящиках и бочках и обязательно помечались специальными знаками. Возле алтаря как наиболее охраняемого места находились бочки с вином, но к самому алтарю следовало проявлять уважение и не ставить туда кружки и другие предметы.

Кроме товаров в церкви св. Петра хранились большие (безмен) и малые весы для взвешивания серебра. Запрещалось оставлять без присмотра весы и гири вне стен церкви. Там же хранился опечатанный подлинник скры, которую необходимо было переписать для немцев и для русских, как было указано в специальном постановлении начала XIV в.

Сама церковь не раз служила надежным убежищем для немецких купцов во время конфликтов с новгородцами, о чем свидетельствуют разнообразные документы.

Кроме церквей во дворах находились и другие постройки, о числе и назначении которых трудно судить, особенно в первые периоды существования дворов (в XII—XIII вв.). Относительно XIV—XV вв. сведения о дворовых зданиях содержатся в разных редакциях скры, по которым можно составить хотя бы общее представление.

Установлено, что на Готском дворе располагались соляные амбары, в которых хранилась не только соль, но и другие товары. Здесь же располагалась Морнвегова комната, очевидно, жилое помещение. Морнвег — представитель известной купеческой семьи из Любека, ведущий в конце XIII в. активную торговлю серебром в Новгороде. Возможно, он был в свое время старостой двора, и поэтому в память о нем было названо одно из помещений Готского двора.

Несомненно, что на Готском дворе имелись и другие жилые постройки и амбары. Некоторое представление о них дают материалы раскопок Готского двора, проведенные в 1968—1970 гг. Здесь были обнаружены остатки двух больших срубов, площадь которых равнялась 72,25 кв. м и 110,25 кв. м (рис. 18). Оба сруба были сложены из мощных бревен диаметром 50—60 см, в то время как любые новгородские постройки (жилые, хозяйственные, производственные) построены из бревен, диаметр которых не превышает 16—30 см. Внутри срубов сохранились настилы пола из горбылей диаметром 20—25 см, уложенных на бревнах-переводинах диаметром 20—30 см, что также превышает размеры бревен, используемых для настилов в новгородских постройках.

Открытые в ходе раскопок срубы, несомненно, были остатками амбаров для хранения товаров, чем вызваны значительные размеры строений, мощность бревен, из которых они сложены, отсутствие печей, непрямых для жилых помещений. При раскопках не обнаружено каких-либо следов товаров, некогда хранившихся в этих амбарах. Это может быть объяснено тем, что на участке встречены следы сильнейшего пожара, в результате которого погибли не только все товары, но и практически сами сооружения.

Большой интерес для реконструкции Готского двора представляют обнаруженные при раскопках остатки каменного фундамента какой-то постройки. Несмотря на значительные утраты при строительстве позднейших сооружений (срезана до основания вся западная часть каменной постройки), удалось восстановить ее

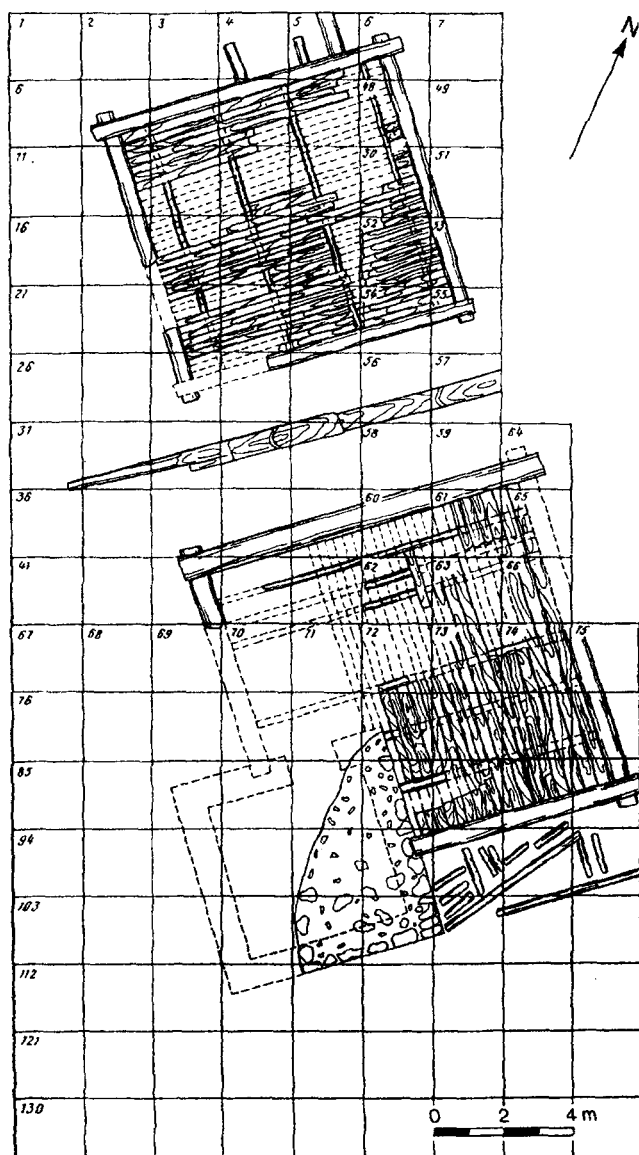

Рис. 18. План срубов и каменной башни Готского двора

конструктивные особенности и определить назначение. Эта постройка непосредственно примыкала к одному из деревянных срубов. Сохранившаяся часть каменной постройки представляет собой фундамент, сложенный из валунов, скрепленных известковым раствором. Снаружи стены облицованы розовым ракушечником, а внутри заполнены бутовым камнем с известью; кладка сохранилась в высоту на 110 см. Конструктивные особенности соединения амбара и каменной постройки хорошо прослеживаются на стыке южной стены амбара и восточной стены постройки. В стене сруба был сделан паз шириной 60 см и глубиной 25—30 см специально для соединения каменного здания со срубом. Судя по всему, каменная постройка представляла собой башню, о высоте которой судить трудно, но, несомненно, она возвышалась над деревянными постройками двора и исполняла роль сторожевой. Выдвинутая за пределы сруба башня давала возможность просматривать все пространство, примыкавшее к деревянным амбарам. Особенно важно было наблюдение за западной стеной амбаров, со стороны Волхова, где располагались пристани. Следовательно, вход в амбары, а, вероятно, и во двор находился под защитой башни. Обращая внимание на деревянный фриз из церкви св. Николая в Штральзунде где изображены новгородские купцы, несущие товары в Немецкий двор, вход в который обозначен башней (ил. 8).

Кроме того, башня сама могла служить надежным хранилищем товаров и местом заключения провинившихся купцов. Во второй редакции скры (конец XIII в.) имеется статья о том, что человека, виновного в нанесении увечий другому лицу, обязывали заплатить пострадавшему 10 марок серебра. В противном случае виновный должен был содержаться 10 недель в башне, получая только хлеб и воду.

При раскопках Готского двора был собран значительный вещевой материал, характеризующий в какой-то степени быт ганзейских купцов. Большую часть находок составляют предметы иноземного происхождения. К ним в первую очередь относятся фрагменты рейнской керамики, которых собрано на раскопе несколько сот обломков и один целый кувшин (рис. 19). Это серовато-желтая глазированная керамика с характерными полосами на тулове и зашипами на донце, известная в литературе под названием Steinzeug (ил. 9). Местом производства такой керамики был город Зигбург неподалеку от Кельна, откуда эта керамика распространялась не только по всей Германии, но и за ее пределами. Наибольшего развития производство рейнской керамики достигло в XIV—XV вв.

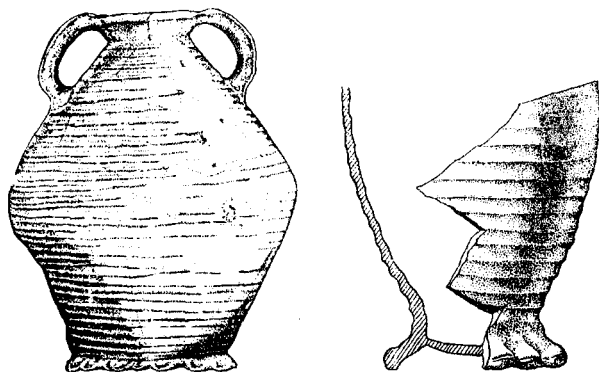

Рис. 19. Рейнская керамика из раскопок Готского двора

Столь же многочисленными оказались собранные на Готском раскопе фрагменты черепицы, которой покрывались постройки иноземных дворов. Отмечу, что на новгородских усадьбах черепица не применялась, между тем на деревянном фризе из Штральзунда постройки Немецкого двора покрыты черепицей (ил. 8). Не исключено, что именно такой черепицей была покрыта и башня, о которой шла речь ранее.

Особый интерес представляет обнаруженная на раскопе латинская грамота на бересте № 488 (рис. 20). По мнению Д. А. Дрбоглава, расшифровавшего эту сложнейшую надпись, она является черновой записью песнопений, исполнявшихся в один из католических праздников.

Среди предметов, характеризующих быт ганзейских купцов, имеются три десятка клепок деревянных чаш (рис. 21: 1), хорошо известных по раскопкам Любека, Гданьска, Риги, где они обнаружены сотнями экземпляров (ил. 10). Кроме того, на Готском раскопе собрана целая коллекция деревянных предметов, в составе которых имеются плоские пластины, 2 подсвечника, фрагменты посуды с различными знаками геометрического характера (рис. 21: 2—5). Подобные знаки были широко распространены в Западной Европе в качестве знаков собственности, употреблявшихся всеми сословиями. Особый раздел в этой системе составляют купеческие знаки собственности, позволявшие определить владельцев товаров (рис. 22). Геометрические знаки, обнаруженные на Готском раскопе (рис. 23), имеют прямые аналогии в ганзейском материале.

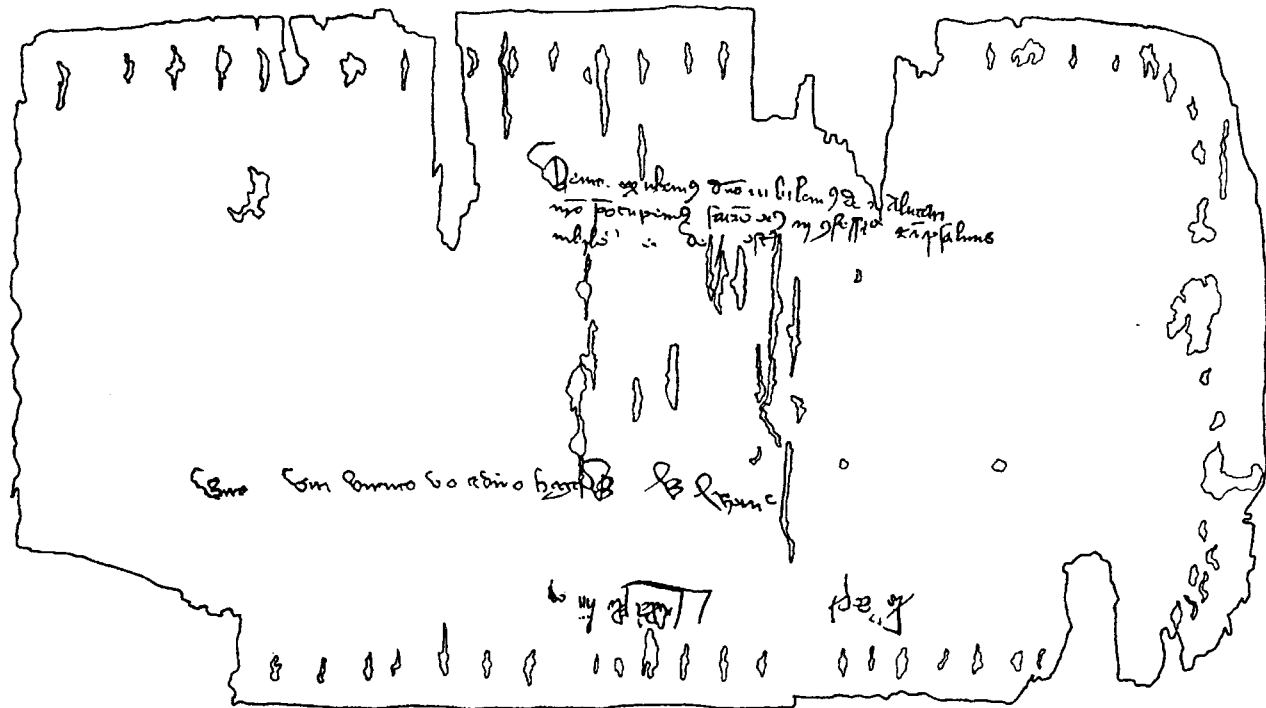

Рис. 20. Грамота № 488, XV в.

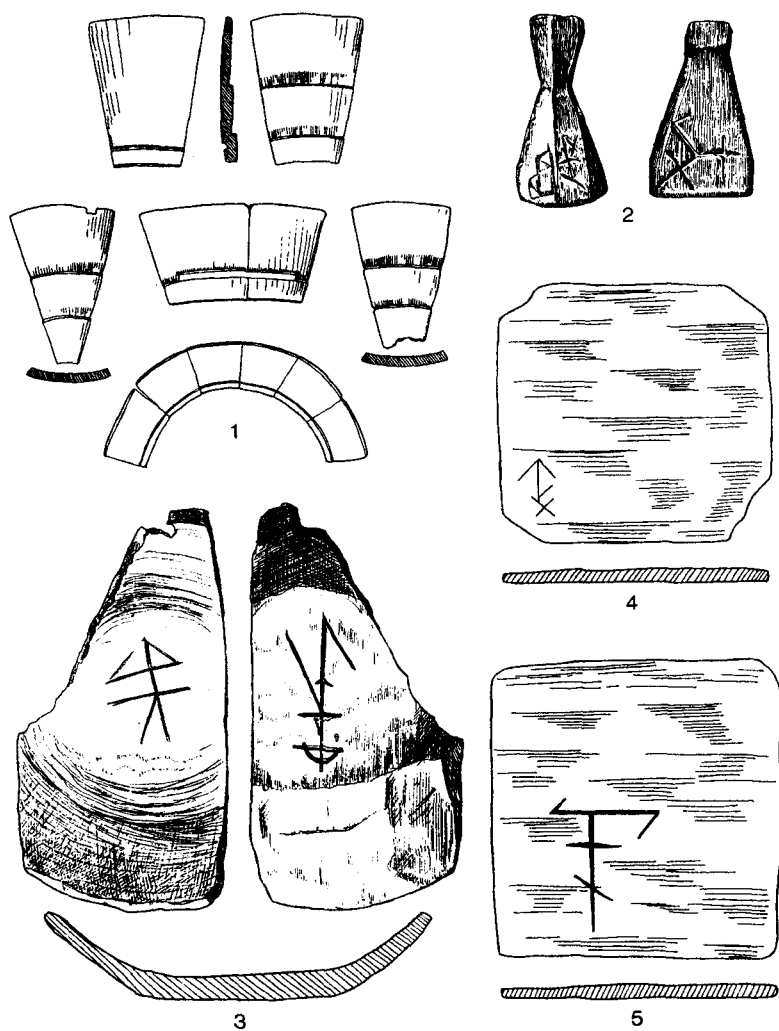

Рис. 21. Деревянные предметы из раскопок Готского двора (1 — клепки, 2 — подсвечники, 3 — посуда со знаками, 4, 5 — пластины)

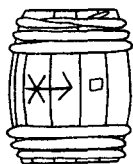
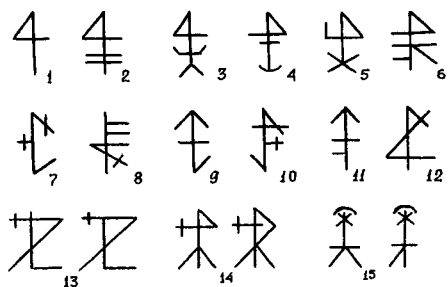

Рис. 22. Ганзейские купеческие знаки собственности

Из индивидуальных находок ярко выраженного западноевропейского происхождения обращают на себя внимание металлическая оправа складного зеркала с изображением всадника (рис. 24: 2), счетные жетоны, перстень с изображением сомкнутых рук, костяные фишки, бронзовый переносной подсвечник с фиксирующим устройством (рис. 24: 3), кожаные ножны с растительным орнаментом (рис. 24: 4), деревянная деталь дверной ручки в виде головы зверя (льва?)

(рис. 25). Особую группу находок Готского раскопа составляют костяные шахматные фигуры (7 экз.), не имеющие аналогий в многочисленной новгородской коллекции шахматных фигур (рис. 24: 1). При изучении истории шахматных фигур было установлено, что форма шахмат, найденных на Готском раскопе, имеет западноевропейское происхождение.

Таким образом, благодаря раскопкам Готского двора впервые был получен конкретный материал об устройстве частокола и некоторых сооружений иноземного двора, выяснены приемы строительной техники, существенно отличавшейся от новгородской, собрана коллекция находок, характеризующая быт и занятия немецких купцов, проживавших на Готском дворе.

Из разных редакций скры известно о существовании на иноземных дворах разных построек. Жилые помещения назывались клетями, в каждой из которых размещалось не больше 8 купцов, в клетки переводчика можно было поместить 6 купцов. В IV скре упоминаются верхние и нижние клетки, следовательно, строения, составленные из отдельных клетей (комнат), имели по крайней мере два этажа. Каждая клеть, в свою очередь, имела места для сна внизу и наверху, т. е. была двухъярусной. Как это выглядело в действительности можно представить по аналогичным сооружениям, до сих пор сохранившимся в ганзейской конторе в Бергене (ил. 11). В этих клетях купцы

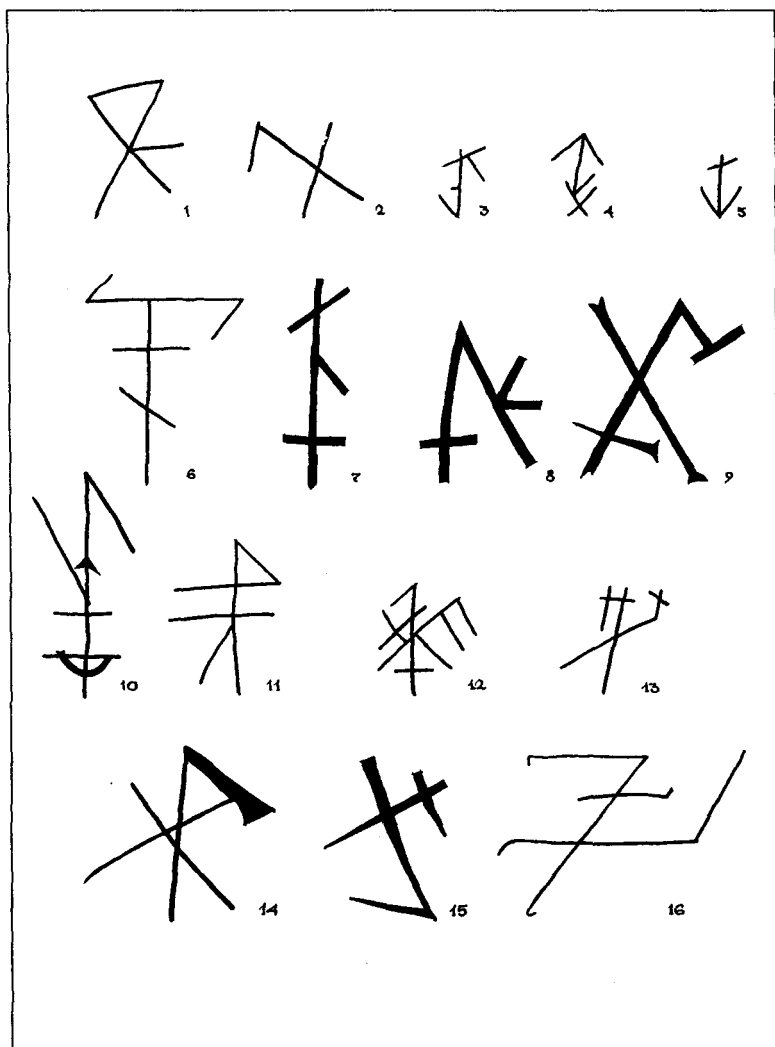

Рис. 23. Купеческие знаки на предметах из раскопок Готского двора

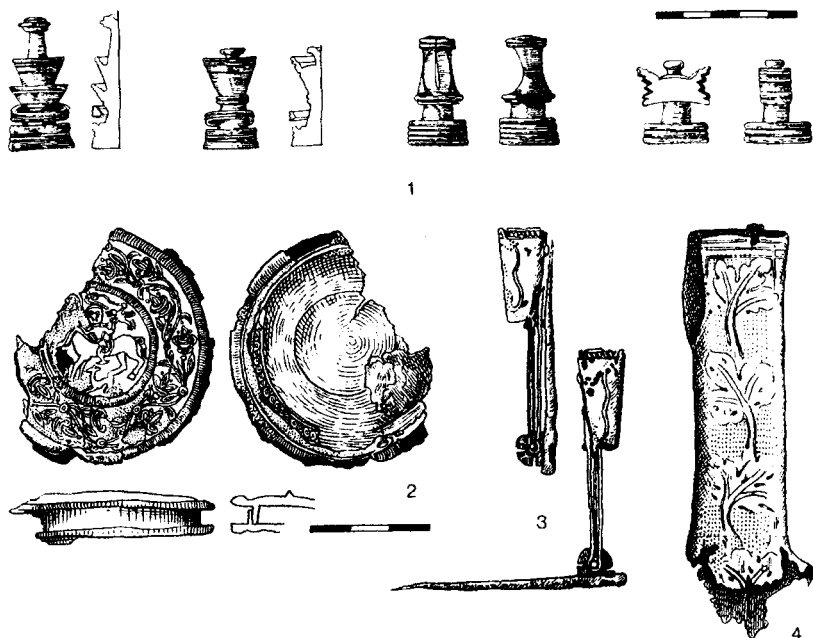

Рис. 24. Западноевропейские предметы из раскопок Готского двора
(1 — шахматные фигуры, кость; 2 — оправа зеркала, свинец, олово;
3 — подсвечник, бронза; 4 — ножны, кожа)

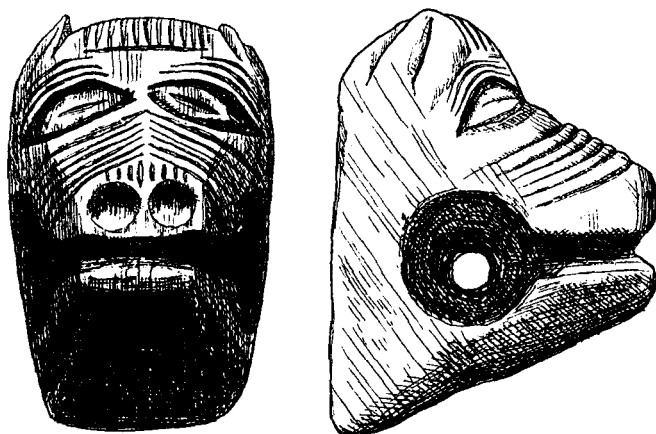

Рис. 25. Ручка деревянная в виде головы зверя. Готский раскоп

могли хранить небольшое количество товаров: не больше одной стопки сукна и 40 меховых шкур. Ученикам купцов разрешалось вести в клетях мелкую торговлю.

По постановлению древнейшей скры все помещения двора были общими за исключением большой комнаты, которая принадлежала зимним гостям. Она использовалась в качестве столовой, а также места для проведения общих собраний купцов.

Для молодых людей, обучавшихся торговому делу, была отведена специальная комната, называвшаяся детскою (*kinderstube*), в которой они обыкновенно обедали и проводили свободное время. Однако если во дворе не хватало места для товаров, то их размещали и в детской комнате, и тогда молодые купцы временно лишались на нее права.

Из V скры известно о существовании специальной комнаты для хранения запаса напитков. По более ранним редакциям скры в XIII—XIV вв. вино хранилось в церкви св. Петра у алтаря и в Морнвеговой комнате. Кроме того, во дворе находились пивоварня, мельница, больничное помещение. Два последних здания могли использоваться в случае необходимости и под жилье для купцов, но не более трех дней. Имелись во дворе баня и пекарня.

Одна из построек Немецкого двора называлась гридница, назначение которой не вполне ясно. Согласно IV скре в ней нельзя было хранить больше одного рулона полотна, а меховой товар держать дольше одной ночи. Вместе с тем только в гриднице можно было выколачивать меха и нигде в другом месте. Шлютер предполагает, что гридница могла служить также местом дворового суда и залом заседаний.

Материалом для строительства дворовых построек, вероятно, являлось дерево, которое немецкие купцы согласно договору 1269 г. имели право рубить по берегам Волхова. Однако имеются сведения о существовании во дворе и кирпичного дома, для возведения которого Дерпт посылал в Новгород своего мастера.

Согласно проекту договора 1269 г. ганзейское купечество имело в Новгороде в своем распоряжении луга, где заготавливалось сено для лошадей.

Приезжать в Новгород и жить во дворах имели право только купцы ганзейских городов, всегда стремившихся к монопольной торговле с русскими. Во всех редакциях скры и в переписке городов настойчиво повторялся запрет вступать в компанию с неганзейцами, особенно с голландцами и фламандцами — главными конкурентами Ганзы, или привозить их товары в Новгород. Нужно

сказать, что и ганзейские города не все пользовались одинаковыми правами во дворе. Чаще других посещали Новгород и пользовались преимуществами купцы из ливонских, вендских, вестфальских городов, в то время как купцы из прусских городов, также входивших в Ганзу, были ограничены в торговле в Новгороде. Им запрещалось, например, привозить польские сукна, чтобы не создавать конкуренцию. Купцы ганзейских городов, редко посещавшие Новгород, имели от своих магистратов рекомендательные письма для получения права торговать в Новгороде. Так, в 1437 г. Бреслау (ныне Вроцлав) рекомендовал принять во двор некоего Андреаса, слугу бреславского гражданина, отправленного в Новгород по торговым делам своего господина, «так как наш город Бреслав и мы все принадлежим немецкой Ганзе».

На рубеже XIV—XV вв. в крупных городах Германии стали появляться объединения купцов, специализировавшихся на торговле с тем или иным городом или с той или иной страной. В одном только Любеке в начале XV в. насчитывалось около 10 таких объединений, среди которых было и новгородское. Купцы, ведущие торговлю с Новгородом, назывались *Nowgorodfahrer* (буквально — те, кто ездят в Новгород). В Штральзунде в церкви Николая сохранился резной деревянный фриз, укрепленный над скамьями купцов — «новгородцев» из Штральзунда (ил. 8). На этом фризе, изготовленном немецким мастером на рубеже XIV—XV вв., изображены новгородцы, охотящиеся на белок и добывающие мед и несущие затем эти товары на Немецкий двор. В руках охотников деревянные луки и стрелы, аналогичные тем, что обнаруживаются при археологических раскопках. При отсутствии в русских источниках подобных изобразительных материалов данное изображение содержит важную информацию не только о внешнем виде новгородцев, но и о способах добычи пушного зверя, в частности белок. Сохранились и другие изображения новгородских купцов в Любеке (ил. 12).

Купцы подразделялись на зимних и летних гостей, из которых первые прибывали в Новгород осенью во время последней навигации или с первым санным «поездом», а покидали город весной. Им на смену приезжали летние гости. Поначалу существовал только морской путь из Балтики по Неве в Ладожское озеро, затем по Волхову в Новгород, но уже в начале XIII столетия упоминается «горный» путь, т. е. по суше. Поначалу морские гости имели преимущества перед сухопутными, что зафиксировано в первых редакциях *скры*. Однако постепенно разница между морскими и сухопутными гостями

стерлась, тем более что с начала XIV в. немецким купцам обеспечивались «чистые» пути по суше.

Купцы различались не только по принадлежности к той или иной городской общине, но и по их социальному положению. Основную группу купеческого сословия, торговавшего в Новгороде, составляли *meistermannen*, самостоятельные купцы, имевшие собственный капитал и товары. Каждый из них мог привезти с собой двух человек, называемых *knecht* или *knabe* (буквально — «слуга»), на самом деле выполнявших обязанности не личных слуг купца, а его помощников по торговле. В другом случае это были *junge*, т. е. молодые люди, обучавшиеся торговому делу и помогавшие самостоятельным купцам. Во всех редакциях скры оговаривались взаимоотношения между *meistermann* и *knecht*, по которым купец, взявший к себе помощника, не имел права отказать ему без достаточных оснований до возвращения в родной город. Вместе с тем помощник был обязан во всем помогать своему господину и «в счастье и несчастье», как сказано в скре. Согласно древнейшей скре помощники выбирали себе старосту, к которому следовало обращаться в случае ссоры. В позднейших редакциях скры староста помощников не упоминается.

Трудно сказать, какое максимальное число купцов могли вместить оба двора. Обычно источники называют около 150 человек: например, в зиму 1336—1337 гг. во дворе находилось 160 человек, в 1425 г. — от 116 до 150, самую большую цифру — 200 человек — называет документ 1439 г. Очевидно, 150—200 человек было обычной нормой для проживания на Немецком и Готском дворах в благополучные времена. С упадком конторы в XV в. число купцов, приезжавших в Новгород, сократилось, что было отражено даже в скре.

Вместе с тем поначалу при отсутствии мест для проживания на том или другом дворе не запрещалось останавливаться на постой в новгородских усадьбах; во всяком случае IV скра говорит как о само собой разумеющемся, что дежурить во дворе должны все купцы, как живущие в нем, так и вне его (т. е. в русских дворах). В статье о выборе фогта в каждой комнате также предусматривался выбор старосты для купцов, живших вне двора. Если оказывалось, что оба старосты церкви св. Петра жили в русских дворах, то один из них, выбранный последним, должен был переселиться во двор и освобождался от платы.

Факт размещения немецких купцов в новгородских усадьбах зафиксирован и при археологических раскопках 1972—1974 гг.

соседнего с Немецким двором участка, расположенного на нынешней Михайловой улице. Здесь в слоях XIV в. были найдены западноевропейские бытовые предметы, несомненно свидетельствующие, что на данной усадьбе жили и немецкие купцы (см. главу VI).

Однако со временем положение изменилось настолько, что в V скру была включена статья, запрещающая останавливаться в русских дворах без особой необходимости: «Никто не должен стоять в русских дворах, когда Немецкий двор и Готский двор не заняты, штраф 1 марка без всякого снисхождения». Дело в том, что в первой половине XV в., когда запреты на торговлю с Новгородом следовали один за другим, находились купцы, приезжавшие в обход запретов в Новгород и размещавшие свои товары в русских дворах. Сохранились жалобы купечества ганзейской конторы 1421, 1431 гг. на купцов, проживавших у русских. Это заставило ливонские города на съезде в Вольмаре в 1434 г. принять решение о запрещении размещать немецкие товары в русских дворах и назначить штраф за невыполнение этого решения.

Приезжавшие в Новгород из разных городов ганзейские купцы представляли собой во дворе единое немецкое купечество, которое руководствовалось во всем статьями скры и общими постановлениями и возглавлялось выбранными из его среды старостами.

Древнейшие правила выборов старост зафиксированы в I скре, откуда они без изменений перешли во II и III редакции и действовали во дворе в течение XIII — первой половины XIV в. Согласно этим правилам прибывающие в Новгород купцы избирали из своей среды старосту двора и старосту св. Петра, т. е. церкви; те, в свою очередь, выбирали себе четырех помощников, по два помощника каждому старосте. За отказ от должности старосты назначался штраф в 1 марку серебра, который мог увеличиться, если купец в третий раз отказывался от исполнения обязанностей старосты.

С оформлением Ганзейского союза в середине XIV в. наступил новый этап в истории дворов, в связи с чем изменился и порядок выбора старост двора и церкви, сохранявшийся на протяжении второй половины XIV и всего XV в. вплоть до закрытия конторы в 1494. Этот порядок лишал немецкое купечество самостоятельности, так как теперь старост выбирали специально присланные для этой цели посланники городов. После восстановления конторы в 1514 г. установился новый порядок выбора старост, отразившийся в VI редакции скры. При наличии во дворе 30—40 человек из их среды выбиралось 12 лиц, дававших клятву (по 3 человека от каждой из четырех частей

Ганзы: вендской, саксонской, вестфальской, ливонской). В свою очередь, эти 12 присяжных избирали двух старост.

Староста двора имел определенные преимущества перед остальными купцами: он выбирал себе для жилья любое приглянувшееся ему помещение и освобождался от платы за него; в отличие от остальных купцов не участвовал в дежурствах по охране двора и церкви. За оскорбление старост назначался штраф. Однако эти преимущества вряд ли привлекали купцов к исполнению обязанностей старост двора, поскольку со второй половины XIV в. штраф за отказ от должности старосты увеличился с одной марки до 50 марок и лишения членства купеческой общины, что намного превышало предоставляемые старостам привилегии. Таким образом, избранные старостами купцы вынуждены были соглашаться, если не хотели лишиться права торговать в Новгороде. Кроме того, в IV и V скре содержались статьи, запрещающие старостам оставлять должность до их законного отъезда. Согласно постановлениям II и III скры староста двора и его помощники получали третью часть от каждого внесенного в казну св. Петра штрафа; в последующих редакциях такой порядок не предусмотрен.

Староста был главным судьей во дворе, строго следящим за исполнением всех постановлений скры, назначающим предусмотренные ее статьями штрафы, а также другие виды наказаний. Он был призван улаживать все возникающие во дворе ссоры между самостоятельными купцами, а также между купцами и их помощниками. В случае необходимости староста имел право приговаривать провинившихся к телесным наказаниям и даже к смертной казни.

Судя по разным редакциям скры, в обязанности старост входили также ведение переговоров с русскими, проверка товаров и назначение досмотрщиков, получение налогов с купцов. При отъезде старосты обязаны были отчитаться в своей финансовой деятельности перед общим собранием и предъявить запись поступлений налогов и расходов конторы.

Наряду со старостами двора выбирались старосты церкви св. Петра, о чем подробно говорится в статьях IV и V скры, в то время как другие редакции эту должность не упоминают. Видимо, только в период наиболее активной ганзейской торговли в Новгороде, когда дворы посещало много купцов, староста двора не мог справиться со всеми делами конторы, и поэтому появилась необходимость в должности старосты церкви св. Петра. Перед вступлением на должность старосте зачитывалась скра, чтобы он знал, чем ему руководствоваться в своей деятельности.

Главной обязанностью старост св. Петра было сохранение права церкви, всех привилегий и посланий городов, за утрату которых староста присуждался к уплате 50 марок штрафа и лишению прав члена двора. В обязанности старосты церкви входило также запечатывание воска специальной печатью св. Петра, за передачу которой другому лицу он должен был уплатить 10 марок штрафа. Старосты св. Петра принимали от купцов клятву соблюдать все постановления скры и вместе со старостами двора запрещали отъезд купцам, находившимся друг с другом в ссоре и не уладившим раздор. Староста св. Петра выполнял некоторые функции старост двора во время их отсутствия, например назначал досмотрщиков сукна и воска, а не выполнивший этой обязанности платил штраф в 10 марок. Вообще, отказ от обязанностей старосты церкви или невыполнение таковых наказывался штрафами от 10 до 50 марок и лишением прав двора. Привилегия старост церкви св. Петра состояла в освобождении от платы за жилье, а в случае оскорбления старост назначался штраф в 10 марок серебра.

Наряду со старостами двора и церкви св. Петра в XV в. в ганзейской конторе в Новгороде появились новые должности, причины возникновения которых рассмотрены выше. Речь идет о должности управляющего, или начальника двора (*Vorstender*), и приказчика двора (*Hovesknecht*). Должность управляющего впервые упоминается в 1422 г., в дальнейшем этот термин встречается в документах все чаще. Управляющие заменяли старост двора во время их отсутствия и выполняли их функции. Уже по V и VI скре должности управляющего и старосты равнозначны.

Должность приказчика двора появляется в период фактического перехода руководства ганзейской конторой в руки ливонских городов и впервые упоминается в документах в 1409 г. Впоследствии на протяжении всего XV в., вплоть до закрытия двора в 1494 г., эта должность постоянно встречается в переписке двора, из которой многих приказчиков мы знаем по именам. Она была учреждена для ведения всех хозяйственных дел двора, за что приказчик в качестве вознаграждения имел право продавать напитки и содержать трактир.

Первоначально приказчик был подчинен старосте двора и еще в 1442 г. не мог заменять его или управляющего, выполнявшего функции старосты. Однако постепенно значение этой должности росло, и со временем приказчик стал основным лицом в администрации двора и успешно заменял старост и управляющего в их отсутствие. Приказчиков двора обычно назначал Дерпт, ближайший

из ливонских городов к Новгороду и занимавшийся всеми хозяйственными делами конторы.

Термин *Hovesknecht* появляется только в V редакции скры, где в одной из статей подтверждается право приказчика принимать на себя обязанности старост двора в их отсутствие.

Кроме главных административных должностей существовали еще фогты, исполнявшие роль старост комнат, где жили купцы. В скра предписывала в каждой комнате выбирать своего фогта, который в свою очередь выбирал себе двух помощников (причем выбирать фогта должны были и купцы, живущие вне дворов). За отказ от должности фогта нужно было уплатить 1 марку штрафа. Фогт со своими помощниками назначал ответственных за отопление, освещение в комнатах, за порядок в подклете (где, вероятно, хранились товары), за порядок в самом спальном помещении. Каждую субботу фогты проводили свои судебные заседания и имели право присуждать купцов к штрафу в 15 кун. За неподчинение распоряжениям фогта общее собрание купцов назначало штраф в 1 марку серебра. Оскорбление фогта и его помощников каралось штрафом также в 1 марку.

Как следует из анализа скры, вся административная система иноземных дворов в Новгороде была хорошо организована, продумана до мелочей и, видимо, безотказно действовала во времена активной торговли Ганзы с Новгородом. С сокращением числа приезжавших в Новгород ганзейских купцов эта сложная многоступенчатая система управления не оправдывала себя, так как не хватало людей для распределения между ними всех административных должностей. Поэтому постепенно вместо привычных в XIII—XIV вв. старост появились заменившие их управляющий и приказчик двора.

К середине XV в. введенные в конторе порядки постоянно нарушались, особенно молодыми людьми. Наряду с приказчиком, они сами вели торговлю спиртными напитками в розлив, играли в азартные игры, оставались во дворе на длительный срок и т.д. В связи с этим города решили повысить ответственность должностных лиц конторы, обязав их отчитываться в своей деятельности перед ними. Старосты и другие, ответственные за порядок в конторе, должны были докладывать магистрату одного из ливонских городов, насколько строго и верно они соблюдали скру и осуществляли контроль за выполнением ее постановлений и за порядком во дворе. Если их деятельность не получала положительной оценки, они платили штраф в 10 марок серебра. В связи с этим ливонским послам, отправлявшимся в Новгород в 1465 и 1468 гг., была дана инструкция:

«поскольку скра в Новгороде уничтожается и не соблюдается, то послы имеют полномочия и ответственность скру в Новгороде улучшать, помещая в нее по своему усмотрению и соответственно со сложившейся обстановкой статьи, которые они (послы. — *Е. Р.*) признают служащими общему благу, чтобы немецкое купечество привести тем самым в повиновение и поддерживать хорошее управление им».

Наряду с административными во дворе было несколько других лиц, призванных обслуживать купцов. Главной фигурой среди них был священник, основная обязанность которого состояла в проведении богослужения. Поначалу, в XII—XIII вв. и первой половине XIV в., во времена действия первых редакций скры, священника привозили купцы. Следовательно, они сами приглашали по своему усмотрению человека на эту должность. Специальная статья древнейшей скры была посвящена содержанию священника во дворе. Зимние гости должны были содержать священника только во время пути в Новгород и обратно, а по прибытии в Новгород ему выдавали из казны св. Петра 50 марок с тем, чтобы он сам мог себя содержать. Однако летние гости обязаны были оплачивать священника сами, как по пути в Новгород и обратно, так и во время его пребывания во дворе. Не возбранялось ни зимним, ни летним гостям дополнительно оплачивать священнику какие-либо услуги, которые он оказывал купцам (например, писание писем).

Священник, прибывший с новым «поездом» (все равно зимних или летних гостей), занимал место священника, уже находившегося во дворе, и все живущие там обязаны были обращаться только к новому священнику. С общей переменой в середине XIV в. управления и вообще всей жизни иноземных дворов в Новгороде священника стали назначать на год поочередно Любек и Висбю. Жалование ему выдавалось из казны св. Петра в размере 10—12 марок, кроме того, он имел бесплатное питание, получал в качестве приплаты мех и дополнительно по полмарки на проезд в Новгород и обратно.

С переходом руководства ганзейской конторой в Новгороде к ливонским городам последние стремились взять в свои руки и назначение священника, что вызвало резкий протест Любека и Висбю (см. главу IV).

Кроме его непосредственных обязанностей священнику обычно поручалось писание писем, причем письма от имени двора он писал бесплатно, а частные — за определенную плату. Священник объявлял об общем собрании, ему же передавались ключи от церкви, если отсутствовали старосты св. Петра и их помощник. Он занимал во дворе

отдельную спальню, в которой разрешалось отвешивать серебро пла- вильщикам серебра. Очевидно, комната священника использовалась для этих целей потому, что его присутствие гарантировало честность операций.

Известно о пребывании во дворе специального переводчика, которого IV скре упоминает в связи с размещением в его спальне еще шести купцов; в V скре есть статья, определяющая плату переводчику за его услуги в 8 гривен серебра и не меньше. К сожалению, подроб- ных сведений об условиях работы переводчиков в конторе источни- ки не содержат. Судя по решениям городских съездов 1402 и 1405 гг., о переводчике заботились сами города, именно они указывали немец- кому купечеству в Новгороде, когда оплатить работу переводчика или дать ему отпуск в связи с бесполезностью его пребывания в конторе. Вероятно, переводчик не всегда требовался во дворе, поскольку сре- ди купцов постоянно находилась группа молодых людей, приезжав- ших в Новгород специально для обучения русскому языку. Видимо, они в случае необходимости и выполняли обязанности переводчиков. Их возраст не должен был превышать 20 лет, что оговорено статьей скры.

Согласно скре для проверки различных товаров, особенно вос- ка и сукон, назначались досмотрщики, т.е. лица, устанавливающие доброкачественность товаров. Порядки осмотра воска и сукон были строгие: купцы, не представившие для осмотра свои товары, платили штраф в 10 марок серебра, а если они оспаривали решения досмотр- щиков, то также присуждались к штрафу в 10 марок. В 1405 г. была установлена должность досмотрщика вина и медового напитка.

Находились во дворе и ливцы серебра, портной, пекарь, пивовар. До XV в. пиво варили по очереди сами купцы, при этом разрешалось варить его только на Немецком дворе.

Главным законодательным органом конторы было общее соб- рание (*meunen stevene*) всех присутствующих во дворе купцов под председательством старост двора и св. Петра или заменяющего их управляющего двора. Собрание обсуждало все важнейшие дела двора: здесь зачитывались письма городов, сообщения послов, вер- шился суд в торговых и уголовных делах. Общее собрание утверж- дало постановления фогтов. За неявку на собрание полагался штраф: по I—III скре в 5 кун, а в некоторых случаях — в 10 кун; по IV скре штраф увеличился до 1 марки серебра.

Все принятые собраниями решения непременно записывались в специальную книгу (*denkebok*), а новые юридические постановления

сначала отправлялись для утверждения в города и только в случае их одобрения включались в скру. Некоторые важные постановления вывешивались для всеобщего обозрения. Здесь же на лестнице вывешивались имена новгородских купцов, с которыми по тем или иным причинам запрещалось торговать. Ганзейские города просили сообщать им эти имена, чтобы бойкотировать названных новгородцев там, где они появятся. При урегулировании конфликта между новгородскими и ганзейскими купцами в 1436 г. в договоре было записано: «а кто из русских у немцев записан на лестнице, тех с лестницы снять и торговать с ними по старине».

Вся жизнь двора была строго регламентирована постановлениями скры. Немецкое купечество в Новгороде постоянно заботилось об охране дворов и церкви от пожаров и от всяких посягательств со стороны русских. Уже в I редакции скры имелись постановления об охране дворов и церкви, полностью перешедшие во вторую и третью редакции. Согласно этому постановлению дворы охранялись и днем и ночью всеми купцами без исключения; в церкви дежурили только ночью. Для охраны содержались собаки, которых на ночь спускали с цепей. За уклонение от дежурства по охране двора или церкви назначался штраф в 1 марку кун, за неявку на охрану виновный платил марку серебра. Специально оговаривалось, что «держатъ стражу» двора обязаны были, наравне с морскими, и сухопутные гости. В III скре было добавление о том, что несовершеннолетние не привлекались к охране двора.

IV скра гораздо подробнее обсуждает вопросы охраны и безопасности двора и церкви, придавая им первостепенное значение: большинство постановлений об этом помещено в самом начале скры. На ночь в церковь отправляли двух сторожей, которые не должны были быть братьями, компаньонами или помощниками одного купца; нарушение этого правила каралось солидным штрафом в 10 марок. Сторожа обязаны были закрыть все церковные окна и запереть изнутри дверь на засов. За каждое незакрытое окно и незапертую дверь назначался штраф в 1 марку. Если сторожа оставляли непогашенной свечу в церкви, они платили штраф в 10 марок. Это постановление, несомненно, было принято во избежание пожаров. В тех же целях штрафовалось использование в церкви свечи без подсвечника.

Вторая часть статьи была посвящена дневной охране церкви, которую следовало запираť на замок, а ключи отдавать старосте св. Петра, его помощнику или священнику. За вынос ключей от церкви с территории двора назначался штраф в 10 марок, а если

ключи мог увидеть какой-нибудь новгородец, то виновный в открытом ношении ключей платил штраф в 1 марку.

Сторож, стоящий у церкви днем, обязан был следить не только за тем, чтобы двери церкви были закрыты, но и чтобы никто из русских не входил в нее и даже не ступал на крыльцо. Если сторож допускал это, то платил соответственно штраф в 10 и в 1 марку серебра.

В одной из статей IV скры подробно перечислялись обязанности лица, отводившего в церковь ночных сторожей. Если кто-то случайно оказывался запертым в церкви, должен был уплатить штраф в 10 марок. Другая статья определяла очередность ночного дежурства в церкви, которое обязаны были нести все купцы, живущие во дворе и вне него. Строгие правила охраны двора и церкви не только ночью, но и днем были вызваны тем, что днем во двор приходили русские купцы, ведшие торговлю с немцами, поэтому важно было уберечь от их глаза находящиеся во дворе товары. Присутствие во дворе русских строго ограничивалось определенными помещениями, в которых немецкие купцы предлагали свои товары в обмен на русские. В определенный час давался сигнал о закрытии двора, после которого каждый немец должен был проводить русских партнеров по торговле, затем сторож спускал собак.

Все купцы, прибывавшие в Новгород, должны были платить налог (Schoss) с привезенного товара. Первые три скры при назначении налога различали зимних и летних гостей, а также морских и сухопутных. Если зимние гости платили со 100 марок стоимости товара 1 фердинг, то летние — только половину фердинга; сухопутные гости в обоих случаях платили только половину налога, который выплачивали морские гости.

Во всех последующих редакциях скры налог устанавливался одинаковым для всех купцов независимо от способа их приезда в Новгород (морем или сушей) и времени прибытия (зимой или летом). Во всех случаях со 100 марок товара следовало уплатить 1 фердинг, соответственно с 50 марок — полфердинга. Кто имел товара на меньшую сумму, должен был платить с каждой марки товара 1 куну. В V редакции скры статья о налоге была дополнена постановлением, согласно которому налог должен был вручаться обоим старостам двора, не имеющим права принимать его в одиночку, и сразу быть помещенным в специальный ларь св. Петра, от которого каждый староста имел свой ключ. Вероятно, это добавление было направлено против возможных злоупотреблений по утаиванию налога.

Кроме налога на товары устанавливалась также плата за проживание во дворах (своего рода плата за наем жилья). I—III редакции и здесь определяли разную сумму для зимних и летних гостей: первые платили 1 фердинг, вторые — 1 марку кун. Согласно статьям IV и V скры плата за проживание в Немецком дворе равнялась 1 фердингу, независимо от продолжительности пребывания в нем. Для тех, кто останавливался на Готском дворе в течение 6 недель, она равнялась 1 золотнику еженедельно, для проживающих там больше этого срока — 1 фердингу. За жилье платили, как следует из постановлений скры, только самостоятельные купцы. Ученики купцов и их помощники за жилье не платили, но и не имели особых прав на отдельное место во дворе. Если купец привозил больше двух помощников, он должен был сам заботиться об их размещении.

Собранный с товаров налог, плата за жилье, разнообразные штрафы, которым подвергались купцы во время пребывания во дворах, составляли общественную казну конторы, использовавшуюся для нужд двора: приобретения необходимого инвентаря и предметов для службы в церкви св. Петра, для ремонта частоколов и церкви, оплаты священника (в XIV—XV вв.) и других целей. Остаток общественной суммы, согласно постановлению трех первых редакций скры, отправлялся на Готланд, где хранился в церкви св. Марии в особом сундучке, ключи от которого находились в Любеке, Висбю, Дортмунде и Зёсте. В дальнейшем, как известно, ключ от сундука с казной находился в Риге, которую в 1360 г. Любек просил отправить ключ в Новгород с тем, чтобы купечество могло использовать казну по своему усмотрению. Со второй половины XIV в. казна хранилась в церкви св. Петра.

Начиная с середины XIV столетия, сохранилось немало документов, свидетельствующих, что часть общественной казны св. Петра шла на покрытие посольских расходов. Все посольства, направляемые в Новгород для решения разных спорных вопросов и заключения торговых соглашений с ним, должны были оплачиваться самими купцами. В частности, на посольство 1371 г. Любек субсидировал 1000 марок, которые впоследствии требовал от ливонских городов и немецких купцов в Новгороде. На посольство 1392 г. Любек израсходовал 1684,5 любекской марки, значительную сумму на это посольство истратил также Висбю, который еще спустя 20 лет после названного посольства требовал от немецких купцов ее возврата.

Для возмещения расточительных расходов по организации посольства 1392 г. и восстановления дворов после пожаров

1385 и 1399 гг. и вообще возобновления конторы после долгих лет торговой войны на ливонском съезде 1392 г. было принято решение увеличить налог еще на 1/4 процента и взимать с каждого 100 марок не 1 фердинг (1/4 процента), а полмарки серебра (т. е. 1/2 процента). Новый налог следовало собирать до тех пор, пока не будут компенсированы расходы любчан, готландцев, всех ливонских городов, а церковь и дворы отремонтированы.

Немецкому купечеству в Новгороде было предписано дважды в год посылать собранный налог и отчет о расходах в Дерпт; далее ливонские города должны были делить присланную сумму между пятью городами (Любеком, Висбю, Ригой, Ревелем и Дерптом) согласно той сумме, которую каждый из них истратил на дела купцов.

В 1403 г. новгородская контора, отправляя часть собранного налога в Дерпт, решительно заявила, что в дальнейшем налог будет употребляться только на строительство церкви и восстановление конторы. Этот шаг немецкого купечества был вполне оправдан, так как в указанное время купцов в Новгород приезжало немного, дворы после пожаров были разрушены и неоткуда было взять деньги на их восстановление.

В дальнейшем казна двора св. Петра пополнялась плохо. Постоянные пожары требовали возобновления хотя бы элементарной ограды вокруг дворов и укрепления стен и сводов церкви, чтобы было место для хранения товаров, что стоило немалых средств. В казне конторы их почти никогда не было, и руководство конторы вынуждено было брать деньги в долг на самые необходимые нужды. В связи с этим на общем собрании немецких купцов в Новгороде в 1423 г. было высказано предложение не делить остатки налога, а помещать их в ливонских городах, чтобы дворы освободились от долгов. В ответ на это общеганзейский съезд просил прислать отчет о финансовой деятельности за прошедшие 20—30 лет с указанием, сколько за это время было получено взносов и сколько истрачено на строительство, чтобы окончательно решить эту проблему. Впоследствии вопрос о налоге не раз обсуждался на ливонских и ганзейских съездах. В частности, в 1453 г. на съезде в Любеке был поднят вопрос о сборе средств, необходимых для организации посольства в Новгород: «А что касается расходов, то, поскольку у купечества в Новгороде не собраны деньги, заморские города полностью согласны с посланцами ливонских городов, что, начиная с предстоящей пасхи, в течение одного года нужно брать со всех ввозимых товаров со 100 любекских марок по 1 фердингу, а шкипера должны давать со своего

груза. Когда этот год пройдет, то ливонские города должны написать магистрату Любека, сколько они собрали за этот год, и по этим данным нужно рассчитывать расходы. А названные деньги честно хранить до вышеназванного съезда».

Скра строго регламентировала не только весь распорядок жизни и быта немецких купцов, но и само ведение торговли. Особенно этим отличались IV и последующие редакции, содержащие разнообразные статьи о правилах торговли воском, мехами, тканями, вином, пивом (подробней см. перевод IV скры в приложении).

Условия проживания немецких купцов в Новгороде определялись, с одной стороны, интересами ганзейского купечества и принятым во дворе порядком, с другой — зависели от взаимоотношений с купцами и жителями Новгорода и от распоряжений новгородских властей.

Характер, правовые нормы и правила ведения торговли

Характер, правовые нормы, правила ведения торговли особенно хорошо документированы источниками для XIII—XV вв. Однако нет причин сомневаться в том, что основные торговые принципы типичны для всей средневековой торговли Новгорода начиная с X в.

Средневековая торговля имела посреднический характер, что с ранних пор отразилось в существовании в Европе крупных торговых центров с гостинными дворами, куда стекались товары из дальних земель и откуда они распространялись на соседние территории. Такими центрами в разные времена были Бирка, Сигтуна в Швеции, Хедebu, Любек в южной Балтике, Висбю на Готланде, Лондон в Англии, Брюгге в Нидерландах, Берген в Норвегии и другие. На протяжении веков подобным посредническим центром международной и внутрирусской торговли был Новгород, куда поступали товары из Византии, стран Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и древнерусских земель.

В свою очередь посреднический характер приводил к монополизму в торговле, поскольку тот или иной пункт становился центром торговли для большого региона. Собственно, монопольная торговля была характерной для всех торговых объединений, в том числе и Ганзы. Ганзейские города всегда стремились к монопольной торговле с Новгородом и поэтому старались исключить какую бы то ни было конкуренцию не только со стороны неганзейских купцов, но и внутри самого ганзейского товарищества. В связи с этим орок пребывания

в Новгороде ограничивался одним сезоном, т. е. зимним или летним периодом. Правда, предусматривались возможные задержки купцов, но и в этом случае максимальный срок пребывания во дворах не должен был превышать одного года и дня, в противном случае купец лишался права посещать контору. Точно так же была ограничена стоимость ввозимых товаров тысячей марок и не больше. Купец, нарушивший это правило, лишался товара, который переходил во владение двора; кроме того, виновному запрещалось впредь привозить свой товар в Новгород. Эта мера была вызвана заботой о сохранении стабильных цен на ганзейские товары. Только в критической ситуации, когда ганзейская торговля стала приходить в упадок, города решили повысить стоимость товаров до 1500 марок.

Новгород в свою очередь запрещал ганзейцам поездки в другие города, дабы избежать конкуренции со стороны других купцов. Кроме того, в самом Новгороде ганзейцы могли торговать с купцами из иных городов и стран только при посредстве новгородских купцов. Монополизм новгородских купцов простирался и на деятельность князя, людям которого, согласно новгородско-княжеским договорам, запрещалось самостоятельно торговать с иноземными купцами: *«А в Немецком дворе тебе торговати нашею братиею...»*.

Правила торговли новгородцев с иноземными гостями зафиксированы в торговых договорах и уставе Немецкого двора в Новгороде. Ограничения для ганзейцев устанавливались Новгородом не только в правилах торговли, городские власти стремились держать под контролем немецких купцов, чтобы обеспечивать доход своим гражданам, как купцам, так и другим сословиям, занятым обслуживанием иноземных купцов. Новгород владел монопольным правом доставки иноземных товаров за определенную плату по Неве, Ладожскому озеру и Волхову (рис. 26), а также с речных пристаней к иноземным дворам, Готскому и Немецкому. Даже отъезд немецких купцов из Новгорода целиком зависел от воли города, так как им было предписано пользоваться услугами только новгородских носильщиков при переносе товаров во дворы и обратно. Кроме того, ганзейские суда не поднимались по Волхову в Новгород, а оставались в устье Невы или у порогов (рис. 27), где происходила перегрузка товаров в новгородские ладьи, управляемые новгородскими лоцманами. Это правило облегчало новгородцам возможность задержания немецких купцов в Новгороде в случае необходимости, чем они неоднократно пользовались на протяжении всего периода торговли с Ганзой. Плата за переноску товаров с ладьи на иноземные дворы сначала была строго определена

Рис. 26. Волховские перевозчики. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558*

договором 1269 г.: 15 кун на Немецкий двор, 10 кун — на Готский. В IV скре плата за разгрузку товаров устанавливалась в 15 кун и не больше. Однако в XV в. новгородские носильщики самовольно назначали цены за разгрузку и погрузку товаров, что вызывало постоянные нарекания со стороны ганзейцев. Кроме того, немецкие купцы были недовольны и тем, что не имели права сами переносить свой товар, как это было заведено в ганзейских городах. В частности, при переговорах в 1436 г. одна из тем касалась новгородских носильщиков: «В первую очередь мы (послы — Е. Р.) говорили о носильщиках, которые переносят товары со двора на двор. Носильщики принуждают купцов, чтобы те платили им то, что носильщики требуют, и что бедные купцы не имеют права сами переносить свое имущество».

Торговая пошлина собиралась в Гостинополье — пристани на Волхове (в средневековье это был последний пункт перед волховскими порогами), где иноземные купцы перегружали свои товары в новгородские ладьи или нанимали лоцманов, чтобы добраться до Новгорода. По договору 1259—1263 гг. предписывалось всем иноземным купцам платить по 2 куны от капи (3 пуда) с любого взвешиваемого товара, купленного или проданного. В следующем договоре 1269 г. сумма не названа, но сказано, что платить нужно столько, сколько «исстари», но не больше.

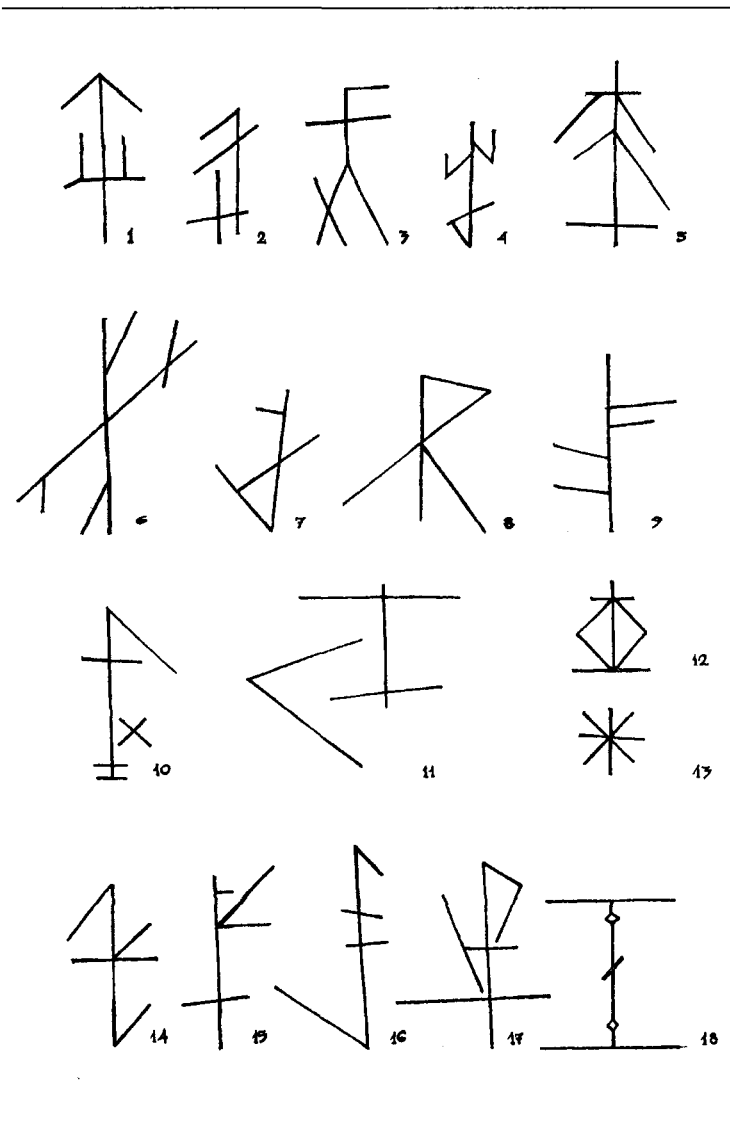
Ни в русских, ни в ганзейских источниках нет прямых указаний, как и где велась торговля в Новгороде с иноземцами, но многочисленные сведения из постановлений городских съездов, переписки

Рис. 27. Переправа через пороги на Волхове. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558*

двора, статей скры дают возможность, хотя бы в общих чертах, восстановить способ торговли. Очевидно, что новгородско-ганзейская торговля была меновой и оптовой, впрочем, как и вообще вся средневековая торговля. Известно, что ткани продавались поставами, запечатанными специальными пломбами, соль — мешками, мед, вино, сельдь, цветные металлы — бочками. Замечу, что при раскопках на Неревском конце на усадьбах богатой посадничьей семьи Мишиничей-Онцифоровичей в большом количестве были найдены днища дубовых бочек с ганзейскими купеческими знаками (рис. 28). Несомненно, что в этих бочках в Новгород доставлялся ганзейский товар (в том числе и вино), который богатые новгородцы покупали оптом.

Оптовая продажа была характерна даже для таких мелких штучных товаров, как перчатки, нитки, иголки, которыми разрешалось торговать ученикам купцов в клетях. Названные предметы должны были продаваться дюжинами, сотнями, тысячами штук. Русские товары также закупались большими партиями: воск — кругами, меха — сотнями шкурок.

28. Ганзейские купеческие знаки на бочках из раскопок в Новгороде

Вместе с тем розничная торговля, судя по некоторым данным, также имела место. В 1416 г. новгородское вече объявило запрет на ведение розничной торговли немецкими купцами. В отчете ливонских послов о переговорах с Новгородом в 1436 г. содержится просьба, чтобы и в будущем *«немцам было разрешено вести мелкую торговлю, где они могут, как это было раньше»*. Видимо, немецким купцам в прежние времена было разрешено вести торговлю в розницу, но в XV в., с общим ужесточением торговых правил со стороны русских, такая торговля была запрещена, о чем купцы жаловались немецким городам.

Поскольку торговля была оптовой, то купцам не было необходимости выходить со своим товаром на рынок. Судя по статьям скры, основным местом торговли был иноземный двор, куда приходили русские, чтобы договориться о сделках и забрать товар. Немецкие купцы приобретали новгородские товары также непосредственно на усадьбах русских партнеров. В скре говорится, что купцу нельзя было выходить на покупку с братом, компаньоном или своим помощником, но обязательно с другим купцом. Выбранный товар нельзя было забирать в течение трех дней, пока не было получено согласия другого купца, с кем отправлялись на покупку.

Особенно строго следила скра за соблюдением менового характера торговли, т.е. наличный товар за наличный товар (*«rade umte rade»*). Впервые запрет брать что-либо в долг у русских появился еще во II и III редакциях скры. В 1318 г. на общем собрании купцов в Новгороде было принято решение, категорически запрещающее торговлю в кредит под угрозой конфискации товара, купленного таким незаконным способом. В дальнейшем это правило постоянно возобновлялось и включалось во все редакции скры. Торговля в кредит не раз обсуждалась на городских съездах, и всякий раз она решительно запрещалась под угрозой потери товара и доброго имени купца. Вместе с тем постоянное возобновление правила торговли «наличный товар за наличный товар» свидетельствует, что оно также постоянно нарушалось купцами. Известны конкретные случаи торговли в кредит: например, в 1406 г. двор жаловался в Ревель, что два ревельских купца торгуют с русскими в кредит. В связи с этим в 1407 г. на съезде городов было принято очередное решение, чтобы при торговой сделке оба товара (покупаемый и продаваемый) были налицо («один товар рядом с другим») и поставлять их нужно было не иначе как через порог. В XV в. это правило продолжало нарушаться, что заставило города усилить меру наказания. В 1453 г. было вынесено

постановление, карающее за торговлю в кредит «высшей мерой без всякого снисхождения».

О складничестве

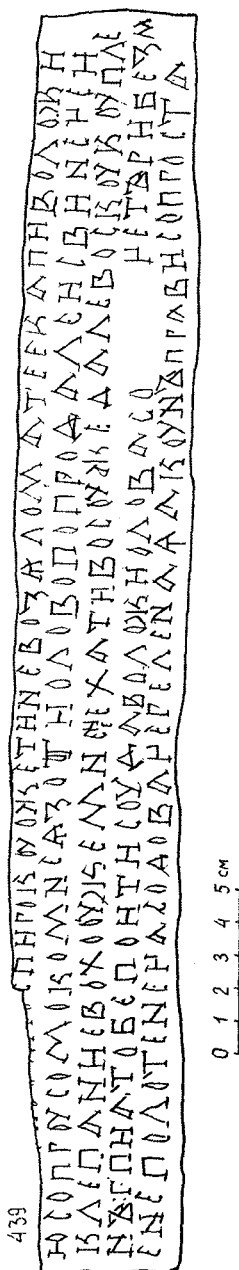
Международная торговля Новгорода была естественной частью боярского хозяйства, поскольку промыслы находились в основном в руках крупнейших землевладельцев — бояр, которые и получали прибыль от реализации прибавочного продукта. Однако специфика торговых и гостинных дел вела к возникновению и консолидации крупного купечества, получавшего свою долю доходов от совершаемых операций.

Профессиональными торговцами были прежде всего «гости», занимавшиеся внешней торговлей как с древнерусскими городами, так и с зарубежными странами. Профессиональные купцы объединялись в товарищества, из которых самыми известными были «Иваньское» и «заморское». Первое существовало при церкви Иоанна Предтечи на Опоках (ил. 13) и объединяло богатых купцов-вошников (торговцев воском). Членом этого купеческого объединения мог быть только купец, внесший 50 гривен серебра (около 10 кг) в общую казну, а также давший тысяцкому ипрское сукно, такие купцы назывались «пошлыми», т. е. получившими право передавать свое членство в этой корпорации по наследству.

Объединение «заморских» гостей находилось при церкви Параскевы на Торгу, построенной на их средства в 1156 (ил. 1). Кроме того, широко был распространен институт складничества, когда несколько купцов объединялось для ведения общих торговых дел. Самое раннее свидетельство о складничестве относится к рубежу XI—XII вв. (берестяная грамота № 745) и неоднократно зафиксировано в документах XII—XIV вв. Термин «складник» впервые встречен в берестяной грамоте № 133 XIV в. Очевидно, существовала специализация среди разных групп складников, одни из которых занимались торговлей цветными металлами и воском (грамота № 439), другие — солью (№ 624, Ст. Р. № 2), третьи — продуктами северных промыслов: кожей нерпы, мехами (№ 133, 420, 490, 622) и т. д.

О группе складников, которые были связаны с немецкими купцами, повествует обнаруженная на купеческой усадьбе Торговой стороны берестяная грамота № 439 (рубеж XIII—XIV вв.), сохранившаяся целиком (рис. 29). Ее автор Моисей сообщает своему адресату, что он уже продал олово, свинец и прочий металл, и теперь ему не нужно ехать в Суздаль, поскольку воск уже куплен. Вместе с тем он просит

Рис. 29. Грамота № 439

компаньона прибыть туда, где находится сам, и привезти еще олова и красной меди. Судя по тексту письма, в торговых операциях участвовали по крайней мере четыре человека: кроме автора и адресата, их компаньоны Прус и Матей. Очевидно, что эти купцы были заняты куплей-продажей воска, который привозили в данном случае из Суздаля, и в обмен на него приобретали у своих немецких партнеров цветной металл. Кроме примера складничества, данный документ важен и для решения проблемы организации новгородской торговли. В нем наглядно продемонстрировано, как у одной группы складников концентрировались импортные товары (цветной металл), которые купцы получали в обмен на экспортный товар (воск).

Судя по письменным источникам, складничество широко практиковалось в ганзейское время. Новгородские купцы, торговавшие с Ганзой, объединялись в группы по 5—6 человек для совместных поездок в ливонские и, возможно, ганзейские города, для защиты своих товаров и интересов от разбойных нападений и посягательств властей. Видимо, такие объединения обладали и каким-то юридическим статусом, поскольку они могли быть поручителями в разных конфликтах. Например, в 1396 г. Иван Калека с товарищами* поручились за товар, отнятый пиратами на море у другой группы новгородских купцов.

* Слово «товарищ» в первоначальном смысле обозначает члена купеческого объединения.

Правовые нормы

Торговая деятельность регулировалась договорами между партнерами. По существу каждый торговый договор был связан с завершением очередного конфликта между торговыми партнерами и их примирением. Вместе с тем в каждом из вновь заключенных договоров содержатся статьи общего характера, определяющие правила торговли и взаимоотношения между торгующими сторонами.

Одним из основных, и едва ли не самых главных, принципов средневековой торговли был «*рубезж*» (от древнерусского глагола «*рути*» — подвергать конфискации), суть которого заключалась в изъятии имущества у купцов-должников.

Проблема *рубезжа* как правовой нормы средневековой торговли долгое время подробно не рассматривалась в литературе, хотя это понятие и сам термин присутствуют практически во всех торговых договорах Новгорода с его партнерами, начиная с самого раннего, и встречаются в других, не только новгородских, источниках. Исключением является лингвистический анализ термина и производных от него слов, проведенный А. А. Зализняком в связи с изучением берестяной грамоты 246.

Акция *рубезжа* могла быть прямой и косвенной. В первом случае она применялась к непосредственному должнику, у которого истец конфисковывал его товар (или имущество) чаще всего в счет долга, но, возможно, и за какую-то иную вину перед истцом. Первое упоминание прямого *рубезжа* в международной торговле Новгорода содержится в Новгородской Первой летописи под 1134 г., когда «...*рубоша новгородць за моремъ въ Дони*», т. е. конфисковали товар у новгородских купцов в Дании.

Косвенный *рубезж* заключался в том, что при отсутствии непосредственного должника (виновника, ответчика) конфискация производилась у третьих лиц, что впервые зафиксировано в берестяной грамоте № 246 (XI в.). Особенно яркий пример косвенного *рубезжа* содержится в летописном рассказе под 1188 г. о конфликте между новгородскими и немецкими купцами на Готланде (см. главу II). Вскоре данный конфликт был урегулирован заключением торгового договора, согласно которому все спорные вопросы должны были решаться только между его конкретными участниками: «*емати свое у виновата*». Однако на практике эти правила практически не соблюдались и поэтому они постоянно повторяются во всех последующих договорах.

Во внутренней торговле Руси *рубезж* был способом давления в междоусобицах и в политической борьбе Новгорода с князьями. Начиная с 1268 г. и вплоть до 1471 г. договорные грамоты Новгорода с великими князьями непременно содержат условие торговать новгородским купцам в княжеской волости, в Суздальской земле «*без рубезжа, по цесареве грамоте*». Тем не менее князья не раз применяли *рубезж* в политических конфликтах против непокорного Новгорода, о чем свидетельствуют летописные сообщения и договорные грамоты. Конфискация товаров, как правило, сопровождалась и блокадой торговых путей, ведущих к Новгороду.

В проекте договора 1269—1270 гг. раскрывается и механизм действия *рубезжа*:

«А дойдет до задержания имущества, то в первый год объявить о том, но не брать, и на другой год тоже; а если не будет выплачено на третий год, то задержать и взять его товар». Следовательно, в случае невозвращения долга истец только на третий год мог применить акцию *рубезжа* к непосредственному ответчику или его соотечественнику.

В ганзейское время *рубезж* применялся особенно часто, что служило причиной постоянных конфликтов между Новгородом и Ганзой. Нередко новгородцы в ответ на разбойное нападение на своих купцов на море или арест в немецких городах задерживали ганзейских купцов в Новгороде и отбирали у них товар за вину соотечественников. Таковы конфликты 1337, 1371 гг., рассмотренные в главе IV. Наглядным примером косвенного *рубезжа* и разрешения конфликта являются события 1337 г., когда у немецких купцов, находящихся в Новгороде, новгородцы арестовали товар за вину двух других немецких купцов.

Косвенные *рубезжи* постоянно происходили в новгородско-ганзейской торговле на протяжении XIV—XV вв., о чем свидетельствуют договорные грамоты и многочисленные ганзейские документы. Конфликты 70-х гг. XIV в. положили начало затяжной торговой войне между Новгородом и Ганзой, длившейся около 20 лет. В этот период новгородцы продолжали вести торговлю с ганзейскими купцами, но главным образом в неподвластной Ганзе Нарве (Ругодиве). Однако акции *рубезжа* по отношению к новгородским купцам совершались и там, что известно из Нибурова мира 1392 г. При его заключении ганзейцы снимали с себя ответственность за товар, который у новгородских купцов был *порублен* (т.е. конфискован) в Ругодиве и настаивали, чтобы Новгород предъявлял претензии по этому поводу

к непосредственным виновникам «*кто у их товар поимал*». Нет сомнений в том, что веками установленные правила почти никогда не соблюдались в торговой практике, и поэтому их приходилось постоянно повторять во всех последующих договорах.

В XV в. терминология договорных документов изменилась, но суть осталась прежней — «*а купити и продати товар всякий без вывета и без рубежа*»; при этом нередко законодатели ссылались «*на старину*». В некоторых случаях, связанных с урегулированием конкретного конфликта, ганзейцы настаивали на том, чтобы «*Великому Новгороду немецких купцов у себя не задерживать, а отпустить их в Немецкую землю с их товарами без рубежа, по старым грамотам*».

Яркие примеры прямого и косвенного «*рубежа*» с указанием имен «*порубных людей*» и всех подробностей дела, а также процесса урегулирования акции «*рубежа*» содержатся в «Списке убытков новгородцев», составленном в 1412 г. из пяти разных документов. В одном из них излагается жалоба новгородских купцов на Зумбера, который «*порубиле 10 новгородьцевъ*» в Нарве, взяв у них (т. е. конфисковав) бочку белок и отрез кумского сукна. Здесь мы имеем дело с прямым «*рубежом*», причем осуществленным представителем власти.

В другом документе пересказывается жалоба *порубных людей* на то, что по повелению магистра Индрика (очевидно, ратмана Нарвы) у группы новгородских купцов (перечисляются их имена) был конфискован товар за вину других новгородцев. «*Порубные люди*», обращаясь с жалобой к новгородским властям, сообщают, что они пострадали «*за Павла за Кровчу, за Огофона, за Симанова зъ братомъ его съ Яковомъ, за Мосея зъ детьми и за Пага Павлова... и за Смена за Коровина зъ детьми... за Луку...*». Тут же пострадавшие указывают суммы, на какие у них был конфискован товар, и добавляют: «*а нас в том господа порубили*», т. е. «а у нас за это конфисковали». Обращая внимание на грамматическую конструкцию с предлогом *в* или *за*, которая использовалась, когда речь шла о косвенном «*рубеже*», точно так же, как это было в XI и XII вв.

Нередко «*рубеж*» являлся внешнеполитической акцией, направленной против той страны или города, откуда прибыли купцы. Как правило, это происходило с ведома или по инициативе властей, что видно из только что приведенных примеров.

Одним из действенных стимулов развития торговли и торговых связей была выдача льготных грамот тем или иным купцам или

купеческим объединениям на ведение торговли и обеспечение «чистого пути», т. е. беспрепятственного проезда по территории того государства, куда направлялись купцы. Совершенно очевидно, что гарантировать такие права могли только власти той или иной страны, земли, княжества или города. Так, в 1188 г. Фридрих I, заинтересованный в развитии торговых связей растущего Любека, выдал грамоту на право беспошлинной торговли в этом городе «русским, готам, норманам и другим народам Востока».

Обеспечение *чистых путей* в средневековье было постоянной заботой купечества, что нашло отражение буквально во всех документах, касающихся торговли. В каждом торговом договоре, в любой грамоте, регулирующей возникшие конфликты, оговаривался *чистый путь* как новгородским купцам, так и иноземным гостям — «а гостю чистый путь без пакости и без рубежа, немецкому гостю и новгородскому». В начале XIV в. была заключена грамота между Новгородом и Любеком, Готским берегом и Ригой о предоставлении их купцам трех сухопутных путей по Новгородской волости и одного водного, «в речках».

Регулирование юридических взаимоотношений между иноземными гостями и новгородцами, судя по нормативным источникам, разрешение споров в торговых делах целиком находилось в компетенции тысяцкого и купеческих старост. В статьях договора 1269 г. отмечалось, что «*кончатъ ссору*» между немцами и новгородцами следует во дворе св. Ивана (церковь Иоанна Предтечи на Опоках — ил. 13) перед тысяцким. Только пристав тысяцкого имел право приглашать провинившиеся стороны на суд.

Немецкие купцы также постоянно настаивали на том, чтобы место купеческого суда было во дворе св. Ивана и нигде в другом месте, «перед тысяцким и двумя старостами немецкими». Дело в том, что на практике торговые споры часто приводили к столкновениям и конфликтам, влекущим за собой нарушения не только торгового, но и уголовного законодательства, а в этом случае требовалось вмешательство новгородских властей. Совокупное показание буквально всех договорных грамот Новгорода с западными контрагентами, начиная с древнейшей, конца XII в., и кончая документами XV в., свидетельствует, что в разборе конфликтных дел новгородцев с иноземцами активно участвуют высшие власти Новгорода, включая князя или княжеского наместника, посадника и тысяцкого. О том же говорят и донесения ганзейской конторы, касающиеся описания конкретных конфликтов.

Переговоры между новгородскими властями и ганзейскими посланцами проводились во дворе архиепископа, о чем неоднократно упоминают посольские отчеты первой половины XV в. В дальнейшем представители Новгорода и Ганзы вели переговоры в Нарве как нейтральном пункте по отношению к обеим сторонам.

ГЛАВА V

НОВГОРОД И ГАНЗА В МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ (XVI—XVII вв.)

Хроника событий

Сразу после ареста немецких купцов в Новгороде в 1494 г. началась деятельная переписка об их освобождении, в которой наряду с ганзейскими городами принимали активное участие орденский магистр и даже император Максимилиан.

В первой половине 1495 г. Любек посылал одно за другим письма великому князю всея Руси с просьбой освободить купцов и их товары, в августе того же года в Москву было отправлено письмо от всех ганзейских городов с просьбой не только об освобождении купцов, но и восстановлении прежних отношений на основе старых свобод и крестоцелования.

Активное участие в освобождении купцов принимал, как уже отмечено, магистр Ливонии, организовавший с этой целью несколько посольств в Москву. Во время четвертого посольства в 1496 г. из-под ареста были освобождены восемь человек, находившихся в свое время в Новгороде для обучения русскому языку. Иван III согласился освободить ганзейцев с условием, что Ревель выдаст виновных в казни русских подданных.

В 1496 г. оставшиеся в заключении купцы писали в Любек о своем тяжелом положении, опасаясь еще худшего, и просили организовать посольство ганзейских городов для их освобождения, при этом просили не экономить на расходах посольства, видимо надеясь в будущем их возместить. Аналогичное письмо купцы отправили орденскому магистру, который в свою очередь обратился к Любеку с предложением подумать о посольстве в Москву и не оставлять бедных купцов без помощи. Очевидно, Любек устранился от непосредственного участия в переговорах, полагая, что это дело ливонских городов, и в первую очередь Ревеля, коль скоро именно он дал повод к закрытию новгородской конторы.

В результате длительных переговоров и неоднократных посольств орденского магистра к великому князю, в начале 1497 г. были освобождены все ганзейские купцы за исключением ревельских, которые были задержаны в Москве до выдачи виновных в гибели русских. Ревельские купцы получили свободу только в 1505 г.

Несмотря на закрытие конторы, города продолжали обсуждать незаконченные расчеты двора св. Петра с приказчиком и священником. Бывший священник двора Иоанн Гreve обратился с жалобой, что он не получил плату за свою службу во дворе в Новгороде. Это дело обсуждалось даже на ганзейском съезде в Любеке в 1498 г., в результате чего было решено вернуть Гreve причитавшиеся ему деньги.

Аналогичная просьба была высказана Гансом Гертвигом, истратившим свои личные средства на строительство двора в бытность приказчиком. Особую заинтересованность в удовлетворении этих жалоб проявлял Дерпт, поскольку и священник и приказчик были его гражданами. Магистрат Дерпта неоднократно обращался с письмами в Ревель, который, судя по всему, ведал финансовыми делами конторы. Одновременно Дерпт просил прислать книги купцов, которые увез с собой ревельский посол Готтшалк. По ним Дерпт намеревался узнать, каковы были подлинные расходы на строительство двора, и определить действительные расходы приказчика. В ответ Ревель указал, что деньги, поступавшие от купцов в виде налогов и штрафов, складывались в специальные кружки, висевшие на Готском и Немецком дворах. Только приказчик, назначенный Дерптом, имел ключи от этих кружек и обязан был ежегодно изымать из них деньги и половину отсылать на Готланд за аренду Готского двора, а другую половину отправлять в казну Дерпта. Тем самым Ревель отклонял претензии Дерпта.

Переписка между Ревелем и Дерптом по тому поводу, несмотря на постановление ганзейского съезда 1498 г., продолжалась несколько лет. Наконец летом 1500 г. Ревель отправил в Дерпт купеческие книги, после просмотра которых было установлено, что приказчику конторы Гертвигу полагалось вернуть 56 рублей серебром. Из-за отсутствия средств в своей казне Дерпт обратился за помощью к вендским городам, чтобы расплатиться со священником и приказчиком.

В течение 20-летия после закрытия конторы в Новгороде ганзейские города были обеспокоены восстановлением и делами конторы в Новгороде. Особенно они активизировали свою деятельность после освобождения всех купцов в 1505 г. Начиная с 1506 г., на каждом

общеганзейском и ливонском съездах, которые происходили ежегодно, а иногда и чаще, обсуждались вопросы новгородской конторы.

В 1507 г. Кёнигсберг в письме к Любеку выразил опасение, что восстановлению новгородской конторы могут помешать голландцы, которым покровительствует римский император, настроенный против Ганзы. Реальная угроза потерять новгородскую контору возникла для ганзейских городов в 1508 г., когда шведский резидент Эрих Турессон вел переговоры с Василием III о предоставлении шведам двора в Новгороде. Великий князь был готов уступить им Немецкий двор, о чем Турессон и сообщил в Швецию. Однако изменение политической обстановки и ухудшение русско-шведских отношений помешали осуществлению этих намерений.

20 августа 1508 г. в Новгороде произошел большой пожар, во время которого сгорела вся Торговая сторона. Вот как писал об этом новгородский летописец: «...и николи же в Великом Новеграде таковой пожар не бывал, ни в прежних летах, но велми страшен, ни в летописцах такового пожару не обретахом толь злого». Несомненно, что после такого опустошающего пожара от Немецкого и Готского дворов сохранились лишь жалкие остатки.

Несмотря на фактическое уничтожение дворов в Новгороде, восстановление конторы стояло в повестке дня на ганзейских съездах 1509 г. Ливонские города обсуждали возможность посольства в Москву к великому князю для переговоров относительно возобновления новгородской конторы. Организованному в 1510 г. посольству в Москву под руководством Иоганна Роде были даны соответствующие инструкции требовать в связи с возобновлением торговли, чтобы немцы имели в Новгороде свой двор и церковь по старому обычаю. Особо оговаривалось право дворового приказчика держать питейное заведение (корчму). Переговоры между посольством и великим князем Василием III состоялись в Новгороде в феврале 1510 г., но закончились безрезультатно, так как ни одна сторона не хотела поступиться собственными интересами.

Между тем восстановление новгородской конторы по-прежнему оставалось предметом обсуждений на съездах городов в 1511 и 1512 гг. Наконец в 1514 г. был заключен договор, завершивший вынужденный 20-летний перерыв в новгородско-ганзейской торговле. Во введении к договору, где излагались просьбы послов, указывалось: «церковь бы, и места дворовые старые немецкие... в Великом Новеграде пожаловал велел нам отдати, и дворы бы пожаловал велел поставить и держати по старине». Великий князь принял эту

просьбу, но с условием, чтобы русские церкви и концы в немецких (ливонских) городах очистили и отдали русским купцам.

Шестая редакция скры

Сразу после заключения в 1514 г. мирного договора была принята подготовка новой, шестой редакции скры. Данный устав, состоящий из 82 статей и 18 дополнений к ним, существенным образом повторял постановления IV и V редакций, сохранив в некоторых случаях даже порядок статей.

В начале VI скры имеется историческое введение, рассказывающее об аресте немецких купцов в Новгороде в 1494 г., о закрытии конторы и описании ее имущества. Новая редакция была составлена более продуманно и четко, чем предыдущие две скры. В первых девяти статьях обсуждаются вопросы организации двора и его административного устройства: выборы должностных лиц во дворе, их права и обязанности, порядок чтения скры и т. д. Только после этого идут постановления о правилах торговли, о церковном праве.

Хотя в основе VI скры лежат предыдущие постановления, анализ ее текста показывает, что составители новой редакции учитывали изменения, происшедшие в XVI в. как в балтийской торговле в целом, так и в отношениях с Русским государством.

Главное отличие VI скры от двух предшествующих состоит в постановлениях о выборе и обязанностях дворовых служащих. В связи с ослаблением позиций Ганзы в это время, усилением роли ливонских городов, увеличением поездок русских купцов в Ливонию, несмотря на возобновление деятельности новгородской конторы, ее посещало мало купцов. Она потеряла прежнее значение торгового центра, в том числе и в торговле с русскими. Поэтому, согласно VI скре, для ведения всех дворовых дел выбиралось по одному управляющему на Немецкий и Готский дворы при наличии в них не менее 10 человек. Эта должность появилась еще в XV в., когда управляющий заменял старосту двора в его отсутствие. Старосты выбирались только в том случае, если во дворе находилось не менее 30—40 купцов. При этом право активного выбора имели лишь двенадцать человек, по три представителя от каждой из частей Ганзы: вендской, саксонской, вестфальской и ливонской. Старосты давали клятву сохранять права купцов и судить согласно постановлениям скры. Они выбирали себе двух помощников и писца, должность последнего впервые упоминается в скре. За отказ от упомянутых должностей в первые два раза налагался штраф в 10 марок серебра;

отказавшийся в третий раз должен был заплатить 50 марок серебра и лишался права члена двора.

В одной из статей новой скры впервые упоминается должность приказчика, который должен был давать клятву двором св. Петра и городом, назначившим его на должность, в том, что он будет сохранять права купцов согласно скре. Известные по V скре группы «бело-» и «черноголовых» упоминаются и в VI скре, определявшей их права. Из среды «черноголовых» выбирались фогт, его помощники и смотрители за огнем, отоплением, жильем и т. п.

О назначении или выборе священника в статьях скры ничего не говорится, но зато специально оговариваются размер платы и содержание священника во дворе в виде 10 новгородских гривен серебра и бесплатного питания. Напомню, что во второй половине XV в. между городами шла бурная переписка о размере жалования священника.

Все судебные дела во дворе решались старостами, а в их отсутствие — управляющим и приказчиком. Согласно VI скре рассмотрение спорных дел с обращением в более высокие инстанции, что прежде было предметом ожесточенных споров между Любеком и Висбю, должны были решаться на месте. Однако без одобрения Любека никто не мог вносить изменения в данную скру. Это свидетельствует о сохранении им роли главы Ганзейского союза.

Что касается взаимоотношений с русскими, то, если раньше Ганза практически не шла на уступки новгородцам, что часто было причиной конфликтов, теперь в скру был включен ряд статей, обеспечивавших интересы русских купцов в торговле с ганзейцами. Точнее, это были постановления, призванные предотвратить возможные конфликты. Например, в ст. 60 говорилось, что виновные в торговле недоброкачественными сукнами и старосты двора должны были извиниться перед русскими, а сукна следовало отправить в Ревель или Дерпт для осмотра. Статья 73 предусматривала наказание в 10 марок серебра за оскорбления или нанесение телесных повреждений русскому.

По сравнению с другими редакциями в VI скре появились постановления о таких товарах, как соль, сельдь, мед. В соблюдении интересов новгородских купцов ганзейцы шли даже на то, чтобы в случае обнаружения какого-либо дефекта соли, дело решалось по воле русских, лишь бы не было по этому поводу жалоб. Добавленные к VI скре 18 статей были составлены послами ливонских городов, очевидно, в Дерпте, поскольку именно оттуда скра была послана в Ревель для дальнейшей ее отправки на утверждение в Любек.

Хроника событий XVI в.

На состоявшемся в июле 1514 г. съезде ливонских городов было решено повысить стоимость ввозимых в Новгород товаров с 1000 до 1500 марок с тем, чтобы иметь возможность получать больший налог, необходимый для восстановления конторы. Дерпт, который всегда больше других занимался делами новгородской конторы, в письме в Ревель утверждал свое право назначать во двор приказчика и священника и просил денег для восстановления дворов (а по существу, их строительства), поскольку налог собирать было еще не с кого. В свою очередь Ревель, отправляя в Любек новую скру для проверки и утверждения, интересовался у главы союза, где взять деньги для указанной цели.

В начале 1515 г. в новгородской конторе уже находилось несколько немецких купцов, и приказчик Гартвиг Маршеде сообщал в Ревель о выполнении данных ему поручений по устройству конторы. Тогда же немецкие купцы, прибывшие в Новгород, информировали Ревель о том, что теперь им со своими жалобами следует обращаться не к новгородскому посаднику, а к великому князю в Москву. В каждом письме купцы писали о плохом состоянии церкви, особенно ее свода, и просили прислать камни для ремонта. Данная проблема постоянно обсуждалась в 1515 г. в переписке Ревеля и Дерпта. В конце концов было решено послать камни по Неве, так как в самом Новгороде немцы не могли получить необходимый материал. Неизвестно, была ли осуществлена доставка строительного материала для немецкой церкви в Новгороде, но вопрос о восстановлении конторы стоял на повестке дня еще в 1517 г. Дело двигалось с трудом; еще в 1521 г. немецкие купцы жаловались, подробно описывая состояние церкви, которая «плохо крыта и во многих местах протекает, стены и своды расходятся, и все стоит на подпорках». Видимо, капитальный ремонт церкви, требовавшийся после 20-летнего перерыва, так и не был произведен. Хотя ганзейские города и настаивали на возвращении им конторы и восстановлении прежних свобод, для них это было скорее делом престижа, а не необходимостью.

Поскольку Ревель обеспечивал финансовую деятельность конторы, весной 1516 г. он жаловался в Любек, что истратил много средств на новгородские дела, в частности на посольство для заключения мира, поэтому просит возместить ему расходы и упрекает Любек в неблагодарности за свои действия в русских делах. Между тем старосты любекской общины купцов протестовали против претензий

Ревеля, заявляя, что часть пошлины последнему давно уплачена, а остальное они не должны платить. Все финансовые вопросы, связанные с новгородскими делами, обсуждались на съездах в Любеке в 1516—1517 гг. На последнем съезде было сообщено, что ганзейские купцы могут приезжать в Новгород по воде или суше и иметь там свой двор и церковь.

В 1516 г. возникла опасность утратить Готский двор, на который претендовали датчане. Об этом стало известно из письма Дерпта, лучше всего осведомленного о делах в Новгороде, в котором сообщалось, что некий датчанин Давид стремится получить в городе место для Датского двора, претендуя на территорию Готского двора. Но попытка датчан не увенчалась успехом.

В 1518 г. постройка новгородской конторы продвинулась настолько, что в ней можно было разместить по крайней мере 40 человек. Немецкие купцы просили прислать священника и заменить приказчика на более дельного и полезного человека, поскольку прежний занимался собственной торговлей, что было запрещено скрой.

В это время заметно усилилась неприязнь к немецким купцам со стороны русских. По донесениям купцов русские постоянно приходили во двор, докучали его жителям и донимали приказчика, а собак колотили так, что они падали как мертвые. В таком виде, писали купцы, их поселение в Новгороде больше не может существовать, если ничего не изменится. В тот же год ганзейская контора в Новгороде была официально передана под контроль Дерпту, обязанному следить за порядком в ней, за соблюдением прав немецких купцов в городе.

В последующее десятилетие состояние новгородской конторы почти не нашло отражения в источниках. Из писем начала 30-х годов известно, что положение купцов в Новгороде мало изменилось к лучшему. Дерпт, который нес все расходы, связанные с конторой, заявил, что не намерен больше тратить на нее деньги и отвечать за ее упадок. В эти годы для ганзейских городов становилась реальной угрозой потерять контору в Новгороде, о чем предупредил дерптский представитель на очередном ливонском съезде, который принял решение обсудить эту насущную проблему на следующем общеганзейском съезде. Состоявшийся через год съезд ливонских городов не внес ничего нового в данную проблему, остававшуюся нерешенной и в 1537 г. Предложение Дерпта закрыть контору было решительно отвергнуто Ревелем.

В 1541 г., как сообщают немецкие источники, двор был сожжен русскими. На самом деле намеренного уничтожения иноземных

дворов со стороны новгородцев не было. Дело в том, что в 1541 г. вновь был большой пожар на Торговой стороне, в результате которого весь Славенский конец, где и располагались оба двора ганзейцев, выгорел до Белого костра: «и товару бесчисленно много сгорело, и торги все погорели и мосту великого треть сгорела».

Тем временем новгородская контора все больше приходила в запустение. Дерпт неоднократно высказывался за окончательное закрытие конторы и постоянно писал об этом Любеку как главе Ганзы. Дело кончилось тем, что в октябре 1544 г. все обитатели двора вместе с четвероногими стражами покинули двор. Между тем спустя четыре года новый великий князь Иван IV велел немцам торговать безбоязненно на Руси и устраивать свои дворы в Новгороде по старине. Существование новгородской конторы обсуждалось на ганзейском съезде в 1554 г., где вспомнили о привилегиях, данных немцам князем Ярославом (имеется в виду договор 1269 г.), и очередной раз решили возобновить контору. Ганза, утратившая к этому времени свое былое величие и силу в европейской торговле, пыталась удержать в своих руках новгородскую контору как последнее напоминание о прежнем могуществе.

Во второй половине XVI в. контора влачила жалкое существование. Сохранилось ее описание, сделанное рижским бургомистром Ниенштадтом, посетившим контору в дни своей молодости в 1570 г. К тому времени на старом разрушенном дворе конторы еще частично сохранялась каменная церковь св. Петра и небольшое сводчатое помещение, вероятно погреб, где Ниенштадт разместил напитки. Еще одну деревянную постройку он вместе с сопровождающими его помощниками использовал под склад. Другая подобная постройка предназначалась для русского сторожа, который открывал и закрывал двор. Писцовая книга по Новгороду, составленная в конце XVI в., упоминает в перечне дворов на Торговой стороне вблизи церкви Иоанна Крестителя на Пробойной и Славенской улицах «место нетяглое, что был двор немецкой ливонские земли».

Состояние ганзейской конторы в XVI в. в Новгороде отражало, с одной стороны, общий упадок новгородско-ганзейских торговых отношений, с другой — существенное изменение роли Ганзейского союза в это время. Уже с XV в. Ганза постепенно утрачивала значение главного посредника в балтийской и в целом в европейской торговле, уступая место своему главному конкуренту — Нидерландам. Кроме того, в XVI в. государства балтийского региона вели ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море и за овладение его

гаванями. Больше всех преуспела в этой борьбе Дания, давний соперник и противник Ганзы. В рассматриваемый период резко обострились наметившиеся ранее противоречия в интересах разных групп городов, входивших в Ганзейский союз, который никогда и не был по-настоящему единым. На разных этапах его существования региональные группы городов (вендских, нижнесаксонских, вестфальских, прусских, ливонских), подчиненные разным правителям и имевшие различный уровень развития, то объединялись в общей борьбе против политических противников, то вступали в конкурентную борьбу друг с другом. В XVI в. Любек делал отчаянные попытки упрочить позиции Ганзы, проводя мероприятия по стабилизации ганзейских контор и новой группировке городов; но на проходивших в этом столетии съездах чаще всего принимали участие только вендские города. Формально Любек оставался главой Ганзы, но фактически деятельность этого некогда крупного и мощного объединения была сведена к нулю. Во второй половине XVI в. происходит окончательный упадок Ганзы. Однако Любек по-прежнему стремился сохранить свои торговые привилегии за границей, что нашло отражение в его взаимоотношениях с русским государством в следующем столетии.

После окончания в 1583 г. Ливонской войны Любек предпринял попытку возобновить торговые отношения с Россией и устроить в русских городах, в том числе в Новгороде, свои торговые дворы по старому обычаю. С этой целью в 1593 г. в Москву отправилось посольство Любека под предводительством Захария Майера. Посольство получило от царя Федора жалованную грамоту на торговлю в России. Однако любчане не успели воспользоваться этими привилегиями, так как в 1596 г. царь Федор умер.

С восшествием на престол Бориса Годунова Любек от имени всех немецких городов организует посольство в Россию с прежними просьбами: торговать беспошлинно по всей Русской земле и ставить дворы в Москве, Новгороде, Пскове и Ивангороде с церквями и прочими необходимыми строениями. Посольство прибыло в Москву весной 1603 г. и уже в апреле того же года послы получили жалованную грамоту с разрешением вести беспошлинную торговлю в России и устраивать дворы в указанных городах (ил. 14). Однако разрешение было дано только любекским купцам, кроме того, в отличие от прежних лет, запрещалось строительство католических церквей во дворах.

На обратном пути послы останавливались в названных городах с намерением получить в них места для устройства гостиных дворов.

Однако новгородский воевода, не получивший еще царского указа, не дал место для любекского двора. Тогда послы оставили в городе для устройства дальнейших дел одного из участников посольства Томаса Фризе, который и стал первым старостой вновь открытого на месте прежнего Немецкого двора торгового двора любчан. Судя по некоторым сведениям, уже в 1604 г. ганзейские товары прибыли в Новгород.

Возобновление торговых отношений между Россией и Любеком, номинально остававшимся главой Ганзейского союза, но давно утратившим свою власть и силу, требовало и создания новой редакции скры. В 1603 г. была составлена VII, последняя редакция скры, предназначенная не только для новгородского двора любчан, но и для «любских» дворов в Пскове и Ивангороде. Новая скра создавалась только для любекских купцов, и всеми делами их двора руководил теперь Любек. Он утверждал и назначал старост двора, вносил необходимые поправки в его устав, вершил суд в особо тяжких преступлениях (убийство, грабеж), сомнительных случаях, а также в гражданских делах.

Седьмая редакция скры

В отличие от предыдущих редакций, VII скра написана на верхненемецком языке с включением отдельных слов и терминов из нижненемецкого. Эта скра состоит из трех частей, выделенных в самом документе римскими цифрами и имеющих собственную нумерацию статей: первый раздел состоит из 30 статей, второй — из 33, третий — из 36.

В первом разделе речь идет о выборе старост дворов, их правах и обязанностях. Здесь же имеются статьи уголовно-правового содержания, определяющие меру наказания за различные преступления и провинности, в том числе и за оскорбление старост и других должностных лиц. Некоторые из этих статей заимствованы не только из ближайших по времени седьмой редакции V и VI, но и из II и III редакций древнейшей скры.

В этом же разделе определялся порядок богослужения во дворе. Поскольку строительство церкви не разрешалось и поэтому не полагалось иметь священника, богослужение проводилось в одном из помещений двора самим старостой, писцом или другим лицом, назначенным старостой. Согласно ст. 8 необходимые для богослужения книги, за сохранностью которых должен был следить староста, приобретались за счет купцов. Кальвинистские книги были

строжайше запрещены, и богослужение следовало вести только по лютеранским книгам. Интересен и зафиксированный в статье 9 порядок богослужения. По четвергам полагалось читать по одной главе из Ветхого и Нового завета и петь литанию; в каждое воскресенье и во все церковные праздники также читались главы из этих заветов. Молитвы и церковное пение исполнялись как до, так и после чтения заветов, и никто из живущих во дворе не мог уклоняться от богослужения, во время которого двор запирался и был недоступен для посторонних.

Заканчивался первый раздел клятвой старост, которые обязывались «прилежно и верно служить купечеству, охранять скру и порядок, данные купцам, судить по справедливости без благосклонности, ненависти, зависти или какого-нибудь интереса, сохранять ценности конторы и уметь хранить тайну». Подобные клятвы старост впервые появились в V скре и были повторены в VI.

Второй раздел регламентировал быт купцов, посещавших торговую факторию, и весь распорядок жизни во дворе. Как и в предыдущем разделе, многие статьи второй части заимствованы из прежних редакций скры, например запрещение азартных игр, устройство на постой в русских дворах, получение льготных грамот от своих сеньоров и т. д. Новшеством VII скры было предписание формы приличной одежды, соответствующей каждому сословию и определенных правил поведения за столом; за нарушение этих правил налагался штраф в 5 марок. Сословная иерархия особенно заметна в статье 13 «Как сидеть за столом». Для общей трапезы было устроено три стола, за первым из которых имели право сидеть старосты, их помощники, писец, а также наиболее уважаемые и достойные купцы. Второй стол предназначался для всех прочих купцов и их подмастерьев, третий — для слуг и учеников купцов. В скре указывалось и определенное время принятия пищи, обязательное для всех постояльцев двора; те же, кто не являлся к столу в назначенное время, подвергались штрафу в полмарки. Только болезнь и недомогание были уважительной причиной неявки к общей трапезе.

Второй раздел также заканчивался клятвой купцов, обязывающих соблюдать все постановления скры во всех ее пунктах, своевременно уплачивать налог и принимать любые наказания за нарушения постановлений скры. Особенно важно отметить то, что купцы не имели права привозить никакого иного товара, кроме принадлежащего Любеку. Это положение, несомненно, свидетельствует об ограничении постояльцев двора только гражданами Любека.

Наконец, в третьем разделе скры определялись порядок торговли, правила покупки и продажи товаров, постановления о качестве ввозимых и вывозимых товаров. Наряду с ранее известными в XVII в. получили распространение новые виды товаров: сало, юфть, телячья и баранья кожи, металлические сосуды, торговля которыми специально оговаривалась в статьях данной скры. Немало статей регламентировало торговлю различными тканями, которые оставались одним из главных предметов импорта в Новгород. За обрезку или подделку талеров и других монет назначался высокий штраф и даже применялась смертная казнь. В конце третьего раздела содержались статьи о порядке разгрузки товаров с лодок и об обязанностях старост в этом деле. Здесь же предусматривалась возможность дополнения скры новым постановлениями, если в них возникала необходимость.

Как и все предыдущие редакции, VII скра была подробной, составленной с учетом всех возможных ситуаций и конфликтов, тщательно обдуманной. Однако вряд ли она имела практическое применение, поскольку торговля в это время велась вяло, и в новгородском дворе обычно находилось не более пяти-шести, а иногда и двух-трех купцов.

История Любекского двора XVII в.

История Любекского двора XVII в. хорошо документирована письменными источниками. После смерти Бориса Годунова староста двора Томас Фризе по собственной инициативе ходатайствовал перед новым царем Лжедмитрием I о подтверждении прежних привилегий немецким купцам. В прошении старосты сохранилось название «Ганзейский союз», от лица которого Любек предлагал отправить посольство к новому царю.

Во время польско-шведской интервенции 1611—1617 гг., когда Новгород впервые за свою историю был занят иноземными (в данном случае шведскими) войсками, Любекский двор прекратил свое существование и, возможно, даже был разрушен. После заключения в 1617 г. Столбовского мира в Новгород были отправлены царские послы с наказом, в котором царь разрешал заморским и русским купцам свободно торговать в Новгороде всеми товарами, кроме тех, которые были запрещены и прежде. Таможенную пошлину следовало брать по прежним уставным грамотам. В этом же наказе предлагалось сделать немцам «гостин двор на Торговой стороне по посольскому договору, а заняты место невеликое острогом, как будет пригоже».

Как следует из архивных материалов Любека, в 1618 г. было начато восстановление двора. Однако в 1633 г. на Торговой стороне случился большой пожар: «...и горело с Ыльины улицы Креститель церковь и немецкие дворы, и гостин двор, и ряды и лавки по мост Великий». Под немецкими дворами в данном случае имелись в виду Любский и устроенный к тому времени в Новгороде Шведский дворы. Вскоре в Любекском дворе начались строительные работы, а в 1636 и 1652 гг. любчане получили новые привилегии в торговле. Из писем купцов 1663 г. известно, что двор в это время опять сгорел, но вскоре был восстановлен. В связи с частыми пожарами немецкие купцы обратились к новгородским властям с требованием, чтобы поставленные вплотную к их двору новгородские лавки и другие строения были снесены.

Организация и устройство Любского двора в Новгороде в XVII в. существенно отличались от принципов существования там ганзейской конторы в прежние века, что внешне выразилось в ограничении круга купцов, посещавших Новгород, только гражданами Любека и в неограниченном сроке пребывания их во дворе. Суть изменения состояла в том, что в XVII в. Любский двор был обычным постоянным двором, где немецкие купцы жили и хранили свои товары, в то время как двор св. Петра во все века своего существования являлся центром новгородско-ганзейской торговли и обладал особыми полномочиями.

Перемещение торговых путей и открытие в XVII в. новых торговых центров лишили Новгород его значения как важного торгового центра, что в свою очередь привело к сокращению до минимума число немецких купцов в Новгороде. В 30-е годы там находилось не более 5—6 человек из Любека. Известно, что в 40-е годы XVII столетия дворами любчан в Новгороде и Пскове управлял один староста, что свидетельствует о незначительном объеме торговли в это время. Вместе с тем после бушевавшего в Новгороде в 1696 г. пожара, в результате которого и Любский двор сгорел, один из купцов получил задание заняться его восстановлением. Однако начавшаяся вскоре Северная война помешала осуществлению этих планов и навсегда прервала самостоятельную международную торговлю Новгорода.

ГЛАВА VI

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ НАХОДКИ И ИХ ТОПОГРАФИЯ

Западный импорт

Ассортимент ганзейского импорта и экспорта, устанавливаемый по письменным источникам, подробно рассмотрен в книге А. Л. Хорошкевич. В данном разделе рассматриваются категории западноевропейского импорта, которые обнаруживаются при раскопках. Они представлены двумя разновеликими группами: товарными (массовыми) категориями импорта, среди которых серебро, цветные металлы, ткани, янтарь, стеклянные изделия и др., и индивидуальными изделиями западных мастеров.

Серебро

С наступлением в конце X в. кризиса восточного серебра его поставщиком на Русь, в том числе и в Новгород, становится Западная Европа. При этом Новгород оказывается в наиболее выгодном положении, поскольку ввоз западноевропейского серебра осуществлялся через северо-западные границы, оседая в основном на территории Новгородской земли и ближайших к ней областей.

В Новгородской земле обнаружено наибольшее количество находок западноевропейских денариев (45 кладов и 83 отдельных экземпляра — данные на 1968 г.). Монетный состав данных кладов позволяет считать главными поставщиками западноевропейского серебра в Новгород Германию и Англию. Аналогичный состав обнаруживается в кладах западноевропейских денариев, происходящих с южного славянского побережья Балтийского моря. Напрашивается вывод о едином торговом пути, по которому поступали западноевропейские монеты в эти земли, и о традиционности связей древней Руси с балтийскими славянами.

Отдельные западноевропейские монеты изредка встречались и при раскопках Новгорода. Клад таких монет впервые был

обнаружен в 1993 г. в древнейшем Людином конце (Троицкий раскоп X); он представлял собой стопку монет, спрятанную в углублении для кольев частокола. Клад состоял из 59 прекрасной сохранности серебряных монет (рис. 30), общий вес которых равнялся 69 граммам, что соответствует гривне кун. В составе клада 2 византийские монеты конца X в., 21 английская монета конца X — первой трети XI вв., 7 скандинавских подражаний этим монетам. Большую часть клада (29 экз.) составляют монеты, чеканенные в различных городах Германии в первой трети XI в. (не позднее 1025 г.). В дальнейшем здесь же, в Людином конце в слоях XI в. денарии стали находиться регулярно.

С прекращением импорта западноевропейского денария на Руси наступает так называемый безмонетный период, в течение которого эквивалентом монеты служили различные предметы (меха, шиферные пряслица, бусы и др.). Однако западноевропейское серебро продолжало поступать, но уже не в виде монет, а в виде слитков. При этом подавляющее их число получал Новгород, переливавший это серебро в стандартные платежные слитки и снабжавший ими остальную Русь. Эти слитки, известные под названием «гривна серебра», представляли собой продолговатые бруски серебра с треугольным или близким к нему сечением, вес которых равнялся приблизительно 200 граммам. Известны и археологические находки слитков в Новгороде, в частности в 1989 г. на Троицком раскопе была найдена половина (полтина) такой гривны с надписью «попова». Гривны серебра также фигурируют в текстах берестяных грамот (всего в 14 документах с третьей четверти XII и до конца XIII в.) в качестве долга, платежного средства и пр.

После продолжительного безмонетного периода в начале XV в. в Новгороде в качестве средства местного денежного обращения вновь появились монеты, на этот раз прибалтийские, о чем новгородский летописец сделал запись под 1410 г.: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячком Василии Есифовиче». Однако прибалтийские монеты находились в новгородском обращении, как сообщает летопись, всего 9 лет, после чего в Новгороде началась собственная монетная чеканка: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша немцом, а торговале имы 9 лет».

Несмотря на непродолжительность бытования ливонских монет в Новгороде, они изредка обнаруживались при раскопках

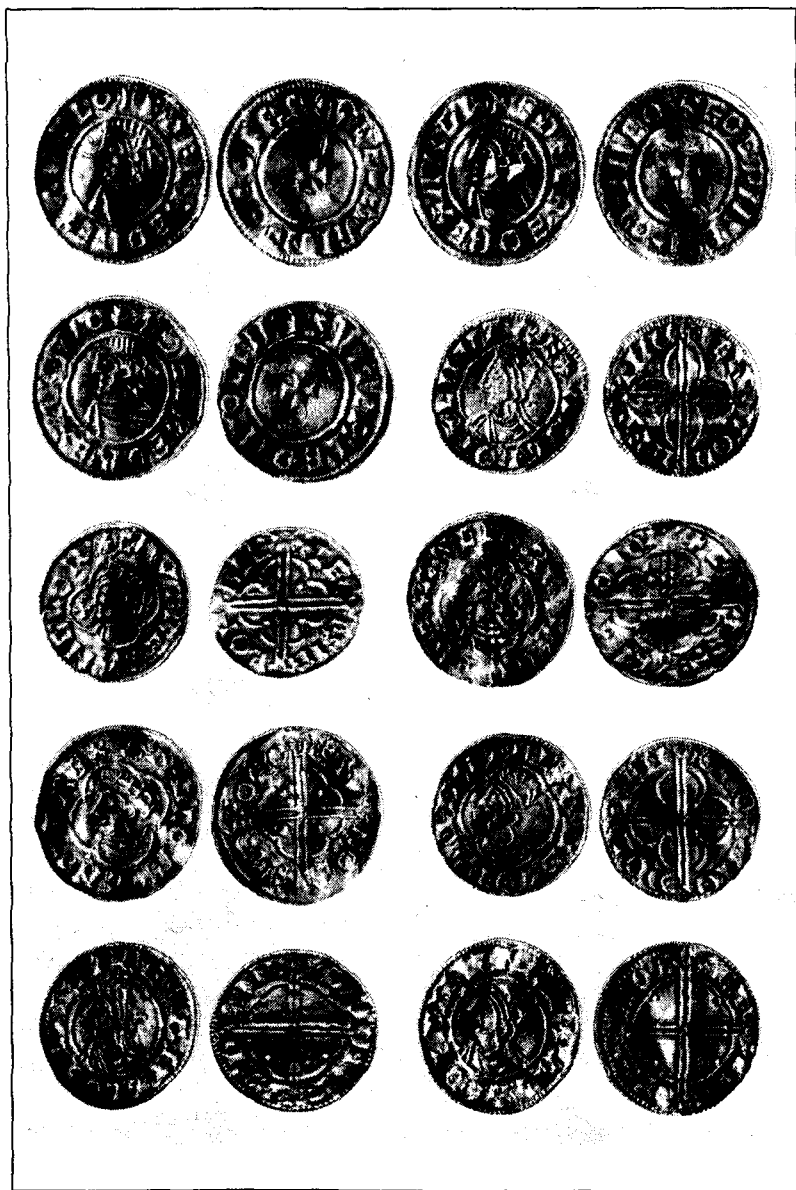

Рис. 30. Западныевропейские денарии из клада 1993 г.

(на Ярославовом Дворище и на Перыни) и в случайных сборах по берегам Волхова. В 1979 г. на Нутном раскопе на Торговой стороне в слое 10-х гг. XV в. впервые был найден небольшой клад серебряных ливонских монет, состоящий из 27 ливонских монет, чеканенных в основном в Дерпте (Тарту) и Ревеле (Таллинне) в середине 10-х гг. XV в., и одной датской монеты (рис. 31). Клад был обнаружен на усадьбе, принадлежавшей известному в XV в. политическому деятелю Новгорода Ивану Офонасову или его сыну Олферию Ивановичу. По своему составу новгородский клад очень близок монетным комплексам, происходящим из Эстонии и Латвии, и является прямым свидетельством торговых контактов между новгородскими и ливонскими купцами. Это хорошо согласуется с историей западноевропейской торговли Новгорода, которая в XV в. практически переходит к ливонским городам, и главным образом к Дерпту и Ревелю.

Собственная чеканка серебряных монет началась в Новгороде только в 1420 г., сырьем для них служило серебро, поставляемое ганзейскими купцами. Клад «новгородок», состоящий из 28 монет, был найден в 2008 г. на Торговой стороне города при археологическом наблюдении на Михайловой улице (ил. 15).

Термин «серебро» как средство платежа встречается в берестяных грамотах с начала XIII в. и до XV в. включительно (всего в 19 документах), но чаще всего в документах XIV в. Серебро берут в долг, продают, расплачиваются им за покупки.

Цветные металлы

Поскольку Новгородская земля, как и вся древняя Русь, не обладала собственными запасами руд, Новгород вынужден был ввозить цветные металлы из-за границы, и поэтому все археологические находки из цветных металлов рассматриваются как предмет импорта, хотя большинство готовых изделий было сделано местными мастерами. Предметы из цветных металлов являются самой массовой категорией западного импорта, постоянно встречающейся при новгородских раскопках. Коллекция этих находок, собранная в Новгороде, насчитывает несколько тысяч предметов, среди которых готовые изделия, заготовки, сырье в виде пластин, проволоки, слитков.

Исследование многочисленных категорий находок показало, что новгородским мастерам были известны разнообразные технологические приемы: литье по восковой модели, литье на выплеск, в жестких, деревянных, земляных формах, ковка, тиснение, волочение, отжиг. Многие технологические приемы были освоены новгородскими

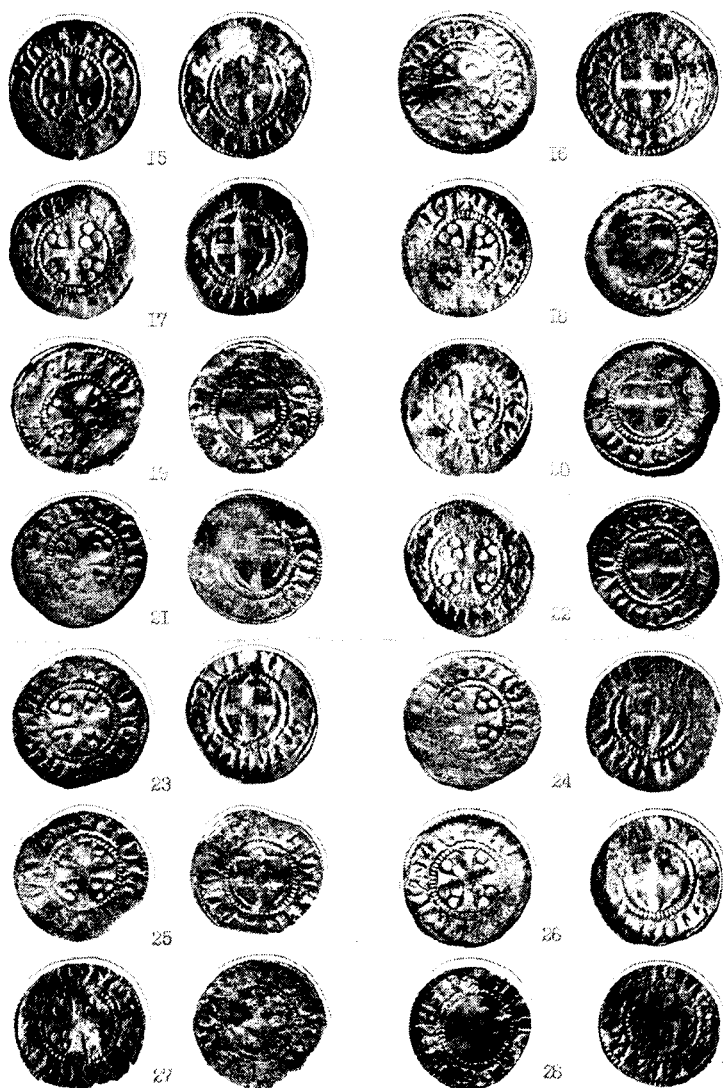

Рис. 31. Ливонские монеты из клада 1979 г.

ювелирами уже в середине X в., о чем свидетельствует анализ украшений этого времени. Перечисленные технологические операции применялись при изготовлении различного рода украшений, среди которых обнаруживаются разнообразные типы браслетов, перстней, булавок, привесок, височных колец, фибул, а также колты и бусы. Чашечки весов и гирьки, церковная утварь, некоторые виды металлической посуды также изготавливались в самом Новгороде. Свинец использовался в качестве покрытия церковных кровель. Для печатей, которыми скреплялись официальные документы, также широко применялся свинец. В Новгороде и его окрестностях (в основном на Городище) найдено в общей сложности более 2000 таких печатей, принадлежавших представителям новгородской администрации.

Таким образом, исследование предметов из цветных металлов красноречиво свидетельствует о развитом ювелирном ремесле, литейном деле и других видах обработки цветных металлов в средневековом Новгороде и служит доказательством того, что торговля Новгорода во многих случаях поставляла сырье для развитого ремесленного производства города.

Предметы из цветных металлов появляются в культурном слое Новгорода в середине X в. и бытуют вплоть до XV в. Максимальное количество предметов приходится на XIII в., после чего происходит их постепенное сокращение. Зафиксированная археологическими находками динамика поступления цветных металлов в Новгород вступает в противоречие с хронологией импорта прибалтийского янтаря, для которого зафиксировано значительное сокращение в слоях XIII в. Как будто парадоксально выглядит на этом фоне необычайное обилие находок из цветных металлов именно в указанном столетии. Однако, обратившись к истории взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами, удастся объяснить этот удивительный факт.

Янтарь поступал в Новгород с побережья Балтийского моря через посредство Тевтонского и Ливонского орденов, с которыми на протяжении почти всего XIII в. Новгород находился в состоянии войны.

Однако постоянные столкновения между Новгородом и Орденом в течение XIII в. практически не отражались на торговле цветными металлами, поскольку основными поставщиками цветных металлов в Новгород на протяжении всего его существования были независимые от Ордена готландские и немецкие купцы. Первые господствовали в балтийской торговле в течение X—XII вв. С конца XII в. руководящая роль в западноевропейской торговле Новгорода переходит в руки сначала немецкой купеческой общины Готланда,

затем немецкой городской общины и, наконец, к образовавшемуся в XIV в. Ганзейскому союзу (см. главу IV).

Вопрос о сырьевых базах поступающих в Новгород цветных металлов является весьма сложным из-за отсутствия прямых указаний на это в письменных источниках. Исследователи относят обычно к источникам новгородского металла известные в средневековой Европе разработки руд. Так, А. И. Никитский называет наиболее вероятными источниками меди Швецию, олова — Англию, свинца — Испанию. Л. Гётц относит к источникам поступления меди еще Венгрию, свинца — Венгрию и, возможно, Англию. А. Л. Хорошкевич добавляет к списку источников цветных металлов Силезию, Чехию, Саксонию.

Косвенным подтверждением письменных сообщений о доставке в Новгород шведской меди служит слиток золотистой бронзы, найденный на Неревском раскопе в слое середины XII в. (см. главу II). Кроме того, в новгородской коллекции имеется еще три медных слитка с чрезвычайно чистой структурой меди без каких-либо примесей, что было выявлено при их металлографическом анализе. Несомненно, они были отлиты из первичной, еще не бывшей в употреблении меди. Слитки имеют одинаковую форму подтреугольного сечения, с одной ноздреватой и двумя совершенно гладкими сторонами, но разный вес: 1. Вес 367 г, сер. XI в.; 2. Вес 41 г, конец XI в.; 3. Вес 529 г, конец XV в. Микроструктурный анализ этих слитков позволил восстановить подробный технологический процесс их изготовления. Стандартность и устойчивость формы описанных слитков, сохранившейся на протяжении четырех столетий, приводит к мысли о том, что именно в таком виде медь поступала на новгородский рынок из рудных районов на протяжении длительного времени.

Кроме отмеченных слитков меди при раскопках Новгорода на Торговой стороне вблизи церкви Спаса на Ильине улице (Ильинский раскоп) в слоях XIV в. был обнаружен слиток свинца весом 151,3 кг, представляющий собой четверть огромной круглой чушки, имеющей одну плоскую сторону и вторую — выпуклую (рис. 32). Размеры обнаруженной части слитка равны 36 см в радиусе, 55 см в окружности и 20 см в высоту в наиболее толстой части слитка. Эта находка оказалась необыкновенно важной для изучения импорта в Новгород свинца. На плоской поверхности слитка было обнаружено два клейма, на одном из которых изображен двуглавый орел, на другом — корона с расположенной под ней буквой К. Оба клейма аналогичны изображениям, чеканенным на польских монетах

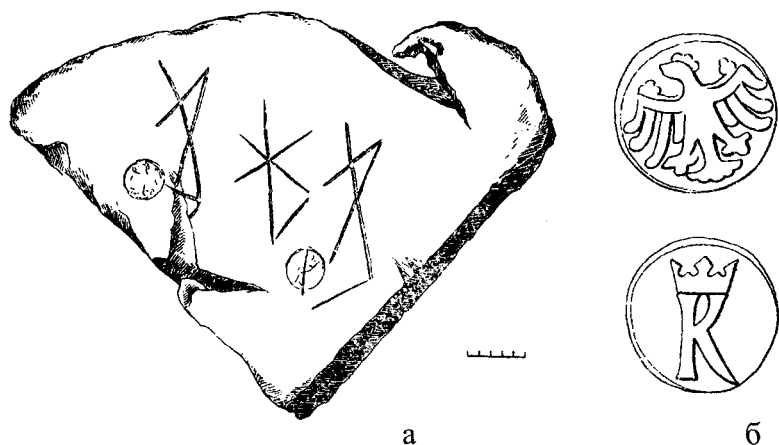

Рис. 32: а) слиток свинца с клеймами;
б) клейма польского короля Казимира Великого, XIV в.

при Казимире Великом, время правления которого (1333—1370 гг.) хорошо соотносится со стратиграфической датой находки. При спектральном анализе свинца были выявлены мышьяк и сурьма, характерные для польских месторождений свинца. Таким образом, благодаря археологической находке был определен новый источник поступления свинца в Новгород, не отраженный в письменных источниках.

Попытку определения рудных источников поступающих в Новгород цветных металлов предпринял А. А. Коновалов, занимавшийся изучением сплавов новгородских изделий. Им были проведены спектрографические анализы более 800 изделий из цветных металлов, в состав которых входят различные украшения, чашечки весов, обломки посуды, проволока. Отмечу, что при отборе предметов для анализа датировка вещей не принималась во внимание и лишь после сбора материала были обозначены его даты и составлен хронологический график. Тем более убедительным оказалось его полное совпадение с общим распределением цветных металлов в Новгороде: X в. — 44 экз., XI в. — 74 экз., XII в. — 164, XIII в. — 359, XIV в. — 163, XV в. — 37 экз.

Спектральный анализ выявил необыкновенную разнородность химического и металлургического состава новгородских цветных металлов, в связи с чем оказалось невозможным выделение исходных

химических групп, т.е. рудных источников цветных металлов, обнаруженных в Новгороде. Более результативной стала проделанная А. А. Коноваловым работа по выделению и сопоставлению металлургических групп, т.е. набора сплавов, употребляемых средневековыми ремесленниками, и выявление искусственных добавок в первичный рудный материал. Определив характерные сплавы новгородских цветных металлов, можно попытаться найти аналогичный им сплав среди других древностей.

В процессе работы А. А. Коновалов установил, что наиболее частыми приплавками к меди в новгородских изделиях были цинк, олово, свинец. В некоторых случаях в качестве искусственных добавок употреблялись мышьяк и сурьма, но самостоятельного значения как лигатура эти элементы не имели. Весь набор сплавов, которыми пользовались новгородские ремесленники, удалось разделить на шесть основных типов, каждый из которых оказался характерным для того или иного времени. Исследователю удалось проследить динамику употребления тех или иных сплавов и установить хронологические границы бытования разных типов. При этом выяснилось, что набор сплавов, употреблявшихся в X—XI вв., значительно отличается от сплавов XIII—XIV вв. XII в. является переходным, когда наряду со сплавами, характерными для X—XI вв., появляются новые типы сплавов, получившие широкое распространение в XIII—XIV вв.

Вторым важным результатом исследования Коноваловым сплавов стали найденные им аналогии. Оказалось, что сплавы X—XI вв. находят ближайшие аналогии среди прибалтийских древностей. Этот вывод особенно значителен, так как подтверждает наблюдения, сделанные при изучении кладов западноевропейских монет. Как уже отмечалось в рубрике «Серебро», клады, обнаруженные в Новгородской земле, аналогичны по монетному составу таким жекладам из Прибалтики. Эта особенность позволила сделать вывод о тесных торговых контактах между Новгородом и Прибалтикой в X—XI вв., что дополнительно подкрепляется теперь и анализом сплавов цветных металлов из этих областей: сплавы оказываются в значительной степени идентичны друг другу.

Сплавы новгородских изделий из цветных металлов, происходящих из слоев XIII—XIV вв., обнаруживают тесную химико-металлургическую связь с металлом Швеции, где разработка собственных месторождений началась еще в XI в. Напомню, что именно из Швеции происходят и некоторые новгородские слитки меди.

Ткани

О торговле тканями, которые наряду с цветными металлами, серебром и другими товарами были одним из основных предметов западного ввоза в Новгород, хорошо известно из письменных источников. Об импорте в Новгород разнообразных английских, фландрских, немецких сукон подробно рассказывается в работах Л. Гётца, А. Л. Хорошкевич и других авторов. Вместе с тем ткани являются одной из категорий западного импорта, постоянно встречающихся при археологических раскопках, коллекция которых ежегодно пополняется новыми находками.

Несмотря на достаточно полное и всестороннее освещение торговли тканями в письменных источниках, изучение археологических находок дает новые сведения о торговле ими, особенно в раннем периоде (X—XIII вв.). Напомню, что письменные источники свидетельствуют о торговле тканями только с начала XIV в. Не все вопросы, связанные с торговлей в Новгороде импортными тканями, решены и для этого времени. А. Л. Хорошкевич отмечает, что, несмотря на большой фактический материал о торговле тканями и интерес исследователей к этим проблемам, остаются нерешенными еще многие важные вопросы, а именно: начало производства сукон во Фландрии, бывшей главным поставщиком этого товара во времена Ганзы, структура ввоза сукон в Новгород в XIV—XV вв., соотношение ввоза различных сортов сукон и другие вопросы.

Специальное исследование тканей из новгородских раскопок было проведено польским исследователем А. Нахликом, тщательно изучившим около 500 фрагментов тканей по способу их прядения, качеству шерсти, толщине волокон, красителю и прочим параметрам. Большинство (462 экз.) исследованных им образцов тканей оказались шерстяными. Определение импортных тканей из всего числа найденных фрагментов тканей представляет собой довольно сложную задачу, поскольку среди западноевропейских археологических материалов отсутствуют аналогичные новгородской коллекции средневековых тканей. А. Нахлик отмечает, что среди критериев, позволяющих выделить привозные ткани, самым надежным и решающим признаком является определение шерстяного сырья, из которого изготовлена ткань. Остальные элементы: структура переплетения ткани, плотность и связанное с ней качество изделия, способ скручивания пряжи и ее толщина, внешний вид тканей — решающего значения не имеют, а лишь помогают установить происхождение тканей. Поэтому без

специальных исследований импортные ткани определить практически невозможно.

Исследовав образцы новгородских тканей, автор называет их основных поставщиков в Новгород: Англию, Фландрию и Испанию, позднее Германию. Так же, как и остальные товары, ткани в Новгород поступали через посредников, главными из которых были остров Готланд и Ганзейский союз. Известные теперь по археологическим материалам новгородские импортные ткани могут быть разделены на несколько типов: ткани специального типа, ткани суконные крашенные I—IV сортов, ткани валяные I—IV сортов и полосатые ткани.

Распределение импортных тканей по ярусам показывает, что больше всего их содержится в слоях XII и XIV вв., в то время как в XIII в. количество импортных тканей сокращается. При этом оказывается, что для разных периодов характерны и разные типы тканей: в X—XII вв. наибольшее распространение получили ткани специального типа, которые отличаются повышенной плотностью и относительно простым процессом производства по сравнению с высококачественными сукнами. Такие ткани делали из шерсти с длинными волокнами и оставляли их сырыми. Производство подобных тканей было налажено в раннее время (X—XII вв.) в Англии, что полностью соответствует распространению в культурном слое этого времени тканей специального типа, которые, таким образом, можно считать английскими. Резкое уменьшение подобных тканей в слоях XIII в. объясняется усиливающейся конкуренцией фламандского суконного производства, которое в это время достигает наивысшего развития. С начала XII в. происходит увеличение суконных валяных тканей фламандского производства, которые постепенно вытеснили с новгородского рынка английские ткани. Наибольшее распространение фламандские ткани получили в XIV в.

Исследование импортных тканей, найденных при раскопках в Новгороде, имеет большое значение не только для изучения истории новгородской торговли, но и для истории развития западноевропейского ткацкого ремесла начиная с X в., поскольку новгородская коллекция этих тканей — явление исключительное.

Ткани поступали на новгородский рынок и продавались поставами (Stücke), запечатанными свинцовыми пломбами с геральдическими изображениями городов-производителей. Этими пломбами удостоверялось не только место изготовления тканей, но также подтверждалось их качество и количество в данном «куске».

Пломбы

При раскопках изредка встречаются свинцовые западноевропейские торговые пломбы с различными изображениями (епископа, раскрытых ладоней) и надписью «DE TOURNAI» (рис. 33: 1—4). Такими пломбами, как уже отмечалось в разделе «Ткани», снабжались обычно западноевропейские сукна. На обороте одной из пломб изображен ганзейский купеческий знак. Западноевропейское происхождение этих пломб не подлежит сомнению, однако трудно установить их принадлежность конкретному европейскому городу или частному лицу, чьи эмблемы содержатся на пломбах. К сожалению, в западноевропейской сфрагистике нет полных каталогов таких пломб, поэтому поиски аналогий новгородским находкам очень затруднены. Лишь пломба с надписью «DE TOURNAI» содержит точное указание на ее происхождение. Город Турнэ, находящийся ныне на территории Бельгии, в средневековье был одним из центров сукноделия Фландрии. Пломба из Турнэ содержит в центре изображение лилии, которая была эмблемой немецкой купеческой общины на Готланде. Все перечисленные пломбы происходят из слоев XIV—XV вв. и являются конкретными свидетельствами новгородско-ганзейской торговли в целом и торговли тканями в частности.

Янтарь

Находки янтаря в Новгороде в слоях второй половины XIII—XV вв. отражают закономерности его ввоза из Прибалтики, где месторождения янтаря известны с глубокой древности, а промышленные разработки ведутся до сих пор. В XIII в. наблюдается заметное сокращение находок янтаря, которые становятся обильными с конца этого столетия и достигают максимального числа во второй половине XIV — начале XV в.

Тевтонский орден, захватив Пруссию, на землях которой находили наибольшее количество янтаря, и получив от римского папы акт на вечное владение этой территорией, объявил все запасы янтаря своей собственностью. В XIII в. была установлена янтарная регалия, по которой Ордену передавалось исключительное право на получение доходов от монополизированной добычи и торговли янтарем. По приказу одного из правителей новых земель казнили любого человека, собиравшего янтарь без специального разрешения властей. Существовал даже специальный палач, приводивший в исполнение

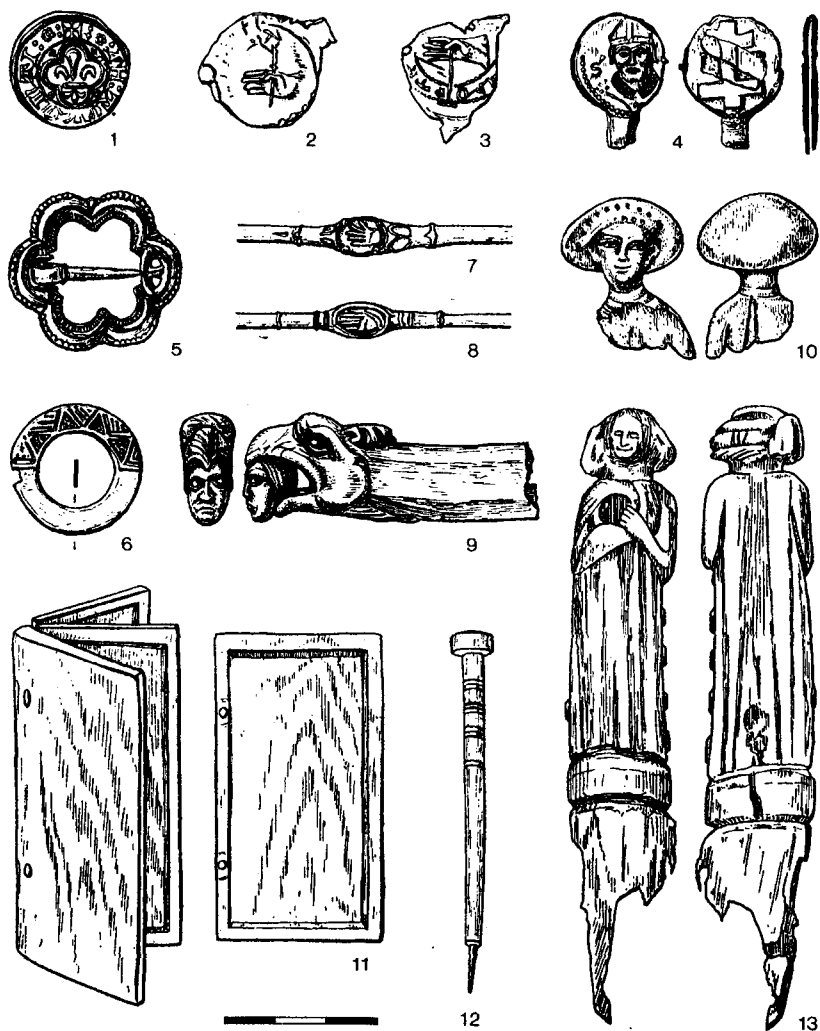

Рис. 33. Западноевропейские предметы из раскопок Новгорода и их аналогии (1—4 — товарные пломбы; 5—6 — фибулы; 7—8 — перстни с изображением рук; 9—10 — костяные рукоятки ножей; 11—12 — cera и писало; 13 — костяная рукоять ножа из раскопок Риги)

все приговоры по янтарным делам. Наказание было предельно суровым — за присвоение трех фунтов янтаря грозило колесование. По распоряжению Ордена весь берег был покрыт виселицами для устрашения контрабандистов. Жители прибрежных селений давали присягу не собирать янтарь, а также не скупать его; с наступлением темноты запрещалось выходить к морю. Вначале янтарь для Ордена по особому назначению собирали крепостные, но впоследствии сбор янтаря был передан союзу немецких рыбаков, получавших от Ордена за каждый фунт янтаря фунт соли. Таким образом, захватив прусскую территорию, Тевтонский орден стал единственным поставщиком янтаря в древнерусские и другие земли.

Завоевание рыцарями-крестоносцами прибалтийских земель ливов, пруссов и особенно в 1228 г. эстов, ближайших соседей Новгорода, стало серьезной политической угрозой для последнего, тем более что немцы неоднократно совершали набеги на пограничные новгородские земли. Новгородская летопись хранит многочисленные сообщения о походах новгородцев в Чудскую землю против немцев и о столкновениях с ними. Знаменитое Ледовое побоище, происшедшее в 1242 г., остановило движение рыцарей на Русь, однако и после этого разгрома они нередко предпринимали набеги на русские земли (в частности, в 1253 г. был совершен набег на псковский посад). Лишь после Раковорской битвы в 1269 г. отношения с немцами стабилизировались.

Торговые пути, соединявшие Новгород с Прибалтикой, именно в XIII в. становятся особенно опасными. Сохранность купеческих товаров, безопасность движения на этих путях перестали быть гарантированными. Но, разумеется, главной причиной нарушения торговли Новгорода с Прибалтикой было состояние войны, которое исключало всякую возможность торговых сношений. Поскольку основной район добычи янтаря — Пруссия — находился в руках Тевтонского ордена, становится понятным и сокращение находок янтаря в Новгороде в слое XIII в. С начала XIV в. устанавливаются мирные отношения между Новгородом и Орденом и янтарь начал беспрепятственно поступать в Новгород, что зафиксировано его археологическими находками.

Кроме перечисленных массовых категорий западного импорта, имеющих несомненный товарный характер, при раскопках Новгорода обнаруживаются и другие, не столь многочисленные категории, которые насчитываются десятками экземпляров. К ним относятся хрустальные вставки и фрагменты различных стеклянных изделий,

а также остатки дубовых бочек (тара для различных товаров) с ганзейскими купеческими знаками собственности.

Вставки из горного хрусталя

За годы раскопок в Новгороде собрано более 150 экз. вставок из горного хрусталя. Несмотря на сравнительно небольшое количество, хрустальные вставки, несомненно, относятся к числу предметов, имеющих товарный характер. Вставки имеют разнообразную форму — от круглой до многоугольной — и состоят из двух частей: плоской нижней и выпуклой, иногда с огранкой, верхней. В качестве склеивающего вещества служил окрашенный в розовый цвет шеллак, который изготовляли из особых раковин, добываемых в Индийском океане. По археологическим материалам установлено, что хрустальные вставки концентрируются в слоях XIV в., достигая максимального числа в середине этого столетия.

Происхождение этих вставок до сих пор остается дискуссионным. Дело в том, что производство различных поделок из драгоценных и полудрагоценных камней было широко развито на Востоке. В частности, широко бытующие на Руси в домонгольское время сердоликовые и хрустальные бусы имеют, несомненно, восточное происхождение. Решающим аргументом для такого утверждения служит их ареал, совпадающий с ареалом кладов арабских монет, а также наличие названных бус в кладах с дирхемами. Этот вывод автоматически был распространен и на вставки из горного хрусталя, тем более что по сообщениям арабских авторов XI в. известно об изготовлении таких вставок с цветными подкладками в Индии. Однако месторождения горного хрусталя известны не только на Востоке, но и в европейских Альпах, поэтому возможно, что оттуда горный хрусталь поступал в ювелирные мастерские европейских городов.

Специальные исследования, проведенные Ю. Д. Аксентоном показали, что формы и способы обработки хрустальных вставок из раскопок в Новгороде совершенно идентичны вставкам из горного хрусталя, украшающим хранящийся в Софийском соборе ларец-реликвариий, который происходит из Рейнской области. Это позволило исследователю сделать вывод о едином центре производства тех и других вставок.

Хрустальные вставки, имеющие, несомненно, товарный характер, концентрируются на усадьбах в комплексе с другими западноевропейскими древностями. Сосредоточение находок хрустальных вставок в слоях XIV в. полностью соответствует истории

новгородско-ганзейских торговых отношений, получивших наибольшее развитие в данное время. Независимо от места их происхождения (не исключено, что индийского) хрустальные вставки поступали и в Европу и в Новгород через посредников.

Стеклянные изделия

Изделия из стекла западноевропейского происхождения представлены перстнями, фрагментами оконного стекла, стеклянных сосудов, в том числе венецианских. Каждая из этих групп находок насчитывает десятки экземпляров. Очевидно, некоторые из стеклянных изделий (например, перстни, оконное стекло) являлись предметом торговли, но дорогие стеклянные сосуды предназначались, скорее всего, в качестве даров богатым новгородским боярам.

Западноевропейские перстни появляются в Новгороде лишь в XIV в. Предполагается, что после монгольского нашествия новгородские ремесленники начали собственное производство стеклянных изделий, в том числе и перстней. Однако оно не удовлетворяло спрос на эти изделия, и новгородцы ввозили западноевропейские перстни, которые отличаются от византийских, южнорусских и собственно новгородских более сложным составом стекла. Ввоз западноевропейских перстней происходил в течение всего XIV в., а с начала XV в. они практически не встречаются.

Первые образцы западноевропейской стеклянной посуды появились в Новгороде вскоре после монгольского нашествия, однако до 80-х гг. XIII в. их число незначительно. Зато 150-летний период (с последней четверти XIII в. до первой четверти XV в.) характеризуется полным отсутствием сосудов русского и византийского производства и наличием в новгородских слоях этого времени фрагментов только западноевропейской посуды. Стеклянные сосуды (разумеется, в виде обломков) западноевропейского происхождения встречаются почти исключительно на богатых усадьбах, принадлежавших новгородским боярам. В частности, заметное количество обломков стеклянных сосудов происходит с усадеб семьи Мишиничей-Онцифоровичей, представители которой в течение многих десятилетий в XIV—XV вв. были посадниками.

Обломки оконного стекла — крайне редкая находка в Новгороде, они обнаруживаются лишь в слое рубежа XIV—XV вв., а наиболее многочисленные находки оконного стекла происходят из слоя первой половины XV в. По своему составу оно очень близко посудному стеклу западноевропейского происхождения.

Хронологическое распределение импортных стеклянных изделий фиксирует начало ввоза западноевропейского стекла со второй половины XIII в. и его бытование в течение XIV—XV вв. Количественно этот ввоз никогда не достигает того уровня, который был характерен для южного импорта стеклянных изделий.

Предметы с купеческими знаками собственности

С массовым ганзейским импортом связаны находки остатков дубовых бочек (днища, клепки) и некоторых других предметов со знаками. Впервые днища бочек с геометрическими знаками в значительном количестве были найдены на Неревском раскопе в слоях XIV—XV вв (см. рис. 28). При раскопках Готского двора подобные знаки были обнаружены на различных деревянных предметах: обломках посуды, подсвечниках, плоских прямоугольных пластинах (см. рис. 21, 23). Предметы, и не только деревянные, с подобными геометрическими знаками собственности изредка встречаются на разных раскопах, как правило, в комплексе с другими западноевропейскими древностями.

Геометрические знаки, обнаруженные в Новгороде, имеют прямые аналогии в западноевропейском и прибалтийском материалах. Такие знаки, известные под названием Hausmarke и Hofmarke, т.е. домовые и дворовые марки, были широко распространены в средневековой Западной Европе, особенно в странах германского мира. Как установлено многочисленными документами, марки употребляли без исключения все сословия, лица как светского, так и духовного звания и состояния. Особенно активно применяли марки ремесленники и купцы, которые были заинтересованы в маркировке своих изделий и товаров. Купеческое сословие, несомненно, было заинтересовано в использовании марки, которая была необходима для того, чтобы легко можно опознать свой товар среди подобных товаров других купцов.

Большое значение для изучения купеческих марок имело издание ганзейских документов, в которых в значительных количествах находились изображения знаков купцов. Купеческие марки, принадлежавшие конкретным лицам, впервые появились в Любеке в конце XIII в. и являются древнейшими знаками собственности, известными в средневековой Европе. Городские власти не предписывали купцам обязательное употребление марки, однако всегда в случае необходимости готовы были подтвердить марку своих граждан, занимающихся торговлей.

Купеческие марки были в торговле главным доказательством во всех притязаниях на товары. Как и в других видах знаков собственности, в купеческих марках преобладали прямые линии. Одной из самых популярных была простая форма с треугольником наверху, которая дополнялась различными прямыми линиями или изображениями в виде сердца, якоря, букв. Главным принципом в составлении купеческой марки были простота формы и вместе с тем обязательная индивидуальность. Похожие марки непременно отличались какой-нибудь дополнительной линией. Это касается и марок близких родственников: известны купеческие марки братьев, которые хотя и были похожи в общих чертах, но всегда имели ту или иную отличительную деталь (см. рис. 22).

Купеческие марки ставились на товарах на самом заметном месте упаковки. На деревянных бочках и ящиках они вырезались или выжигались, иногда марку образовывали шляпки забитых гвоздей. На бочках марки помещали, как правило, на клепке рядом с затычкой, но часто ставили ее на дне или крышке бочки. На мягкие тюки с тканями марки нашивались или рисовались, воск имел знаки на упаковке, кроме того, этот знак оттискивали на самом воске.

Значение купеческих марок в торговле многообразно. Прежде всего, как уже отмечалось, они служили основным отличительным признаком товаров разных купцов. Особенное значение имели марки, если товар того или иного купца пропадал во время кораблекрушения или разбоя. В таких ситуациях купцу возвращался найденный товар только в том случае, если он мог убедительно доказать, что товар принадлежал ему. Главным доказывающим аргументом при этом были, конечно, марки.

В торговых привилегиях, которые выдавали купцам правители разных стран, существовали разделы, где указывалось, что по маркам, удостоверенным властями, можно требовать возвращения товара, пропавшего во время кораблекрушения или войны на море. Каждый, кто мог доказать принадлежность марки, получал обратно свой товар. В ганзейских документах сохранились многочисленные постановления различных городов и съездов этих городов, по которым купцам на основе их марок возвращался пропавший или украденный товар. Так, съезд 1394 г. в Данциге постановил, что каждый купец, если он имеет марку, должен получить обратно свое полотно, пропавшее при кораблекрушении. Контора в Брюгге вернула в 1370 г. тюки с сукном их владельцу по содержащимся на них маркам. Попытка подделать марку того или иного купца и присвоить себе его товар

строго наказывалась; даже только по подозрению в том, что метка подделана, подозреваемый попадал в тюрьму. По постановлению Ревельской купеческой гильдии за подделку или уничтожение марки виновные подвергались крупному денежному штрафу.

Однако купеческие марки имели не только правовое значение, они активно использовались купцами во всех сферах деятельности. Купцы ставили свои марки не только на товарах, но и в сопроводительных письмах, как в самом тексте, так и на конверте, на домах и даже на могильных камнях, т.е. использовали марку и как личный знак.

Наряду с главными купеческими марками употреблялись еще и дополнительные марки (Beimarke). Для них выбирались не характерные формы марок, а различные фигуры в виде звезд, кругов, крючков, штрихов или буквы. По этим дополнительным маркам можно было узнать о качестве товара, об определенном сорте пива или сукна. Существовали также специальные знаки, которыми власти контролировали качество и количество товаров, кроме того, были знаки происхождения, по которым легко устанавливалось место производства товаров. Эти знаки ставились на товарах вместе с личными купеческими знаками.

Новгородские геометрические знаки совершенно аналогичны рассмотренной западноевропейской системе знаков собственности, и в частности купеческим маркам. Они составлены по тому же принципу, многие из новгородских знаков находят прямые аналогии в западноевропейском и прибалтийском материале. Большое сходство обнаруживают они с марками ревельских купцов. Все геометрические знаки, обнаруживаемые при раскопках на днищах бочек и других предметах, несомненно, относятся к западноевропейской системе знаков собственности и принадлежат к разряду купеческих марок.

Бочка была одной из основных весовых мер и одновременно тарой для разного рода ганзейских товаров. В бочках ганзейские купцы доставляли в Новгород вино, сельдь, соль, цветной металл, возможно, янтарь и многое другое. Отмечу, что все остатки бочек с ганзейскими купеческими знаками, найденные на Неревском раскопе, происходят с усадеб богатых новгородских бояр из семьи Мишиничей-Онцифоровичей (см. рис. 28). Примечательно также, что фрагменты бочек и других предметов с купеческими знаками обнаружены в слоях XIV—XV вв., т.е. относятся ко времени, когда купеческие марки нашли самое широкое применение в ганзейской торговле. Было бы заманчиво персонифицировать купеческие марки с именами

и происхождением ганзейских купцов, торговавших в Новгороде, но пока такая работа не дала желаемых результатов из-за отсутствия достаточно полных источников.

Наряду с массовыми категориями западного импорта в огромной вещевой коллекции, собранной при раскопках Новгорода, содержатся разного рода западноевропейские изделия, представленные десятками экземпляров или единичными находками.

Оправы стеклянных зеркал

Одной из категорий западноевропейских предметов, находимых в Новгороде, оказались зеркала, а точнее складные металлические и деревянные оправы стеклянных зеркал. Впервые металлическая оправа для стеклянного зеркала была найдена на Готском раскопе (см. рис. 24: 2), но в течение долгих лет не была правильно атрибутирована из-за отсутствия надежных аналогий. Обнаруженный на Готском раскопе среди разнообразных предметов быта ганзейских купцов в слое XIV—XV вв. предмет представлял собой плоскую круглую коробочку (диаметр — 5 см), напоминающую по конструкции пудреницу. На внешней стороне одной половинки сохранилось изображение, которое восстанавливается почти полностью: в центре, окаймленном растительным орнаментом, помещен скачущий всадник с бегущей собакой. Другая половинка подобной оправы со сходной композицией, но с иным орнаментальным сюжетом и изображением всадника была обнаружена в слое рубежа XIV—XV вв. при раскопках одной купеческой усадьбы (Славенский раскоп), где останавливались ганзейские купцы. Кроме того, в 70—90-е гг. XX в. коллекция металлических оправ пополнилась находками, собранными коллекционерами на берегах Волхова, в результате чего число металлических оправ с различными изображениями достигло 20 экз. На внешней стороне этих предметов кроме всадников в центре композиции появились музыканты, птицы, звери. Несмотря на некоторые различия в размерах и изображениях, все названные предметы по конструктивным особенностям, общей композиции изображений, технологии изготовления принадлежат к одной группе изделий.

Долгие годы эти предметы оставались загадочными, для них предлагались самые различные, но недостаточно убедительные и надежные атрибуции. Наконец, в 1995 г. в Новгородский музей поступила еще одна подобная находка с изображением музыканта на внешней стороне, а на внутренней сохранившаяся остатки гладкого полированного стекла со свинцовой подкладкой (рис. 34: а). Последнее

обстоятельство окончательно разрешило загадку рассматриваемых предметов, которые были вместилищами, т. е. оправами, стеклянных зеркал, в чем нас убеждает блестящая поверхность стекла и подстилающая его темная свинцовая пленка, обладающая отражающим эффектом.

Кроме оправ с изображениями к этой же категории относятся находки в слоях XIV в. металлических (чаще всего из оловянисто-свинцового сплава) оправ с литым или накладным геометрическим орнаментом на внешней стороне (рис. 34: б). При раскопках Новгорода в значительном количестве (несколько десятков экземпляров) в слоях XIII—XV вв. встречаются аналогичные по конструкции деревянные футляры (оправы) (рис. 35: 1—2), некоторые из них сохранили внутри остатки какой-то темной массы (рис. 35: 4). Благодаря аналогичным находкам из Любека и других ганзейских городов теперь

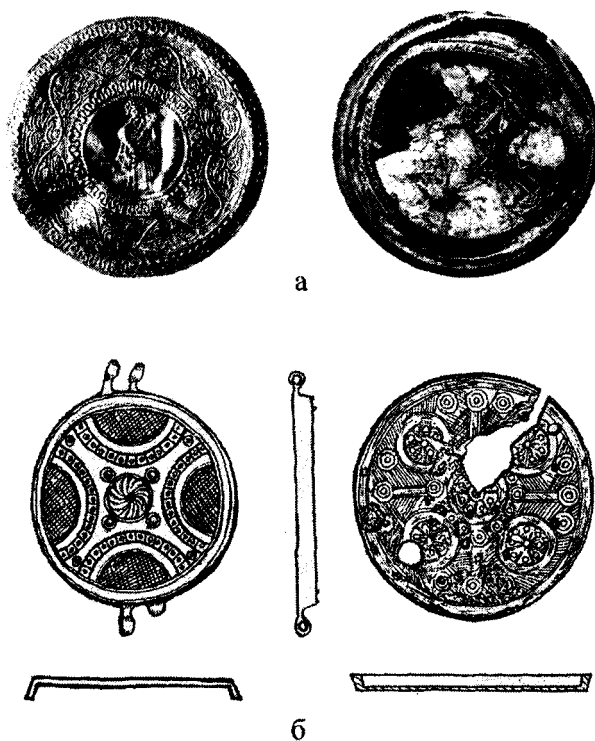

Рис. 34. Складные оправы стеклянных зеркал. Свинец, олово: а — с изображением музыканта, б — с орнаментом

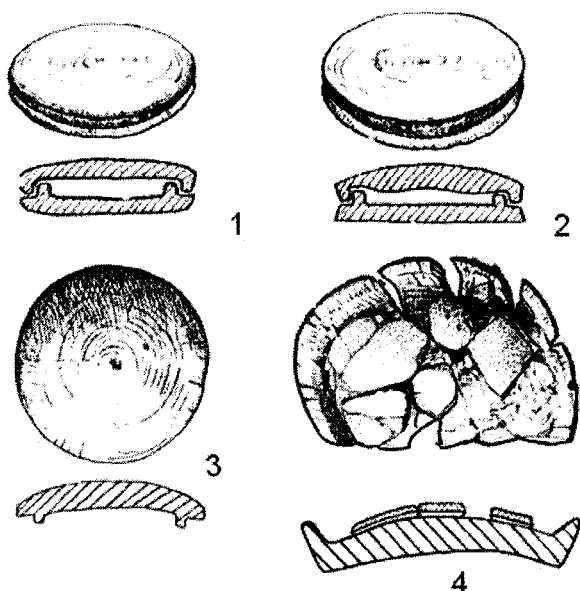

Рис. 35. Складные оправы стеклянных зеркал. Дерево

удалось атрибутировать и эти находки, которые также являются частями складных стеклянных зеркал. Видимо, зеркала были одним из предметов ганзейского импорта, не зафиксированного ни в письменных источниках, ни в археологических материалах. Такие зеркала существовали в Западной Европе с XIII в. и получили наибольшее распространение в XIV—XV вв.

Керамика

К числу западноевропейской керамики относятся фрагменты так называемой рейнской керамики, известной в литературе под названием *Steinzeug*. Это серовато-желтая слабо глазурованная керамика с характерными полосами на тулове и защипами на донце (ил. 9). Такая керамика производилась в городских центрах на Рейне, откуда распространялась по всей средневековой Германии. Наибольшего развития производство этой керамики достигло в XIV—XV вв.

В большом количестве фрагменты такой керамики и собранный из них целый кувшин обнаружены при раскопках Готского двора (рис. 19). Изредка обломки рейнской керамики встречаются и на других раскопах при исследовании новгородских усадеб.

Кроме рейнской керамики встречаются и обломки западноевропейской поливной керамики, имеющей аналогии в археологических материалах Любека, Данцига, Риги и других балтийских торговых центров. Фрагменты двух орнаментированных сосудов с желто-зеленой поливой обнаружены в одном из раскопов на Торговой стороне. Интересен также единственный фрагмент антропоморфной поливной керамики, происходящий с Троицкого раскопа (рис. 37) и имеющий ближайшие аналогии среди находок Риги.

Деревянная посуда

В большом количестве при раскопках Готского двора были найдены маленькие клепки и донца деревянных чаш, называемые *Dauben* (см. рис. 21:1). Сосуды, составленные из таких клепок, соединявшихся ивовым прутком, были широко распространены в средневековой Германии и в балтийском регионе, где они известны со второй половины XII в., но наибольшее применение получили в XIV—XV вв. В Прибалтике этот вид посуды употреблялся вплоть до XIX в. Такие клепки постоянно находят при раскопках многих немецких городов (рис. 36), особенно много подобной посуды (120 целых и сотни фрагментов) обнаружено в Любеке. Кроме Готского раскопа такие клепки изредка встречаются в слоях XIII—XV вв. при раскопках новгородских усадеб.

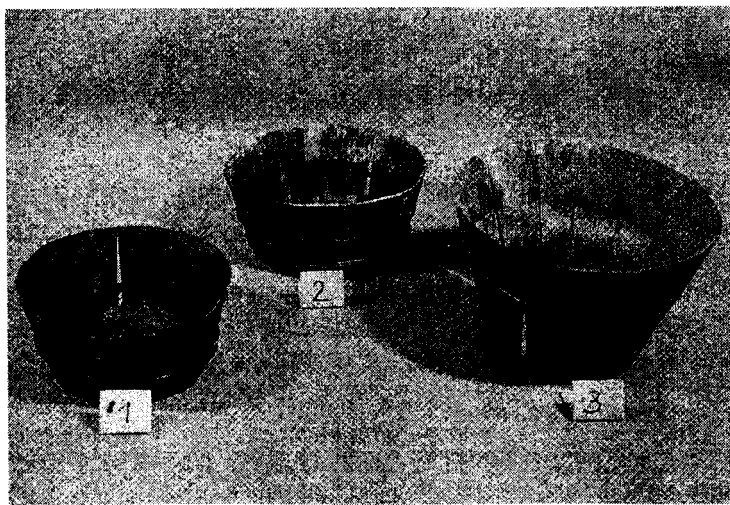

Рис. 36. Деревянная посуда из клепок

Рукояти ножей

Предметами бытового характера, но одновременно и изделиями западноевропейского прикладного искусства являются две великолепные резные рукояти из кости, сохранившиеся, к сожалению, фрагментарно. Одна из них относится к типу костяных рукоятей в виде человеческой фигуры, хорошо известных в странах балтийского региона в XIII—XV вв. Обломок представляет собой барельефное изображение человеческой головы в головном уборе, напоминающем берет. Изображение носит реалистический характер, черты лица выполнены тщательно, не лишены изящества и индивидуальности. Обратная сторона фигурки плоская, но с условным изображением складок частично сохранившейся одежды (см. рис. 33: 10). Общий характер изображения, форма головного убора, несомненно, свидетельствуют о западноевропейском происхождении данного изделия, не имеющего аналогий среди предметов древнерусского прикладного искусства. Специалистами по истории средневекового европейского костюма высказано предположение о том, что наиболее вероятным местом производства этого изделия являлась Северная Германия. Эта находка была верно атрибутирована только по аналогии с подобной рукояткой с остатками ножа, известной из раскопок в Риге (см. рис. 33: 13).

Сохранившийся фрагмент другой рукояти представляет собой резное изображение химеры, держащей в разинутой пасти человеческую голову, что символизирует ад, поглощающий грешников (см. рис. 33: 9). Подобный сюжет не характерен для древнерусского искусства, но, напротив, широко распространен в западноевропейской архитектуре и прикладном искусстве. Напомню, что подобные изображения можно увидеть на знаменитых Магдебургских воротах, установленных в Софийском соборе.

К числу бытовых относятся также деревянные подсвечники с ганзейскими купеческими знаками, фрагменты бронзовых водолеев, особой формы ключи и замки, которые обнаруживались в единичных экземплярах на раскопах Новгорода в разные годы.

Кожаные изделия

Среди многочисленных находок из кожи выявлена и атрибутирована небольшая группа орнаментированных кожаных футляров в виде коробочек, обнаруженных на разных раскопах в слое XIV в. Само назначение и конструкция футляров, а также орнаментальный

стиль и технология нанесения декора свидетельствуют о западноевропейском происхождении этих предметов. Они относятся к типу раздвижных кожаных футляров, бытовавших в Европе в XIV—XV вв. Такие коробочки предназначались прежде всего для хранения разного рода письменных принадлежностей.

Среди *украшений* западноевропейского происхождения встречаются перстни с изображениями рук, пластинчатые кольцевые и сердцевидные фибулы (см. рис. 33: 7, 8), широко распространенные в Германии, Польше и скандинавских странах.

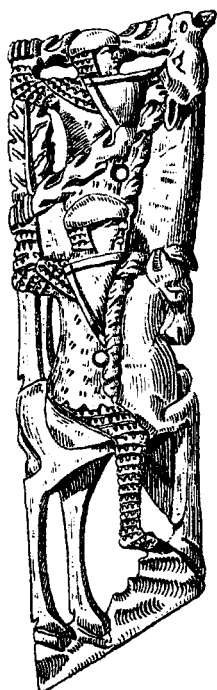
Несомненно, западноевропейскими по происхождению являются некоторые *предметы письменности и досуга*, имеющие прямые аналогии в материалах Любека и других ганзейских городов. Среди них особого типа цера, писала (3 экз.) (см. рис. 33: 11, 12), а также принадлежности различных игр. В числе последних находятся доски для игры в «мельницу», широко распространенную в балтийском регионе, и игральные фишки, представляющие собой куб, на каждой стороне которого изображены кружочки от 1 до 6. Такие фишки употреблялись для игры в кости, которая широко бытовала в Западной Европе.

Изредка при раскопках обнаруживаются изделия западноевропейского прикладного искусства, среди которых костяная пластинка с изображением рыцарей (рис. 37: 1), костяная проколка с изображением головы собаки и др.

Топография западноевропейских находок

Чрезвычайно интересна топография находок западноевропейского импорта, как массового, так и индивидуального характера. На всех без исключения раскопах в разных районах города в том или ином количестве обнаруживаются массовые предметы западного импорта. Цветные металлы, ткани, янтарь, относящиеся к числу массовых импортных категорий, встречаются практически на любой археологически исследованной усадьбе Новгорода.

Что касается других, не массовых категорий импорта (фрагменты рейнской керамики, разного рода стеклянные изделия, хрустальные вставки, оправы стеклянных зеркал и др.) и индивидуальных находок, то они встречаются не повсеместно, а лишь на некоторых участках, где велись археологические исследования. Несомненно, среди них выделяется Готский раскоп, заложенный на месте Готского двора, местопребывания ганзейских купцов. Собранная здесь коллекция состоит преимущественно из западноевропейских предметов

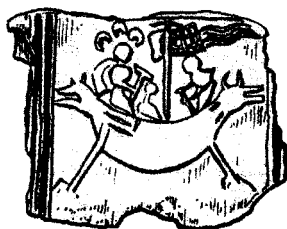
1

2

3

4

Рис. 37. Изделия западноевропейских мастеров из раскопок в Новгороде: 1 — накладка с изображением рыцарей, XIII в., кость; 2 — пластина с лилиями, XIV в., бронза; 3 — антропоморфная керамика (фрагмент), XIV в.; 4 — накладка с изображением корабля, XIV в., свинец

и характеризует, как уже отмечено, быт проживавших в Новгороде ганзейских купцов. Кроме того, аналогичные предметы обнаружены еще на нескольких раскопах в слоях второй половины XIII — первой половины XV в.

Неревский раскоп (1951—1962 гг., общая площадь около 9.000 кв. м) (рис. 38: 9). Здесь в слоях XIII—XV вв. на усадьбах богатых новгородских бояр, в основном принадлежащих известному по летописям семейству Мишиничей-Онцифоровичей, были найдены днища бочек и деревянная посуда со знаками ганзейских купцов (см. рис. 28), деревянные оправы стеклянных зеркал, костяные фишки, доски для игры в «мельницу», несколько кольцевых фибул, некоторые ювелирные украшения. Образцом западноевропейского прикладного искусства является костяная резная накладка с изображением двух конных рыцарей, штурмующих «замок любви» (рис. 37: 1).

Славенский раскоп (1972—1974 гг., общая площадь 320 кв. м) (рис. 38: 12)*. Этот участок на Торговой стороне находился недалеко от Торга в непосредственной близости от Немецкого двора и не входил в древнейшую зону Славенского конца. Мощность культурного слоя здесь достигала почти 9 м, что обусловлено не древностью участка, а устройством в средневековье разного рода подсыпок, гатей и дренажей для борьбы с заболоченностью почвы. Заселение этого участка, как показали материалы предматериковых слоев, началось не ранее XII в., наиболее интенсивно данная территория осваивалась в XIV в., напластования которого отложились в двух метрах культурного слоя. Несмотря на довольно скромные размеры раскопа, здесь была собрана богатейшая коллекция древних предметов.

Из-за небольшой площади в раскопе не было вскрыто ни одной полной по размерам усадьбы, а исследована лишь пограничная зона двух-трех усадеб. Из них самой значительной оказалась усадьба А, где были обнаружены остатки нескольких ремесленных мастерских, в том числе разнообразные и обильные следы ювелирного дела. Здесь же в слое XIV в. были найдены разнообразные предметы импорта — в первую очередь сырье (цветные металлы, янтарь); в большом количестве обнаружены хрустальные вставки и ткани (50 фрагментов), также принадлежащие к числу массовых категорий западноевропейского импорта.

Несмотря на отсутствие прямых сведений для определения социальной принадлежности владельца усадьбы, весь комплекс

* Раскоп был заложен во дворе дома № 24 на Михайловой улице (бывшая ул. Кирова).

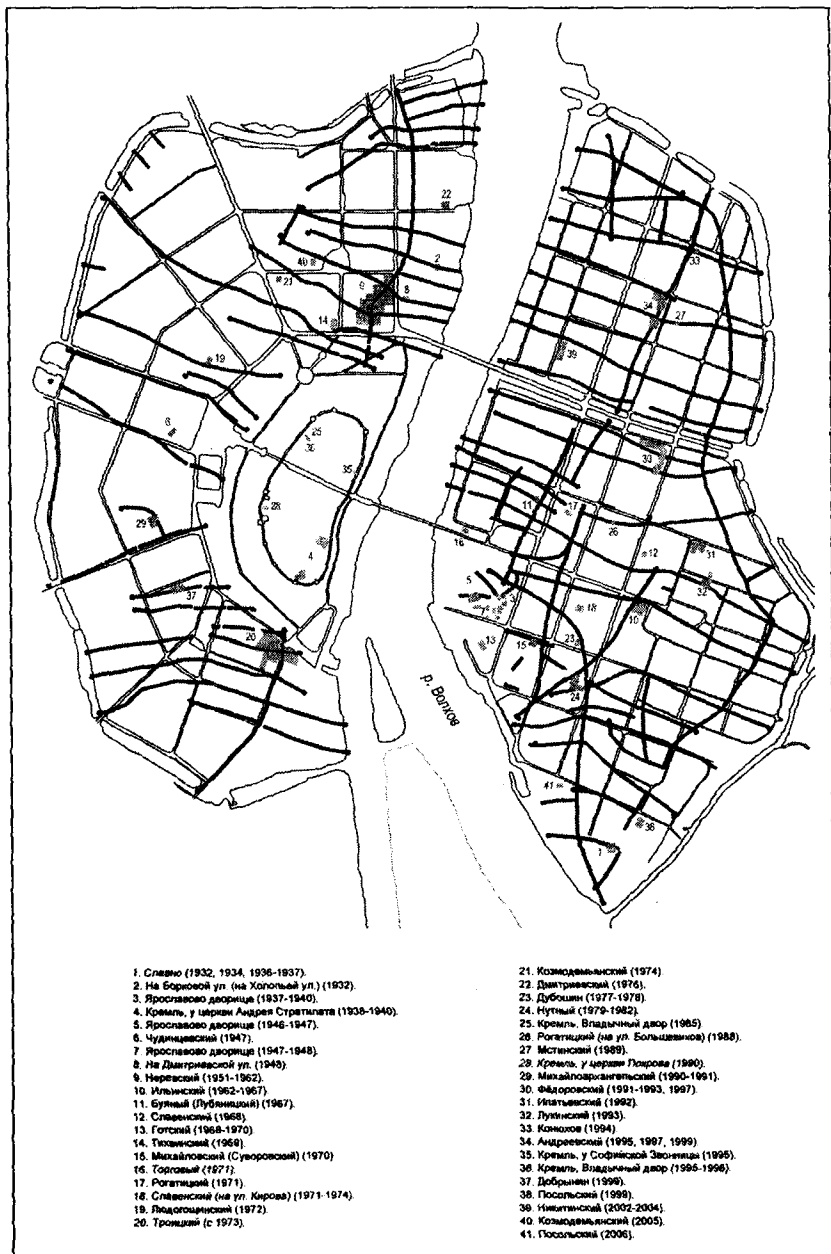

Рис. 38. План раскопов в Новгороде

полученных из слоев XIV в. древностей позволяет считать его богатым купцом, ведущим заморскую торговлю и вместе с тем занятым организацией на своем участке ремесленного производства по изготовлению различных изделий, необходимых на внутреннем рынке.

Тесную связь владельца усадьбы с западной торговлей подчеркивает и обнаруженная на раскопе группа предметов, имеющих прямые аналогии в материалах Готского раскопа. Это прежде всего образцы рейнской керамики. К числу западноевропейских предметов относятся также половинка свинцово-оловянистой складной оправы для зеркала с изображением на внешней стороне всадника, небольшой плоский футлярчик из биллона, орнаментированный с обеих сторон узором из лилий. Найдены также деревянные подсвечники со знаками геометрического характера, совершенно аналогичные таким же предметам с Готского раскопа.

В большинстве своем указанные изделия относятся к числу бытовых ганзейских предметов, не предназначенных на продажу. Обнаруженные на Славенском раскопе эти предметы могут служить подтверждением письменных сообщений о том, что ганзейские купцы из-за недостатка места на своих торговых дворах (Готском и Немецком) иногда могли селиться во дворах новгородцев. Вероятно, в XIV в. на рассматриваемой усадьбе, владельцем которой был богатый новгородский купец, останавливались на постой его партнеры по торговле — купцы Ганзы, тем более что Немецкий двор располагался в ближайшем квартале.

Дубошин раскоп (1977—1978 гг.) (рис. 38: 23). Раскоп общей площадью 160 кв. м был заложен на Торговой стороне на нынешней Никольской улице. Так же как и на предыдущем участке, слои XIV в. здесь чрезвычайно насыщены разнообразными находками, среди которых немало западноевропейских. Большим количеством обломков представлена рейнская и редкая в Новгороде поливная западноевропейская керамика. Найдены также одна металлическая и несколько деревянных складных оправ для зеркал и др.

Особый интерес представляет свинцовая пломба из Турнэ с надписью и изображением лилий на одной стороне (см. рис. 33: 1), найденная в слое 60—70-х гг. XIV в. Эта пломба косвенным образом помогает определить социальную принадлежность владельца частично открытой здесь усадьбы в слоях XIV—XV вв. Дело в том, что западноевропейские сукна продавались в Новгороде, как правило, целыми кусками (поставами), которые стоили очень дорого. Приобрести такой «кусок» иностранного сукна, а именно о такой покупке

и свидетельствует найденная на участке пломба, мог только состоятельный новгородец. Хотя по материалам раскопа пока трудно установить, к какой определенной социальной группе принадлежал владелец усадьбы, несомненно, он был тесно связан с западноевропейской торговлей. Кроме уже упомянутых образцов западноевропейской керамики и пломбы из Турнэ на раскопе была найдена бронзовая пластина с изображением таких же геральдических лилий, что и на пломбе (см. рис. 37). Аналогичная лилия изображена на одной из сторон известной общей печати ганзейских купцов (см. рис. 6). Обнаружены на раскопе и отдельные изделия с западноевропейскими купеческими знаками. Комплекс в целом имеет ярко выраженный западноевропейский характер.

Так же как и на двух других раскопах, комплекс западноевропейских изделий и массовых импортных предметов западного происхождения сопровождался яркими примерами ювелирно-литейного производства. На усадьбе обнаружены остатки ювелирного производства: сотни обломков больших тиглей и маленьких льячек, бракованные литые перстни, крестики и их заготовки, обломки небольших колоколов, отходы производства в виде шлаков и многочисленных сплавленных кусочков бронзы. Для такого значительного по своим масштабам производства требовалось много цветного металла, который доставлялся в это время в Новгород ганзейскими купцами.

Перечисленные материалы позволяют предположить, что владелец усадьбы был богатым купцом, который скупал у ганзейских партнеров в больших количествах западноевропейские товары в виде сырья (цветной металл) и готовых изделий (ткани и др.).

Михайловский раскоп (1970 г., общая площадь 440 кв. м) (рис. 38: 15). Здесь в слоях XIV в. найдены два перстня с изображениями рук. Кроме того, обнаружены две товарные пломбы также с изображением рук на одной стороне (см. рис. 33: 2, 3) и знаком ганзейского купца на обороте одной из них. Аналогичные знаки имеются на обломках двух деревянных сосудов. Среди обломков стеклянной посуды встречен фрагмент венецианского сосуда. Несомненно, западноевропейское происхождение имеют костяная шахматная фигурка (пешка) и одна из обнаруженных на раскопе весовых гирек, которая по весу, форме и размеру существенно отличается от древнерусских. Западноевропейский характер имеет и миниатюрная кольцевая фибула со звериными головами.

Нутный раскоп (1979—1982 гг., общая площадь 674 кв. м) (рис. 38: 24). Из предметов западноевропейского происхождения

в слоях XIV—XV вв. встречаются фрагменты рейнской керамики, деревянных оправ зеркал, свинцовая накладка с изображением корабля (рис. 37: 4), имеющим аналогии с изображениями на гербе Любека и некоторых других ганзейских городов. Здесь же обнаружены фрагменты больших кожаных сумок с растительным орнаментом, которые имеют, возможно, западноевропейское происхождение.

Троицкий раскоп (1973—2000 гг., общая площадь около 7000 кв. м) (рис. 38: 20). Точно так же как и на Неревском раскопе, западноевропейские находки распространены здесь не повсеместно, а концентрируются лишь на отдельных усадьбах. Одна из них расположена между средневековыми Черницыной и Ярышевой улицами в слоях XIII—XIV вв. (Троицкий IX и X, раскопы 1988—1989 гг.), другая примыкает к Пробойной улице (Троицкий XII раскоп 1995 г.). Вместе с тем массовые категории западного импорта (цветные металлы, янтарь, ткани) встречаются на всех усадьбах без исключения.

К обнаруженным на указанных участках предметам западноевропейского происхождения принадлежат в первую очередь фрагменты рейнских сосудов и поливной керамики. Кроме того, к ним относятся кожаные ножны с растительным орнаментом, аналогичные ножнам с Готского раскопа, бронзовая накладка с изображением зверя, кольцевые фибулы.

В слоях XIV в. найдены писало в виде шильца с костяной рукояткой и три дощечки для письма по воску (в виде записной книжки) (см. рис. 33: 11, 12), имеющие прямые аналогии в материалах Любека и других ганзейских городов. Обнаружены здесь и несколько клепок деревянных чаш, дно деревянного сосуда со знаком ганзейского купца, доска с целиком сохранившимся полем для игры в «мельницу», игральные фишки для игры в кость, хрустальные вставки, стеклянные перстни, одна целая и несколько фрагментов деревянных оправ складных зеркал. Именно здесь были найдены две резные костяные рукоятки ножей западноевропейского происхождения (см. рис. 33: 9, 10).

Примечательно, что так же, как и на двух других раскопах (Славенском и Дубошине), бытовые западноевропейские находки сопровождаются здесь многочисленными и разнообразными свидетельствами литейно-ювелирного производства. В их числе тигли, льячки, литейные формы, а также сырье в виде проволоки, различных пластин, металлического лома.

Топография западноевропейских находок на том или ином раскопе с учетом всех обнаруженных на них древностей позволяет

говорить о социальной принадлежности открытых на этих раскопах усадеб и о возможных связях их владельцев с ганзейским купечеством. Примечательно, что на большинстве перечисленных раскопов западноевропейские находки сопровождаются разнообразными свидетельствами литейно-ювелирного производства. Среди них многочисленные тигли, льячки, литейные формы, сырье в виде проволоки, различных пластин и металлического лома. Особенно показательны в этом отношении Славенский, Дубошин, Троицкий раскопы, где перечисленные материалы встречаются в изобилии.

Усадьбы XIV—XV вв., открытые на Неревском и Нутном раскопах, принадлежали богатейшим боярским семьям из числа посадничьих. На Михайловском раскопе в слоях XIV—XV вв. исследовалась усадьба богатого новгородца, занимавшего высокий пост в администрации Новгородской республики. Очевидно, найденные на этих раскопах индивидуальные западноевропейские предметы являются свидетельствами быта живших здесь бояр.

Что касается усадеб, исследованных на Славенском и Дубошином раскопах, несомненна принадлежность их владельцев к купеческому сословию и связь с ганзейскими купцами. Развитое литейно-ювелирное ремесло на этих усадьбах, зафиксированное разнообразными находками, возможно, непосредственно связано с торговыми занятиями владельцев усадеб. Не исключено, что богатые новгородские купцы, ведущие торговлю с ганзейцами, организовывали на своих усадьбах и сопутствующее ремесленное производство, и прежде всего ювелирное, поскольку сырье для него находилось в их руках.

Социальный характер усадеб Троицкого раскопа, содержащих комплекс западноевропейских предметов, пока не выяснен, поскольку еще не закончен полный анализ всех обнаруженных здесь древностей. Однако нельзя исключать, что владельцами открытых усадеб были богатые новгородские купцы, ведущие активную торговлю с ганзейцами, что подтверждается всем комплексом обнаруженных здесь находок. Несомненно одно: владельцы или жители открытых усадеб были тесно связаны с ганзейскими купцами, покупая или получая от них в дар «заморские» изделия.

Комплексный анализ археологических находок из Новгорода показывает, что массовые предметы западного импорта (цветные металлы, янтарь, ткани) встречаются практически повсеместно. Индивидуальные предметы западноевропейского происхождения обнаруживаются лишь на усадьбах богатых новгородских бояр или на усадьбах купцов, торговавших с ганзейцами.

ГЛАВА VII

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ТОРГОВО- ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НОВГОРОДА С ГАНЗОЙ

Е. Р. Сквайрс

«Ганза — это Новгород», — утверждает видный немецкий историк Клаус Фридланд, один из корифеев в области экономической истории Ганзы и Северной Европы, и поясняет: «Действительно, исторические события в Новгороде, в Киеве, на Руси XII в. и в особенности XIII в. существеннейшим образом предопределили возникновение и развитие Ганзы. Точнее сказать — предпринимательский риск и способность молниеносно реагировать на изменения в экономических условиях в стране-партнере впервые доказали свою оправданность именно во взаимоотношениях Ганзы с Русью». Неожиданное признание ученого с ганзейских берегов указывает на то, какую важную роль, наряду с экономическими и географическими факторами и наряду с техническим превосходством ганзейских судов над их западными конкурентами, играли факторы нематериального порядка, позволившие городам Ганзы завоевать господство в балтийской и североморской торговле и задавать тон в политике Северной Европы. Именно в Новгороде они встретились с теми трудностями, в которых были испытаны и закалены предпринимательский дух, находчивость и неутомимость ганзейцев, которые во многом определили дипломатические успехи Ганзы и обеспечили богатство и могущество ее городам. Здесь, с партнером, равным по силе, выгодным в деловом отношении, но стоящим на иных, часто непонятных, а иногда даже непримиримых мировоззренческих, культурных, религиозных позициях, вырабатывался характер ганзейского купца, в любых условиях умевшего поставить практическую выгоду во главу своих усилий. Не прибыль от торговли мехами и воском, а умение рисковать, быстрота реакции и гибкость во взаимоотношениях с партнером — вот, по мнению историка, главный накопленный ганзейцами в Новгороде капитал.

В течение более чем трехсот лет обеим сторонам удавалось, невзирая на разногласия, конфликты и даже войны, находить общий язык, что было нелегко — и не только в переносном, но и в прямом смысле этого выражения. Несомненно, именно языковой барьер, непосредственно связанный и с правовой практикой, и с религиозными традициями, представлял собой препятствие на пути стабильных и взаимовыгодных торговых отношений. Как же, каким образом (например, усилиями какой из сторон — русской или немецкой) он преодолевался? Располагали ли новгородские власти толмачами, знавшими язык своих ганзейских партнеров, или же переводчики Ганзы владели русским? Существовал ли какой-либо третий язык, на котором обе стороны могли общаться и вести официальные переговоры?

1. Языки средневекового Новгорода

Новгородцы пользовались в своей практической деятельности, к которой относится и торговля, исключительно древнерусским языком (восточнославянским по происхождению, в отличие от языка высокой книжности, т. е. церковнославянского, который не имел значения для внешнеторговых и дипломатических отношений с Ганзой). Он служил как языком официально-делового письма, так и средством письменного и устного общения в частной жизни и в повседневной профессиональной деятельности. Новгород представляет тот счастливый и крайне редкий случай, когда есть письменные свидетельства этого повседневного общения между обычными гражданами. Оно зафиксировано и донесено до наших дней в сотнях берестяных грамот, в которых рядовые горожане рассказывают о своих заботах, выражают свои душевные переживания или решают какие-то насущные вопросы. В этих берестяных письмах хорошо представлен древнерусский язык в том новгородском диалекте, который бытовал в городе и который, очевидно, был очень близок и к устной речи новгородцев.

В городах Ганзы бытовал средневековый нижненемецкий, автохтонный язык северных областей Германии, в эпоху первых контактов используемый в основном в устном общении и лишь начинающий в XIII в. проникать в сферы письменности. Основным же языком в письменных жанрах в это время остается — как и везде в Западной Европе — латинский язык. Поэтому в отношениях ганзейцев с западными иностранными партнерами не существовало языкового барьера: современный им нидерландский был понятен без переводчиков, а в остальных случаях можно было прибегнуть к латыни. В Англии,

к примеру, латинский язык, так же как и в Германии, в XII — начале XIII в. господствует в официальном письме, и значительная часть источников по англо-ганзейским торговым и политическим взаимоотношениям — это латинские тексты.

Очевидно, что в русско-ганзейских связях рассчитывать на латинский язык в качестве языка переговоров не приходилось. Формулой *латинский язык* в новгородских текстах обозначали всех иностранцев, имея при этом в виду не столько само языковое отличие иностранца от «своего», сколько принадлежность его к католической, то есть латиноязычной вере и церкви. Это — конфессиональное — отличие представляло собой гораздо более серьезное и принципиальное препятствие, чем сама по себе языковая проблема. С религиозными представлениями были теснейшим образом связаны правовые нормы и традиции, вплоть до того же языка, на котором должно было оформлять правовые акты, с его юридически неизбежными формулировками и выражениями, в которых упоминаются христианские понятия и религиозные обряды. Латынь символизировала пропасть между православным Новгородом и его западными контрагентами, и вести на ней переговоры, а затем приносить клятву на латинской грамоте, очевидно, было бы для новгородцев немыслимо. Во всяком случае, во всем корпусе новгородско-ганзейских актов нет ни одного латинского юридического документа, составленного русской стороной.

Таким образом, третьего, общего языка не было дано, и в распоряжении партнеров были только их родные языки. Значит, одна из сторон должна была поступиться своими традициями и привычками и взять на себя трудную задачу овладения языком партнера в такой степени, которая была бы достаточна не только для того, чтобы объясняться во время совершения торговых сделок, но и для ведения устных дипломатических переговоров и официальной переписки, а также для составления договорных текстов, которые были бы приемлемы и юридически действительны для обеих сторон.

Нижненемецкий язык Ганзы

Средненижненемецкий язык («средне-» означает хронологические рамки XIII—XVI вв.), распространенный на севере Германии, развился на базе древних языков севера европейского континента. Основной вклад приходился на долю древнесаксонского языка при участии наиболее северной части франкских диалектов (конкретно — нижнефранкского), а также, по всей вероятности, некоторое влияние

оказал соседний с древнесаксонским фризский язык. Древнесаксонский вместе с фризским относятся к той же, ингвеонской ветви западногерманских языков, что и древние диалекты англов, ютов (и, конечно, саксов), переселившихся в V в. в Британию, а потому средненижненемецкий язык генетически стоит ближе к английскому языку, чем к своему южному соседу — знакомому нам немецкому, а точнее — верхненемецкому. (С течением времени, правда, накапливаются различия, и к XIII в. нижненемецкий и английский представляют собой дистантные, то есть сильно различающиеся, языковые системы.) С другой стороны, нижефранкская и ингвеонская составляющие в исходной базе и общие континентальные языковые процессы сближают нижненемецкий с нидерландским. К XIII—XV в. в результате географической и культурной близости у этих двух языков развивается большое сходство в языковом строе и словаре. Немецкий язык средней и южной Германии (верхненемецкий) оказывает некоторое влияние на нижненемецкий, но все же отличия в грамматике, словаре и особенно в фонетике значительны; они сохранились и после того, как в XVII в. нижненемецкий прекратил свое самостоятельное существование и вошел в состав немецкого национального языка на правах группы диалектов.

Средненижненемецкий являлся языком всех городов, входивших в состав Ганзейского союза, даже тех, которые были основаны на территориях других языков. Например, расположенные в балтийской языковой зоне города Ливонии Рига, Ревель (Таллинн), Дерпт (Тарту) и другие были нижненемецкими, как и Данциг (Гданьск) и другие купеческие города земель Немецкого Ордена, хотя вокруг преобладал верхненемецкий, вытеснявший прусский язык местных балтов. Языковое единство северогерманских городов объединяло их и укрепилось еще больше в процессе их постоянного общения, необходимого для управления совместными торговыми предприятиями Ганзы. В языке городских канцелярий, осуществлявших этот постоянный обмен письменными сообщениями и документами, сглаживались диалектные различия и постепенно развилось относительное единообразие. Уже в XIV в. сложился общий региональный язык, преобладавший в письменном употреблении в сфере управления, права, в литературе, церкви, при сохранении диалектов в устном общении, а также в мелких городах и сельской местности.

Таким образом, благодаря объединению ганзейских городов возник первый региональный язык Германии, тогда как на более южных немецких (верхненемецких) землях языковое объединение

территориальных диалектов достигло регионального уровня лишь в XV—XVI вв. Расцвет самой Ганзы в XIV в. и прогресс в развитии литературной формы ее языка ганзейских городов оказываются тесно связанными между собой. Чем больше возрастает сила и влияние городов Ганзы, тем больше утверждается нижненемецкий язык их магистратов и канцелярий как язык права, дипломатии и политики. Центром этого объединительного процесса был город Любек, главный город Ганзы. Но и рост авторитета языка в свою очередь давал ганзейскому купечеству преимущества, которые оно, как мы увидим несколько ниже, сумело использовать для дальнейшего возвышения власти городов.

Ученые-лингвисты употребляют терминологическое обозначение «нижненемецкий язык Ганзы», подчеркивая тем самым ключевую роль Ганзейского союза в истории и судьбе нижненемецкого языка. Однако поскольку внешнеторговая деятельность Ганзы не ограничивалась Германией, а простиралась на всю Северную Европу от Англии и Шотландии до Руси, то расширялась и география распространения ее языка. Так нижненемецкий язык Ганзы достиг статуса международного языка торговли и дипломатии, который он сохранял в XIV—XV в. и утратил с упадком Ганзы, начавшимся в связи с открытием Америки и новых торговых путей. Положение и значение нижненемецкого языка Ганзы для Северной Европы сопоставимо с ролью латыни как международного языка права, науки и религии и — с учетом изменившихся масштабов глобализации — с ролью английского языка в качестве средства международного общения в современном мире.

2. Ранние контакты. Пути слов

В истории языкового знакомства северогерманского купечества с Новгородом большое значение имело то, что немецкие купцы пришли в Новгород буквально «по скандинавским следам», вначале укрепившись на Готланде, а затем начав торговлю и в Новгороде. На этом начальном этапе немцы познакомились с новым языковым окружением через скандинавское посредничество. От этого времени остались следы в средненижненемецком языке: например, устав ганзейской купеческой общины в Новгороде, Петрова подворья, носит скандинавское название *скра*, в нижненемецком *skra*, *schra* или *scraa* от древнескандинавского слова *skra* «высушенная шкура, грамота, свод законов, кодекс». Дело в том, что первая редакция этого устава была написана на Готланде между 1229 и 1250 гг. (ил. 3). В это время город

Висбю на Готланде уже практически двуязычен: в магистрате вместе с готландцами заседают немцы, городское право Висбю существует в параллельных немецкой и скандинавской редакциях. В этих условиях текст первой Новгородской скры для немецкого купеческого подворья на Волхове составляется на нижненемецком языке, но он, естественно, несет в себе следы тесного соседства со скандинавским языковым сообществом Висбю.

Языковое знакомство немецких купцов с Русью начинается через устное общение. Старейший слой местных слов и названий, воспринятых нижненемецким на этой устной стадии, представлен географическими названиями Новгородской земли.

Заимствования новгородской топонимики несут в себе следы древних контактов, в которых участвовали русские, скандинавы, немцы и финское население западных новгородских земель и областей, расположенных на пути в Новгород. В немецкой форме этих слов явственно прослеживаются не только славянские, но и угро-финские черты, указывающие на то, что в этот ранний, еще доганзейский период в русско-немецком контакте участвовали финские диалекты местного населения. Например, название острова Котлин, на котором сегодня стоит город-крепость Кронштадт, встречается в древнешведской форме *Ketlingen*, которую употребляют и немцы в своем старейшем торговом договоре с Новгородом на нижненемецком языке — грамоте Ярослава 1269 г.: *binnin ketlingen van gotlande* «от [острова] Готланд до [острова] Котлин». Это немецко-скандинавское обозначение, так же как и русское название Котлин, происходит от финского *Kattila*. Столь же давно известно немцам и название *Aldagen* «Ладога», воспринятое ими через скандинавскую форму *Aldeigju-borg*, первоначально, как видно из ее второй части *-borg*, относящуюся к укрепленному населенному пункту, а уже затем перенесенную на Ладожское озеро. Этот топоним северо-западной Руси, хорошо знакомый скандинавам и упомянутый даже в исландских сагах, а также русское название *Ладога* возникли независимо друг от друга, но из одного и того же источника: оба происходят от финской формы *aaldokas* или *aallokas*. Это свидетельствует о том, что на ранних этапах своего знакомства с топографией и топонимикой и гидронимикой новгородских земель скандинавы, а вслед за ними и северные немцы встречались с коренным финским населением и его языком. Как и русские, они могли усваивать местные названия непосредственно из финского, но был, как мы видели, и другой путь — через скандинавское посредничество. Еще один пример — нижненемецкое

название реки Ижоры *Engera*, возникшее из сложения *Enger-* и *â-* «вода», которое пришло из финского *Inkeri* через скандинавский. Разумеется, возможен был и путь заимствования через древнерусский язык. Название реки Волхов пришло в нижненемецкий язык в древнерусской форме: источником упоминаемого в ганзейских текстах *Uolkov*, *Wolkow* должно было быть древнерусское обозначение *Волховъ*. Скандинавская же форма *Olkoga*, *Ålhava* объясняется прямым заимствованием из финского *Olhavan-joki*.

Местные географические названия карело-финской зоны, включавшей новгородские земли и Приладожье, были известны скандинавам задолго до прихода немецкого купечества, еще по их ранним связям с Русью и Востоком. Историки полагают, что, например, Ладогу скандинавы узнали за век до Киева и Константинополя. Топонимы на *-gardr* (к которым относится и скандинавское обозначение Новгородской земли *Holmgardr*, позднее перенесенное и на сам город) и название Ладоги *Aldeigjuborg* считаются языковыми свидетельствами древнейших скандинавско-финских контактов, относящихся еще к VIII—IX вв. Когда в XII—XIII вв. начинает развиваться письменная традиция ганзейских городов и создаются ранние письменные источники по истории взаимоотношений Ганзы с Новгородом, эти топонимы и гидронимы, проникшие в западные языки через устное общение, уже занимают в них прочное место. Ганзейские писцы свободно употребляют их в документах, составленных не только на нижненемецком, но и на латинском языке, например в грамоте 1260-х гг.: *inter engeren et aldagen* «[на пути] между Ижорой и Ладогой».

Имена нарицательные могли заимствоваться в различные периоды пребывания немецких купцов в Новгороде. Большинство из них проникало в язык ганзейцев через устное общение, и только некоторые социальные термины являются типичными заимствованиями через сферу официально-делового письма. В ходе культурных, торгово-дипломатических и, конечно, языковых контактов Руси с Северной Германией наблюдаются как нижненемецкие заимствования в русских текстах, так и русские — в нижненемецких текстах. Вторая группа значительно многочисленней, чем первая.

Нижненемецкий заимствовал из древнерусского языка названия мер весов, денег, товаров, титулов официальных лиц или инстанций и некоторых других понятий и реалий, в отношении которых авторы текстов не сочли правильным употребление родного слова или проявляли в этом вопросе колебания. Товары, деньги и меры

веса — это характерные культурные реалии, для которых иностранный язык не располагает собственными обозначениями и поэтому заимствует их из местного языка. Так были заимствованы из русского языка слова, обозначающие русские денежные единицы: *kupе* «куна» (первоначально кунья шкурка, используемая в качестве разменной единицы) и названия денежных единиц *soltnyck*, *zlotnyk* «золотник», *musskowike* «московка» и *rubel* «рубль».

Есть и аналогичные заимствования в обратном направлении: в грамоте Великого Новгорода городу Колывани (Ревелю) 1439 г. с требованием возвращения товара указывается количество зерна в ладах и пундах, то есть в западных мерах и при помощи их немецких обозначений: *14 ласты жита, 3 пунды пшеницы*.

В процессе торговли заимствуются также названия товаров местного ассортимента, например *borahne* «баранья (шкура)», в особенности же — обозначения кож особой, местной обработки. К таким сортам кож относилась юфть, название которой перешло в нижненемецкий как *jufften* и сохранилось в современном немецком языке до сих пор (*Juchten*), и заимствование *apecki* (из древнерусского *опойки*, в форме множественного числа), обозначавшее кожу, выделанную особым образом из телячьей шкуры определенного возраста. меховой ассортимент, столь характерный для торговли

Рис. 39. Торговля мехом. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558.*

с Русью (рис. 39), представлен не только общеизвестными обозначениями ценных пород меха, но и такими специальными терминами, как древнерусские обозначения для сшитых вместе малоценных шкурок *шевница*, *двоинница*, *троинница* в нижненемецких *schevenysse*, *doyennisse*, *troynnisse*.

К этой же группе традиционных заимствований относятся названия предметов, представляющих культурное или техническое своеобразие Руси или Ганзы. Например, обозначение русской ладьи передавалось в нижненемецких документах как *loddige*, а для особого ганзейского товарного судна (по-немецки *Kogge*) было русскими сделано заимствование *коча*.

Названия частей русского дома употреблялись ганзейцами в новгородской общине в отношении их жилища, например немецкие *clete* «помещение в доме, в т. ч. в ганзейском подворье (дворе св. Петра)», *potklet* «цокольное помещение, кладовая» (ср. русск. *клеть*, *подклет*). В сообщении 1442 г. о пожаре ганзейского подворья в Новгороде упоминаются *de senicke unde de dornsze*, то есть «сенник и горница». Заимствованное из древнерусского слово *rogribben* (сравните русское *погреб*) употреблялось, как и в новгородском, для обозначения тюрьмы.

Некоторые явления, в общем не связанные исключительно с Русью, очевидно, воспринимались ганзейцами в контексте русской специфики и поэтому обозначались в немецких текстах русскими (или иными славянскими) заимствованиями. Например, граница всегда называется по-нижненемецки *grenitze*, а рассказывая о своих долгих и трудных переговорах с официальными лицами Новгорода, ганзейцы отчитываются в розданных взятках, называя их то словом *passul* (ср. русское *посул*), то обычным немецким словом *gaue*, *giff*, буквально значащим «дар, подарок».

Чины и титулы должностных лиц и названия инстанций могут обозначаться как заимствованными словами, так и аналогичными терминами своего языка. В этом отношении нижненемецкие тексты обнаруживают колебания, называя новгородского посадника и заимствованным *posadnik*, и немецким соответствием *borchgraf* (в немецком контексте бургграф), тысяцкого — заимствованием *tytzadsek* или же нижненемецким словом *hertog* «военачальник» (позднее «герцог»). В свою очередь и древнерусский язык заимствовал названия западных титулов и чинов, для которых не было соответствия в родном языке, например *ратманиъ* «ратманъ, член магистрата», *кумендерь* «комтур (Ордена)» и *местерь*

«магистр (Ордена)». Встречается обозначение западного епископа словом *пискупъ* (с *пискупомъ* *рискъмъ* «с епископом Рижским»), то есть в форме, заимствованной из нижненемецкого *biskup*. Общехристианский греческий термин (*архи*)*епископ* хорошо известен и в древнерусском: он так же точно употребляется в отношении новгородского владыки в письмах от *архиепископа новгородского*. Очевидно, различая в своих текстах немецкую и древнерусскую форму одного и того же слова, писари намеренно избегают отождествления католического епископа и своего, православного.

Подытоживая краткий обзор лексики, которой обменивались иностранные гости с местными жителями и новгородскими властями, налаживая взаимоотношения и ведя торговлю, можно отметить, что географические названия составляют старейший, еще устный пласт языковых приобретений, которыми нижненемецкий обогащался в соприкосновении с русским и финским населением, причем часто при скандинавском посредничестве. Впоследствии, с появлением официальных документов и других текстов наследие этих первых контактов получает письменную фиксацию. Нарисательные существительные в большинстве своем также, несомненно, проникали в язык через устное знакомство с культурой торгового партнера, однако для некоторых слов типичным путем заимствования является письменный обмен в процессе официального общения. Из приведенных примеров это относится в первую очередь к названиям чинов и титулам, которые являются неременной принадлежностью словаря и стиля казенных документов. Профессиональные канцелярские писари обязаны руководствоваться строгими правилами и предписаниями, и выбор между заимствованием и подходящим словом своего родного языка делался с учетом веских соображений политкорректности. Упомянутые выше колебания не были беспорядочными; совершенно напротив: один переводчик предпочел *posadnik*, *tytzadsek*, тогда как другой, переводя тот же самый договор 1392 г., последовательно придерживался соответствующих немецких терминов *borchgraf* и *hertog*. Соображения при этом были, скорее всего, самые прагматические: первый перевод должен был максимально точно держаться буквы договора, так как предназначался для хранения в магистрате. Другому же переводу предстояло служить «парадным» экземпляром для публичного оглашения в Любеке, и его текст и в других частях обнаруживает черты умелой, не нарушающей общего смысла адаптации к ожиданиям и представлениям общественности ганзейских городов.

3. Письмо в обиходе ганзейцев

И Новгород Великий, и крупные города Ганзы Любек, Гамбург, Магдебург, Росток, Бремен и др. были культурными центрами, где были развиты различные жанры словесности, наблюдалась грамотность в разных слоях горожан, светскими и церковными авторами создавались выдающиеся произведения, а в городских инстанциях работали профессиональные писари и делопроизводители. Однако понятно, что из всего многообразия письменной культуры этих процветающих торговых городов лишь некоторые жанры имели отношение к сфере взаимоотношений ганзейцев с местными властями Новгорода или торговыми партнерами. Именно они и будут представлены далее.

Прежде всего следует вспомнить о редких, но чрезвычайно важных древнейших письменных свидетельствах, которые были обнаружены среди знаменитых новгородских берестяных грамот. Из многих сотен берестяных грамот, найденных в археологических раскопках на территории Новгорода, почти все написаны на древнерусском языке (его новгородском диалекте). В них отражено многообразие письменного общения новгородцев, затрагиваются различные темы и представлены стороны повседневной новгородской жизни. Их авторами являются как мужчины, так и женщины, а их тематика включает и любовные письма, и переписку родителей о женитьбе своих детей, и заговоры от болезней, и деловые распоряжения.

Среди этого многообразия текстов, написанных местными новгородскими жителями на их родном языке и по различным поводам их личной и профессиональной жизни, археологам встретились и две берестяные грамоты, написанные не по-древнерусски и принадлежащие, по всей вероятности, иностранцам. Одна из них (№ 488) обнаружена на месте Готского двора в слое XIV—XV вв. и содержит текст из псалмов Давида на латинском языке, написанный на крышке туеска мелким готическим курсивом (рис. 20). Характер этого курсивного письма тоже указывает на XIV—XV вв. в качестве времени написания. Вторая грамота (№ 753), датированная XI веком, написана латинскими буквами, однако ее текст (впрочем, краткий и с трудом поддающийся интерпретации) предположительно определяется как нижненемецкий (рис. 40). Несмотря на все оговорки и трудности прочтения, обе находки представляют большой интерес, так как свидетельствуют о том, что западные купцы, находившиеся в Новгороде, уже с XI в. пользовались тем же материалом и той же техникой письма,

Рис. 40. Грамота № 753, XI в.

которые были характерны для новгородцев. А это, возможно, означает, что мы наблюдаем в данном случае приобщение ганзейцев к местной привычке пользоваться письмом на бересте в своей частной жизни.

Эти немногочисленные находки — все, что сохранилось от письменных свидетельств, не относящихся к официальной сфере торговли и права. Однако, если их языковая атрибуция и иностранное авторство найдут надежное подтверждение, можно будет утверждать, что в Новгороде западные купцы писали на своих языках уже в XI в., то есть задолго до создания всех ранее известных источников по ганзейско-новгородским связям. Кроме того, в отличие от грамот и других правовых документов, вышедших из-под пера профессиональных писарей, эти письменные свидетельства оставлены частными лицами, находящимися в Новгороде по своим торговым делам, и относятся к их личному обиходу. Подобных частных письменных свидетельств на раннем средненижненемецком языке не осталось не только от других зарубежных представительств Ганзы, но и в самой Германии. Этими уникальными памятниками языка и письма мы обязаны ситуации в Новгороде, где существовала народная бытовая письменная традиция, к тому же использовавшая столь долговечный материал, как бересту.

Языковая ситуация в Новгороде вообще удивительным образом повлияла на нижненемецкий язык ганзейцев, определив один из важнейших моментов его истории. Процитированное в начале этой главы высказывание Клауса Фридланда о судьбоносности для Ганзы ее встречи с Новгородом верно и в отношении ее языка. Дело в том, что благодаря новгородской торговле нижненемецкий язык обогатился наиболее ранними своими письменными памятниками. Тексты на средненижненемецком языке, составленные на Руси или по поводу русских торговых дел Ганзы, относятся к наиболее ранним нижненемецким текстам, появившимся после долгого господства латыни в деловой и правовой сферах. Представим себе хронологию появления первых русско-ганзейских правовых актов:

первая редакция новгородской скры (устава общины ганзейских купцов, живших в ганзейской конторе в Новгороде) относится к середине XIII в. (но не исключено и время вскоре после 1225 г.) и сохранилась в двух списках (Готландском и Любекском) (ил. 3);

вторая редакция того же устава, созданная во второй пол. XIII в., сохранилась в трех списках (Копенгагенская, Рижская и Любекская рукописи);

договор немецких городов и Готланда с новгородским князем Ярославом Ярославичем (нижненемецкий Любекский список), известный в исторической литературе как «грамота Ярослава», относится к 1269 году (ил. 5);

возможно, несколько более поздним является другой список того же договора, в 1761 подаренный любекским синдиком и историком Иоганном Дрейером Академии наук в Петербурге.

Если учесть, что наиболее ранними случаями перехода с латыни на родной язык в самой Германии были «Саксонское зеркало» 1220—24 гг., нижненемецкий текст городского права г. Брауншвейга *Jus Ottonianum* 1227 г. и городского права Любека 1263 г., гамбургский судебник *Ordelbok* 1270 г., и что первая городская грамота на нижненемецком языке составлена в г. Хильдесхайме лишь в 1272 г., и что всего до 1300 г. известно лишь неполных три десятка текстов на нижненемецком языке, то становится ясным, что 6 или, с учетом неточно датированной «второй» грамоты Ярослава, 7 новгородских рукописей на нижненемецком языке занимают в этом кругу весьма заметное и даже почетное место.

Рано сложилась и деловая переписка на нижненемецком языке. Многочисленные грамоты, связанные с отношениями с Русью или циркулирующие между Русью и ганзейскими инстанциями, уже пишутся на нижненемецком языке в то время, когда внутриганзейские документы или протоколы и постановления ганзейских съездов еще сплошь составлены на латыни. Достаточно сравнить грамоту Висбю ганзейским городам о пленении немецких купцов в Пскове 1362 г., написанную на нижненемецком, с постановлением съезда ганзейских городов в Любеке в 1368 г. — на латыни. В 1360-е годы нижненемецкий начинает шире использоваться в ганзейских городских канцеляриях, причем ранее всего в городах на востоке, но при этом все же позднее, чем в русско-ганзейских делах.

В корреспонденции с западными зарубежными конторами Ганза придерживалась латыни еще дольше, чем в сношениях со своими городами. С нидерландскими партнерами Ганза пользуется

латынью до 1380 г., ганзейская контора в норвежском Бергене перешла на нижненемецкий в 1360-е гг.: первая грамота из Бергена была направлена в 1365 г. в Росток, следующие четыре — в Любек. Первая датская (королевская) грамота на нижненемецком языке относится к 1329 г., но следующая лишь к 1350 г. — и это несмотря на то, что в условиях правления Ольденбургской династии датский двор и городская элита были нижненемецкоязычными; городские же грамоты из Дании на нижненемецком имеются лишь начиная с 1459 г. В торговых делах Ганзы с Англией латынь держится вплоть до закрытия Стального двора (подворья ганзейских купцов) в Лондоне королевским декретом 1579 г., первые нижненемецкие грамоты внутриганзейской циркуляции появляются в Англии в 1360—70-х гг., а устав Стального двора в старшей редакции относится к 1320 г.

Таким образом, деловая письменность, связанная с новгородскими делами Ганзы, занимает ведущее положение в процессе перехода канцелярий с латыни на родной язык. Причины такого раннего перехода также можно увидеть в особой культурной ситуации в Новгороде XIII в. Здесь имело значение то обстоятельство, что латынь не могла играть никакой существенной роли в общении ганзейцев с новгородскими партнерами и властями. Более того, Новгород являл своим западным гостям пример того, как родной язык может функционировать и в повседневном устном общении, и на письме, и при составлении документов самого высокого официального ранга. Эти особенности языковой культуры Новгорода не могли пройти мимо внимания немецких гостей, которые, как мы видели, даже перенимали элементы этой культуры в своей частной практике, делая записи на бересте.

Таковы предпосылки, в которых развивается деловая письменность торгово-дипломатических взаимоотношений между купеческими городами Ганзы и Новгородом Великим.

4. Язык как двигатель торговли

Знание русского языка считалось у ганзейцев очень важным и ценным качеством для купца, ведущего торговые дела с Русью, однако его изучение рассматривалось как большое и трудное дело, которое не должно было мешать основной деятельности купца. Поэтому людям старше 20 лет считалось нецелесообразным начинать поприще, связанное с изучением такого сложного языка, как русский. Более того, столь бесперспективное занятие строго воспрещалось уставом ганзейской общины в Новгороде: *Nen lerekindt boven*

twintich jar olt scal leren de sprake in deme Nougardeschen richte noch to Nougarden enbinnen, he se we he si, de in des kormannes rechte wesen wille («Ни один ученик старше 20 лет не должен заниматься изучением языка ни в самом Новгороде, ни в землях, на которые распространяется новгородское право, кто бы он ни был, если он хочет пользоваться правами [ганзейского] купца»).

Овладение русским языком было делом купеческих сыновей, так называемых *sprakelerers*, то есть «изучающих [русский] язык». Немецкие юноши из коренных немецких купеческих семей, причем не только ближних ливонских, а даже крайних западных областей Германии, активно изучали русский язык и помещались с этой целью на жительство в семьи новгородцев. О таких молодых полиглотх магистр Ливонского ордена подробно сообщает Ревелю, что «наш толк (то есть толмач) [с русского языка] по имени Хартлеф Пепперзак добился у новгородского князя освобождения восьми немцев, изучавших в Новгороде русский язык: из них двое из Любека, другой из Гамбурга, третий из Дортмунда, четвертый из Ревеля, остальные из других городов».

Молодые люди, овладевшие русским языком, могли, очевидно, в случае надобности выступать в качестве толмачей или переводчиков, но главная их задача состояла в том, чтобы научиться разговаривать по-русски с новгородцами в быту и в различных ситуациях, связанных с продажей и покупкой товаров. Очевидно, для этих целей у них были учебные пособия-руководства по ведению разговора на русском языке, похожие на сегодняшние разговорники для туристов, в которых дан необходимый в чужой стране языковой минимум: полезная лексика, разговорные фразы, примерные диалоги на различные темы. Известные русско-немецкие разговорники Томаса Шрове 1546 г., Тонниса Фенне 1607 г. и анонимный разговорник 1568 года, как видно из времени их создания, не могли помочь купцам, находившимся со своим товаром в Новгороде в эпоху расцвета Ганзы в XIV—XV вв. Однако анализ их содержания и языка немецкой и русской частей показывает, что, скорее всего, они не были единичными трудами этого типа, а представляли целую традицию, имевшую свою историю и на ранних этапах связанную с Новгородом.

По разговорникам купцы могли научиться вести беседы на повседневные темы, торговаться, обсуждать качество и цену товара, заключать устные сделки.

Из тематики этих разговорников ясна их повседневная необходимость. Поэтому можно предположить, что, хотя для ведения

официальных переговоров и перевода грамот привлекались профессиональные переводчики и толмачи, в какой-то степени с русским языком сталкивались и другие члены общины. Когда в 1406 году имущество новгородской ганзейской конторы передавалось на хранение в Ревель, в его описи значится книга записей на русском языке — *rusch denkebok*.

В деле обучения русскому языку существовали не только возрастные ограничения. Столь же строго заботились и о том, чтобы стратегически важные лингвистические навыки не распространились среди конкурентов. Ганза закрыла нидерландцам, англичанам и другим западным конкурентам не только проезд в восточную Балтику, но и доступ к овладению русским языком. Об этом красноречиво свидетельствуют принятый на съезде 1423 года в Любеке запрет *dat man jennigen Hollandesschen jungen up de sprake bringe* («того, чтобы кто-либо обучил [русскому] языку какого-нибудь голландского юношу») и принятое через 11 лет постановление ганзейского съезда: *Ok en sall man neynes Hollanders, Zeelanders, Campeers, Vlaminghe noch Engelsche jungen doen noch doen helpen up de sprake* («Также нельзя способствовать тому, чтобы молодые голландцы, зеландцы, кампинцы, фламандцы либо англичане овладели [русским] языком»). Целью этих усилий Ганзы было удержание в своих руках связей между Западной Европой и Северной Русью.

Таким образом, ганзейцами делалось все, чтобы информация из Руси могла проходить только через их руки. Главной и сознательно преследуемой целью этой языковой политики был контроль над русской торговлей. Располагая к тому же наиболее совершенными торговыми кораблями, Ганза и в транспортном отношении монополизировала русско-европейские связи. Ее стараниями все контакты происходили на русской почве, попытки же русских купцов снарядить свои караваны на запад решительно ею пресекались. Так произошло, например, в 1567 году, когда русские купцы попытались снарядить в Ревеле корабль в ганзейский порт Висмар.

С другой стороны, и Русь была заинтересована в торговле с Ганзой. Ключевое положение в ней занимал Новгород, который не только собирал необходимый товар из северных русских земель (меха), но держал контроль над товарами, идущими из центральных владимиро-суздальских земель. Так создалось положение, когда с одной стороны Ганза, представлявшая собой разветвленную структуру, охватывавшую свыше 70 городов, за которой стояла западноевропейская торговля, а с другой стороны Новгород, на котором замыкалась

западная торговля больших русских территорий, образовали точку соединения крупных интересов, в которой обе стороны были максимально заинтересованы в установлении взаимопонимания и благоприятного контакта. Язык играл двоякую роль в успехе этих контактов: он был средством установления этого взаимопонимания, но он мог служить и эффективным заслоном против проникновения сюда западноевропейских конкурентов.

Географическая близость к пределам Руси давала Ганзе сильное преимущество, которое она эффективно использовала, перекрыв своим западным соседям путь на Русь. Однако к традиционным мерам борьбы с конкуренцией Ганза сумела добавить необычное новое средство — языковую блокаду. Ганзейское купечество вовремя осознало, что ключом к новгородской торговле сможет завладеть тот, кто захватит монополию на перевод между русской и западной сторонами. Именно этой монополией и завладела Ганза, наладив обучение русскому языку и подготовку переводчиков, а затем взяв на себя обязанность переводить всю русско-ганзейскую корреспонденцию на русский и с русского языка. Новгородцы, не склонные отступать от своих языковых традиций, невольно способствовали тому, что информационный контроль над их западной торговлей ускользнул от них и оказался в руках Ганзы. Таким образом, язык стал одновременно и средством общения, и средством контроля над североευропейской торговлей со стороны немецких городов.

5. Профессиональные переводчики

Западноевропейским соседям Ганзы, не знавшим русского языка, информация о новгородских делах могла стать доступной только через посредничество немецких инстанций, которые полностью сосредоточили в своих руках перевод всех исходящих документов новгородской стороны. При этом Ганза была заинтересована в использовании нижненемецкого (а не латинского) языка, так как переводы рассылались по ганзейским городам, которых касалось их содержание. Кроме того, экземпляры документов общеганзейского значения (протоколы и постановления съездов, тексты двусторонних или многосторонних договоров и др.) хранились в ратуше Любека, а позднее Ревеля. Этот путь от дипломатических переговоров на древнерусском языке до ознакомления граждан немецких городов с содержанием достигнутых соглашений можно проследить по историческим источникам, в которых описывается процесс заключения и составления договоров.

Один из важнейших договоров Новгорода с Ганзой, называемый германской стороной Нибуровым миром — по имени Иоганна Нибура из Любека, возглавлявшего посольство в 1392 г. (ил. 9), — существует в двух параллельных вариантах — русском и нижненемецком. Для сравнения приведем зачин древнерусского и нижненемецкого варианта (в Ревельской рукописи):

Се приѣхъ Иванъ Нибуръ из Люпка посольством... к посаднику Тимофью Юрьевичю...

Hyr is gekomen Iwan Nybur van Lubeke bodewys, to dem podsadniken Timoffe Jurgewitz...

Оригиналом договора был русский текст, экземпляры этой древнерусской грамоты с печатями имелись у обеих сторон: один в Новгороде, а другой в Висбю на Готланде. На одном из немецких переводов, хранившемся в Ревеле, есть запись, проясняющая его происхождение и связь с готландским оригиналом: «Это список с пергаменной копии [=экземпляра], которая писана по-русски, и с нее сделан перевод; на обороте же той пергаменной грамоты стоит запись по-немецки: Русская грамота с печатями хранится у готландских господ» (в оригинале: *Dyt utgeschreven ut eyner pergamenten coppien; unde ys Rusch, dat gesad int Dudesche, unde up de ander syde desses pergamentes breffe steit in der Dudesch geschreven: Dessen Ruschen breff holden de heren van Godlande vorzegeld*).

Таких независимых друг от друга переводов данного договора сохранилось четыре, один из которых, кроме того, полностью приведен в протоколе ганзейского съезда в Дерпте, подводившего итоги посольства. Подобным же образом «тиражировался», очевидно, и русский вариант договора. Экземпляры рассылались ганзейцами в города, которые были участниками переговоров: в Любек, Ревель, возможно, в Ригу. Магистрат Любека хранил свой нижненемецкий экземпляр Нибурова мира вместе со списком русского текста; так же точно обстояло дело и с грамотой 1371—73 гг. (рис. 41).

В переписке ганзейские города нередко извещают друг друга о прибытии договоров, указывая на подлинность оригиналов и на факт их последующего перевода. Например, письмо 1417 года от магистрата города Дерпта городу Ревелю сообщает о приезде новгородских послов с двумя грамотами, одна из которых заверена печатью архиепископа Новгородского (*den enen under des ertzebisscopes ingesegele* «одна за печатью архиепископа»), а другая — городской печатью Новгорода Великого (*den anderen under Grote Nougarden ingesegele* «другая — за печатью Новгорода Великого»). Это указание, несомненно,

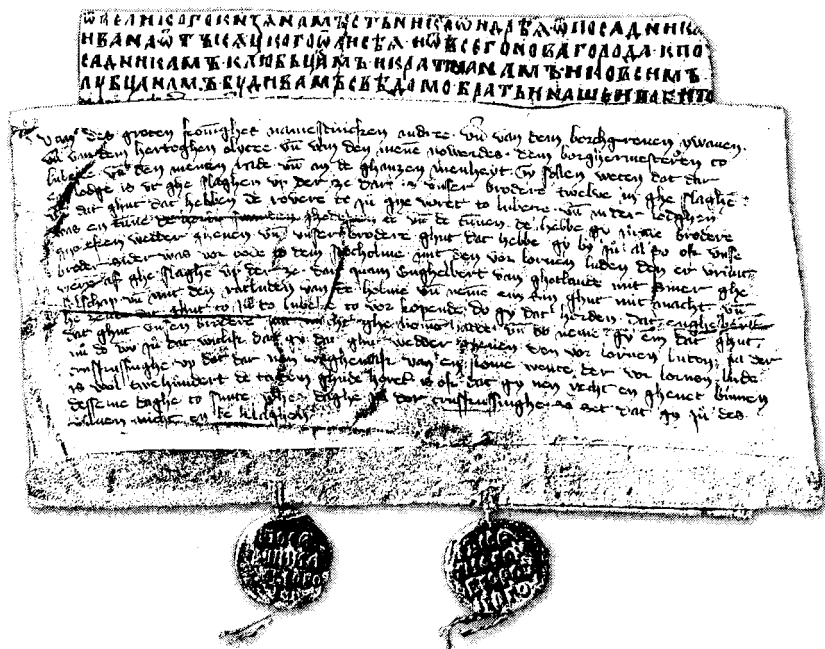

Рис. 41. Грамота Великого Новгорода г. Любеку с требованием возврата пограбленных товаров, 1371—73 г., русский и нижненемецкий тексты вместе. Фотокопия из Любека

означает, что привезены оригинальные русские новгородские грамоты, заверенные печатями, причем только в русскоязычном варианте, так как содержание этих грамот приводится в письме по-нижненемецки после традиционной вводной фразы: «в немецком переводе гласящие от слова до слова как здесь ниже писано» (по-нижненемецки: *up Dusch utgetolket ludende van worde to worden, alse hiir na steid gescreven*). В том же 1417 году совет Дерпта сообщает совету Ревеля о тех же новгородских грамотах в другом письме, в котором повторяются те же фразы, а в конце еще раз указывается, что для города Риги с них были сделаны немецкие переводы: «Эти вышеописанные русские грамоты, переведенные на немецкий, мы отослали в Ригу» (*Desse vorgeschrevene Russche breve, utgetolket in Dusch, hebben wi... na gesant tor Rige*). Иногда с переводом возникали сложности, как в 1415 г., когда произошел казус, описанный в грамоте-письме из Дерпта в Ревель. В Дерпте не оказалось переводчика, знающего русский язык, и город обращается к магистрату Ревеля с просьбой, в том

случае, если Ревель располагает русскоязычным писцом, перевести грамоту и отослать ее дальше по назначению.

С посольствами немецких городов в Новгород посылались собственные переводчики, что видно как из многочисленных упоминаний в посольских отчетах (в грамоте 1436 г.: *Hermen unse tolk* «Герман, наш толмач»), так и из последующих финансовых отчетов. Например, отчет юрьевского посла Томаса Шрове (*Thomas Schroue*) в Москву в 1494 году упоминает среди расходов и жалованье переводчику: *Den tolcke gegeven vor 18 weken lon 13 1/2 марок*, то есть «толмачу выдано за 18 недель жалованья 13 с половиной марок», что в полтора раза больше, чем заплачено за то же время слуге.

Многочисленные письма также переводились силами ганзейской стороны: исходящие из Новгорода — на нижненемецкий язык, проекты ганзейских писем Новгороду — на древнерусский. В письме 1421 г. рассказывается о тяжелых событиях, связанных с пленением немецких купцов в Новгороде и гибелью ганзейского гонца от рук новгородцев. Он был перехвачен новгородцами с письмами купцов на волю, которые новгородцы заставили его перевести (*de breve worden den Nouwarders utgetolket*, то есть «письма были по требованию новгородцев переведены») и прочитать им перевод вслух. Автор письма был свидетелем этого прочтения в суде: «мы же слушали, как переведенное письмо (*E. C.*: т.е. перевод письма) зачитывалось в суде» (*jodoch so horde wi den utgetolkeden bref lesen in deme dinge*). Надо сказать, что чтение переведенной грамоты вслух было обычной формой ее вручения и доведения ее содержания до сведения адресата. Таким же обычным было и зачитывание ответа. О таком эпизоде рассказывает письмо ганзейской общины Новгорода в Дерпт: они описывают сцену ответа на послание, привезенное посольством Ивана Эппеншеде в 1409 году: «На послание был дан ответ в епископском подворье (в епископских палатах) где его (ответ) зачитали в нашем присутствии».

Не только ганзейские инстанции, но и канцелярии Ливонского ордена в своих сношениях с Новгородом должны были сами обеспечивать перевод документов. Письмо магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга Верховному магистру Альбрехту от 22 мая 1515 года наполовину посвящено трудностям перевода в дипломатическом общении с русским двором. Дело в том, что орденскому послу было предписано истребовать у русской стороны ответ на латинском или немецком языке, однако ему удалось получить, «по обычаям их канцелярии», как пишет Плеттенберг, лишь русский

текст ответа. В результате пришлось срочно переводить письмо самим. Далее автор оправдывается в проволочках с передачей грамоты, указывая, что их причиной было то, что «нашего присяжного переводчика не оказалось на месте». Из жалоб магистра Плеттенберга ясно видно, что западная сторона в сношениях с Русью должна была полагаться на своих собственных переводчиков.

В начале XVI века, однако, в Новгороде русская сторона уже могла располагать своими переводчиками, знающими немецкий язык. В отличие от сообщения магистра Плеттенберга 1515 г., Иоган Роде в своем отчете о посольстве в Новгород 1510 г. пишет уже о целом штате переводчиков и писарей при дворе великого князя. Первым послов приветствовал княжий переводчик Власий (*Blasius, des grotforsten tolk*), на следующий день к послам приходил с дарами от князя писарь «в сопровождении четырех переводчиков и многих бояр» (*myt 4 tolken unde etlicken bojaren*). Еще через день, в понедельник, состоялось вручение письменного послания, которое во вторник было переведено под руководством Власия в резиденции посольства, то есть в присутствии немцев: «так что господа послы... лично могли услышать и убедиться, как оно [послание] было переведено» (в оригинале: *dar de heren sendebaden... sulvest mochten horen unde weten, wo idt utgetolket worde*).

На вопрос, когда именно сложилось такое положение, точно ответить трудно. Однако на основании письменных исторических источников можно приблизительно определить время, когда в процесс перевода активно включилась русская сторона. Для этого интересно сопоставить два свидетельства, относящихся к 1436 и 1448 гг.

Посольство 1436 года в Новгород было одним из первых, от которых сохранился полный текст посольского отчета, в котором процедура оформления и перевода договорных документов описывается шаг за шагом. В нем сообщается о том, как писался итоговый документ переговоров: после улаживания последнего нерешенного вопроса, «с большим трудом придя к согласию, мы составили вместе с ними [т.е. с русскими] договор на русском языке, который приводим ниже переведенным на немецкий» (*worde wy id ens myt groten arbeyde, unde ens breves vorrameden samtliken myt ome up Rusch, hirna uthgetolket up Dutzsch*) (далее следует немецкий текст договора). Из этого описания совершенно ясно, что, во-первых, русский текст был первым вариантом договора, так как представители князя в этот же приход еще обсуждали с послами один из спорных пунктов переговоров. Во-вторых, говорится, что этот русский текст обе стороны составляли

вместе в резиденции посольства и, в-третьих, что немецкий перевод делался не только позднее, но, возможно, уже специально для отчета. В следующем параграфе отчета говорится об обмене грамотами, заверенными печатями обеих сторон, и указывается судьба оригинала, полученного немецкой стороной: «Далее: грамота с печатями русских находится в магистрате Дерпта» (*Item de Russen besegelde breff is by deme rade van Darpte*). Два нижненемецких перевода этого договора имелись в Ревеле и Любеке. Здесь уже не говорится о княжеских толмачах или переводчиках; по всей видимости, переводы составлялись одной немецкой стороной.

Однако уже в 1448 г. ситуация иная: направляя к новгородцам посольство, город Любек обращается к архиепископу Новгородскому с просьбой предоставить немецким послам хорошего толмача. Как видим, для ганзейцев уже не только очевидно наличие нужных специалистов в штате владычной канцелярии, но и их высокая квалификация не вызывает сомнений. Для Новгорода 1448 года можно, следовательно, предположить, что перевод двусторонних документов на нижненемецкий делался при участии немецкой стороны и новгородских толмачей и переводчиков. С таким же основанием можно считать для времени, предшествовавшего этому году, типичной ситуацию, когда совместно составлялся русский вариант, а перевод делался только немецкой стороной. Сделанный таким образом перевод обычно хранился в копиях, помимо центральных инстанций в Висбю, Любеке или Ревеле, в других причастных к рассматриваемому делу городах.

Ратушные толки

В одном из приведенных только что примеров есть важное указание на присягу, под которой находился профессиональный переводчик. При наличии переводчика только с одной стороны его роль в переговорах, разумеется, становилась исключительной, и в этом участники переговоров отдавали себе отчет. Однажды присяжный толмач, обвиненный в неточной передаче смысла, был приговорен к смерти, но сумел избежать ее, доказав правильность своего перевода. В 1404 г. произошел случай, когда толмач и переводчик Ганс Дюркоп был предупрежден о том, что если он неточно переведет доверенное ему письмо от магистрата Ревеля городу Новгороду, у него будет под корень вырезан язык. О высоких требованиях к качеству и надежности работы ганзейских лингвистов свидетельствует то, что на подобный риск Дюркоп шел, переводя не с русского, а, напротив,

на русский, то есть чужой ему язык, что справедливо считалось гораздо более сложной работой.

Из всего сказанного выше ясно, что до определенного (довольно позднего) времени перевод между русским и нижненемецким языками делался одной из сторон — немецкой, при помощи ганзейских толмачей и переводчиков. Последние часто бывали из числа эстонцев и ливов, знавших древнерусский язык. Имеется немало документальных свидетельств о таких профессиональных переводчиках — жителях Ливонии, как Иван Эппеншеде, хорошо известный по документам гражданин Юрьева (Дерпта), ревельский переводчик Ганс Дуденбеке, переводчик магистра Ливонского ордена Герман тор Кокен, Ганс Дюркоп из Дерпта и других. А самым первым толмачем, известным по имени, был Клаус Куре (то есть «курляндец»), получивший за свою службу в 1257 г. землю в дарение от архиепископа Курляндского. Уже упоминавшийся Хартлеф Пепперзак служил переводчиком ганзейского подворья в Новгороде, а позднее перешел на службу к магистру Ливонского ордена.

Можно предположить, что не только услуги переводчика, но и уроки русского языка можно было получить в балтийских городах, например в Дерпте. Иван Эппеншеде в 1440 г. отчитывался перед Любеком в получении взысканной с некоего Гереке Хобера суммы, которая была выплачена ему за обучение русскому и эстонскому языкам (*de sprake rusch unde eetensch to lerende*). Вполне вероятно, что на протяжении всего времени присутствия Ганзы в Новгороде существовала значительная доля ливонского населения, знающего, кроме родного языка, также нижненемецкий и русский. С установлением немецкого господства в Ливонии русские купцы не перестали стремиться сюда, и, несмотря на преграды, которые Ганза ставила на их пути в распространении самостоятельной торговли на Запад, некоторое русское присутствие в городах Ливонии оставалось, например русские купцы владели недвижимостью в Риге. Это создавало среду для многоязычия жителей ливонских городов, из числа которых выходили профессиональные толмачи, услугами которых пользовались ганзейцы. С другой стороны, и русские, приезжая в ливонские города, нанимали местных толмачей. Например, когда в 1345 году в Ревель прибыли по делу о наследстве русского купца его товарищи Артемий и Терентий, с ними был местный толк Nicolaus, находящийся на службе у их компании. В случае толмачей-ливонцев, очевидно, речь может идти как о немцах, так и об онемеченных балтах.

Толмачи Петрова подворья

В четвертой редакции Новгородской скры упоминается о том, что во дворе св. Петра имелась отдельная комната для толмача, которую кроме него никто не имел права занимать. В 1361 г. (время написания четвертой скры), следовательно, в штате ганзейской общины был постоянный толмач. В пятой скре 1392 г. для него устанавливается нижний предел жалованья — не менее 8 гривен серебром. Все это говорит о том, что толмач пользовался уважением в общине немецких купцов, находившихся в Новгороде, и его работе придавалось большое значение. В начале XV в., однако, очередного толмача уволили, как не оправдавшего ожиданий, и далее, очевидно, обязанности языкового посредника выполнял приказчик ганзейской конторы. Знание русского языка было необходимой предпосылкой для занятия этой должности. В обязанности приказчика входило общение с местными жителями и с официальными инстанциями, в том числе улаживание постоянно возникавших конфликтов с новгородскими властями. Для этой работы требовалось неплохое владение русским языком. В 1431 г. приказчиком в Новгород был назначен Лаврентий Хёне, до того служивший толмачем Дерптского магистрата. Насколько важной и ответственной считалась работа ганзейского приказчика в Новгороде, видно из того факта, что мотивом нового назначения Хёне служил именно большой накопленный опыт и компетентность, проявленная им на прежней службе. Кроме решения ежедневно возникавших проблем и обращений в различные местные инстанции, приказчик двора был также занят в ганзейско-русских переговорах и различных дипломатических миссиях.

Очевидно, приказчику приходилось заниматься как устным, так и письменным переводом, вникать во все текущие проблемы общины и разбираться в вопросах международного уровня, и он обладал разнообразными знаниями и высокой компетенцией, в том числе и в области языка. Однако перевод ганзейских писем на русский язык в обязанности толмача фактории и тем более приказчика не входил. Эту работу выполняли переводчики ливонских городов — например, упомянутый выше Ганс Дюркоп из Дерпта. Следовательно, в процессе перевода участвовали профессионалы различных профилей, между которыми существовало разделение обязанностей и сфер ответственности. Рассмотрим теперь, с какими типами документов и других письменных источников имели дело ганзейские полиглоты различной квалификации.

6. Жанры русско-ганзейского корпуса текстов

Торговые и дипломатические отношения Новгорода Великого и Ганзы документированы огромным массивом письменных источников, которые, в отличие от берестяных грамот, составлялись профессиональными писцами и оформлялись на пергаменте или бумаге по всем правилам западной и русской дипломатики. Все эти тексты относятся к сфере права и управления, но различаются по своему официальному рангу. Степень и характер языкового влияния, судя по этим письменным текстам, различны и определяются не в последнюю очередь уровнем их функционирования. Другой важный критерий связан с коммуникативными характеристиками текстов, согласно ему они могут подразделяться на двусторонние (русско-ганзейские) и односторонние (внутриганзейские). Первые создавались обеими сторонами вместе, либо составлялись одной из сторон для другой, а вторые — это тексты внутриганзейской циркуляции или немецкие документы внутреннего пользования. Собственные тексты русской стороны, не участвовавшие в ее обмене с немецкой стороной, не имеют отношения к теме языкового взаимодействия в Новгороде и потому здесь не учитываются. Активным «полем» взаимодействия двух языков и двух письменных традиций являются, как и следовало ожидать, двусторонние тексты. Именно в них встречаются разнообразные, интереснейшие, иногда даже курьезные случаи такого русского влияния на стиль и словоупотребление ганзейского писаря. Односторонние тексты сохраняют не все такие «находки» переводчиков, в них совершался отбор тех из них, которые получали постоянный статус в немецкой дипломатике и входили в норму ганзейского официально-делового письма. Иными словами, их проникновение в язык таких односторонних текстов означает, что они признаны в качестве полноправных элементов нижненемецкого «канцелярита», юридически действительных и понятных не только писарям, работающим в Новгороде, но и деловым людям на родине, в городах Ганзы.

Смысл этой классификации станет более ясным, если обратиться к перечислению отдельных типов источников. Подавляющее большинство их составляют юридические тексты высшего официального уровня. К ним относятся несколько групп грамот.

1. Двусторонние политические и торговые договоры.

Сохранилось более 40 текстов договоров (не считая списков) на древнерусском, немецком и латинском языках, которыми регулировались отношения Новгорода с городами Ганзы (см. Приложение).

Начиная же с 1191 г., когда был заключен договор новгородского князя Ярослава Владимировича с немцами и островом Готланд, сохранились многочисленные свидетельства дипломатических соглашений, в том числе грамота Ярослава (князя Ярослава Ярославича) 1269 года (ил. 5), Нибуров мир 1392 г. (ил. 7), перемирие Ивана Грозного с Ливонией 1550 г., заключенное новгородским посадником, и другие.

2. Односторонние документы международного уровня.

Новгородские власти выдавали городам Ганзы охранные грамоты и торговые привилегии, разрешающие и обеспечивающие немецким купцам проезд в Новгород для ведения торговли. Древняя грамота Ярослава по своему содержанию также близка к этому типу документов. Одна из ранних охранных грамот относится к 1301 г., последняя же привилегия для торговли в Новгороде была дана г. Любеку в 1603 г. Борисом Годуновым (ил. 14).

3. Относительно высок официальный ранг юридических текстов повседневного значения, к которым относится русско-немецкая деловая корреспонденция и письменные послания, предваряющие и подготавливающие заключение договоров, переписка по организации посольств в Новгород или позднее в Москву, письма по отдельным конкретным поводам (например, различного рода жалобы, запросы и разъяснения).

Далее следуют односторонние документы, составленные немецкой стороной для немецких же инстанций:

4. Текстами довольно высокого официального уровня являются отчеты посольств ганзейских городов на Русь (например, посольств Иоганна Нибура в Новгород 1371 и в 1392 гг., ганзейского ратушного посольства в 1436 г., миссии Томаса Шрове в 1494 г., посольства Иоганна Роде в Новгород 1510 года, посольство из Любека в Новгород и Москву в 1603 г.). Отчеты составлялись участниками миссии для представления в центральные города Любек, Ревель и прочие, либо на съезд Ганзы. Среди сохранившихся источников имеется 12 таких отчетов.

Посольские отчеты можно дополнительно определить как официальные тексты повествовательного направления. К этой группе могут быть также отнесены отдельные корреспонденции информационного назначения, например грамота 1441 года, рассказывающая о положении дел на русских рынках, письмо ганзейской конторы Новгорода городу Риге 1331 года с подробным рассказом о столкновениях с новгородцами или рапорт 1560 года с показаниями ливонской женщины, арестованной за шпионаж в пользу русских в Ливонской войне.

5. К более высокому уровню относятся такие односторонние (внутриганзейские) тексты, как протоколы и постановления съездов Ганзы, на которых представители ганзейских городов рассматривают общие текущие проблемы и результаты своей деятельности, в том числе связанные с торговлей в Новгороде. На съездах обсуждаются и утверждаются отчеты посольств, и это находит отражение в текстах их протоколов.

6. Одностороннее действие имеют внутриганзейские соглашения по конкретным вопросам новгородской торговли, а также учредительные документы, как, например, устав ганзейского подворья в Новгороде — Новгородская скра.

7. Односторонними текстами более низкого уровня являются документы и послания, направляемые ганзейской стороной в свои же немецкие инстанции. Это — инструкции послам, переписка между городами Ганзы и общиной ганзейцев, находящихся в Новгороде, письма для согласования расходов отдельных городов в организации посольств, сметы и финансовые отчеты посольств и подобное.

Наряду с юридическими текстами ганзейцы в Новгороде, несомненно, имели дело и с чтением иного сорта. В их распоряжении наверняка имелись языковые пособия или русско-нижненемецкие разговорники, которые можно было бы отнести к лингводидактическому жанру. К сожалению, об их характере и содержании можно лишь косвенно судить по более поздним разговорникам Шрове, Фенне и др., относящимся уже к XVI—XVII вв., а также пособиям по другим языкам, например, итальянско-немецкому разговорнику XV в. Однако прямых источников, современных ганзейской эпохе в Новгороде, не сохранилось.

Жанры текстов из разрядов «частные письма», «наука», «религия», «художественная литература» в русско-ганзейском корпусе не представлены. Несомненно, купцы брали с собой Библию и псалтыри, коротали новгородские зимние вечера за чтением художественной и духовно-наставительной литературы. Примерно можно даже очертить предположительный круг чтения общины ганзейского купечества, однако до конца XV в. нет свидетельств ни об одном конкретном произведении или книге, побывавших вместе с купцами в Новгороде.

В 1490-х гг. в Новгород приезжает из Любека известный типограф Бартоломей Готан, первопечатник Магдебурга, уже известный изданием первых печатных книг на территории Швеции и Финляндии

по заказу местных епархий. С ним на Русь прибывают немецкие и латинские книги (в том числе и его собственные издания), необходимые для работы переводческого кружка архиепископа Новгородского Геннадия. Плодами этой деятельности стали переводы Библии и различных произведений церковной, политической и даже художественной литературы с западных — латинского и нижненемецкого — образцов. Этот яркий эпизод русско-немецкого сотрудничества в области словесности и книжного дела связан с инициативой новгородского владыки, однако он не затрагивал сферу торговых взаимоотношений и жизнь немецкой купеческой общины в Новгороде.

Таким образом, примерно до 1500 г. сфера письменного языкового взаимодействия между древнерусским языком Новгорода и нижненемецким языком Ганзы ограничивалась официальными текстами права и дипломатии. Как мы уже видели, первым был решен вопрос о том, на языке какой из сторон будут вестись переговоры и составляться итоговые документы. Русская сторона настаивала на переговорах по русскому обычаю и на своей территории. Насколько принципиальны были для нее вопросы, связанные с языком, видно из того, какой при этом приводился аргумент. Новгородцы утверждали, что если переговоры будут проходить где-либо на чужой территории, то утратит смысл традиционный новгородский договорной зачин «К князю Новгородскому такому-то приехали посольством такие-то и представили следующие положения» — а тогда уже и договор будет не договор.

Пример такого зачина был приведен выше, там же мы могли убедиться в том, что ганзейский переводчик передал его в точности. Учитывая неуступчивость русской стороны, немцы проявляли в этих вопросах готовность к компромиссу и дипломатическую гибкость — но вместе с тем и упорство в преодолении препятствий, связанных с языком. И, как мы видели, не напрасно: это не только обеспечило им деловой успех, но и пошло на пользу их родному языку и даже развитию лингвистической педагогической школы. Прежде чем обратиться к конкретным примерам из грамот, разберемся в том, какую роль различные жанры правовых текстов играют в создании этого особого типа ганзейско-русских грамот.

Договоры составлялись, в соответствии с законом этого жанра, по строго определенному шаблону, с использованием предписанных клише (формул) и оборотов, и потому они не передают нюансов истинных установок и взаимоотношений, предшествовавших их заключению. Однако формулировки этих древнерусских грамот

вырабатывались в ходе переговоров, то есть при участии обеих сторон. Каждое слово и выражение, каждая деталь оформления несли в себе глубокий юридический смысл и должны были удовлетворять обе стороны для того, чтобы договорная грамота могла признаваться ими как имеющая правовую силу. С языковой точки зрения успешно заключенный договор можно без особого преувеличения рассматривать как результат согласования — даже борьбы — различных требований и норм национальных языковых традиций дипломатики. Эта борьба происходила на фоне разногласий и сложностей в реальных взаимоотношениях, иногда — после кровопролитных столкновений, периодов охлаждения и даже полного разрыва торговых и дипломатических связей. Отголоски этих реальных взаимоотношений нашли отражение, несмотря на дипломатическую риторику, в речевом поведении сторон, и их, как мы увидим далее, можно выявить в ходе лингвистического анализа текстов.

Важно и то, что договоры и торговые привилегии обладают длительным сроком действия. Поскольку грамоты обоих типов создают основу взаимоотношений сторон, в последующих письмах, принимаемых конкретных решениях и письменно оформленных соглашениях делаются ссылки на них и цитируются пассажи из их текстов. Значит, договоры — это наиболее тщательно и строго обработанные тексты, имеющие к тому же самый высокий «рейтинг цитирования», что делает их эталонами, оказывающими языковое влияние на все остальные жанры корпуса. Поэтому воспринятые при переводе из договоров русские выражения и прочие особенности перекочевывают в другие жанры.

Письма — это тексты краткосрочного действия, не обладающие столь высоким авторитетом как договоры. Зато они гораздо многочисленней, и в ходе обмена ими русская и немецкая стороны многократно предъявляют друг другу одни те же аргументы, демонстрируя принятые у них образцы формулировок и выражений. В ответных письмах обычно сохраняются формулировки входящей корреспонденции, и это, вместе с цитированием основополагающих документов (договоров), обеспечивает воспроизведение в текстах одной стороны особенностей языка и стиля другой. Следует еще помнить, что описанные выше типы грамот в обязательном порядке переводились ганзейской стороной на нижненемецкий язык, а значит, писари уже имели опыт передачи русских особенностей средствами нижненемецкого языка.

Отчеты посольств и главы постановлений ганзейских съездов не были переводами с русского, однако в том, что касается

юридических формулировок, специфических оборотов и всех дипломатически и политически существенных нюансов, они являются производными от двусторонних текстов, повторяя их речевые особенности.

Многочисленные письма о событиях в Новгороде, циркулирующие между ганзейскими инстанциями, как правило, также сохраняют формулировки, проникшие в словоупотребление немецких писарей через двусторонние тексты. Инструкции для посольств частично состоят из наставлений в речевом этикете, то есть из образцов русских речевых формул, которыми надлежит пользоваться при обращении к новгородским властям.

Завершая обзор письменных жанров, отметим особенности текстов повествовательного типа, в целом не типичные для юридических жанров и потому не затронутые в следующем разделе.

Посольские отчеты существенно отличаются от других групп источников по своему содержанию и по форме. Они представляют собой тексты гораздо большего объема, чем договоры и письма, и составлены в более свободной повествовательной форме. В связи с этим в них гораздо меньше удельный вес канцелярских штампов и клише, чем в текстах других жанров. Однако они все же есть, так как в отчетах дословно передается сказанное на переговорах. Наряду с детальным рассказом обо всех обстоятельствах посольства и ходе переговоров, такие отчеты могут содержать дневник путешествия с описанием дороги, условий ночевки и состояния проезжаемой послами местности и даже исторические справки и пояснения. Вот как описывают свои первые впечатления от приезда в Новгород любекские послы в 1603 г.:

24 числа [июня] рано утором отбыли на кораблях и поплыли со всем имуществом в Великий Новгород, что составляет по воде 5, а по суше 7 миль.

В 3 часа пополудни того же дня прибыли в Великий Новгород, с 24 же по 30 июня с места не двинулись, так как задержаны были с определением нас куда-либо на место или в подворье согласно царской привилегии господином воеводой и дьяком, каковые однако же [за это] извинялись (потому что не получили до той поры письменного приказа его императорского величества на сей счет).

Новгород же город очень древний и расположен в весьма привлекательной местности, через него протекают воды Ловатус или Волхов, внутри [города] имеются многочисленные церкви, по большей части построенные из камня, а башни крыты жесью, одна же башня

церкви Св. Софии — золотом. Вокруг города можно найти много монастырских обителей монахов, либо монахинь, которые, однако, находятся в таком бедном и немощем состоянии, что рваные одежды их едва держатся на коже и рвутся прямо на глазах. При этом следует особо принять во внимание, что Тиран Иван Васильевич в лето [Господне 15]70 с большой военной силой подверг сей добрый город внезапному набегу и приказал несчастных безвинных людей, мужчин и женщин, жестоко побить и казнить (перевод автора. — Е. С.).

Новгородская скра в семи редакциях, составленных между 1225 г. и 1603 г. (рис. 10; ил. 3, 16), является интересным источником, освещающим правила и обычаи жизни ганзейского подворья, разные стороны быта его обитателей.

Каковым образом за стол садиться.

Также желаем, чтобы для трапезы учреждены и поставлены были столы. За первым надлежит сидеть старосте вкупе со своими приказчиками, домоуправителями и писцами, а также старейшим из приезжих мещан и купцов. За вторым следует посадить молодых из приезжих подмастерьев и торговых людей. За третьим стоять слугам и отрокам (VII скра 1603 г., гл. II, 13; перевод Е. Е. Рычаловского).

Далее, кто первым причалит с лодьями к берегу, тот должен быть первым и во дворе если он захочет в нем остановиться (IV скра 1361 г., § 24; перевод И. Э. Клейненберга).

В редакциях Новгородской скры содержится большое количество конкретных сведений о жизни ганзейцев в Новгороде, в связи с чем в ее тексте — особенно в поздних редакциях — находят упоминание многие местные новгородские реалии, а значит, встречаются их нижненемецкие обозначения, заимствованные из древнерусского языка. Например, упоминавшиеся выше названия сортов кожи *borahne* («баранья шкура»), *areski* (из древнерусского *опойки*), *jufften* («юфть») и другие специальные термины, с которыми немцы познакомились, торгуя с новгородцами, встречаются в соответствующих разделах последней, седьмой редакции скры:

О торговле кожей.

Надлежит купцу, который захочет кожи купить, отменное смотрение иметь, чтобы не купить червоточивые, горелые или погнившие; а которые небольшие и вовсе малой величины, те по возможности отбирать и оставлять у русских людей.

Також не надлежит бараньи кожи без досмотра принимать, дабы к ним опойки, сиречь молодых телят кожа, не примешались.

Кто захочет юфть купить, красную или палевую, должен опасаться горелой или лошадиной кожи и отменно смотреть, дабы в убытке не остаться (VII скра, гл. III, 13—15; перевод Е. Е. Рычаловского).

Текст скры с годами дополнялся новыми положениями и нормами, и ее семь редакций отражают этапы развития самих дипломатических и торговых отношений Ганзы с Новгородом. Были, однако, в истории этого важнейшего документа, основополагающего для существования немецкой купеческой общины в Новгороде, и довольно курьезные эпизоды. В документе 1370 г. сообщается, что находящаяся в конторе скра из-за небрежного обращения пришла в ветхое состояние: «Тогда они обнаружили, что целые листы [скры] были вырезаны и во многих местах сделаны записи поверх текста». Далее следовала просьба позаботиться об изготовлении нового экземпляра устава. Следующая, пятая редакция появилась нескоро, лишь с заключением договора в 1392 г. (Нибунова мира). Этот случай, однако, говорит нам о том, что среди рядовых купцов грамотность уже распространилась настолько, что некоторые из них осмеливались даже вносить дополнения и пометы в устав общины. Случалось также, что они пытались самостоятельно писать деловые письма, но поступили жалобы на то, что из ганзейской конторы приходят бумаги, написанные не по форме и нескладным языком. Непрошенной самодетельной инициативе был категорически положен конец, и исключительное право вести переписку было возвращено профессионалам.

7. Нижненемецкая грамота по-новгородски

Помимо овладения русским языком, от ганзейцев потребовались и усвоение конкретных особенностей формулировок русской дипломатики, и точное следование за русским оригиналом в нижненемецких переводах и русскому речевому этикету в письмах новгородской стороне. Скоро нижненемецкий язык обогатился выражениями, перенятыми из древнерусского новгородского официально-делового стиля.

Однако одними лишь словами тут не обошлось. Это можно хорошо показать на примере русской формулы крестоцелования, в котором сплелись религиозные, правовые и языковые различия, разделявшие Новгород и его западных контрагентов. Традиционной и юридически необходимой формой принесения клятвы при заключении важных договоров на Руси был обряд целования креста. При этом

в самом тексте договора, а именно в его заключительной части, был соответствующий пассаж, сообщавший о соблюдении этого обряда:

На томъ Яковъ, да Иванъ из Любка, да Григоръй, да Иванъ из Гоцкого берега хрестъ цѣловаль про тыи товаръ, безъ хитрости.

Ссылка на имевший место обряд целования креста обеими сторонами имеет самостоятельную юридическую силу, являясь словесным отражением обряда, но также и основной формулой заверения договора. В ходе русско-ганзейских контактов немецкая сторона приняла эту юридическую форму свидетельства договора, не только соглашаясь участвовать в православном обряде, но и включая соответствующую формулу в свои (нижненемецкие тексты). Для сравнения с русским договором приведем формулировку немецкого договорного текста, также 1373 года, — из соображений удобства читателя в нашем русском переводе:

Равным же образом и немецкие послы Иоганн Нибур и Иоганн Сварте крест целовали (в оригинале: *hebben dat cruce ghe kusset*) *всему Новгороду за заморское немецкое купечество...*

Эта формула полностью отсутствовала в традиции немецкой дипломатики и не встречается в документах, относящихся к другим территориям деятельности Ганзы, однако она становится типичной формулой заверения в отношениях ганзейцев с новгородцами. Из примерно тридцати нижненемецких договоров 17 содержат в заключительной части древнерусскую формулу крестоцелования, причем в 11-и из них — в качестве единственной формулы заверения, даже без упоминания навешенных обеими сторонами печатей.

Производное от словосочетания «крест целовать» обозначение обряда «крестоцелование» также широко распространилось в немецкой традиции. Древнерусское выражение *по старому хрестному целованию* («в соответствии с обрядом, то есть с принесенной клятвой») передается в ганзейских текстах дословно: *na der olden crucekussinge*. В употреблении ганзейских юристов оно даже приобрело новые значения, которых не было у русского прототипа: в качестве названия самого заверенного договора и договорной грамоты. В следующих примерах эти новые значения ясно прослеживаются:

— в значении «договор»: *ene crutzrkussinge vp vorramet wart* = *договор был согласован*;

— в значении «грамота, содержащая текст договора»: *Nyeburs krutzekussinge unde andere krutzekussinge, de to Wysbu synt* = *крестоцелование [договор] Нибура и другие крестоцелования [договорные грамоты], находящиеся в Висбю*.

Эти языковые процессы отражают преодоление не только стилистических привычек, но и религиозных различий и важных культурных и ментальных установок. Ганзейские купцы и их юристы сочли в данном случае необходимым — и возможным! — поставить превыше всего практические цели достижения благоприятных условий для торговли. При этом ганзейцы не скрывали своей уступчивости от своих соотечественников в немецких городах. Напротив, на их родине, в городах Германии, данные выражения, звучавшие на рыночных площадях при оглашении договоров, стали понятными и не вызывали возражений. Ганзейцы (в отличие, кстати, от инстанций Немецкого Ордена) нигде в своих документах не подчеркивали конфессиональных отличий от своих православных контрагентов. Напротив, признавая большое влияние новгородского архиепископа на светские дела в Новгороде, они уважали его и называли в грамотах «**наш** святой отец» (*unse hilge vader*).

Эти и другие выражения и отдельные обозначения начинают свой путь в немецкие канцелярии через тексты договоров и другие двусторонние типы источников. Однако вскоре они распространились и в документах внутриганзейского употребления, став неременной принадлежностью текстов Ганзы, если в них шла речь о ее делах в Новгороде. К таким выражениям относятся, помимо уже приведённого зачина грамоты «*К нам приехали*», формулы: «*докончат мир с партнером*» (то есть заключить с ним договор), русского челобитья «*нам били челом*» (то есть обращались к нам с просьбой заключить договор) и соответствующее обозначение просьбы «челобитье», формула княжеской охранной грамоты «*ехать на княжесей руке*» (то есть под защитой князя), обозначения русских партнеров как «*весь Великий Новгород*», а себя — выражением «*латинский язык*», формы обращения к русской стороне «*наши братья*», к западной — «*наши любезные соседи*».

8. Языковая археология

Эти заимствованные формулы и обозначения вошли в плоть и кровь речевой практики ганзейских канцеляристов, отличая «новгородские» грамоты Ганзы от всех остальных текстов, созданных ее писцами как в самой Германии, так и в других зарубежных ганзейских конторах. По ним можно с точностью сказать, что тот или иной текст относится к области связей Ганзы с Новгородом, даже по более конкретным деталям, о которых здесь нет возможности рассказать подробно, определить время написания текста или инстанцию,

из которой он происходит. Например, выше вскользь упоминалось, что тексты Ганзы отличались в некоторых отношениях от документов, составленных орденскими инстанциями.

Не во всех случаях, однако, ганзейские писари и юристы были одинаково уступчивы. Некоторые формулы им все же нелегко было принять, даже несмотря на практические соображения и сильную психологическую мотивированность. Например, формула челобитья, благодаря которой ганзейская сторона предстала в тексте как депутация, просившая русского князя о договоре, очевидно, все же не совсем подошла для обмена официальной информацией в ганзейских городах. Во всяком случае она не получила широкого распространения во внутриганзейской переписке. В отдельных случаях удается заметить, что переводчики допускают небольшие вольности в переводе, сглаживая некоторые не вполне политкорректные (то есть не очень лестные для ганзейцев) нюансы древнерусского канцелярского стиля.

Эти особенности языка нижненемецких грамот из Новгорода иногда подсказывают решения научных проблем в тех случаях, когда нет достаточных прямых свидетельств. Например, историков занимал вопрос, чем закончились переговоры Новгорода с немцами и готландцами в 1269 г.: провалом или заключением договора? Исторические факты не давали однозначного ответа, а сам договор увидеть нельзя: оригиналы русских грамот с печатями, очевидно, имелись в Новгороде и в Висбю, но оба не пережили исторических катастроф последних столетий. Сохранился только нижненемецкий перевод этой грамоты Ярослава, принадлежавший магистрату г. Любека (ил. 6). Вот этот-то текст одни ученые считали доказательством успешности переговоров, другие же признавали его только проектом договора или не имеющим юридической силы списком, либо полагали, что текст недописан и отсутствует его конец. Дело в том, что в грамоте ничего не сказано о навешивании печатей, и вообще отсутствует необходимая заключительная часть договора. Теперь же, учитывая особенности речевого поведения ганзейских канцелярских служащих, можно поддержать точку зрения тех, кто считал договор вступившим в силу. Мы видели, что на нижненемецкий переводились только те договоры, которые были по всем правилам заверены и вручены ганзейским послам. Значит, уже сам факт наличия перевода говорит о том, что договор с Ярославом был заключен. Кроме того, многочисленные особенности языка, в том числе и выражения «латинский язык», «на княжей руке» и другие, прямо указывают на древнерусский текст в качестве оригинала этого перевода. Что

касается недостающей формулы о навешивании печатей, то она регулярно опускалась в нижненемецких договорных грамотах Новгорода. Наконец, в 2002 г. удалось привлечь к решению вопроса дополнительный, до сих пор не учтенный источник: еще один, второй нижненемецкий список того же текста! Это еще больше подтвердило версию о том, что грамота Ярослава — законный договор. Очевидно, как и другой известный договор — Нибуров мир, — он после заключения был размножен в нескольких списках. В языке, как в земле, откладываются слои культурного влияния, и иногда в нем удастся раскрыть отпечаток забытых событий или свидетельства утраченных исторических связей.

Резюме

Sprachliche Aspekte der diplomatischen und Handelsbeziehungen Groß Novgorods mit der Hanse

Von Ekaterina Skvairs (Catherine Squires)

Die ältesten sprachlichen Zeugnisse der Kontakte mit der Hanse gehen auf die noch mündliche Phase der Begegnungen in den Spuren der Skandinavier zurück. Onomastik slavischen und finnischen Ursprungs und Entlehnungen im Mittelniederdeutschen durch skandinavische Vermittlung werden dargestellt und philologisch und kulturhistorisch kommentiert. Was die Schriftlichkeit der sich in Novgorod befindlichen Hanseaten anbetrifft, so gehört, unter nur einzelnen Aufschriften auf Birkenrinde, das ganze überlieferte Textkorpus in den Bereich des Rechts und der Verwaltung. Mittelniederdeutsche Urkunden und andere Dokumente, die die diplomatischen und Handelskontakte der Hansestädte (vor allem Lübeck und der baltischen Städte Riga, Reval und Dorpat) mit dem russischen Groß Novgorod belegen, sind zur Analyse des schriftlichen Verkehrs der Novgoroder Machthaber mit den hansischen Handelspartnern herangezogen. Anhand von umfangreichen Textzeugnissen wird gezeigt, daß das Dolmetschen und die Übersetzung in den diplomatischen und wirtschaftlichen Verhandlungen zwischen den Hanseaten und den Novgoroder Fürsten von der deutschen Seite durchgeführt wurde. Die offizielle Schriftsprache der hansischen Städte — die niederdeutsche Hansesprache — muß damit als Hauptinstrument dieser Kontakte angesehen werden. Dies hatte interessante Folgen, indem die Kanzleisprache der Deutschen markante Eigenschaften annahm, die auf die russische kulturelle Situation und auf die altrussische diplomatische Urkundensprache zurückgehen. Nach den Ergebnissen der

Forschung, unterscheiden sich diese, auf den russisch-hansischen Kontext bezogenen, Sprach- und Textmerkmale der niederdeutschen Urkunden chronologisch und geographisch. Diese Unterschiede können als Kriterien für die Atribuierung und Datierung von undatierten (zum Beispiel, von beschädigten) Texten dienen und der Rekonstruktion anderer historischer Umstände helfen, die nicht direkt aus dem Inhalt der Quellen hervorgehen.

NOWGOROD UND HANSE

Резюме*

Nowgorod war durch seine Entstehung an der Kreuzung der wichtigsten Wasserstrassen (der Weg «von den Warägern zu den Griechen» und der Ostsee-Wolga-Weg) von Beginn an in der Einflußsphäre des mittelalterlichen Ostseeraumes.

Prähanseatische Periode

Eine lange Entstehungs- und Entwicklungsperiode der kultur-historischen, politischen und Handelsbeziehungen zwischen Nowgorod und den europäischen Nord- und Weststaaten (Abendland) ging den Verhältnissen zwischen Nowgorod und den Hansestädten voraus.

Die engen kultur-historische und Handelskontakte von Nowgorod im südlichen Ostseeraum, die in der Vergangenheit dieser Regionen wurzeln, sind in den X—XI Jahrhunderten offensichtlich. Zu dieser Zeit waren auch schon Handels- und Politikbeziehungen mit den skandinavischen Ländern vorhanden.

Im X. Jahrhundert wurden die engen Kontakte zwischen Nowgorod und der Insel Gotland aufgenommen, der schon jahrelang ein Handelszentrum in der Ostseeregion war. Die Nowgoroder hatten einen eigenen Hof in Visby, die Kaufleute aus Gotland haben schon im Anfang des XII. Jahrhunderts auch einen eigenen Handelshof in Nowgorod eingerichtet. Dieser Handelshof ist in den Quellen als Gotischer Handelshof mit der Olafskirche bekannt.

In der zweiten Hälfte des XII. Jahrhunderts traten im Ostseehandel die wesentlichen Änderungen ein, die durch die Erscheinung der deutschen Kaufleute im Ostseeraum hervorgerufen wurden.

Die Stadt Lübeck, die direkte Beziehungen zu der Insel aufzunehmen begann, hat in der Jahrhundertmitte eine wichtige Bedeutung im Handel neben der Insel Gotland gewonnen.

* Перевод П. В. Манер. Пользуясь случаем, сердечно благодарю Полину Манер за помощь в работе.

Der Vertrag aus dem Jahre 1163 war für die Festigung der Handelsbeziehungen zwischen Gotland und Lübeck von großem Belang. Die deutschen Kaufleute erhielten dementsprechend eine Reihe von Privilegien unter der Bedingung, daß sie Lübeck besuchen werden. Die deutschen Kaufleute besuchten den gotländischen Markt gern und übersiedelten sogar für den ständigen Wohnsitz in die zentrale Inselstadt Visby, wo sie in den 80-ern Jahren des XII. Jahrhunderts eine eigene Kaufmannsgemeinde gegründet haben (*gilda communis*). Als die deutschen Kaufleute sich auf der Insel Gotland eingerichtet hatten, nahmen sie einen direkten Kontakt mit den alten Handelspartnern, den Gotländern und Nowgorodern auf und begannen kommerziellen Verkehr mit ihnen einzurichten. Es entstand im Jahre 1188 ein Konflikt zwischen den Nowgoroder Kaufleuten und der deutschen Kaufmannsgemeinde auf Gotland, der die gerade angefangenen Handelskontakte unterbrach. Das gegenseitige Interesse für die Handelsfortführung verlangte dennoch eine rasche Beilegung des Konfliktes. Dies kam im Handelsvertrag 1191—1192 im Namen des Fürsten Jaroslav Vladimirovitch, des Posadniks Miroschka, des Tausendführers Jakov, des Nowgoroder Botschafter Arbud, mit den Deutschen und Goten zum Ausdruck.

Als Ergebnis dieser Streitbeilegung 1188 verschafften sich die deutschen Kaufleute das Recht, nach dem Vorbild des gotischen den eigenen Hof in Nowgorod einzurichten, den sie 1192 gegründet haben. Es beginnt eine neue Periode in den westeuropäischen Handelsbeziehungen von Großnowgorod nach dem Abschluß des ersten Handelsvertrages mit den Deutschen und nach dem Bau des deutschen Handelshofs mit der Petruskirche in Nowgorod im Jahre 1192. Um die Jahrhundertswende XII—XIII. J. geht der westeuropäische Handel von Nowgorod in die Hände der deutschen Kaufleute über, die ihn im Ostseeraum monopolisiert haben. Es war zuerst die deutsche Kaufmannsgemeinde, später die deutsche Stadtgemeinde und letztendlich der gesamtstädtische Bund der deutschen Städte, der unter dem Namen Hanse weit bekannt ist. Es dauerte aber noch bis zur Entstehung der Hanse im eigentlichen Sinne.

Über die Hanse

Was war der Hanseverband? Der Begriff ist dem Sinn nach dem Wort «Gilde» ähnlich und bedeutet «Verband», «Bund», «Bündnis». Die behandelte Hanse ist jedoch nur mit Mühe deffiniertbar, weil sie mehrere Aspekte enthält. Die Hanse ist nicht nur eine Handelsvereinigung. Europa war im XIII—XVI J. vom hanseatischen Geist durchgedrungen. Es gab Hansestädte in den verschiedenen Ländern, das Hanserecht war vorhanden,

die Hanseschiffe pflügten durch die Meere, die hanseatische Kaufleute beeinflussten die sozial-politische und kulturelle Entwicklung der Städte. Es fanden regelmässig die hanseatischen Tagungen statt, die nicht nur die Handelsangelegenheiten betrachteten, sondern beschäftigten sich auch mit den rein städtischen Problemen.

Das Jahr 1370 galt längere Zeit als formales Datum der Hanseentstehung, als die vereinigten deutschen Städte einen Sieg über Dänemark errungen und den durch die Unterzeichnung des Stralsundfriedens begingen.

Mehr als 70 deutsche Städte, die den Kern der Hanse bildeten, nahmen an der Unterzeichnung teil. Der Entstehungsprozeß der Hanse in der Form, wie sie im ganzen mittelalterlichen Europa bekannt war, nahm seinen Anfang in der Tat viel früher. Die Historiker von heute sind nicht in der Lage, das genaue Datum der Entstehung des Hansestädtebundes zu nennen.

Als wichtigste Entwicklungsstufe bei der Bildung der gesamtstädtischen Hanse gilt die Herausbildung des Wendischen Städtebundes in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts, dessen Städte (Lübeck, Rostock, Wiesmar, Stralsund, Greifswald) an der südlichen Küste der Ostsee liegen. Lübeck war unter ihnen von großer Bedeutung. Die Stadt hatte eine günstige Lage in der Flußmündung von Trave und war dadurch sowohl mit dem Binnenteil Deutschlands (mit dem inneren Teil Deutschlands) als auch mit der ganzen Küstenlinie verbunden. Dieser Umstand war für die künftige führende Rolle von Lübeck im deutschen Stadtverband vorbestimmend. Im Jahre 1356 erfolgte die erste Hansestadttagung, an deren mehr als 70 Städte aus den verschiedenen Regionen Deutschlands und Livlands teilgenommen haben.

Da die Hanse der Hauptvermittler in den Handelsbeziehungen zwischen den einzelnen Regionen in Zentral-, Ost- und Nordeuropa war, hielt sie im Laufe von XIV—XV. J. alle Fäden des westeuropäischen Handels in der Hand. Seit dem XVI. J. begann die Hanse die Konkurrenz von der Seite der sich schnell entwickelnden Niederlanden zu spüren und bald verlor sie die Bedeutung des Monopolvermittlers im Ostseehandel.

Geschichte und Charakter der Beziehungen zwischen Nowgorod und Hanse.

Nowgorod war immer einer der wichtigsten Handelspartner der Hanse. Die Hanseater kauften in Nowgorod die in dem ganzen mittelalterlichen Europa bekannten Pelze, aus Nowgorod wurden Wachs, Honig und andere Waren exportiert. Nowgorod importierte seinerseits die westeuropäischen Stoffe, Salz, Buntmetalle, Bernstein, Hering, Wein und andere Waren.

Die Beziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse sind ausgezeichnet von den verschiedensten Schriftquellen dokumentiert. Diese Schriftquellen enthalten Handelsverträge (19 Exemplare) und Handelsurkunden (33 Exemplare) aus dem Ende des XII. — der zweiten Hälfte des XV. Jahrhunderts, die zahlreichen hanseatischen Dokumente des XIV—XV. Jahrhunderts, unter denen sich der Schriftverkehr des Hansekontors, Tagungsbeschlüsse, Handels — und Zollbücher der deutschen Städte befinden.

Eine ganz besondere Stelle unter diesen Quellen hat die s.g. Schra — das Statut des deutschen Handelshofes in Nowgorod. Sie reglementierte auf die ausführlichste Weise den Aufenthalt der hanseatischen Kaufleute in den Höfen, enthielt die Verordnungen über die Handelsregeln für die verschiedenartigen Waren, schrieb die Ordnung des Handels mit den Russen vor. Die erste Fassung von Schra erblickte das Licht der Welt noch in dem zweiten Viertel des XII. Jahrhunderts und bestand nur aus 9 Paragraphen. Deren Inhalt änderte sich im Laufe der Zeit in Zusammenhang mit den vollzogenen Änderungen in den Beziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse.

Als Resultat der aktiven Handelspolitik von Lübeck räumte die in Visby (Gotland) existierende deutsche Kaufmannsgemeinde ihre Einwirkung und die Rolle des Vermittlers im Ostseehandel am Ende des XIII. Jahrhunderts der Stadtgemeinde der deutschen Kaufleute ein. In der Zeit entstand eine neue Fassung von Schra, die als Ziel hatte, die bestehende Ordnung gesetzlich festzulegen.

Der Anfang des XIV. Jahrhunderts ist durch die aktive Tätigkeit der deutschen Kaufleute geprägt, die die Sicherheit der Handelsreisen nach Nowgorod gewährleisteten.

Im Jahre 1301 garantierte Nowgorod den deutschen Kaufleuten, durch die Botschafter aus Lübeck, Gotland und Riga vertretend, drei Landwege und einen Wasserweg, auf den Flüssen. Das ist der erste Fall, dass Riga als Vertreter der livländischen Städte gleichberechtigt neben den früheren Partnern von Nowgorod genannt wurde.

Obwohl das gegenseitige Interesse immer da war, wurde der Handel zwischen Nowgorod und der Hanse mehrmals durch verschiedene Konflikte unterbrochen, deren Hauptgründe Nichtbeachtung der Handelsregeln, Unzufriedenheit mit den Bedingungen des Warenaustausches, Raubüberfälle auf die Kaufleute oder die Zusammenstöße zwischen den ausländischen Kaufleuten und den Bewohnern von Nowgorod waren. Die Handelsbeziehungen konnten darüber hinaus wegen der bewaffneten Zusammenstöße zwischen Nowgorod und seinen Nachbarn vollkommen gestoppt werden.

Aus unterschiedlichen Gründen gab in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts (1331 und 1338) besonders scharfe Konflikte zwischen Nowgorodern und den hanseatischen Kaufleuten.

Das Wesentliche im ersten Konflikt war der Zusammenstoß der deutschen Kaufleute mit den Nowgorodern, wo ein Nowgoroder ermordet wurde. Die Untersuchung dieser Angelegenheit dauerte einige Tage. Eines Tages während dieser Untersuchung griffen die Nowgoroder den deutschen Handelshof an, vernichteten ein Teil des Zaunes und brachen die Speicher auf. Die Nowgoroder forderten eine Satisfaktion nicht nur für den in der Schlägerei ermordeten Nowgoroder, sondern auch für den früher in Derpt (Dorpat) getöteten nowgoroder Kaufmann Ivan Syp. Die Deutschen antworteten darauf, sie haben damit nichts zu tun, weil sie aus den Seestädten und nicht aus den livländischen Städten gekommen seien.

Der nächste Konflikt entbrannte 7 Jahre später. Die Beraubung und die Ermordung des nowgoroder Kaufmann Volos mit den Kameraden bei Narva haben diesen Streit ins Leben gerufen. Als Antwort sperrten die Nowgoroder die in Nowgorod verbliebenen deutschen Kaufleute in die Kirche und verlangten die Herausgabe der Mörder und der Beute. Obwohl die verhafteten deutschen Kaufleute nichts mit dem Mord und Raubüberfall zu tun hatten, waren sie gezwungen, sich unter tödlicher Bedrohung den Nowgorodern unterzuordnen und als Pfand die gestohlene Warenmenge herauszugeben.

Beide Konflikte, die als Grund verschiedene Anlässe hatten, wurden letztendlich beigelegt. Ihre tatsächlichen Gründe jedoch — die Nichtbefolgung der festgelegten Handelsregeln — wurden im Handel zwischen Novgorod und Hanse nie überwunden. Folgende Regeln wurden noch in dem ersten Handelsvertrag in Betracht gezogen und später mehrmals wiederholt, aber nie eingehalten: Ansprüche nur gegen die unmittelbaren Schuldigen erheben, der Kläger soll nur mit dem Beklagten in Verbindung stehen, Gerichtsbarkeit ist immer an den Orten wo der Streit entstanden ist.

Im Jahre 1356 hat eine Vereinigungstagung stattgefunden. Die deutschen Städte begannen danach, sich unmittelbar mit den Angelegenheiten ihrer Kontore im Ausland in Brügge, Nowgorod, London zu beschäftigen. Dabei wurden die kaufmännische Selbstständigkeit und Unabhängigkeit in den Fragen der Rechtsordnung in den Handelshöfen herausgestellt. In diesem Zusammenhang haben die Städte verschiedene Beschlüsse über die Hofunterhaltung, Hofordnung und über die Regeln der Handelsführung gefasst. Seitdem wurden alle Angelegenheiten des nowgoroder Kontors auf den hanseatischen und später livländischen Tagungen erörtert.

Auf der Tagung der Hansestädte, die in Lübeck 1366 stattfand, wurden zahlreiche Beschlüsse anlässlich der Kontore in Nowgorod und Brügge befasst, und an die sich dort befindenden Kaufleuten wurden die verschiedenartigsten Vorschriften verschickt. Den Kern bildeten das Verbot des Handels auf Kredit und die Anweisungen für die Wahl der Gemeindevorsteher. Außerdem wurde der Kaufmannskreis, der das Recht auf den Handelshof des Hl. Petrus in Nowgorod hatte, nur auf die Bürger der Hansestädte eingeschränkt.

Die zweite Hälfte des XIV. Jahrhunderts ist reich an hanseatischen Verboten über den Handel mit Nowgorod: die Konflikte zwischen den Nowgorodern und den hanseatischen Kaufleuten folgten insbesondere in den 70-ern Jahren. Der Meister des livländischen Ordens wand sich 1368 an Lübeck und an andere Küstenstädte mit dem Vorschlag, die Handelsreisen nach Nowgorod zu unterlassen (wegen des feindlichen Verhältnisses von Nowgorod zu Orden und zur katholischen Kirche). Lübeck war damit einverstanden. Die Kaufleute der livländischen Städte setzten den Handel mit den Russen in Vyborg, Narva und an der Newa (Fluss) fort, was den Anstoß in Lübeck erregte. Lübeck hat sich beim Ordensmeister darüber beschwert. Seither werden die Meinungsverschiedenheiten und Widersprüche zwischen den livländischen Städten und Lübeck immer prägnanter, weil deren Interessen im Handel mit Nowgorod nicht immer übereinstimmten. Die Beziehungen zwischen Nowgorod und Lübeck haben sich in dieser Zeit auch wegen eines Seeräubersüberfalls auf nowgoroder Kaufleute 1370 verschlechtert. Die Seeräuber haben die Waren der Nowgoroder nach Lübeck geschickt. Ungeachtet des 1371 abgeschlossenen Waffenstillstandes wurden die nach Nowgorod zurückgekehrten deutschen Kaufleute wieder unterdrückt.

Als Antwort auf die Verhaftung der nowgoroder Kaufleute in Derpt und auf die Beschlagnahme ihrer Ware wurden im Juli 1375 die deutschen Kaufleute, die im Moment in Nowgorod waren, in Haft genommen. Sie berichteten darüber in einem Brief nach Revel. Die nowgoroder Botschaft nach Derpt blieb ohne Erfolg: die nowgoroder Kaufleute und ihre Ware wurden nicht zurückgegeben, was seinerseits zu einer Verschlechterung der Lage der deutschen Kaufleute in Nowgorod geführt hat. Darüber hinaus wurde in Nowgorod im November 1375 mit der Zustimmung des Posadniks und Tausendführer ein gewisser Johann Brunswick verhaftet, der mit dem Winterzug nach Nowgorod gekommen war, um zu handeln, und der keine Ahnung von diesen Geschehnissen hatte. Seine Ware wurde in die Johannes -Vorläuferskirche übertragen und er selber wurde als Verbrecher behandelt. Die deutschen Kaufleute wandten sich mit der Klage

an den nowgoroder Erzbischof, der sein Bedauern über das Geschehene aussprach und seinen Boten den Deutschen lieb, damit sie sich bei Posadnik beschweren konnten. Sie haben die folgende Antwort bekommen: da der Bischof und der Stadtrat von Derpt die nowgoroder Kaufleute verhaftet und ihre Ware beschlagnahmt haben, ohne irgendwelche Gründe dazu zu haben, initiierten sie damit einen Konflikt und provozierten das Gegenhandeln der Nowgoroder. Die Nowgoroder versprachen bei der wohlbehaltenen Rückkehr ihrer Brüder mit den Waren aus Derpt, den verhafteten Brunswick freizulassen und ihm seine Ware zurückzugeben. Dieser Konflikt wurde im Mai 1376 beigelegt: der nowgoroder Kaufmann in Derpt wurde befreit und zusammen mit den Botschaftern nach Nowgorod geschickt.

Der beschriebene Fall ist ein konkretes und zugleich wohl ein typisches Beispiel aus der Praxis der nowgorod-hanseatischen Beziehungen. Es ist darauf hinzuweisen, daß es ausschliesslich livländische Städte waren, die sich dabei mit der Besprechung und der Beilegung des entstandenen Konfliktes beschäftigten. Das zeigt ihre wachsende Rolle im nowgoroder Handel und bei der Leitung des hanseatischen Kontors in Nowgorod.

Die nächste Auseinandersetzung zwischen den deutschen und den Nowgoroder Kaufleuten war im Jahre 1377, die schon wieder zu gegenseitigen Beschlagnahmungen und Verhaftungen geführt hatte. Die Beziehungen zwischen den hanseatischen Kaufleuten und den Nowgorodern blieben in den 80-ern Jahren des XIV. Jahrhunderts angespannt. Es folgten Verhaftungen der Kaufleute beider Seiten. Die Tagung der livländischen Städte in Wolmar hat im Januar 1385 die Reisen nach Nowgorod vollkommen verboten. Der Handelskrieg zwischen Nowgorod und Hanse stellte sich von da ab einige Jahre nicht ein. Der Grund dazu waren nicht nur die Verhaftungen der Kaufleute und die Beschlagnahmung der Ware, sondern auch die gegenseitige Unzufriedenheit mit den Handelsbedingungen. Die Nowgoroder klagten z.B. darüber, sie sollten wegen der Weigerung der deutschen Kaufleute, einige Pelzsorten zu kaufen Schaden erleiden. In der gleichen Zeit haben die Nowgoroder die Ansprüche gegenüber den Deutschen geltend gemacht, was die Salzpreise betraf. Die Hansekaufleute forderten seinerseits die Einhaltung der früheren Handelsprivilegien. Die Hansestädte erörterten die Frage über die Reisen nach Nowgorod an der Tagung in Lübeck im Juli 1386 und haben einen Vorschlag gemacht, den ganzen Handel mit den Russen nach Derpt zu verlagern und den Handel mit ihnen in keinem anderen Ort zu fortzuführen. Dieser Vorschlag hat aber keinen Widerklang gefunden. Es wurde aber an der Tagung in Derpt 1389 beschlossen, die Reisen nach Russland mit unter der Bedrohung des

Lebens- und des Warenverlustes zu verbieten. Die Kaufleute aller Städte sollten davon benachrichtigt werden. Um allem die Krone aufzusetzen brach im Jahre 1385 ein großes Feuer aus, infolge dessen die ganze «Handelsseite» (Handelsviertel in Nowgorod) nieder brannte. Die gotländischen und deutschen Höfe wurden nicht nur vom Brand geschädigt, sie wurden auch geplündert. Erst im Jahre 1391 fanden Verhandlungen zwischen den Nowgorodern und den deutschen Botschaftern in Izborsk statt, die mit einem Friedensschluss 1392 endeten. Dieses Dokument ist unter dem Namen Niebursfrieden (oder Kreuzküssung Nieburs) in die Geschichte eingegangen. Johannes Niebur war der hanseatische Botschafter, der den Vertrag in im Namen der Hanse geschlossen hat.

Nach der Friedensunterzeichnung haben sich die deutschen Botschafter auf den Weg nach Nowgorod gemacht. Die Chronik berichtet folgenderweise darüber: «Sie haben ihre Waren zurückbekommen, das Kreuz geküßt und sie begannen, ihre Höfe neu aufzubauen: weil es seit 7 Jahren keinen dauerhaften Frieden gab».

Neben der Belegung der konkreten Handelsverletzungen setzte der Niebursfrieden die traditionellen, von früheren Abkommen bekannte Ordnung der Konfliktsituationslösung fest: Der Kläger soll mit dem Beklagten kommunizieren, die zwischen den Konfliktparteien entstehenden Prozesse sollen am Entstehungsort verhandelt werden usw. Was den Brand 1385 und die dabei entstandene Plünderung der deutschen Waren betraf, verpflichteten sich die Nowgoroder Ermittlungen anzustellen. Der Niebursfrieden hat für mehrere Jahre den Handelscharakter geprägt und galt als Grundlage bei der Beilegung der späteren Konflikte zwischen den nowgoroder und hanseatischen Kaufleuten.

Der Niebursfrieden wurde zu einem Wendepunkt in den nowgoroder-hanseatischen Handelsbeziehungen, die seither vollkommen von den livländischen Städten geregelt wurden.

Alle Handelsabkommen zwischen der Hanse und Nowgorod, die im XV. Jahrhundert stattfanden, wurden nur von den Botschaftern der livländischen Städte ohne Teilnahme der Botschafter aus Lübeck und Visby abgeschlossen. Wie es noch im XIV. Jahrhundert üblich wurde, wandten sich die deutschen Kaufleute mit allen wesentlichen und dringenden Fragen (Konflikten mit den Nowgorodern, Finanzprobleme, Angelegenheiten, die mit dem Wiederaufbau der Höfe zu tun hatten) an Revel und Derpt.

Das erste Jahrzehnt des XV. Jahrhunderts war für den hanseatischen Handel in Nowgorod schwer. Die Anzahl der Kaufleute, die nach Nowgorod reisten, war merklich geringer; die Kasse der Petruskirche wurde leer. Als Folge konnten die Kaufleute sogar die für den Hof nötigen

Gegenstände nicht kaufen und waren gezwungen, die Dienste von den anderen Kaufleuten in Anspruch zu nehmen. In der gleichen Zeit begannen auch die neuen Konflikte zwischen Nowgorod und der Hanse. Charakteristisch für die Beziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse im XV. J. war die aktivere Position Nowgorods. Die Spiegelung davon ist in den Forderungen zu sehen, den Salz-, Honig- und Stoffhandel in Ordnung zu bringen. Den gleichen Beweis der gestiegenen Rolle von Nowgorods geben auch die Forderungen der Lohnbedingungen für Träger und Fährleute; des Kleinhandels und hauptsächlich die Forderung «des freien Weges über das Meer». Das ganze XV. Jahrhundert wurde von den unaufhörlichen Konflikten zwischen Hanse und Novgorod geprägt, die 1403, 1406—1409, 1410—12, 1416, 1420—21, 1424—25, 1439—40, 1441, 1443, 1448, 1468, 1478 stattfanden.

Die stabilen Beziehungen zwischen den Partnern waren entstanden erst ein Jahrzehnt nach dem Abschluß des Niebursfriedens. Nach der Klage des Nowgoroders Ivan Kotscherin haben die Nowgoroder im Dezember 1403 den deutschen Kaufleuten die Ausreise aus Nowgorod verboten. Die Handelsbeziehungen wurden 1406 besonders kompliziert, als der Krieg Litauens und dem deutschen Orden gegen Pleskau ausgebrochen war. Obwohl die Nowgoroder den Hansekaufleuten versprochen hatten, den «freien Weg» in ihre Gebieten zu gewährleisten, wurden die deutschen Kaufleute im Frühling 1406 in Nowgorod wieder verhaftet. Die Instabile Lage der deutschen Kaufleute in Nowgorod dauerte einige Jahre, und erst im August 1409 wurden die Beziehungen besser, als eine Vertragsurkunde über eine gegenseitige Rückgabe aller eroberten Waren unterzeichnet wurde.

In der Zwischenzeit wuchs in Nowgorod ständig die Unzufriedenheit mit den Handelsbedingungen, die durch das im August 1409 abgeschlossenen Abkommen nicht liquidiert worden sind. Deshalb verschärften die Nowgoroder nicht nur die Handelsregel, sondern trieben Anfang 1410 4 Wochen überhaupt keinen Handel. Als Folge dessen sammelte sich eine große Warenmenge in den Höfen der deutschen Kaufleute und die Petruskirche war voll davon. Die Nowgoroder hofften, die Ankunft der Sommerhändler werde die Hanseaten dazu zwingen, zurückzustecken und die Forderungen der Nowgoroder zu akzeptieren. Nowgorod versuchte die Hanse auf verschiedenste Art und Weise zu beeinflussen. Dabei wurden die Ansprüche bezüglich der Handelsangelegenheiten und der Organisation und des funktionieren des Hansekontors angehoben. Die Sache ist die, daß der Handelshofkommiss kein Recht hatte, Handel zu treiben. Um die Kosten zu ersetzen, wurde es ihm doch erlaubt, ein Wirtshaus im Hof zu

haben. Die Einnahmen vom Wirtshausgeschäft durfte er behalten. In der beschriebenen Periode verlangten die Nowgoroder, die Schließung des Wirtshauses, das ihrer Meinung nach Unruhen verursachte, weil auch die Russen das Lokal gerne besuchten.

Es kam im Jahre 1416 zu einem weiteren Bruch der guten Verhältnisse zwischen der Hanse und Nowgorod, infolge dessen zuerst die livländischen und später auch alle Hansestädte ein Verbot erklärten, mit Nowgorod Handel zu treiben. Nowgorod hat seinerseits den Nowgorodern verboten, nach Polozk und Pleskau zu reisen, wo sie die deutschen Kaufleute treffen konnten.

Hervorstechend in diesem Konflikt war die Tatsache, dass die livländischen Städte selbstständig, ohne Lübeck etwas mitzuteilen, eine Handelsblockade erklärten. Die Tatsache unterstreicht Vormachtstellung in dieser Periode im Handel zwischen der Hanse und Nowgorod. Bei der Beilegung des Konfliktes waren auch ausschließlich die livländischen Städte tätig. 1417 haben gerade die Botschafter aus Revel den nächsten Friedensvertrag auch ohne Sanktionen der Hanse unterzeichnet. Die Handelsbeziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse wurden also wiederhergestellt und das Leben des deutschen Handelshofes wurde neu belebt.

Die 30-er Jahre des XV. Jahrhunderts wurden zum Wendepunkt in der Geschichte des nowgorod-hanseatischen Handels. Als Folge der erhöhten Konkurrenz von Seiten der rasant wachsenden Niederlanden lässt in dieser Zeit die Rolle der Hanse im gemeinen Ostseehandel nach. Das widerspiegelte der Zustand des Hansekontors in Nowgorod. Da der Mittelpunkt des nowgorod-hanseatischen Handels zu dieser Zeit in die livländischen Städte verlagert wurde, verringerte sich bemerkbar die Anzahl der Kaufleute, die nach Nowgorod kamen. In diesem Zusammenhang wurde die früher festgelegte Wahlordnung der Gemeindevorsteher und deren Helfer oft verletzt und das Kontor blieb ohne Führung. Dies alles zwang die livländischen Städte, die im Grunde genommen die einzelne Kontorsleiter waren, neue Ämter im Petrushof zu schaffen. Aus Mangel an den traditionellen gewählten Gemeindevorstehern sollten sie ihre Funktionen ausüben. Als ein neues Amt wurde «Vorstehender» genannt, der für die Befolgung von Schra, für die rechtzeitige Steuer- und Bußzahlung sorgte, die Strafen bestimmte, d.h. die Gerichtsmacht im Handelshof ausübte.

Der Niedergang des Kontors zeitigte sich im Äußeren in den Hofordnungsverletzungen von den einzelnen, besonders jungen, Kaufleuten. Die Beschlüsse von Schra wurden vernachlässigt, was durch den Mangel an einer festen Macht zu erklären ist. Die jungen Männer, die dort den Handel erlernten, hielten sich am Handelshof länger auf als die festgesetzte

Frist es zuließ. Sie verkauften Wein und Bier in den Fässern und in Eimern und trieben Glückspiel, was laut Handelshofverordnungen verboten war.

Die Lage der deutschen Handelsleute in Nowgorod verschlechterte sich mit jedem Jahr. Bei der Errichtung der neuen Pforte am gotländischen Hof brach ein scharfer Streit 1439 zwischen den Kaufleuten und den Straßenältesten (Gemeindevorstehern) der Michailovskaja Straße, der bildreich in einem Bericht der Kaufleute nach Derpt und Revel beschrieben wurde. Es ging um die deutsche Aneignung des Straßenterritoriums während des Pfortebaus. In der Tat war die Fläche des vereinnahmten Grundstückes winzig, ja nur Handfläche. Bei der Errichtung des Pfortepfostens gingen die neuen Pfeiler nicht in das alte Loch, deshalb war es notwendig, das Holzpflaster an der Michajlovskaja Straße ein bisschen zu behauen. Das hat die stark negative Reaktion der Nowgoroder hervorgerufen, die den Posadnik und Tausendführer für die Hilfe angerufen haben. Es ging natürlich nicht um die Größe des eingenommenen Territoriums, sondern ums Prinzip. Die Verhältnisse mit den deutschen Kaufleuten wurden in diesen Jahren ständig von der gegenseitigen Beschlagnahme und von den Verhaftungen der Kaufleute; von den Vorwürfen, die Waren seien minderwertig begleitet. Die Nowgoroder wollten auf keinen Fall den Deutschen nachgeben und dies zeigte sich in jeder Kleinigkeit.

Die bedeutenden Änderungen, die im Handel zwischen Hanse und Nowgorod in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts stattfanden haben, verlangten die Änderung des existierenden Statutes des Handelshofes. Die Frage der neuen Schrafassung wurde an einigen livländischen Tagungen, anfangend im Jahre 1450, betrachtet. Als die livländischen Städte die offizielle Verwaltungsmacht im nowgoroder Kontor bekamen, strebten sie offensichtlich danach, es juristisch in einer neuen Schrafassungen zu fixieren. Die in Pernau 1465 stattgefundene Tagung hat die Entscheidung getroffen, die neue Fassung von Schra vorzubereiten. Die Quellen berichten, Derpt, Revel, Lübeck und die anderen 73 Städte haben schon im Jahre 1466 zusammen mit den Kaufleuten eine neue Schra für den Handelshof veröffentlicht.

Die Veränderungen in dem Hansekontor in Nowgorod betrafen auch die Ordnung selbst, den Handel zu führen. Es wurde z.B. noch am Anfang des XIV. Jahrhunderts ein Beschluß gefasst, der verbot, einen Makler am Handelshof zu haben, d.h. einen Vermittler zwischen dem Käufer und Verkäufer. Die Makler wurden aber zur Mitte des XV. Jahrhunderts am Handelshof gesetzlich festgelegt. Zum ersten Mal wurden sie in der Urkunde aus dem Jahre 1437 erwähnt. 1452 wurde eine Maklersordnung am

Petrushandelshof festgelegt, in deren die Rechte und Verpflichtungen des Geschäftsvermittlers bestimmt wurden.

Die zweite Hälfte des XV. Jahrhunderts war, auch so wie die früheren Perioden, voll von den unendlichen Konflikten. Die Streitigkeiten, in den Verhältnissen zwischen Nowgorod und Hanse tauchten wegen der Nichtbefolgung der Handelsregel, wegen der schlechten Warensqualität usw. auf. In jedem Vertrag wurden die Bedingungen wiederholt, die Kriegshandlungen sollten die Anreise der Kaufleute in Nowgorod nicht beeinflussen. Ungeachtet dessen wirkten sich die Kriegskonflikte zwischen Nowgorod und dem Orden ständig negativ für den Handel aus. Die Forscher weisen darauf hin, dass die Konzentration des hanseatischen Handels in den Händen der livländischen Städte zu deren engen Abhängigkeit von den Beziehungen zwischen Nowgorod und dem Orden führte. Der Orden versuchte schon seit langem den nowgorod-hanseatischen Handel zu beeinflussen. Besonders prägnant kam diese Abhängigkeit am Ende der 30-er, in den 40-ern Jahren des XV. Jahrhunderts zur Geltung. So z.B. folgten 1439, 1440 die Verbote von der Seite des Ordens, Salz und Pferde nach Russland einzuführen. Im Jahre 1441 wurden die deutschen Kaufleute in Nowgorod verhaftet. Das war die Antwort auf die den Nowgorodern in Revel und Narva zugefügten Beleidigungen. Die Lage der Hanseater verschlechterte sich nach den mißlungenen Verhandlungen zwischen den Botschaftern aus Nowgorod und der des livländischen (Deutschen) Ordens in Narva 1442 so sehr, dass der Handelshofkommissar nach Derpt mitteilte, die Nowgoroder drohten ihm mit dem Tod.

Es wurde 1443 an der livländischen Tagung in Pernau der Entschluss gefasst, das Kontor in Nowgorod zu schließen. Riga bat dabei Danzig im Namen aller livländischen Städte, über dieses Verbot die übrigen hanseatischen Städte zu informieren. Tagungsbeschlüsse ordneten den deutschen Kaufleuten an, den Handelshof zu verlassen, die Kirche zu schließen und die Schlüssel wie gewöhnlich dem Erzbischof von Nowgorod, dem Archimandrit des Jurij-Klosters zu übergeben.

Dieser Konflikt war einer der schwersten und mühsamsten in der Geschichte der nowgorod-hanseatischen Verhältnisse, die sich in dieser Zeit so zugespitzt haben, daß die Kirchenbehörde der Stadt für die Abwesenzeit der Deutschen in Nowgorod zum ersten Mal abgelehnt hat, die Schlüssel der deutschen Kirche und des Handelshof entgegenzunehmen und zu verwahren, wie es früher der Fall war.

Der 1443 ausgebrochene Krieg zwischen Nowgorod und dem Deutschen Orden verschlechterte die schon ohnehin zugespitzten Handelsverhältnisse. Die hanseatischen Waren wurden trotz des festgelegten Verbotes,

nach Nowgorod via Pleskau geliefert, mit dem die hanseatischen Kaufleute noch Handel trieben. Der Ordensmeister hat in diesem Zusammenhang Revel befohlen, die Wege zwischen Revel und Derpt zu sperren, weil die von dort ankommenden Waren zuerst in Pleskau und dann schließlich in Nowgorod landeten. Die livländischen Städte und insbesondere Revel waren jedoch mit dieser Geschäftslage unzufrieden, weil sie grosse Verluste wegen des Handelsverbot in Nowgorod erlitten. Sie schlugen deshalb schon im Jahre 1444 dem Ordensmeister vor, die Kriegshandlungen einzustellen und einen Friedensvertrag mit Nowgorod zu schließen. Die Städte drohten dem Ordensmeister damit, daß sie im Ablehnungsfall einen anderen Gönner für sich finden werden. Sie beharrten außerdem darauf, daß der Orden sich nicht die Handelsangelegenheiten der Städte einmischen und sie mit den politischen Angelegenheiten des Staates verwechseln darf. Nach der Vertragsunterzeichnung 1448 zwischen Pleskau, Nowgorod und Orden machten sich die livländischen Städte an die Regelung ihrer Verhältnisse mit Nowgorod.

Die nächsten Verhandlungen zwischen Nowgorod und den hanseatischen Städten, die von Derpt und Revel vertreten wurden, fanden im Herbst 1468 statt. Die Nowgoroder wollten die deutschen Kaufleute für den Schaden haftbar machen, die die Nowgoroder im Handel mit der deutschen Seite immer erlitten. Die Botschafter waren durch solche unverschämten Forderungen empört und befahlen die Kirche zuzumauern, d.h. zu schließen, und Nowgorod zusammen mit den Kaufleuten zu verlassen. Die in Februar und April 1469 in Wolmar und Lübeck stattgefundenen Tagungen haben diesen Beschluß bestätigt. Die Lübecker Tagung 1470 hat das Handelsverbot mit Nowgorod bestätigt, und warnte dabei vor den Schmuggelreisen zur Nevamündung. Das Verbot galt auch für die livländischen Städte, die pflegten, während der Konflikte mit Nowgorod Handel zu treiben. Im Jahre 1472 haben schließlich die Verhandlungen begonnen, die zur Unterzeichnung eines Friedensvertrages führten. Das war der letzte Handelsvertrag zwischen Hanse und Nowgorod, da die Stadt noch unabhängig war.

Im Jahre 1478 zog der Großfürst Ivan III. ins Feld gegen Nowgorod. Die nowgoroder Republik verlor infolge dieses Feldzuges ihre Unabhängigkeit und war dem Großfürsten von Moskau unterworfen. Dieser Feldzug hatte Folgen für das Schicksal des nowgorod-hanseatischen Handels insgesamt, des Handelskontors in Nowgorod und seiner Bewohner im besonderen. Die livländischen Städte berichteten nach Lübeck, daß die deutschen Kaufleute mit ihren Waren in Nowgorod verhaftet wurden, weil der Großfürst die Stadt Nowgorod unter seine Herrschaft gebracht hatte. Es

erfolgten 1484 die Verhandlungen mit Nowgorod über die Erhaltung der deutschen Höfe und der deutschen Kirche in Nowgorod. Als diesbezügliche Antwort auf den Brief aus Derpt kam eine Urkunde aus Nowgorod, die den Wunsch und das Einverständnis von Nowgorodern ausdrückte, nach alter Art und Weise zu handeln.

Die wirtschaftlichen Grundlagen des nowgoroder Bojarentums (der alte Adel in Nowgorod) — Landbesitz, Teilnahme an dem internationalen Handel usw. — blieben nach dem Anschluss Nowgorod in das moskauer Reich unverändert. Trotz der Abschaffung der Unabhängigkeit und der Umbildung der Verwaltungsstrukturen und Dienststellen in der Republik blieb die ökonomische Situation bis in die Mitte der 80-er Jahre des XV. Jahrhunderts stabil. Erst nach der Entfernung der Bojaren 1480—1484 und der Besetzung durch die Moskauer fand die radikale Umgestaltung des nowgoroder Wirtschaftssystems statt. Das Kontingent der Handelsleute in Nowgorod, die den Handel mit den westeuropäischen Partnern trieben, hat sich in dieser Zeit geändert, was weitere Schwierigkeiten für die hanseatischen Kaufleuten bedeutete. Sie mussten sich in der neuen Situation orientieren und neue Handelskontakte knüpfen.

Es ist darauf hinzuweisen, daß es ausschließlich die livländischen Städte waren, die die entstandene schwierige Lage im nowgorod-hanseatischen Handel beilegen. Sie wurden mit dem Vorschlag initiativ, eine Botschaft 1486 nach Moskau zu schicken, um bei dem Großfürst die Bestätigung ihrer alten Handelsfreiheiten zu bekommen. Als Antwort darauf hat Ivan III. seinen Statthalter in Nowgorod bevollmächtigt, den Frieden mit den Hanseaten zu schließen.

Das Hansekontor in Nowgorod wurde 1494 nach dem Befehl von Ivan III. geschlossen, der eigentlich im Begriff war, die 1494 entstandene Auseinandersetzung friedlich beizulegen. Der deutsche Handelshof in Nowgorod wurde nach der Hinrichtung zweier russischer Kaufleute in Revel, das die Verletzung der Vertragsbedingungen bedeutete geschlossen, die Kaufleute wurden verhaftet und ihre Waren beschlagnahmt.

Es gab während der Verhaftung im Hof 49 Kaufleute aus 18 Städten; die Mehrheit (17 Personen) bildeten die Vertreter aus Lübeck; 7 Leute waren aus Derpt, unter deren der Hofskommis; Dortmund, Koosfeld und Revel wurden durch 9 Kaufleute vertreten; Lüneberg, Scheperod und Schwerin haben je 2 Kaufleute geschickt. Aus Hamburg, Münster, Breckenfeld, Inn, Duisborg, Frankfurt, Emeke, Duderstadt, Greifswald, Lemgarden stammte je eine Person. Das ist die einzige erhaltende Liste für die ganze Zeit, als das Kontor in Nowgorod bestand, in der die Teilnahme der Städte an den Nowgorodreisen zum Ausdruck kam. Es ist zweifellos

anzunehmen, dass die Herkunft der Kaufleute in den früheren, besonders wohlgehaltenen Zeiten auch sehr verschiedenartig war. Zusammen mit den Waren, deren Wert 96000 Mark war, wurden auch die Besitzwerte des Kontors inventarisiert und in Beschlag genommen. Mit der Schließung des Hansekontors in Nowgorod 1494 endet die Periode der selbstständigen Beziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse.

Handelscharakter (Beschaffenheit des Handels)

Weder in den russischen, noch in den hanseatischen Quellen gibt es direkte Hinweise darauf, wie und wo der Handel in Nowgorod mit den Ausländern getrieben wurde. Die zahlreichen Auskünfte aus den Stadttagsbeschlüssen, aus der Handelshofkorrespondenz, aus den Schraparagraphen machen es jedoch möglich Art, Weise und Charakter des Handels selbst wenn nur in groben Umrissen zu rekonstruieren. Der Handel zwischen Nowgorod und Hanse war offensichtlich Tausch- und Großhandel, übrigens wie der Handel im Mittelalter überhaupt. Die Stoffe wurden in Rollen verkauft, die mit den speziellen Plomben versiegelt waren. Salz verkaufte man sackweise; Honig, Wein, Hering, Buntmetall — in Fässern. Bei den Ausgrabungen am Nerevskij Straßenende wurden am Gutshaus der reichen Posadniksfamilie die Böden der Eichenfässer mit den hanseatischen kaufmännischen Zeichen im großen Ausmaß gefunden. Es ist zweifellos, daß in diesen Fässern die hanseatischen Waren nach Nowgorod geliefert und von den reichen Nowgorodern en gros gekauft wurden. Der Großhandel war sogar für solche kleinen Einzelwaren typisch wie Handschuhe, Garn, Nadeln, die auch die Kaufmannslehrlinge in den Vorratskammern verkaufen durften. Die genannten Gegenstände sollten dutzend-, hundert- und tausender- weise verkauft werden. Die russischen Waren wurden auch en gros eingekauft: Wachs — in Ringen, Pelze, Rauchwaren — Hunderte von Fellen. Nach einigen Angaben zu urteilen, waltete der Einzelhandel auch ob.

Es war für die Kaufleute nicht nötig, mit ihren Waren zum Markt zu gehen. Von den Schraparagraphen schließend, galt als Haupthandelsort der ausländische Hof, wohin die nowgoroder Kaufleute kamen, um Geschäfte zu machen und um die Ware abzuholen. Die deutschen Kaufleute beschafften sich die nowgoroder Waren auch unmittelbar auf den Gütern der russischen Partner. Schra berichtet darüber, daß der Kaufmann nicht mit seinem Bruder, Geschäftspartner oder Gehilfe zum Kauf gehen durfte, sondern unbedingt mit einem anderen Kaufmann. Man durfte die ausgewählte Ware innerhalb von 3 Tagen nicht abholen, solange der andere Kaufmann der bei dem Kauf dabei war seine Zustimmung nicht gab.

Besonders streng sorgte Schra für die Einhaltung des Tauschhandelscharakters, d.h. Barware gegen Barware. Es wurde an der Gesamtversammlung der Kaufleute in Nowgorod 1318 beschlossen, den Handel auf Kredit kategorisch mit der Androhung der Beschlagnahme zu verbieten, wenn die Waren auf solche gesetzwidrige Weise gekauft wurden. Diese Regel wurde später ständig erneuert und in alle Schrafassungen eingeschlossen. Der Handel auf Kredit war mehrmals das Besprechungsthema an den Stadtratstagungen, jedes Mal wurde er mit der Androhung verboten, die Ware und den guten Kaufmannsruf zu verlieren. Die ständige Erneuerung der Handelsregel «Barware gegen Barware» spricht auch dafür, daß diese Regel ständig von den Kaufleuten verletzt wurde. Es gibt konkrete bekannte Fälle des Kredits auf Kredit: z.B. 1406 schickte der Handelshof einen Klagebrief nach Revel, daß zwei Kaufleute aus Revel mit den Russen auf Kredit handelten. Ständige Verletzungen gegen die Handelsregel zwangen die Städte, das Strafmaß zu verstärken. Im Jahre 1453 wurde ein Beschluß gefasst, laut dessen der Handel auf Kredit durch «das höchste Strafmaß ohne jegliche Nachsicht» bestraft wurde.

Die Normativquellen erlauben zu beurteilen, daß die Regelungen der juristischen Verhältnisse zwischen den ausländischen Gästen und den Nowgorodern, die Beilegung der Auseinandersetzungen in den Handelsangelegenheiten sich vollkommen in der Zuständigkeit von Tausendführer und dem Gemeindevorsteher von Nowgorod befanden. Es wurde in den Paragraphen des Vertrages aus dem Jahre 1262 erwähnt, wenn es zu Auseinandersetzungen zwischen den Deutschen und Nowgorodern kam, mußte man zur Johannes-Vorläuferskirche an den Opoki gehen und dort, im Vorhof, vor dem Tausendführer «diesen Streit beenden». Die deutschen Kaufleute beharrten auch ständig darauf, daß der kaufmännische Gerichtsort im Hof der Johannes-Vorläuferskirche und nirgendwo anders, «vor dem Tausendführer und vor zwei deutschen Gemeindevorstehern», sein soll. Es ist dadurch zu erklären, daß die Handelsstreitereien in der Wirklichkeit zu den Auseinandersetzungen und Konflikten führten, die nach sich auch die Verletzungen der Handels- und Strafgesetzgebung zogen. In dem letzten Fall sollte sich die Behörde von Nowgorod einmischen.

Die Gesamtangaben fast aller Vertragsurkunden von Nowgorod mit den westeuropäischen Geschäftspartnern (beginnend mit der ältesten aus dem Ende des XII. Jahrhunderts bis an die Dokumenten des XV. Jahrhunderts) bezeugen, daß die höchsten Behörden von Nowgorod an den Beilegungen der Konfliktsituationen zwischen den Nowgorodern und Ausländern aktiv teilnahmen. Unter diesen Behörden konnten

Fürst oder der fürstliche Statthalter, Posadnik oder Tausendführer sein. Dies bestätigen auch die Berichte des Hansekontors, die konkrete Fälle beschreiben.

Das hanseatische Kontor und die hanseatische Kaufmannschaft in Nowgorod

Das hanseatische Kontor in Nowgorod war neben den Komoren in Bergen, Brügge und London eines der größten in Europa. Seinen Kern bildete zweifellos der am Ende des XII. Jahrhunderts gegründete deutsche Handelshof mit der Petruskirche. Der gotländische Hof, der Anfang des gleichen Jahrhunderts eingerichtet wurde, blieb im Besitz von Gotland und wurde den deutschen Kaufleuten vermietet. Die beiden Höfe lagen an der Handelsseite der Stadt, nicht weit von dem Jaroslaw-Hof: der gotländische Hof befand sich an der südlichen Seite, an der Küste von Wolchow (wo heute das Hotel «Rossija» steht), der deutsche Hof lag östlich vom Jaroslaw-Hof (gegenüber der Nikolaus-Kathedrale und der Paraskeva-Kirche).

Der gotländische und der deutsche Höfe dienten als eine Art von Festungen für die ausländischen Kaufleute. Sie wurden hoch und fest umzäunt. Die deutsche Kaufmannschaft sorgte ständig für deren gute Erhaltung, immer wenn das Kontor in Nowgorod existierte. Die Hauptgebäude innerhalb der Höfe waren die Kirche: am gotländischen Hof stand die Olafskirche, am deutschen Hof — die Petruskirche. In der Petruskirche wurden neben der Kontorskasse (Schatz), Kirchenschatz und Hofsarchiv auch die meisten hanseatischen Waren aufbewahrt. Die Kirche selbst diente mehrmals als sicherer Zufluchtsort für die deutschen Kaufleute während der Auseinandersetzungen mit den Nowgorodern, worüber verschiedenste Quellen berichten.

Es befanden sich in den Höfen neben den Kirchen auch Wohngebäude, Speicher für die Warenlagerung (z.B. Salzspeicher an dem gotländischen Hof), eine Bierbrauerei, eine Mühle und sogar ein Krankenhaus. Man bekam einige konkrete Vorstellungen, wie die Anlagen und Gegenstände im Alltag der hanseatischen Kaufleute waren, dies geschah während der Ausgrabungen des gotländischen Hofes 1968—1970. Innerhalb von 3 Jahren wurde ein Grundstück mit der Fläche von 552 m² erforscht, auf dem man während der Ausgrabungen einen Pfahlzaun, zwei Blockhäuser, die Ruine eines Steinturmes und eine große Sammlung der westeuropäischen Gegenstände entdeckt hat.

Die nach Nowgorod aus verschiedenen Städten reisenden hanseatischen Kaufleute waren im Hof eine einheitliche deutsche Kaufmannschaft,

die sich in allem nach Schraparagraphen und gemeinsamen Verordnungen richtete und an deren Spitze sie die aus ihrem Keis ausgewählten Gemeindevorsteher stellten. Es waren nur die Kaufleute aus den hanseatischen Städten, die das Recht hatten, in Novgorod Handel zu treiben und in den Höfen zu leben. Die Hansestädte strebten immer nach dem Monopolhandel mit den Russen. Es wurde in allen Schrareaktionen und in der Korrespondenz der Hansestädte nachdrücklich das Verbot wiederholt, mit den Nichthanseatern (besonders mit den Holländern oder Flamen — den Hauptkonkurrenten der Hanse) ein gemeinsames Geschäft zu machen oder ihre Waren nach Nowgorod zu bringen. Die Kaufleute aus livländischen, wendischen, westfälischen Städten besuchten Nowgorod am häufigsten und genossen die Privilegien, während die Kaufleute aus den preußischen Städten, die auch zur Hanse gehörten, im Handel in Nowgorod eingeschränkt waren. Die hanseatischen Kaufleute, die selten nach Nowgorod kamen, hatten von ihren Stadtverwaltungen (Magistraten) Empfehlungsschreiben für das Erhalten des Rechtes, in Nowgorod zu handeln. So z.B. die Stadt Breslau (heute Wroclaw) 1437 empfahl, einen gewissen Andreas, den Diener eines Breslauer Bürgers, am Hof zu empfangen, der nach Nowgorod dienstlich von seinem Herren geschickt wurde, «weil unsere Stadt Breslau und wir alle gehören zu der deutschen Hanse».

Die Kaufleute wurden in Sommer- und Wintergäste unterschieden. Die Wintergäste kamen nach Nowgorod im Herbst während der letzten Schifffahrtsperiode (Navigation) oder mit dem ersten «Schlittenzug» und verließen die Stadt im Frühling. Sie wurden von den «Sommergästen» abgelöst. Es existierte zuerst nur der Seeweg aus der Ostsee durch den Nevafluß bis zum Ladogasee, weiter auf dem Wolchowfluß nach Nowgorod. Schon Anfang des XIII. Jahrhunderts wurde ein Weg zu Lande erwähnt. Die Seegäste hatten zuerst die Vorteile im Vergleich mit denen die zu Land kamen. Dieser Unterschied zwischen den zur See und zu Land reisenden Gästen wurde allmählich ausgeglichen, zumal seit Anfang des XIV. Jahrhunderts für die deutschen Kaufleute die «reine» (d.h. die freien) Wege zu Lande gewährleistet wurden.

Die Kaufleute unterschieden sich nicht nur nach ihrer Zugehörigkeit zu jener oder anderer Stadtgemeinde, sondern auch nach ihrer Sozialen Stellung. Die Hauptgruppe des Kaufmannsstandes, der in Nowgorod handelte, bildeten die s.g. «Meistermänner» — selbstständige Kaufleute, die ihr eigenes Kapital und eigene Waren hatten. Jeder von ihnen durfte zwei Männer mitbringen, die «Knecht» oder «Knabe» (wörtlich «Diener», «Gesinde») hießen, die nicht die Funktionen der Eigendiener des Kaufmannes

erfüllten, sondern als Geschäftsgehilfen auftraten. Ein anderer Fall waren die «Junge», d.h. junge Männer, die das Handeln erlernten und den selbstständigen Kaufleuten halfen.

In der Blütezeit der Hanse war es üblich, dass in den gotländischen und deutschen Höfen gleichzeitig 150—200 Leuten wohnten. z.B. im Winter 1336—1337 befanden sich am Hof 160 Personen, im Jahre 1425 waren dort zwischen 116 und 150 Leute; die größte Zahl von 200 Leuten nennt eine Urkunde aus dem Jahre 1439. Mit dem Verfall des Kontors im XV. J., war die Anzahl der Kaufleute, die nach Nowgorod kamen, merklich zurückgegangen, was in Schra seine Spuren hinterließ.

Es wurde zuerst nicht verboten, bei Mangel an Unterkunftsplätze an den gotländischen und deutschen Höfen in den Höfen von Nowgorodern abzusteigen. Die Tatsache, daß die deutschen Kaufleute bei den Nowgorodbewohner untergebracht wurden, wurde mit den Ausgrabungen 1972—1974 auf einem mit den deutschen Handelshof benachbarten Grundstück belegt, das auf der heutigen Michajlovskaja-Straße liegt. Man hat aber allmählich ein Verbot für die Hanseater eingesetzt, die nowgoroder Höfe für Unterkunft und Warenlagerung zu benutzen. Diese Beschränkung wurde dadurch ins Leben gerufen, dass in der ersten Hälfte des XV. Jahrhunderts, als die Handelsverbote gegen Nowgorod hinter ein ander folgten, es doch Kaufleute gab, die trotz diesen Verbotes, nach Nowgorod kamen und ihre Waren in den russischen Höfen lagerten. Aus den Jahren 1421 und 1431 wurden zwei Briefe der Kaufmannschaft des hanseatischen Kontors aufbewahrt, die die bei den Russen untergebrachten Kaufleute verklagte. Das hat dazu geführt, daß die livländischen Städte an der Tagung in Wolmar 1434 eine Entscheidung getroffen haben, die Lagerung der deutschen Waren in den russischen Höfen zu verbieten und die Nichterfüllung dieses Beschlusses zu bestrafen.

In der Jahrhundertwende XIV—XV J. entstanden allmählich in den Großstädten Deutschlands die Kaufmannsvereinigungen, die sich auf den Handel mit bestimmten Städten oder mit bestimmten Ländern spezialisierten. Anfang des XV. Jahrhunderts gab es nur in Lübeck ca. 10 Vereinigungen dieser Art, darunter waren auch die nowgoroder Vereinigung. Die mit Nowgorod handelnden Kaufleute hießen «Nowgorodfahrer». In Strahlsund in der kaufmännischen Nikolauskirche befindet sich über den Bänken der in Nowgorod tätigen Kaufleute ein hölzerner Schnitzfries. Der Schnitzfries stellt die Nowgoroder dar, die nach Pelztieren jagen, Honig sammeln und diese Waren zum deutschen Hof bringen.

Die Unterkunftsbedingungen wurden für die deutschen Kaufleute in Nowgorod einerseits durch die Interessen der hanseatischen

Kaufmannschaft und durch die am Hof üblichen Ordnungen bestimmt. Andererseits hingen sie von den Verhältnissen mit den Einwohnern und Kaufleuten von Nowgorod und von den Anordnungen der nowgoroder Behörden ab. Die hanseatischen Städte strebten immer nach dem Monopolhandel mit Nowgorod, deshalb versuchten sie jegliche Konkurrenz sowohl von der Seite der Nichthanseater, als auch innerhalb der hanseatischen Gesellschaft auszuschließen. So wurde z.B. die Aufenthaltsfrist in Nowgorod auf eine Saison, d.h. auf eine Winter- oder Sommerperiode begrenzt. Ausnahmsweise durften die Kaufleute in Novgorod ein Jahr lang bleiben, aber auf keinen Fall länger, sonst verlor der Kaufmann das Recht, das Kontor zu besuchen. Der Wert der einzuführenden Waren wurde auch auf maximal 1000 Mark beschränkt. Dem diese Regel verletzten Kaufmann wurde die Ware entzogen und ging zu Hofbesitz über. Der Schuldige durfte außerdem künftig keine Waren nach Nowgorod bringen. Diese Maßnahme wurde durch die Sorge um die Beibehaltung und Gewährleistung der stabilen Preisen auf die hanseatischen Waren bedingt. Nur in der Krisensituation, als der Hansehandel allmählich in Verfall geriet, erlaubten die Städte, den Warenwert bis zu 1500 Marken zu erhöhen.

Was die Bedingungen von nowgoroder Seite betrifft, sie wurden durch das Streben von Nowgorod bedingt, die deutschen Kaufleute unter Kontrolle zu halten und außerdem Einkommen für die Nowgoroder zu gewährleisten. Die Abreise der deutschen Kaufleute aus Nowgorod hing vollkommen von dem Willen der Stadtbehörden ab, weil es ihnen vorgeschrieben wurde, bei der Warenbeförderung in die Höfe und zurück nur die Dienstleistungen von den nowgoroder Trägern zu nutzen. Die hanseatischen Schiffe gingen außerdem nicht auf dem Wolchowfluß bis Nowgorod hinauf, sondern gingen in der Nevamündung oder bei den Stromschnellen vor Anker. Dort fand die Umschiffung der Waren auf die nowgoroder kahnförmigen Schiffe statt, die von den nowgoroder Lotsen geführt wurden. Diese Regel machte es für die Nowgoroder leichter die deutschen Kaufleute in Nowgorod bei Bedarf zu verhaften, was sie auch mehrmals taten. Die Träger aus Nowgorod begannen im XV. Jahrhundert, eigenmächtig die Preise für Be- und Entladen der Waren anzusetzen, was ständige Vorwürfe und Klagen von der hanseatischen Seite verursachte. Die deutschen Kaufleute waren auch damit unzufrieden, dass sie kein Recht hatten, selber ihre Waren zu befördern, wie es der Fall in allen hanseatischen Städten war.

Die ganze Geschichte des Handels zwischen Nowgorod und der Hanse ist von der Widersprüchlichkeit durchdrungen: einerseits liegt das große

gegenseitige Interesse der beiden Seiten am Handel auf der Hand; andererseits ist die Geschichte der nowgorod-hanseatischen Beziehungen reich an fortwährenden Konflikten; Verboten, Handel zu treiben; an den häufigen Streitereien zwischen den ausländischen Kaufleuten und den Stadtbewohnern. In der ganzen Geschichte des nowgorod-hanseatischen Handels fehlt ein einzigste ruhige Jahrzehnt ohne gegenseitigen Anforderungen, ohne wechselseitigen Beschlagnahmen und Kaufmannsverhaftungen usw. Die hanseatischen Kaufleute schlossen die Höfe und die Kirche während der größten Konflikte, nahmen alle Besitzwerte und Kontorsarchiv mit und verliessen Nowgorod. Die Nowgoroder bestrebten seinerseits, die Hanseater aufzuhalten und festzunehmen, bis die russische Forderungen befriedigt werden. Sogar die angespanntesten Auseinandersetzungen und dauerhafte Unterbrechungen im novgorod-hanseatischen Handel (z.B. Ende des XIV. Jahrhunderts, da die Partner sich 1385—1391 in dem Handelskriegszustand befanden) endeten jedoch jedes Mal mit Verhandlungen und mit der Unterzeichnung des nächsten Handelsabkommens.

Einen Schlußpunkt in den Handelsbeziehungen zwischen Nowgorod und der Hanse hat Ivan III. im Jahre 1494 gestellt. Das Hansekontor in Nowgorod wurde damals geschlossen, die hanseatischen Kaufleute mit ihren Waren wurden festgenommen und nach Moskau geschickt. Nach 20 Jahren, 1514, wurde das Hansekontor in Nowgorod wieder geöffnet. Das war aber ein anderes Kapitel, in der Geschichte der Stadt Nowgorod, als auch der Hanse.

ПРИЛОЖЕНИЯ

IV СКРА¹

Перевод И. Э. Клейненберга

- 1 Эту скру нужно читать так часто, как покажется это необходимым, и руководствоваться ее предписаниями во все времена.
- 2 Знать должны все те, кто эту грамоту видит и слышит ее чтение, что староста двора² и его помощники³ и объединенные немецкие купцы, которые были в Новгороде, решили на общем собрании, что нужно соблюдать все церковное право и право двора и все право св. Петра, будь то в мелочах или в крупных делах, как это было исстари правом и обычаем.
Во-первых, не должны спать в церкви [для ее охраны ночью] ни два брата, ни два складника⁴, также не должен самостоятельный купец⁵ посылать спать в церковь двух [своих] подручных⁶, [иначе] штраф 10 марок⁷. Далее, [если] эти ночные сторожа

¹ Печатается по изданию: *Schlüter W.* Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert. Dorpat. 1911/Пер. и примеч. И. Э. Клейненберга. Статьи 86—92, составленные в 1346 г., являлись дополнением к третьей скре и обозначены Шлютером как самостоятельный раздел IIIб.

² Olderman, староста. Ганзейские термины, особенно названия должностных лиц в иноземных дворах, по-разному переводятся на русский язык в исторической литературе: см.: *Андреевский И. Е.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855; *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. СПб., 1893; *Таль П.* Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. В настоящей работе предлагаются переводы указанных терминов, отражающие сущность той или иной должности.

³ Wissesten, букв. «мудрейшие»; здесь: советники, помощники.

⁴ Kumpane van gelde, букв. «компаньон по деньгам», «складник», т. е. купцы, ведущие общую торговлю.

⁵ Mesterman, здесь: самостоятельный купец, привозящий с собой товары и имеющий при себе деньги для ведения торговых дел.

⁶ Knecht, букв. «слуга»; здесь: подручный человек, которого привозил с собой самостоятельный купец, — не имеющий собственных товаров и выполняющий различные поручения последнего.

⁷ Bi n marken, одна из формул, называющих размер штрафа. Другие формулы: dat were n marc, de breke n marc.

заснут и оставят горящей свечу, что будет замечено, они платят штраф в 10 марок. Также, [если] забудут открытыми окна, то за каждое окно 1 марка штрафа, а не закроют двери брусом⁸, штраф 1 марка.

С. Далее, тот, кто стоит перед церковью [сторожем], тот должен охранять ее так, чтобы не понести от этого убытка; если случится, что русский взойдет на первый камень [ступени], это будет [для караульного] одна марка штрафа, [если русский войдет] в церковь, штраф будет 10 марок.

С. Далее, если тот, кому положено запирать церковь, забудет какой-нибудь замок незапертым, что будет обнаружено, тот платит 10 марок штрафа.

Далее, если случится, что кто-нибудь вынесет ключи со двора, тот платит 10 марок штрафа.

С. Если также случится, что кто-то носит ключи открыто, так что [их] увидит какой-нибудь русский, тот платит 1 марку штрафа.

С. Далее, нужно вручать ключи старосте или его подручному⁹. Если же во дворе не окажется старосты, то нужно вручить их священнику.

С. Далее, кто поместил товар в церковь так, что он касается дверей или лежит на железе¹⁰, за это будет одна марка штрафа.

Никому не ходить со свечой без подсвечника в церковь, штраф 1 марка.

- 3 Далее, каждый человек, который приносит товар, зимой или летом, [должен] разобрать его по возможности быстро; если он его не сложит и не занесет [на место хранения] в тот же день, штраф 1 марка.

- 4 Далее, если у кого-нибудь веревка не выдержит и [несомый] предмет упадет, это будет одна марка штрафа.

С. Если случится, что кто-нибудь так поспешно сбрасывает тюки, что это будет слышно, то штраф также 1 марка.

С. Далее, сбросит кто-нибудь тюк на лестницу, по которой поднимаются в комнату Морнвега¹¹ или на новую пристройку, штраф 1 марка.

⁸ Вот, брус, деревянный засов, которым на ночь запирали изнутри церковь.

⁹ Староста, как каждый самостоятельный купец, имел при себе нескольких подручных (см. прим. 6).

¹⁰ Isegne, цепи и кандалы, которыми приковывали провинившихся.

¹¹ Морнвег, представитель известной купеческой семьи из Любека, ведущий в

- 5 Также нельзя складывать пряжу и полотно или делать перегородки там, где обычно стоят тюки, и никакие [другие] предметы [не помещать там], штраф 1 марка.
С. Оставит кто-нибудь лежащей солому после [распаковки] пряжи и полотна, то штраф одна марка.
- 6 Далее, [если] забудет кто-то какой-нибудь предмет на ночь, то штраф 1 марка. Также никто не должен делать больше одной перегородки, штраф 1 марка.
- 7 Далее, кто купит воск, тот [должен] поместить его у стены, [иначе] штраф 1 марка; если на этом месте стоит закрывающаяся бочка, ее нужно убрать. Если кто-нибудь будет протестовать, тот должен уплатить 1 марку.
- 8 С. Далее, медь и свинец нужно метить и помещать у стен, [иначе] штраф 1 марка.
- 9 С. Далее, бочки, обвитые веревками, полотно и мелкие упаковки нужно помещать под своды¹², иначе штраф 1 марка. Также никто не должен сбрасывать мешки с пушниной с бочек. Если он не положит их обратно, штраф 1 марка.
- 10 Далее, если кто-нибудь будет шуметь во время богослужения независимо от того чем, тот платит 1 марку.
- 11 С. Далее, если чья-нибудь бочка с товаром в субботу не поставлена к стене или [находится] не под сводами, тот платит 1 марку.
- 12 Далее, каждый [должен] пометить свои ящики и бочки в субботу, [иначе] штраф 1 марка.
- 13 С. Далее, кто взвешивает серебро, тот должен повесить доску¹³ опять на место и унести отруби и тряпки¹⁴ [иначе] штраф в 1 марку.

конце XIII в. активную торговлю серебром в Новгороде. Вероятно, был старостой двора.

¹² Swichbogen, букв. «подпорная арка». Очевидно, церковь св. Петра имела вдоль стен нечто вроде галереи, под своды которой помещались различные товары.

¹³ Bret, здесь: доска, на которой велось взвешивание.

¹⁴ De klyen und de doke, не совсем ясно. Шлютер считает, ссылаясь на Грутоффа, что эти предметы (тряпки, отруби) служили для мытья и вытирания серебра (Schlüter W. Op. cit. Register, S. 33).

- 14 С. Далее, нужно [оказывать] сознательное уважение алтарю и убирать с алтаря кружки и подобные предметы; так как, если кто прольет что-нибудь на алтарь, платит штраф в 1 марку.
- 15 Далее, вино нужно помещать у алтаря, сколько можно там уместить, остальное же в комнате Морнвега, [иначе] штраф 1 марка.
- 16 С. Далее, никто не должен брать свечи или воск, [принадлежащие] св. Петру, чтобы заливать им бочки¹⁵, штраф 1 марка.
- 17 Далее, никто не должен без разрешения оставлять безмен или гири вне церкви, когда церковь заперта, иначе штраф 1 марка; если это вилка¹⁶, то штраф 1 фердинг¹⁷.
- 18 Далее, если кто-нибудь попортит чем-нибудь предмет св. Петра, который принадлежит церкви, тот платит штраф в 1 марку.
- 19 Далее, когда священник объявляет собрание, ни один самостоятельный купец не имеет права выйти, штраф 1 марка, и ни один подручный — при штрафе в один фердинг; [выйти могут] повара и уборщики. Проспит также кто-нибудь общее собрание, когда оно объявлено, тот платит 1 марку.
Здесь нарушения этого постановления должны беречься старосты св. Петра, [ибо с них] штраф 5 марок.
- 20 Далее, если какой-нибудь человек, кто бы он ни был, оскорбит какими-нибудь словами старост св. Петра или помощников, когда отсутствует староста двора, тот должен заплатить 10 марок штрафа, от чего освобождения нет.
- 21 С. Если случится, что [большинство] купцов уедет, то могут 6 самостоятельных купцов и 9 подручных, но не менее, держать церковь открытой¹⁸; нельзя делать из подручных самостоятельного купца, чтобы держать церковь открытой, за это штраф 10 марок.

¹⁵ Воском, очевидно, заливали бочки, чтобы сделать их герметичными. Следует обратить внимание, что в этой статье, как и в аналогичной статье V скры, запятая поставлена неправильно после союза *was*, вместо после *Peters*. Правильно поставлена запятая в соответствующей статье VI скры.

¹⁶ *Gaffeln*, вилка для вынимания гирь из ящика, где они хранились.

¹⁷ *Verdinghe*, фердинг, денежная единица равная 1/4 марки. Марка серебра составляла примерно 200 г.

¹⁸ Держать церковь открытой, т. е. иметь право хранить в ней товары.

- 22 Далее, при выезде [всех купцов со двора] нужно ключи опечатать и передать один епископу новгородскому, другой — игумену [монастыря] св. Юрия¹⁹.
- 23 С. То, что эти старые постановления здесь вновь собраны, произошло на общем собрании при согласии объединенного немецкого купечества в 1354 году от Рождества Христова в день св. Григория [12 марта].
- 24 С. Далее, кто первым причалит с лодьями к берегу, тот должен быть первым и во дворе²⁰, если он захочет в нем остановиться.
- 25 Далее, если случится, что кто-нибудь захочет послать грузчиков на лодью до того, как она пристала к берегу, то это недопустимо; только после того, как лодья подошла к берегу, можно ее разгружать. Если кто-нибудь в таких делах поступит во вред другим, тот платит штраф в 1 марку серебра в пользу св. Петра²¹.
- 26 Далее, за разгрузку лодьи нужно платить 15 кун; меньше можно, но не больше.
- 27 С. Далее, первые прибывающие на санях должны быть первыми и во дворе, если они хотят в нем остановиться.
- 28 Далее, во дворе должны стоять в трех клетях²² 24 самостоятельных купца и 6 в клетки переводчика и не больше, за исключением того случая, когда старосты св. Петра вынуждены поселить там больше [купцов].
- 29 Далее, у кого в клетях при себе сукно, те должны спать на полатях²³; а кто имеет деньги, спит под ними (полатами. — *Е. Р.*).
- 30 Далее, ни один самостоятельный купец не должен иметь более двух подручных, спящих при нем; если у него их больше,

¹⁹ Юрьев монастырь под Новгородом, архимандрит которого был главой черного духовенства.

²⁰ Быть первым во дворе (см. также ст. 27) означало право выбрать себе помещение во дворе.

²¹ В данном случае имеется в виду не только церковь св. Петра, но в целом вся ганзейская контора в Новгороде.

²² *Cleten*, русск. клеть; здесь: жилое помещение, используемое в отдельных случаях для хранения небольшого количества товаров (ст. 29) и для продажи мелких предметов (ст. 33).

²³ *Rapaten*, не совсем ясный термин; здесь, очевидно, полати, т. е. места для сна, устроенные наверху.

то пусть сам смотрит, где их пристроить, а если это вызовет какую-нибудь жалобу, то платить ему штраф в 1 марку.

- 31 Далее, никто не должен иметь в клетки более одной стопки сукна, также не более сорока шкур²⁴ для их растяжки, штраф 1 марка.
- 32 Далее, ночное дежурство должны начинать [постояльцы] самой верхней клетки, [сначала спящие] внизу, затем [спящие] на полатах и так по кругу, как [живущие] во дворе, так и вне его; [дежуривший ночью] передает дежурство другому в обеденное время.
- 33 Далее, ученики имеют право продавать в клетях: перчатки парами, синие нитки фунтами, и не меньше; ткани, полотно, ватмал²⁵, — все то, что измеряют по полверевки²⁶ — и не меньше; серу — гривенками, как и другие товары такого рода; иголки для шерстяных тканей — тысячами, любекские иголки — сотнями, четки — малыми дюжинами; кожи красного дубления — кунами²⁷, пергамент — полусотнями; если кто нарушит эти предписания, тот платит штраф в 1 марку: если он из-за [такой] торговли потерпит убыток также со стороны русских, то в этом он сам виноват, и сколько штрафа он уплатит русским, столько же он также должен уплатить св. Петру.
- 34 Далее, никто не должен квартировать в помещении мельницы дольше, чем 3 дня; если он живет там дольше, он должен дать св. Петру 1 фердинг.
- 35 С. Далее, никто не должен занимать больничное помещение [под жилье] дольше, чем 3 дня, иначе штраф в 1 марку.
- 36 Далее, в каждой спальне во дворе и вне двора нужно иметь фогта²⁸. Тот, кого для этой должности выберут, должен с этим согласиться, иначе платит штраф в 1 марку; фогт должен выбрать себе помощников, одного от самостоятельных купцов, другого — от подручных²⁹; с ними он должен выбрать истопников, ответственных за освещение, за порядок в подклете, в спальне и т. д.

²⁴ Ruware, мех, пушнина; здесь: шкуры крупных животных: оленя, козы, косули.

²⁵ Wamel, ватмал, грубое домотканное сукно.

²⁶ Repen, веревка, означающая меру длины в 10 локтей, т. е. около 5 м.

²⁷ Kunen, куна; здесь: мера продаваемых кож, равная 5 козам.

²⁸ Voget, фогт — староста отдельной общей спальни.

²⁹ Кпареп. См. прим. 6.

Каждую субботу он должен проводить свое судебное заседание. Фогт может штрафовать на 15 кун; кто этому не подчинится, тот предстанет перед общим собранием и уплатит штраф в 1 марку, от чего не может быть освобожден.

- 37 Если кто-нибудь оскорбит фогта или его помощников словами во дворе или в^{ше} его, тот платит штраф в 1 марку.
- 38 Далее, никто не должен под угрозой штрафа в 1 марку писать на столешнице, втыкать [в нее ножи] или резать ее, иначе штраф в 1 марку; никто [не должен также] в спальном помещении или в клетях втыкать [ножи] в деревянные [части постройки] или резать их, будь то пороги, стойки или половицы, жечь их свечами или подпаливать, или рубить их [топором], иначе штраф в 1 марку.
- 39 Далее, два подручных должны топить печи и иметь у каждой печи котел воды, если они заснут или отойдут от печей в то время, как [в них] горит огонь, или если найдут огонь [в печах] после их [дежурства] или после [работы] пекарей, то штраф 1 марка.
- 40 Далее, если вспыхнет какой-нибудь огонь во дворе или вне двора, так что пламя будет видно, то [виновные] платят штраф в 10 марок.
- 41 С. Далее, [если] кто-нибудь ломает предмет, принадлежащий св. Петру в пивоварне, тот должен купить [вместо него новый] и платить штраф в 1 фердинг.
- 42 Далее, кто варил пиво, тот должен пивоварню убрать и весь относящийся к ней [инвентарь], штраф в 1 фердинг.
- 43 Далее, каждый должен убрать свое [сваренное] пиво на другой день после того, как оно [разлито] в бочки, [а их разливные отверстия] заткнуты, иначе штраф в 1 фердинг.
- 44 Также никто не должен допустить, чтобы русский зашел в подклет³⁰, иначе штраф в 1 фердинг.
- 45 Далее, нельзя осматривать меха в спальне священника; только серебро можно в ней отвешивать плавильщикам серебра.

³⁰ Potklet, русск. подклет; здесь: нижний этаж клетки.

- 46 С. Далее, никто не должен иметь в гриднице³¹ более чем один рулон одного вида полотна, а его нужно вечером опять унести в церковь, если он [купец] не имеет разрешения старост [на обратное], штраф 1 марка.
- 47 С. Далее, если кто-нибудь имеет в гриднице меховой товар, то его он не должен хранить там дольше, чем одну ночь, иначе штраф в 1 марку. Далее, меховой товар [следует] выколачивать³² в гриднице и больше нигде внутри двора.
- 48 Далее, кто печет или варит пиво, тому колоть свои дрова днем, равным образом это [относится] и к истопникам, чтобы никого не тревожить [шумом] колки или пением, [иначе] штраф в 1 фердинг.
- 49 С. Далее, тот, кто отводит в церковь спящих в ней сторожей, тот должен стоять перед церковной дверью и не уходить, пока церковь не будет заперта, [иначе] штраф в 1 марку, и он не должен никому позволять входить в церковь без разрешения старост. Если кто-нибудь сделает это [войдет в церковь], тот платит штраф в 1 марку, а если тот, кто стоит перед церковью, об этом не доложит, тот тоже платит 1 марку.
- 50 С. Далее, если кто-нибудь даст себя запереть в церкви, тот платит 10 марок.
- 51 С. Далее, никто не должен перелезать через ограду [двора], штраф 10 марок, а также ничего не бросать через нее, [иначе] штраф в 1 марку.
С. Также никто не должен бросать [оставлять] около церкви или позволять там бегать своему животному³³, иначе штраф в 1 марку.
- 52 Если случится, что животное нанесет кому-нибудь вред, то тот, кому принадлежит животное, должен возместить убыток.

³¹ Gridenissen, русск. гридница (см. с. 107).

³² Kloppen, букв. «колотить», в данном случае не совсем ясно.

³³ Der, dir, зверь, животное. Очевидно, имеются в виду лошади, на которых иноземные купцы приезжали в Новгород по суше. В ст. 26 II и III редакций скры прямо названы лошади; за вред, нанесенный ими, также отвечал хозяин лошади.

- 53 С. Если случится, что кто-нибудь ударит собаку, которая принадлежит св. Петру, или будет бросать [в нее камнями, палками] так, что она завоет, тот платит штраф в 1 марку.
- 54 Далее, когда дают сигнал о закрытии двора, то каждый [купец] должен распрощаться с [пришедшими к нему] русскими, так как, если он оставил бы [у себя] русск^{го}, когда выпускают [на ночь] собак, то ему платить штраф в 1 фердинг, а если русскому собаки нанесут какой-нибудь вред, то он [русский имеет право] потребовать от того, кто его задержал у себя, возмещения за вред.
- 55 Далее, если кто-нибудь [из немецких купцов] выдает [русскому покупателю] сукно или какой-нибудь иной товар, то ни один человек [из немецких купцов] не должен касаться его [товара] рукой, чтобы рассмотреть его, иначе штраф в 1 марку.
- 56 С. Далее, [если] кто-нибудь покупает воск, то он должен принести его к церкви и этот воск никто не должен колупать или обнюхивать, кроме досмотрщиков воска, [иначе] штраф в 1 марку; если [купивший воск] занесет его неосмотренным в церковь, то он должен уплатить св. Петру 10 марок.
- 57 Также никто не должен вывозить воск неприпечатанным [досмотровой] печатью, под угрозой штрафа в 10 марок и конфискации воска.
- 58 С. Далее, никто не должен выносить из церкви недосмотренным сукно, иначе штраф в 10 марок.
- 59 С. Далее, каждый должен запирать свою кладовую, как внизу, так и наверху, [иначе] штраф в 1 марку. Если у кого-нибудь будет обнаружен незапертым замок и из клетки [окажется] что-нибудь украденным, то тот должен понести [лично] этот убыток.
- 60 С. Далее, никто не должен выходить на покупку только со своим братом или со своим складником, или со своим подручным, за это штраф в 10 марок.
Далее, никто, кто выходит на покупку с другими [купцами], не должен забирать купленный товар в течение трех дней, пока не получит согласия другого [купца, которому приглянулся этот товар], штраф 10 марок.
- 61 С. Далее, если кто-нибудь получает от русских товар, тот должен [требовать], чтобы русские ему полностью отсчитали

[положенное ему] количество [товара], и не должен уплатить русским за все, пока ему русские сперва не заплатят полностью [за проданный товар]; русские отвечают за [проданный] товар [на территории] двора.

- 62 С. Далее, [за товар] который русский получает от немцев, он несет полную ответственность [с того момента], когда он вынес его за порог двора.
- 63 С. Далее, никто не должен приносить русским серебро на дом, [иначе] штраф в 10 марок, или другой товар при штрафе в 1 марку.
- 64 С. Далее, если кто-нибудь купит более чем одну четверть мехов, то он должен меха осматривать в своем жилом помещении и нигде иначе, штраф 1 марка; также он не должен принимать меха, не осмотрев их, иначе штраф 1 марка.
- 65 Далее, когда возникнет необходимость выбора старосты двора, то его должны выбирать те, которые будут [с этой целью] присланы городами; если избранный будет отказываться, то старосты св. Петра должны ему предложить [эту должность] в первый раз, а затем во второй — под угрозой штрафа в 10 марок; а после [отказа] в третий раз ему грозит штраф в 50 марок и [лишение] прав двора³⁴.
Старосту двора нужно выбирать на один срок [из купцов] Любека, а на другой срок [из купцов] Готланда.
- 66 Если староста двора устраивает заседание, то старосты св. Петра должны [ему] вручить ключи, а все должностные лица освобождаются от своих обязанностей; а кому он передаст ключи и должности, то неоспоримо.
С. Если случится, что староста св. Петра выедет во время [пробывания во дворе] старосты двора, то из-за этого не надо высылать людей из городов [выборщиков], но староста двора должен выбрать [сам ему преемника].
- 67 С. Далее, когда староста двора отсутствует, то нужно прислать из городов людей, чтобы они избрали старост св. Петра [из наличных купцов] Любека и Готланда; если таковых здесь не окажется, то нужно избрать людей, которые были бы

³⁴ *Bi des hofes rechte*, лишение прав двора, т.е. запрещение приезжать в Новгород с торговыми целями и останавливаться во дворах ганзейцев.

на это пригодны, до того времени, когда придет кто-нибудь из Любека или с Готланда; равным образом нужно избирать помощников старосты двора.

- 68 С. Далее, любчане и готландцы должны здесь [поочередно] назначать священника, каждого на один год.
- 69 С. Далее, если кто-нибудь был избран старостой св. Петра и из-за этого выехал [из двора] и не смог оправдать [свой выезд] другой уважительной причиной, тот платит 10 марок серебра. Далее, кто будет выбран старостой [св. Петра], будь он молод или стар, тот должен [оставаться в этой должности] до своего [законного] отъезда.
- 70 С. Далее, тот из старост [св. Петра], кто способен вести переговоры, где это необходимо, тот и должен это делать.
С. Далее, если случится, что кто-нибудь окажется способнее вести переговоры и защищать [интересы] купцов, тому могут оба старосты св. Петра [это поручить], при первом отказе и при втором отказе он платит штраф в 10 марок, а при третьем — 50 марок и лишается прав двора.
- 71 Далее, если случится, что оба старосты св. Петра проживают вне двора, то выбранный последним должен переселиться во двор и быть освобожден от платы за жилое помещение.
- 72 С. Далее, никто, кто хочет пользоваться правами [двора] св. Петра, не должен сюда в страну привозить чужеземных гостей, будь то ломбардцы или фламандцы, или кем бы эти люди ни были, а также он не должен привозить в эту страну их товары [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора. Далее, никто, кто хочет пользоваться правами [двора] св. Петра, не должен объединяться в компанию с фламандцами и с подобными людьми, которые не имеют прав [ганзейских] купцов, и привозить в эту страну их [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.
- 73 С. Далее, если случится, что кто-нибудь, кто желал бы пользоваться правами купцов [общины двора] в Новгороде, получил бы [от своих сюзеренов] какие-нибудь грамоты, которые были бы во вред купцам в Новгороде, тот должен уплатить штраф в 50 марок и лишиться прав двора.

- 74 С. Далее, если присылают из городов людей для судебного разбирательства и если кто-нибудь, будь в стране³⁵ или вне ее, будет опротестовывать [решение суда], тот платит штраф в 10 марок.
- 75 С. [Если] также кто-нибудь будет оспаривать [решение] досмотрщиков сукон или воска, тот платит штраф в 10 марок серебра.
- 76 С. Далее, со ста марок нужно уплатить взнос в 1 фердинг, с 50 марок — полфердинга; кто имеет меньше, должен платить с марки 1 куну.
Далее, те, которые платят взнос, дают тогда [столько] серебра или кун, чтобы не нарушить своей клятвы.
Далее, каждый, кто проживает в Немецком дворе, будь то долго или недолго, должен уплатить 1 фердинг [платы за постой]; также тот, кто проживает в Готском дворе 6 недель, должен платить за [каждую] неделю 1 золотник³⁶; кто проживает дольше, чем 6 недель, тот должен платить 1 фердинг.
- 77 С. Далее, мы согласились ради пользы для общины купцов, что никто не должен играть в кости, будь то днем или ночью, [под угрозой] штрафа в 10 марок. Также никто не должен играть в кости в русских дворах, где нет [постояльца] немца, [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.
Далее, никто не должен делать ставки при игре на досках выше полфердинга [Это также касается] других игр, в которых можно терять деньги, [за нарушение этого] штраф 10 марок; это нужно соблюдать без всяких попыток утайки.
- 78 С. Далее, староста двора имеет право присуждать как к телесным наказаниям, так и к смертной казни³⁷; если кто-нибудь нанесет другому [смертельную рану] ножом, тот потерял и свою жизнь; если кто-нибудь умышленно ранит другого, тот лишается руки.
- 79 С. Далее, если кто-нибудь выхватит свой нож [и замahнется им] на другого, то он платит штраф в 10 марок; а если один человек изобьет другого до синяков и крови, то платит штраф в 10 марок.
- 80 Далее, если ударит один другого в злобе по щеке, тот платит [штраф в] 5 марок.

³⁵ Binnen landes. Здесь: в пределах Новгородской земли.

³⁶ Soltingh, русск. золотник, составляющий 1/46 гривны, равнялся 4 г серебра.

³⁷ An hals unde an hant, правовой термин, определяющий смертную казнь или лишение руки.

- 81 С. Далее, если один оскорбит без вины скверными словами другого, тот платит штраф в 1 марку.
- 82 С. Далее, если возникнет раздор здесь в Новгороде между двумя [купцами], они не могут уехать из Новгорода, не придя к соглашению, поскольку это им не разрешили старосты двора или старосты св. Петра, [иначе они лишаются] права двора; если кто-нибудь имел такие раздоры и не заявил старостам об этом, тот платит штраф в 10 марок.
- 83 Далее, если кто-нибудь будет схвачен на воровстве, то он заслуживает виселицу, кража 5 мехов приравнивается [к краже] десятка, [кража] десятка к [таковой] в сорок [мехов], кража же сорока [мехов] к [таковой] в тысячу; по [размерам] его проступка следует его открыто судить на общем собрании на глазах [у всех].
- 84 Далее, если надо будет вывести кого-нибудь, кто приговорен к смертной казни, то старосты двора в этом не участвуют, но они должны передать свои полномочия двум [другим лицам], чтобы они поступали так, как будто он там сам присутствует. Далее, те, кто на это назначены, должны поехать [с приговоренным], иначе они теряют права двора.
- 85 С. Далее, если кто-нибудь будет обвинен в краже или в поступках, которые вредят интересам общины купцов, тот должен оставаться во дворе в Новгороде год и день и доказать свою невиновность, иначе [ему грозит] потеря прав двора.
- 86 Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, кто находится в настоящее время в Новгороде, что объединенные немецкие купцы из всех городов, которые в то время здесь были, решили ради пользы объединенных купцов, чтобы никто в одном году не имел бы здесь с собой [товара] более чем на тысячу марок, будь то своего собственного, или в складничестве, или взятого на комиссию, или как-нибудь иначе; если случится, что кто-нибудь привезет товара более, чем выше названо, то этот товар должен быть конфискован и перейти во владение св. Петра, сверх того [этот купец лишается права] впредь привозить свой товар во двор св. Петра или приезжать [в него], если он не имеет на это разрешения св. Петра.

- 87 Далее, никто не должен здесь находиться больше года и дня³⁸, [иначе] он теряет права двора. Также никто здесь не должен [дополнительно] к своему товару привозить или посылать еще другой, пока первый не продан полностью [или же] выслан из страны. Об этом должен заботиться каждый, чтобы не потерпеть никакого убытка.
- 88 Далее, никто не должен ехать с товаром сухим путем, будь то через Пруссию, или Курляндию, или Швецию; также никто не должен ехать с товаром на [остров] Эзель³⁹, или в Курляндию, или [каким-нибудь] путем, который можно назвать «водным путем зимой»⁴⁰, но только плыть из Риги, из Ревеля и из Пернова.
- 89 С. Далее, об обработанных мехах мы, как нам приказали города, полностью единогласно приняли решение на пользу объединенного купечества, что никто не должен покупать фальсифицированного меха, а также растянутые меха, или лишенные обработкой своего природного характера, или беличий мех «на волосу»⁴¹, изготовленный русскими или выщипанный из другого [сорта] меха, также сшитые и связанные «дойницы»⁴²; следует же покупать [только] осенне- [зимние] меха или равные им, качество которых неподдельно.
- С. Вышеназванные меха никто не должен покупать, кто хочет пользоваться правами купеческой общины, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Феллине⁴³, ни на Готланде, нигде, куда имеют обыкновение ездить русские; кто такие вышеназванные меха купит, то этот товар его подлежит конфискации, а он платит вдобавок штраф в 10 марок в пользу св. Петра, от чего нет освобождения. За сорок таких мехов он платит штраф как за тысячу, за десяток столько же, как за сорок, так как это установлено на пользу объ-

³⁸ Jar unde dach, правовой термин, обозначающий полный год плюс один или несколько дней.

³⁹ Osele, Эзель, совр. о. Саарема.

⁴⁰ Wakeware, езда по замерзшему льду с одновременным использованием саней и лодок для преодоления полыней, такая езда была распространена в средневековье по Балтийскому морю.

⁴¹ Harwerk, беличий мех, снятый чулком и продаваемый мехом наружу.

⁴² Doyenissen, дойницы, очевидно, некачественные беличьи шкурки, сшитые из обрезков.

⁴³ Velin, совр. г. Вильянди в Эстонии.

единенного купечества из-за того, что фальсифицируются разные меха и [купечество] терпит убытки.

- 90 Далее, старосты св. Петра поступают при этом так, что они от каждого человека [купца] принимают клятву, чтобы он соблюдал постановления этой грамоты безо всякой хитрости, чтобы ему также помогли Бог и все Фожьи святые и добрый господин св. Петр.
- 91 А если случится, что обнаружат кого-нибудь, кто тайно уехал или со злым умыслом, того нужно привлечь [к ответственности], будь то за границей или в пределах страны, с лишением права двора; если также случится, что старосты св. Петра упустят принять у кого-нибудь эту клятву, то им платить штраф в 10 марок св. Петру.
- 92 С. Далее, ни один ученик старше 20 лет не должен изучать [русский] язык ни в Новгородской земле, ни в самом Новгороде, кем бы он ни был, если он хочет пользоваться правом купеческой общины. Это установлено в 1346 году от Р.Х. в праздник храма св. Петра [22 февраля].
- 93 С. Да будет ведомо объединенным немецким купцам из всех городов, которые посещают двор в Новгороде и в настоящее время в нем присутствуют, что они должны соблюдать постановление, которое здесь вынесено об осадке из загрязнений, [который получается при переплавке воска], [борьба] с которым ради пользы объединенному купечеству стоила большого количества товаров для подарков князю и его [приближенным]; и князю этим самым стало известно, что такой товар является некачественным, а также, что русские охотно продают [воск] с такими загрязнениями. Поэтому объединенное немецкое купечество, посоветовавшись, приняло единогласно постановление, чтобы никто не покупал такой товар [под угрозой штрафа] в 10 марок серебра. Но если кто-нибудь нарушит это [постановление], то от уплаты этих денег [штрафа] никоим образом освобожден не будет; поэтому пусть каждый остерегается этого. Это постановление было принято в 1315 году от Р.Х. в середине поста [2 марта].
- 94 С. Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что староста и его помощники с согласием объединенного купечества, которые находились во дворе в Новгороде, приняли решение на общем собрании, что никто не должен покупать

в Новгороде товар, ни брать его в долг с [условием его] оплаты в Дерпте или в каком-нибудь другом месте, кроме того, где товар куплен; эти решения приняты на пользу двора и объединенного купечества из-за боязни, что [несоблюдение их] может вызвать тяжелые нарушения [нормального хода торговли]. Если кто-нибудь не будет соблюдать [указаний] этого постановления, у того должно быть отобрано в пользу св. Петра то количество товара, которое он купил [таким незаконным образом]. Если далее случится так, что кто-нибудь уедет тайно с таким товаром, приобретенным таким образом, и можно будет это правдиво доказать, то следует там, где его найдут, отобрать в пользу св. Петра столько товара, сколько он купил [незаконным образом], так как он нарушил постановление, которое вынесло объединенное купечество во дворе в Новгороде; этого должен остерегаться каждый. Это постановление вынесено в 1318 г. от Р.Х. в день св. Якова, св. апостола [25 июля].

- 95 С. Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что староста двора и его помощники, и объединенное немецкое купечество, [члены] которого находились тут в Новгороде, приняли решение на общем собрании на пользу объединенного купечества по указанию, направленному городами двору в Новгороде о фальсифицированном воске, который фальсифицируется различными способами; такой [воск] никто не должен покупать, кто хочет пользоваться правами [члена общины] св. Петра, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни на Готланде, ни где-нибудь еще после наступающего дня св. Петра и Павла [29 июня]; если случится, что кто-нибудь купит после этого дня фальсифицированный воск, который фальсифицирован [добавкой] жиров или желудей, или [смеси] дегтя, вара и смолы, или масла, или гороха, или любого другого [постороннего вещества], тот должен платить св. Петру штраф в 10 марок серебра, от чего освобожден быть не может, а воск должен быть сожжен, как это приказали [в своем письме] города.
- 96 Далее, после этого вышеуказанного дня должны покупать чистый воск, каким его дает Бог, с [естественным для него] осадком. Свин⁴⁴, который не фальсифицирован, можно покупать по его стоимости. Если случится, что кто-нибудь в Новгороде

⁴⁴ Swin, свин, нестандартный, низкопробный сорт воска.

купит тайно вышеназванный воск и с хитростью вывезет оттуда и это можно будет правдиво доказать, то там, где его найдут, его нужно оштрафовать 50 марками серебра в пользу св. Петра, к тому же он лишается права двора в Новгороде. Если случится, что кто-нибудь купит фальсифицированный воск, который здесь выше назван, вне [сферы действия] права св. Петра и затем приедет в Новгород [с этим воском], то он не должен помещать свой товар в церкви св. Петра и пользоваться правами немцев, пока он не уплатит св. Петру свой штраф и не получит разрешения старосты двора и объединенного немецкого купечества. За этот фальсифицированный воск он платит штраф за половину ливского фунта столько же, сколько за один шиффунт, за один шиффунт — столько же, сколько за дюжину. Пусть каждый остерегается, чтобы не потерпеть такой убыток. Дано в ближайший праздник, следующий после праздника откровения блаженного Павла в 1332 г. от Р. Х. [27 января].

97⁴⁵ Так dokonчaли владыка новгородский и наместник великого князя Федор, и тысяцкий Остафий, и староста купеческий Сидор, и все купцы новгородские, а также все новгородцы с немецкими детьми Иорданом Конинге с Готского берега, и Альбертом Шеле из Любека, и с Лудеке Донинге из Риги, и с Ростом из Дортмунда, и с Арнольдом Думе из Мюнстера, и с Фредериком Бухорне с Готского берега, и с Гинриком фан Фольместенен, и с Гартеке Визе с Готского берега, и с Германом из Дюльмена, и с Иоганном Руддером, и с Иоганном из Миндена, и со всеми немецкими купцами о воске с примесями. Немцам не брать его от новгородцев до дня св. Петра и св. Павла так, как до сих пор они брали; а после дня св. Петра и св. Павла им больше не брать от новгородцев воска с примесями, который был смешан с маслом или с желудями, или со смолой, или с горохом, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Юрьеве, ни в Риге, ни в Колывани, ни на Готском берегу. Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, какой он есть, каким бог его дает, с его собственной подсадой. Новгородцам не брать воска с примесями ни от низовых, ни от корелов. А будет, что привезет кто-либо поддельный воск в Новгород и случится с ним что-либо из-за этого, то не жаловаться ему ни на кого, а только на самого себя. А когда на этом деле dokonчaли, было по Рождестве

⁴⁵ Перевод этой статьи дается по ее переводу в ГВНП, № 41. С. 73—74.

господа нашего лет 1000 и 300, в 42 году в двенадцатый день [6 января].

С. Так гласит русская грамота, которую нам дали новгородцы о воске, [к этой грамоте] привесили свои печати епископ новгородский и наместник за князя, и посадник, и тысяцкий за всех новгородцев.

- 98 Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные [купцы] — немцы, которые находились в Новгороде, приняли [посоветовавшись] постановление о весах для воска, из-за которых люди⁴⁶ потерпели большие убытки [при обмене] своих товаров [на воск] и имели много недоразумений с русскими до того, как они добились, что здесь следует взвешивать так, как имеют обыкновение взвешивать в немецких городах, то есть так, что чаша весов с гирями должна покоиться на земле, а гири с нее [при взвешивании] следует снимать осторожно и взвешивать, [пока стрелка весов не остановится] в обойме. Поэтому, если случится, что кто-нибудь недосмотрит или просмотрит это и допустит, что ему взвесят неправильно и не [дадут] полного веса, то так часто, как он позволит себя обвесить, он на каждое такое взвешивание должен уплатить св. Петру 5 марок серебра, от чего не может быть освобожден. Ибо, если случится, что один или два купца не обратят на это [обвес] внимания, то из-за этого может возникнуть больший вред. Поэтому пусть каждый остерегается нарушить это постановление, чтобы ему не потерпеть убытка и чтобы [он] не был осужден на основании права немецких купцов. Это постановлено в 1341 г. от Р. Х. в четверг после середины поста [22 марта].

- 99 С. Да будет ведомо всем немецким купцам, которые ездят в Новгород, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые находились в Новгороде, приняли решение на пользу объединенного купечества, что воск, который досмотрщики воска находят качественным, припечатывается в Новгороде печатью св. Петра, что никто не должен прикладывать печать св. Петра, кроме как сами старосты св. Петра; если случится, что печать увидят у кого-нибудь другого, который припечатывал бы ею воск, причем старосты св. Петра [при этом] присутствовали бы, то старосты св. Петра за это должны

⁴⁶ Lude, здесь: немецкие купцы.

быть оштрафованы и уплатить 10 марок серебра. Освобождения от этого не допускается. Столпен⁴⁷ и свин припечатыванию не подлежат.

- 100** С. Знать должны все те, которые посещают двор в Новгороде, что старосты и их помощники, и объединенные купцы, которые находились тогда в Новгороде, приняли решение на общем собрании на пользу объединенного купечества, что никто не должен давать медь, олово или свинец, никакой товар, который русские получают от немцев, [для взвешивания] на весах князя. если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить св. Петру 1 марку серебра так часто, как он это сделал; освобождения от этого не допускается. Пусть каждый остерегается, чтобы не потерпеть убытка.
- 101** С. Знать должны все те, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, приняли на общем собрании решение, что нужно иметь [во дворе] досмотрщиков воска как зимой, так и летом, в течение всего года; ибо это полезно объединенным немецким купцам. Этим [должны] руководствоваться старосты св. Петра и не нарушать право св. Петра; если случится, что они нарушат, то каждый должен уплатить штраф в 5 марок серебра в пользу св. Петра, освобождения от этого не допускается.
- 102** Далее, если кто-нибудь привезет оберточное сукно⁴⁸, которое изготовлено не по правилам, то это оберточное сукно должно быть конфисковано в пользу св. Петра.
С. Если также здесь во дворе в Новгороде окажется кто-нибудь, кто умышленно сделает из неподобающего сукна оберточное сукно, то при обнаружении этого сукна конфискуется и он платит в пользу св. Петра штраф в 10 марок серебра, освобождения от этого не допускается. Пусть каждый остерегается, чтобы не понести от этого убытки. Это [постановление] вынесено в 1333 году в понедельник после пасхи [5 апреля].

⁴⁷ Stolpen, нестандартный сорт воска. См. прим. 44.

⁴⁸ Сукна ганзейцы продавали только оптом: кипами и поставами, которые были обернуты куском того же сукна, служившим одновременно и образцом содержимого упаковки, которая была запломбирована.

- 103** С. Пусть знают все те, которые видят и слышат эту грамоту, что староста двора и его помощники и объединенные немецкие купцы постановили на общем собрании, что необходимо иметь [во дворе] досмотрщиков сукна как летом, так и зимой, так как продается много сукна, когда досмотрщиков нет, что неправильно⁴⁹, и немцы из-за этого претерпели много обид со стороны русских, [что] вредит объединенному немецкому купечеству, посещающему двор в Новгороде; поэтому старосты св. Петра должны в течение всего года назначать досмотрщиков сукна, когда отсутствует староста двора. В этом деле старосты св. Петра должны остерегаться, как бы не нарушить право св. Петра. Если случится, что старосты св. Петра это допустят [не назначат досмотрщиков сукна], они должны платить 10 марок св. Петру. Эта грамота написана в 1332 г. в понедельник, следующий за днем прозрения св. Павла [27 января].
- 104** С. Пусть знают все те, которые видят и слышат эту грамоту, что староста двора и его помощники, объединенные немецкие купцы, которые находились в Новгороде, постановили, что они не желают, чтобы сюда в Новгород привозили впредь какие-нибудь сукна, которые произведены не по правилам, так как тут из-за этого часто было много неприятностей; диксмёйденские сукна, ипрские сукна и длинные маркские сукна⁵⁰ может привозить сюда любой купец. Если же кто-нибудь привезет сюда другие сукна, которые произведены не по правилам, но упакованы и сложены по образцам вышеназванных сукон, то такие сукна подлежат конфискации, а привезший их купец к тому же платит в пользу св. Петра штраф в 10 марок серебра, от чего освобождения нет.
- 105** С. Далее, каплакен⁵¹ из Ахена и Кельна можно привозить сюда; но если кто-нибудь привезет сюда сукна каплакен из других [городов], они конфискуются, а [привезший их купец] платит к тому же штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет. Пусть каждый остерегается таких дел,

⁴⁹ Dat valsch is. Это выражение можно отнести также и к сукну, которое фальсифицировано, т. е. не соответствовало сорту и качеству.

⁵⁰ Наименование сукон по названию городов: Диксмёйде и Ипр — города в Западной Фландрии; маркские сукна производились или в г. Маркем близ Диксмёйде, или в г. Марк (Marq) в бельгийской провинции Энс.

⁵¹ Cappelakene, каплакен — сукна для верхней теплой одежды.

чтобы не потерпеть убытка в своем товаре и также в своих деньгах. Это записано и постановлено в 1327 году от Р.Х. в пасху [12 апреля].

- 106** С. Знать должны все те, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, приняли решение на общем собрании на пользу объединенного купечества, что никто не должен приносить русским на дом сукна, чтобы они их осмотрели и определили для себя их пригодность, также [запрещается] отрезать куски [от сукон в качестве образцов] и не выдавать никакого товара [на предварительный осмотр], что может принести вред [немецкому купечеству]. Если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет.

С. Далее, никто не должен давать весовщику воска посул⁵² при взвешивании покупаемого или продаваемого товара; если кто-нибудь нарушит это, тот должен уплатить св. Петру штраф в 10 марок, от чего освобождения нет. Это постановление вынесено в 1342 г. от Р.Х. в понедельник перед серединой поста [4 марта].

- 107** Пусть знают все, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые находились тогда в Новгороде, приняли решение на общем собрании с согласия объединенных городов на пользу объединенного купечества, чтобы никто не покупал шевниц⁵³ кроме как тысячами, полтысячами и четвертьтысячами, а тройницы только тысячами, и иначе не брать, как [проверяя] штуку за штукой, равным образом [поступать и при покупке] подпалей; но тройницы можно брать и среди других мехов по их стоимости. Тот, кто хочет пользоваться правами немецкого купечества, [не должен нарушать этого постановления] ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Пскове или Полоцке, нигде, где действует право немецких купцов. Если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить 10 марок серебра св. Петру, от чего освобождения нет.

⁵² Passul, русск. посул, гостинец, побор, взятка (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. III. Стб. 349).

⁵³ Здесь и далее: сорта беличьих шкурок.

- 108 Далее, священнику нужно выплачивать полгривны [при приезде] в страну⁵⁴ и полгривны [при выезде] из страны и никоим образом не меньше. Это постановление одобрено и вынесено в 1343 г. от Р.Х. в пасху [13 апреля].
- 109 Далее, то товарищество [купцов], которое священник выберет себе [для совместного «хилья»], должно его принять и создать ему наилучшие условия; этому товариществу св. Петр должен давать за священника еженедельно по 1 фердингу.
- 110 С. Пусть знают все, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда находились в Новгороде, приняли на общем собрании решение, на пользу объединенного купечества, что ни один купец, который приезжает в Новгород, не должен дольше, чем до предстоящего Рождества, привозить для продажи русским ни в какие города неопломбированных сукон, так как от таких сукон объединенное купечество терпело большие убытки. Если случится, что кто-нибудь после вышеуказанного времени привезет русским такие сукна и будет в этом уличен, то он теряет эти сукна и к тому же платит штраф в 10 марок новгородских гривен св. Петру. Это постановление вынесено в 1348 г. от Р.Х. вечером в вербное воскресенье [12 апреля].
- 111 С. Пусть знают все, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые были тогда в Новгороде, посоветовавшись на общем собрании, единодушно решили на пользу и благо объединенного немецкого купечества, что никто, кто хочет пользоваться правом купцов в Новгороде, не должен с того момента, когда эта весть дойдет до Фландрии, покупать там сукна, изготовленные по ту сторону реки Лис⁵⁵, или смешанные армантьерские⁵⁶, которые сделаны под вид комминских⁵⁷ и вервьеских⁵⁸ и им подобных сукон, которые нельзя продавать

⁵⁴ Здесь: в Новгород.

⁵⁵ Overleyesche, от названия реки Ley (фландр.), или Lys (франц.), левого притока Шельды.

⁵⁶ Derbenterische, от фламандского названия французского г. Армантье.

⁵⁷ Comensche, от названия г. Commines.

⁵⁸ Wervesche, от названия г. Vervievs.

Все города, упомянутые в прим. 56—58, находились на территории Северо-Западной Фландрии и имели развитое ткачество.

на крытом рынке в Брюгге, ни в Дерпте, ни в Пскове, ни в Новгороде и не привозить ни в какие другие города русским. Если случится, что кто-нибудь привезет такие сукна, которые были куплены после вышеназванного времени, куда-нибудь русским и будет в этом уличен, то сукна будут конфискованы и сверх того он должен будет уплатить штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет.

- 112 С. Далее, после вышеназванного времени ни один купец, который приезжает в Новгород или хочет пользоваться правами [объединенного немецкого купечества], не должен умышленно или с хитростью покупать или заказывать сукна, какими бы они ни были или как бы они ни назывались, если они могут нанести ущерб [доброму имени] сукон, которые обычно привозят русским; так как вышеназванными сукнами рынок переполнен, отчего объединенное купечество понесло большие убытки, а также было много упреков со стороны русских из-за плохого качества сукон. Если кто-нибудь будет обнаружен с такими сукнами, у того сукна должны быть конфискованы, [а он платит] к тому же штраф в 10 марок, от чего освобождения нет. Здесь должен остерегаться каждый, чтобы не лишиться своего товара и своих денег. Это постановление было вынесено и записано в 1354 году от Р. Х. в среду после первого воскресенья в пост [5 марта].
- 113 Далее, города постановили, что никто не должен продавать вино или какие-нибудь напитки кроме как полными бочками [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.
- 114 Пусть знают все, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что старосты и их помощники, и объединенные купцы, которые тогда были в Новгороде, решили единодушно на общем собрании, что пивовары, которые продают пиво, не должны стоять на Готском дворе, пока существует двор св. Петра, так как из-за этого купцы имели много неприятностей и много упреков по этому поводу со стороны русских. Поэтому мы единогласно постановили, что никакие продавцы пива, которые продают пиво, не должны находиться на этом [дворе]; если [это] случится, то те старосты, [которые] примут на постой продавцов в вышеназванный двор, должны уплатить штраф в 10 марок серебра св. Петру, от чего не могут быть освобождены. Это было

принято, когда писали 1351 год от Р.Х., в понедельник перед вербным воскресеньем [4 апреля].

- 115 С. Пусть знают все, которые эту грамоту видят или слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, посоветовавшись на общем собрании, единодушно пришли к решению на пользу и благо объединенного немецкого купечества, что никто не должен после того времени, когда эта грамота будет прочитана перед объединенными немецкими купцами в Брюгге, покупать для того, чтобы везти в Новгород русским или на Готланд, в Ригу, в Дерпт, в Ревель, в Пернов, т.е. никуда сюда в эту страну, разрезанные на куски поставы независимо от того, где они произведены, кроме английских сукон, их может любой добрый купец беспрепятственно привозить [в разрезанном на куски виде]; так как мы по причине этих разрезанных на куски поставов потерпели много убытков и много упреков со стороны русских, как, например, из-за их ужасной короткости и из-за наличия в одном поставе двух сортов сукна разного цвета. Далее, объединенное немецкое купечество договорилось и постановило, что никто после этого времени, которое выше записано, также не должен русским привозить поставы скарлата⁵⁹ с кромкой или без кромки, если они не имеют полагающейся им окраски. Пусть каждый уберет себя от этого, чтобы не потерпеть убытка; если кто нарушит это постановление, у того будет такое сукно конфисковано в пользу св. Петра, как было написано раньше, и он платит штраф в 10 марок серебра. Это постановление вынесено в 1355 году от Р.Х. во второе воскресенье во время поста [1 марта].
- 116 С. Далее, тому, кто будет избран старостой св. Петра, следует прочитать вслух эту книгу⁶⁰, прежде чем ему будут вручены ключи, чтобы он знал, чем он может руководствоваться; старосты св. Петра должны также хранить наилучшим образом, как только могут, все привелегии и все послания, которые присылаются купцам в Новгород. Далее, если какая-нибудь из вышеназванных грамот пропадет или будет кем-нибудь увезена без разрешения объединенного купечества, то [виновный в этом староста св. Петра] должен уплатить штраф в 50 марок

⁵⁹ Scharlakene, русск. скорлат, самый дорогой сорт сукна ярко-красного цвета.

⁶⁰ Вис, книга; здесь: скра.

серебра и лишиться права двора. Это постановление вынесено в 1355 году от Р.Х. во второе воскресенье во время поста [1 марта].

- 117 В 1370 году от Р.Х. около дня Иоанна Крестителя [24 июня] была война между властями [Ливонской] земли и русскими, которая длилась больше двух лет; тогда господа Любека договорились с магистратом Готланда направить в Дерпт достойных послов как господина Иоганна Шепенстеде от Любека и господина Даниеля фан дер Хейде от Готланда. Тогда церковь в Новгороде была закрыта и купцы оттуда уехали, взяв с собою ценности св. Петра: его ризы, книги, грамоты и старую скру; купцы передали это имущество послам в Дерпте. Тут они [послы] обнаружили в скре, что там некоторые страницы вырезаны, а на некоторых записях был надписан [новый текст]. Также они обнаружили, что несведущими людьми были там вписаны некоторые статьи и положения, которым не подобало там быть, и там также был надписан [текст]. Поэтому вышеназванные послы, посоветовавшись, решили, что было бы полезно и хорошо обновить книгу старой скры и переписать ее. Это они приказали [сделать] и постановили, что к скре нужно относиться серьезно, что старосты под угрозой штрафа в 10 марок серебра, от которого освобождения нет, [следили бы], чтобы в эту [новую] скру ничего не вписывалось, кроме только того, что законно и имеет постоянное значение. Если кто-нибудь окажется настолько наглым, что вырежет из нее страницу или надпишет [в ней] какой-нибудь текст, тот не должен знать, ответит ли он за это своей жизнью или товаром; суд должен будет решить, к чему присудить этого купца.
- 118 В 1371 году около пасхи [6 апреля] послы из заморья господин Иоганн Шепенстеде и господин Даниель фан дер Хейде постановили с согласия купечества строго придерживаться следующего правового положения: когда купцы в Новгороде задержаны, то никто не должен ехать к ним с торговой целью, будь то горой или водой или каким-нибудь другим путем [под угрозой] смертной казни или конфискации товаров, так как это часто причиняло большой вред [купечеству]; если [кто-нибудь] все же приедет, то этот [проступок] судить в Новгороде под присягой.

- 119** Далее, они [послы] постановили и приказали соблюдать [следующее]: если кто-нибудь будет обвинен или оговорен в каком-нибудь поступке, которым он нарушил право св. Петра, то старосты и купцы имеют право вызвать его, чтобы он явился во двор в Новгороде с целью оправдаться в течение 6 недель, если он находится в стране [в Ливонии]; если же он за морем, то чтобы явился в течение года и дня в Новгород для снятия обвинения.

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ДОБРЫНЕ

Синодская редакция*

Чудо Крестителя Господня Иоанна о новгородском посаднике

При державе благочестивых великих князей Руския земли Великого Новаграда напроди живяху свободственню и с прочими окрест сущими иноплеменными странами в мире и совокуплении. Тогда оубо ближайшии тамо сожителie, иностранницы латинския веры прислаша в Великий Новград от седмидесят градов своих, моляху архиепископа Великого Новаграда, посадников же и тысящников и всех града того народников, глаголюще им с прилежанием и со обычным прошением: «О, приятнии и ближайшии соседиe наши, дадите нам место посреде града вашего, идеже созиждем божницу по обычаю и вере нашеи». Великаго же Новаграда людие, слышавше сия и совет сотворше, отрекоша им, глаголюще: «Милостию Творца нашего Бога и Пречистые Его Матере, благословением же и молитвами владыки и пастыря нашего архиепископа града сего, во отечествии государей наших великих князей русских, в Велицем сем нашем Новеграде, водрузишася и есть вся церкви православныя нашея веры, то оубо ныне кое причастие тме к свету. Тако и вашей божнице, по вере и обычаю вашему, како возможно быти во граде нашем?» Слышавше же сия, латыни в печали быша о сем. Паки же оубо врагоу и супостату подстрекающе я оумышляют окаянии отступницы правыя веры нашея и подходят ласканием и дары многими некоего от посадник, Добрыню прозванием. Он же обещаеся им крепче о сем побарати и наоусти я, да глаголют в народе, сие рекуще: «Аще вы, друзи наши, не дадите нам место во граде своем на здание божницы нашеи, сие и мы сотворити восхощем, да не будут церкви ваша во градах наших». Сия оубо слышав окаянии латыни радостни быша. Время же обретше, паки внидоша в сонмъ народа, глаголют им, наущенная посаднича словеса. Народи же, слышав сия их

* Перепечатано по: *Никольский А. И.* Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОРЯС. Т. 12. Кн. 3. СПб., 1907. С. 98—116.

речения, недомысляхуся, но обаче размыслив, начаша молити архиепископа, да благословит их дати место во граде, идеже тии изберут, на поставление божницы их. Помощь же подаяше им многу, мздоимный народник Добрыня глаголя сице: «Аще не дадимы мы места божнице латынстей во граде нашем, то оубо и в латынских градах разорится имут церкви наша, от сего зелна нужда имать нам быти». Архиепископ же, не могши презрети людскаго прошения и посаднича споможения, преклонися воли их и повеле: «Да дадут место во граде на поставление ропате латынстей, идеже избрав вдаст им посадник Добрыня к потребе их». Тогда оубо латинское соборище возрадовашеся радостию велиею зело, яко оулучиша хотение свое. По времени же исхождаху, смотряюще места к потребствованию своему, но обаче оубо паче многих мест избраша едино место нарочито, близ суще торго, идеже бе церковь древяна великого Пророка и Предтечи, Крестителя Господня Иоанна, и возвестиша посаднику оному, яко угодно есть к потребе их. Тои же оумовредный мздопритель ослепи очи свои и сердце омрачи златоприятием, и забыв день судный, не имея страха Божия, оуготовляше им дати место оно по злomu их изволению, и тако повелевает церковь святаго Предтечи Иоанна с места оного пренести, а оно святое место отдати поганым латином под скверную божницу. О, прелести человечестей скудооумне, кто оубо не дивится или не оужаснется таковому злодерзию скверноприятнаго посадника оного, како оубо испоруга православную свою веру и в посмех вдаде латином злата ради, церковь Христову изгна, а еретическое капище вместо оная прият. О, суетоумне народниче, како оболстися злата деля вместо поборателя противник зол явися Христове церкви. О, злато многопогубелное, худьшее нерсти и праха, изгубльшее сего суетмудренаго, и со Иудею причетшее, тои оубо Христа преда, сеи же церковь его, тои оубо со иудеи совещася, а сеи с латины, тои оубо шед оудавися, а сеи водою истопися, тои оубо от апостол отлучися, а сеи, христианския кончины не оулучив, скончася, том оубо от всех проклинаем есть, а сеи от всех правых непоминаем бысть, оувы, яко христиан сыи измени божественный храм на еретичю ропату. Но о сих изрекше, прежде реченная совершаем. Тогда оубо великий пророк высочаиший и честнейший всех Предтеча и Креститель Господень Иоанн зрит свыше божественны свои храм злым мздоимцем испоруган и с святаго оного места пренесен, изволи отмстити златолюбцу оному. И в нощи тои явися богоснабдимага храма своего пономарю, глаголя сице: «Заутра дне сего, яко при часе третьем, иди к великому мосту, повелевая

народом собратися на великий мост, зрети хотящее быти чюду». Минувши же ноши изыде пономарь, по гласу божественнаго Предтечи, вещая реченная людем. Тогда множество людий стекошася на нарекованный мост, чаючи зрети неведомое видение. Якоже бысть время, прежереченный посадник, злоименитый среброприятель, латынский поборник, Предтечеве церкви испоругатель, христианский посрамитель, лихоименительный Добрыня собрався с погубелною си честию, по обычаю своему с рабы его, вседе в насад, хотя реку плыти и ити к дому своему. И бысть егда плывущим им абие воста буря зелна и ветер противен и дотолика, яко оубо подъемшуся насаду оному выпрѣ вышше двою сажении и оттуда низ падшуся в воде и, пребывшу дондеже погрязе и истопе многоплачевное тело посадниче. Тогда оубо совершися давидское проречение, яко изыде дух его и возвратится в землю свою, в тои день погубе все помышление его и яко овца во аде положен суть, и смерть оупасе и, егда оумре, не оставили вся, но ниже сниде с ним слава его. Народи же, видевшей сия, оужасни быша, зряще Божие грешным наказание и помышляше киждо их о своих согрешениях и к покаянию тшасеся, и моляше милостиваго Творца своего, да оушедрит милосердие свое на них и подаст им время исповедания и грехов прощения. Тогда оубо сплавляющие с посадником онем оутопати в реце хотяше и абие перевозники изяти быша от воды, дондеже здравие получив, благодаряше Бога, отхожашу в дома своя. Тело же посадниче, многи мрежи ввергше, едва извлекоша от воды, его же и погребению христианскому не сподобиша. Сия же слышавше возлюблении накажитесь добро творити, а не зло творити, душу спасти, а не погубити, бывающе не мздоимцы, ни лихоиметели, но правде и целомудрию любители, наказующе себе самех от божественных писании и от чудес Христовех и Его угодников. Паче же и от сего предтечева чюдесе, прочитаемого днесь на всечестные его и святыи праздник во ушесе всем вам, елико слышахом и разумехом, и отцы наши поведаша нам, не оутаися от нас, чад их в роды сия возвещаем во хвалы Господня и силы Его, и чюдеса Его ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Чудо о Спасове образе воображением ѿ латыньстей ропате, поставленной на месте, идеже бе стояла церковь Иоанна Крестителя в Великом Новеграде.

Господь Бог наш Исус Христос во дни древния сотвори в людех своих знамение предивно и всякаго оужаса исполнено в наказание правоверным; еже бы не смешатися им, ни очесом приблизитися

к скверным латином. О сем бо бысть чудо преславно в Рустей земли в Великом Новеграде, содевшееся сице, егда убо святого пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна божественную церковь Великого Новаграда посадник злоименитый Добрыня, мздою от латын ослепленный, повеле на ино место пренести и место тоя святая церкви отда скверным латином на поставление поганей их ропате. Тогда оубо сии окаяннии по злomu своему изволению ропату си оустроиша по вере и по бычаю своему. И еще они сквернии недовольны быша обруганием святого храма божественнаго Предтечи, еже с места его пренесением и своей ропате на том месте поставлением, но яко змии распыхахуся сердца своими, еже бы ино что им сотворити поношение православным. И издавше скверные свой смысл яве, оумышлением сицевым, повелевают оубо наимше иконных изуграфов вообразити их шаровным художеством и вапным надписанием образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на ропатнем своем оугле с полуденныя страны, яко бы тому поклонитися християном. Сему же тако бывшу, писарие оубо наимшеся живописаша образ Иисусов, но бес повеления епископля. И яко совершиша образ писменем, отъяша же и закрыв, имже бе задено оно живописательство. Тогда оубо от чюдеси преславно и многому оужасу исполнену, напрасно абие внезапу от воздуха сниде дождь велии и град крепкии и изби все живописательство образа Спасова и измовено сотвори, якоже дотолика поне ни левканию остати на месте оном. И сеже слышавше града оного народи в страхе и в радости бывше хвалу Богу и благодарение возсылаху, яко того божественным смотрением и молитв ради великаго Предтечи снесение церкви его с места мсти окаянному злохищнику оному истоплением в воде, а сие чудо во обличение безбожным латином сотвори, правоверным же в большее наказание и в крепкое оутверждение сия обоя оустрои. Вонмите оубо опасно о сем православия соблюдателie слышащий сия, иже не приобщатися нам ничимже к скверным и безбожным противникам закона Христова латином, яко оубо и Творца нашего образ на скверней их ропате аще вообразися и сие неугодно Богови быти вменися. Емоу же слава со Отцем и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Волоколамская редакция*

Повесть древних лет, яже содеяшась в Великом Новеграде.

О посадники Добрыне

В лета благочестивых великих князей наших русских, живущим Новгородцем в своей свободе и со всеми землями в мире и совокуплении, прислаша Немци от всех седмидесяти городов посла своего. Биша челом архиепископу Новгородскому, и посадником, и тысяцким, и всему Великому Новугороду, глаголюще: Милые наши соседы! дайте нам место у себя посреди Великаго Новагорода, где поставити божница по нашей вере и обычаю. И новгородци оттолкнуша им, рекуще: «Милостию Божиею и его пречистыя Богоматери и отца нашего господина архиепископа благословением и молитвою, у нас в вотчине господа нашей великих князей Руских, в Великом Новеграде, стоят все церкви православные нашиа веры христианския, ино кое причастье свету ко тьме, також и вашей божницы быть как в нашем граде?» Бе же тогда посадник степенный Добрыня именем, и немци слышавше жестокий ответ от архиепископа и от всего народа, и своим лукавством биша челом посаднику Добрыне и даша ему посул велик. О сем бо и Соломон рече: все послушают злата. Посадник же Добрыня и с злыми своими советники повеле немцом говорити старостам купецким и купцем новгородским: толко нашей божнице храму святых верховных апостол Петра и Павла не быти у вас в Великом Новеграде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти ж. И то слышавше старосты купецкие и все гости новгородские начаша бити челом господину своему, отцу архиепископу имя рек и всему Великому Новугороду, рекуще: пожалуйте поволите немцом поставити ропату по их обычаю и вере, и место им дайте, где полюбят, зане же не будет их божницы zde, ино нашим церквам у них не быти. Та ж и посадник Добрыня за старост и за гости начат говорити: толко не будет наших церквей по немецким городам, ино нашим гостем новгородским велми будет нужно; и архиепископ и новгородци послушаша посаднича совета и гостей своих челобитья, поволиша немцом поставити ропату, а место им укажет посадник, где будет прилично. И немцы избраша себе место посреди града в торгу, где стоит церковь древяна святого Иоанна Предтечи. Посадник же Добрыня ослеплен мздою и научен диаволом, повелел церковь святого

* Перепечатано по: Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860. С. 252.

Предтечи снести на ино место, а то место отвел немцом. Предтеча же Господень не терпя вражия навета и его злаго советника, что испоругал святой его храм мзды ради. В нощи убо той услыша пономарь тоя церкви Предтечевы глас, глаголющ ему: заутра на третьем часу дневном иди на великий мост и повели новгородцем смотрити добрынина посаднича чюда. И пономарь заутра возвести новгородцем, яко же слыша. И абие стекошась множество народа на великий мост видети, что хошет быти. И какоже поеха посадник Добрыня с веча к своей улице чрез Волхов в насаде с людьми своими, и внезапно прииде вихрь, и взял насад, възнесе на высоту, яко боле дву саженой и удари о воду, и ту потопе посадник Добрыня ко дну, а прочих всех переимаша в судех въ малых перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоса вывлещи тело его из реки. За свое лукавство не получи и погребения, яже есть обычай православным.

Сия ми поведана игумен Сергей Островского монастыря от святаго Николы, отец Заикхийев, нынешняго игумена Хутынского.

О той же ропате.

И якоже съвършиша немцы ропату свою и наяша иконников новгородских, и повелеша им написати образ Спасов в ропатнем углу, на полуденной стране в верху, на прелесть християном и на соблазн. И якоже написаша иконописцы образ Спасов на ропате, а архиепископа не доложаша, и открыша покров, и абие вскоре том часе прииде туча с дождем и с градом, и выбило градом и место то, идеже был написан образ Спасов, и левкас смыло дождем, яко же не явитись ни знаменію. Писания сия же до зде.

СПИСОК ТОРГОВЫХ АКТОВ НОВГОРОДА

Торговые договоры

№ п / п	Дата	Содержание документа	Публикация	№ по Янину*
1	1191/1192	Договор с немецким купечеством и готами	ГВНП № 28	1
2	1259/1263	Договор с немецким купечеством	ГВНП № 29	3
3	1268	Проект мирного торгового договора, предложенный немецкой стороной	LUB, I, № 413	4
4	1269	Договор с Любеком и Готским берегом	ГВНП № 31	5
5	1326	Договор с Норвегией	ГВНП № 39	13
6	1371	Проект договора с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством	ГВНП № 42	17
7	1372	Договор с немецким купечеством	ГВНП № 43	18
8	1392	Договор с ганзейскими городами (Нибуров мир)	ГВНП № 46	22
9	1420	Проект договора с Ливонским орденом и епископом юрьевским	ГВНП № 59	37
10	1421	Договор с Ливонским орденом	ГВНП № 60	38
11	1434	Договор с ганзейскими городами	ГВНП № 64	43
12	1436	Договор с ганзейскими городами	ГВНП № 67	45
13	1448	Договор с Ливонским орденом	ГВНП № 72	49

* Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991.

14	1448	Договор с Ливонским орденом	ГВНП № 73	50
15	1450	Договор с ганзейскими городами	ГВНП № 74	51
16	1466	Договор с ганзейскими городами	ГВНП № 76	53
17	1481	Договор с Ливонским орденом	АЗР*, т. 1, № 75	59
18	1487	Договор с ганзейскими городами	НР, III, 2, № 136	60
19	1493	Договор с Ливонским орденом	АЗР, т. 1, № 112	61

Торговые грамоты

20	1266—1272	Грамота рижанам о свободном пути для гостей	ГВНП, № 30	6
21	1299—1300	Грамота Риге с требованием возврата товара и выдачи разбойников	ГВНП, № 36	7
22	1301	Грамота Любеку о торговле и о присылке послов для переговоров	ГВНП, № 33	8
23	1301/02	Грамота о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей	ГВНП, № 34	9
24	1323	Отчет орденских послов о переговорах с Новгородом	ГВНП, № 37	11
25	1338	Грамота об урегулировании конфликта между новгородскими и немецкими купцами	ГВНП, № 40	14
26	1342	Грамота о торговле воском	ГВНП, № 41	15
27	1370/71	Грамота Любеку с требованием возврата пограбленных товаров	ГВНП, № 44	16

* Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1 (1340—1506).

28	1373	Договорная грамота между Новгородом и Любеком о пограбленном товаре	ГВНП, № 45	19
29	1388	Грамота великокняжеских наместников и всего Новгорода ганзейским послам в Юрьев	Об. № 38*	20
30	1388	Опасная грамота Новгорода юрьевскому епископу и городскому рату о намерении послать послов в Юрьев	HR, 1, 3, № 463	21
31	1396	Грамота новгородцев от Ивана Калеки с товарищами-о товаре, пограбленном витальскими братьями у новгородцев Ермолы Карпова с товарищами	ГВНП, № 47	23
32	1406	Грамота Новгорода Юрьеву о согласии продолжить мир 1392 г.	ГВНП, № 48	24
33	1411	Грамота Новгорода Колывани с предложением сохранять торговые отношения во время войны со шведами	ГВНП, № 50	25
34	1403—1411	Челобитье Ивана Кочерина властям Колывани о своем деле и с поручительством за нескольких новгородцев	Валк** № 2	26
35	1411	Мировая грамота Ивана Кочерина и Ганса Вреде	ГВНП, № 51	27
36	1412	Список убытков новгородцев	Хор. 63***	28

* *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка: Пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. 2-е изд. М., 1952.

** *Валк С. Н.* Новые грамоты о новгородско-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1.

*** *Хорошкевич А. Л.* Русские грамоты 60—70-х годов XV в. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

37	1412	Договорная грамота Новгорода с Ригой	ГВНП, № 49	29
38	1413/1414	Грамота Новгорода Колывани о суде над колыванцем Иваном Мясо, должником новгородцев Федора и Есифа	ГВНП, № 56	30
39	1414/1415	Грамота Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать долг новгородцам Игнатовым детям с товарищами	ГВНП, № 53	31
40	1417	Грамота архиепископа Симеона Риге, Юрьеву и Колывани с предложением прислать послов	ГВНП, № 54	32
41	1417	Грамота Новгорода Риге, Юрьеву и Колывани с предложением прислать послов для утверждения старого мира и о прекращении до того торговли	ГВНП, № 55	33
42	1418—1420	Грамота архиепископа Симеона Риге с требованием суда над двумя рижанами по жалобе новгородца Александра Трифоновича за неуплату 50 руб.	ГВНП, № 57	34
43	1418—1420	Грамота Новгорода Риге с требованием суда над двумя рижанами по жалобе новгородца Александра Трифоновича за неуплату 50 руб.	ГВНП, № 58	35
44	1398—1420	Грамота Новгорода об обиде Бориса Кижанинова	Об. № 37	36
45	1421	Грамота Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир до удовлетворения обид	ГВНП, № 61	39
46	1422	Грамота Новгорода Риге о рассмотрении челобитья Данилы Андреева	Об. 39	40

47	1424	Грамота Новгорода Миките Тинчову с приказанием уплатить 2 руб., взятые им у колыванского посла Ивана и у Гостилы	ГВНП, № 75	42
48	1436	Грамота Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром по жалобе новгородца Кузьмы Ларивоновича	ГВНП, № 69	46
49	1439	Договорная грамота Новгороду с немецким купечеством о разрешении выезда немецким купцам после возвращения задержанных в Колывани и Юрьеве новгородцев	ГВНП, № 68	47
50	1441	Грамота Новгорода Колывани с требованием управы для новгородца Петра, ладья которого была разграблена и люди побиты	ГВНП, № 71	48
51	1472	Опасная грамота Новгорода ганзейским послам	Хор., 65	56
52	1474	Договорная грамота Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет	ГВНП, № 78	58

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л. 1949.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий / Сост. Т. Н. Джаксон и Г. В. Глазырина. М. 1987.

Лавочные книги Великого Новгорода 1583 г. / Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М. 1930.

Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. СПб., 1909.

Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

Die Recesse und anderen Akten der Hansetage von 1256—1430. Erste Abteilung (HR, I) / Hrsg. durch die Historische Kommission bei der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaft. Bd. 1 (1256—1369), München, 1870; Bd. 2, 1872; Bd. 3 (1387—1390, Nachträge zu Bd. 1—2), 1875; Bd. 4, 1877; Bd. 5 (1401—1410); Bd. 6 (1411—1418), 1889; Bd. 7, 1893; Bd. 8 (1426—1430, Nachträge und Berichtigungen, 1360—1430), 1897.

Hanseresse von 1431 bis 1476. Zweite Abteilung (HR, II) / Hrsg. vom Verein für hansische Geschichte. Leipzig. Bd. 1 (1431—1436), 1876; Bd. 2 (1436—1443), 1878; Bd. 3 (1443—1451), 1881; Bd. 4 (1451—1460), 1883; Bd. 5 (1460—1466), 1888; Bd. 7 (1473—1476), 1892.

Hanserecsse von 1477 bis 1521. Dritte Abteilung (HR, III) // Hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte, Leipzig. Bd. 1 (1477—1485), 1881; Bd. 2 (1485—1491), 1883; Bd. 3 (1491—1497), 1888.

Hansisches Urkundenbuch (HUB) / Hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte. Halle / Salle: Bd. 1 (975—1300), 1876; Bd. 2 (1300—1341), 1879; Bd. 3 (1343—1357), erster Halbband, 1882; Zweiter Halbband

(1358—1360), 1886; Bd. 4, 1896; Bd. 5 (1392—1414), 1899; Bd. 6 (1415—1433), 1905; Bd. 7 (1434—1450); Bd. 8 (1451—1463), 1899; Bd. 9 (1463—1470), 1903; Bd. 10 (1471—1486), 1907; Bd. 11 (1486—1500), 1916.

Liv-, Est-, und Curländischen Urkundenbuch (LUB). Bd. 1 (1030—1300), Reval, 1853; Bd. 2 (1301—1367), 1855; Bd. 3 (Nachträge zum 1. und 2. Bände und Fortsetzung bis 1393), 1857; Bd. 4 (1394—1414), 1859; Bd. 5 (1414—1423), Riga, 1867; Bd. 6 (Nachträge, Schluss), 1873; Bd. 7 (1423—1429), Riga; Moskau, 1881; Bd. 8 (1429—1435), 1884; Bd. 9 (1435—1443), 1889; Bd. 10, 1896; Bd. 11 (1450—1459), 1905; Bd. 12 (1460—1471), 1910.

Lübeckisches Urkundenbuch / Hrsg. von dem Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck, 1843—1873.

Schlüter W. Die nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhunderts. Dorpat, 1911.

Литература

Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855.

Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.

Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб, 1912.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988—1989 годы. М., 1991.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

Казакова Н. А. Еще раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. // НИС. Вып. 2 (12). Новгород, 1984.

Клейненберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Вып. 7. Л., 1976.

Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.) // НИС. Вып. 2 (12). Л., 1984.

Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008.

Кошкин И. С. Русско-германские языковые контакты в грамотах северо-запада Руси XII—XV вв. СПб., 2008.

Лесников М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. // Уч. зап. МГПИ. Т. 8. Каф. истории средних веков. Вып. 1. 1948.

Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в. // Исторические записки. Т. 39. 1952.

Лесников М. П. Торговая книга ганзейского купца // Исторический архив. № 2. 1957.

Мельникова Е. А. Сведения о древней Руси в двух скандинавских рунических надписях // История СССР. № 6. 1974.

Мельникова Е. А. Култ св. Олава в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. Т. 56. 1996. С. 92—106.

Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982.

Никитский А. И. Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству // ЖМНП. № 7. 1883.

Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

Никольский А. И. Сказание о двух новгородских чудесах из жизни Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОРЯС. Т. 12. Кн. 3. 1907.

Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.

Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 год. 1978.

Рыбина Е. А. Западноевропейская система знаков собственности // ВИД. XII. 1981.

Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Савельев В. С. Законодательные источники древнерусского права: Хрестоматия. М., 2006.

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.

Славянский М. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847.

Строев С. Первоначальное образование и распространение Немецкого двора в Новгороде // ЖМНП. № 3. 1838.

Строев С. О торговле немецких купцов с Россией до конца XIV в. // ЖМНП. № 6.

Таль П. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905.

Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода Великого с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963.

Хорошкевич А. Л. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.

Хорошкевич А. Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // Исторические записки. Т. 78. 1965.

Шлёцер. О торговых сношениях Новгорода с Любеком в средние века // ЖМНП. № 4. 1839.

Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. М., 1962.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

Янин В. Л. Находка польского свинца в Новгороде // СА. № 2. 1966.

Angermann N. Der lübecker Hof in Nowgorod // Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 54. 1974.

Angermann N. Die Hanse und Rubland // Nordost-Archiv-Zeitschrift für Kulturgeschichte und Landeskunde. Bd. 20. 1987. S. 57—92.

Angermann N. Novgorod und seine Beziehungen zur Hanse // Schriftenreihe der Europa-Kolloquien im Alten Reichstag. Europas Städte zwischen Zwang und Freiheit. Universitätsverlag Regensburg, 1995. S. 189—202.

Buck W. Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Berlin, 1891.

Buck W. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Petersburg, 1895.

Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart, 1966.

Dollinger Ph. Die Hanse. 5. Auflage. Stuttgart, 1998.

Falowski A. «Ein Rusch Boeck...» Rosyjsko-niemecki anonimowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa. Krakow, 1996.

Filippov W. Vergleichende Analyse des hochdeutsch-russischen Gesprächsbuches von Thomas Schroue (1546): linguistische und textologische Aspekte // Korrespondenzblatt der Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. Heft 114, 1. Bielefeld, 2007. S. 7—18.

Friedland Kl. Die Hanse und die Rus // *Kl. Friedland.* Mensch und Seefahrt zur Hansezeit. Weimar, Köln; Wien, 1995. S. 313—319.

Gernentz H. J. (Hrsg.) Untersuchungen zum russisch-niederdeutschen Gesprächsbuch des Tonnies Fenne. Berlin, 1988.

Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.

Gurland M. Der St.Petershof zu Nowgorod. Innere Hofverhältnisse. Göttingen, 1913.

Halaga A. R. Typy kupeckých domov a novgorodský Peterhof // *Slovanský prehled.* №. 6. 1975.

Hausmann R. Zur Geschichte des Hofes von St.Peter in Nowgorod // *Baltische Monatschrift*, Riga. Bd. 46. Hf. 10—11. 1904.

Heinsius P. Schnitzerein am Novgoroder-Gestühl zu Stralsund als Beitrag zum Rublandbild hansischer Bürger im 14. und 15. Jahrhundert // *Zeitschrift für Ostforschung*, 11, Heft 2. Marburg / Lahn, 1962.

Hermann E. Über die Verbindung Nowgorods mit Visby und der Deutschen mit Russen // *Beiträge zur Geschichte des russische Reiches.* Leipzig, 1843.

Hildebrandt H. Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schliessung der deutschen Hofes zu Nowgorod // *Baltische Monatschrift*, Riga. Bd. 20. N. F. Bd. 2. 1871.

Johansen P. Nowgorod und Hanse // *Städtewesen und Bürgertum als geschichtsbildende Kräfte.* Gedächtnisschrift für Fritz Rörig. Lübeck, 1953.

Johansen P. Der hansische Russhandel, besondere nach Nowgorod in kritischer Betrachtung // *Die deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West.* Köln, 1963.

Kattinger D. Die Gotländische Genossenschaft. Der frühhansische gotländische Handel in Nord- und Westeuropa (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte). Köln, Weimar [u. a.] 1999.

Lübben A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1990.

Osten-Saken P. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442 // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. Reval, Bd. 7. Hf. 3—4. 1912.

Rennkamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977.

Reitemeier A. Sprache, Dolmetscher und Sprachpolitik im Russlandshandel der Hanse während des Mittelalters // Novgorod. Markt und Kontor der Hanse / Hrsg. von N. Angermann, Kl. Friedland. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 157—176.

Riesenkampf N. G. Der deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat, 1854.

Rösler I. Fremdsprachliche Kommunikation vor 450 Jahren // Das Russisch Buch, ein russisch-deutscher Sprachführer von 1546. «Skamandros». Warszawa, 1990. S. 287—302.

Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / Hrsg. von S. N. Lappenberg. Bd. 1—2. Hamburg, 1830.

Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. 2. Auflage. Berlin, 1985.

Schleker L. Reisebericht der hansischen Gesandtschaft von Lübeck nach Moskau und Nowgorod im Jahre 1603 // Hansische Geschichtsblätter. 1888. Leipzig, 1890. S. 1—56.

Squires C. Die Hanse und Novgorod: drei Jahrhunderte Sprachkontakt // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. 2006. S. 43—87.

Stern K. Die Handelswege der Hansen nach Gross Nowgorod. Riga, 1896.

Svahnström G. Gutagard och Peterhof. Tva handelsgarder i det medeltida Nowgoroder // Gotlandskt arkiv. 1960. Lund.

Winkler A. Die deutsche Hansa in Russland. Berlin, 1886.

Wimmer E. Novgorod — ein Tor zum Westen? // Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 13. Hamburg, 2005.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Глава II

- Рис. 1. Карта основных торговых путей и партнеров Новгорода.
Рис. 2. Балтийское море с островом Готланд.
Рис. 3. Готский берег с городом Висбю и печать готских купцов.
Рис. 4. План Любска. Из книги: *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Eine Ausstellung des Museums für Hamburgische Geschichte. Hamburg. 1989. S. 186.*
Рис. 5. Вид Любека с востока. Из Всемирной хроники Хартмана Шеделя. Нюрнберг, 1493 г.
Рис. 6. Печать немецкой купеческой общины на Готланде. 1280 г.
Рис. 7. Местоположение дворов в Новгороде: А — Готский двор; Б — Немецкий двор. Церкви: 1 — Никольский собор, 2 — Параскевы, 3 — Успения, 4 — Иоанна на Опоках, 5 — Георгия на Торгу, 6 — Жен Мироносиц, 7 — Прокопия, 8 — Михаила архангела, 9 — Благовещения, 10 — Иоанна Крестителя. Раскопы: Ярославово Дворище: а — 30-е годы, б — 1947—1948 гг.; в — Буяний, 1967 г.; г — Готский, 1968—1970; д — Михайловский, 1970; е — Торговый 1971 г.; ж — Рогатицкий, 1971 г.; з — Славенский, 1972—1974.

Глава III

- Рис. 8. Вендские города (Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грайфсвальд, Анклам) на южном побережье Балтийского моря.
Рис. 9. Печать Любека 1280 г.
Рис. 10. Вторая редакция скры. Фрагмент.

Глава IV

- Рис. 11. Ливонские города и пути русско-ганзейской торговли (по Фридрих Брунс Хуго Вечерка. *Ганзейские торговые пути. Атлас. Кельн-Грац, 1962, карты V и VIII*).
Рис. 12. Ганзейские города.
Рис. 13. Штральзундский мир 1370 г. с печатями 70 городов.
Рис. 14. Гербы ганзейских контор: 1 — Брюгге; 2 — Лондон; 3 — Новгород; 4 — Берген.

- Рис. 15. Охота на пушного зверя на севере Руси. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558.*
- Рис. 16. Пожар в Новгороде. Миниатюра.
- Рис. 17. Дом «черноголовых» в Риге.
- Рис. 18. План срубов и каменной башни Готского двора.
- Рис. 19. Рейнская керамика из раскопок Готского двора.
- Рис. 20. Грамота № 488, XV в.
- Рис. 21. Деревянные предметы из раскопок Готского двора (1 — клепки, 2 — подсвечники, 3 — посуда со знаками, 4, 5 — пластины).
- Рис. 22. Ганзейские купеческие знаки собственности.
- Рис. 23. Купеческие знаки из раскопок Готского двора.
- Рис. 24. Западноевропейские предметы из раскопок Готского двора (1 — шахматные фигуры, кость; 2 — оправа зеркала, свинец, олово; 3 — подсвечник, бронза; 4 — ножны, кожа).
- Рис. 25. Ручка деревянная в виде головы зверя. Готский раскоп.
- Рис. 26. Волховские перевозчики. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558.*
- Рис. 27. Переправа через пороги на Волхове. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558.*
- Рис. 28. Ганзейские купеческие знаки на бочках из раскопок в Новгороде.
- Рис. 29. Грамота № 439.

Глава VI

- Рис. 30. Западноевропейские денарии из клада 1993 г.
- Рис. 31. Ливонские монеты из клада 1979 г.
- Рис. 32: а) слиток свинца с клеймами; б) клейма польского короля Казимира Великого, XIV в.
- Рис. 33. Западноевропейские предметы из раскопок Новгорода и их аналогии (1—4 — товарные пломбы; 5—6 — фибулы; 7—8 — перстни с изображением рук; 9—10 — костяные рукоятки ножей; 11—12 — цера и писало; 13 — костяная рукоять ножа из раскопок Риги).
- Рис. 34. Складные оправы стеклянных зеркал. Свинец, олово: а — с изображением музыканта, б — с орнаментом.
- Рис. 35. Складные оправы стеклянных зеркал. Дерево.
- Рис. 36. Деревянная посуда из клепок.
- Рис. 37. Изделия западноевропейских мастеров из раскопок в Новгороде: 1 — накладка с изображением рыцарей, XIII в., кость; 2 — пластина с лилиями, XIV в., бронза; 3 — антропоморфная

керамика (фрагмент), XIV в.; 4 — накладка с изображением корабля, XIV в., свинец.

Рис. 38. План раскопов в Новгороде.

Рис. 39. Торговля мехом. Из книги: *Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... Antverpiae: Cristopher Plantin, 1558.*

Рис. 40. Грамота № 753, II в.

Рис. 41. Грамота Великого Новгорода г. Любеку с требованием возврата пограбленных товаров, 1371—73 г., русский и нижненемецкий тексты вместе. Фотокопия из Любека.

Вклейка

Ил. 1. Церковь Параскевы.

Ил. 2. Ворота Любека.

Ил. 3. Первая редакция Новгородской скры (между 1229 и 1250 г.). Фрагмент, фото оригинала.

Ил. 4. Договор вендских городов. Из книги: *J. Schildhauer. Die Hanse. Geschichte und Kultur. Leipzig. 1984. Abb. 33.*

Ил. 5. Грамота Ярослава 1269 г. на нижненемецком языке. Верхняя часть листа, фото оригинала.

Ил. 6. Гравюра с видом Риги.

Ил. 7. Нибуров мир 1392 г., экземпляр на нижненемецком языке. Фото оригинала.

Ил. 8. Фриз с изображением новгородцев.

Ил. 9. Рейнская керамика из немецких городов.

Ил. 10. Деревянная посуда из ганзейских городов.

Ил. 11. Спальни купцов в ганзейской конторе в Бергене.

Ил. 12. Изображения новгородского и московского купцов в Любеке.

Ил. 13. Церковь Иоанна на Опоках.

Ил. 14. Льготная грамота Бориса Годунова городу Любеку, 1603 г. Русский оригинал.

Ил. 15. Клад «новгородок». Вторая четверть XV в. Из раскопок 2008 г.

Ил. 16. Третья редакция Новгородской скры, 1325 г. Фотокопия из Любека.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности
НГБ — Новгородские грамоты на бересте
НИС — Новгородский исторический сборник
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
СА — Советская археология
HUB — Hansische Urkundenbuch
HR — Hanserecesse
LUB — Liv,— Est,—Kurländisches Urkundenbuch

Ил. 1. Церковь Параскевы

Ил. 2. Ворота Любека

har si werthe vnde openbare Allen dhen ghenen dhe nu siu vnde hie na comen solen dhe dhesel schyn sen vnde haren dha
 recht dhar van anginne gehalden is vnde gewesen heuet in dhemne houe dhere dhereschen to nogarden. aldaz beschreuen i
 vnde wintuare so wanne so comet in dhe ny. so solen si almanne kelen. dhes houes vnde sinte petes. vnd sic seluen dhe
 verman ene to helpe dhe ene rechtest sin. we sic dhes enen wille dhe beer sancet pet. 1. m. salen. Dhe alman dhe somuar
 so heuet he on wien wilcoet to enefande in sine blige also menigen also ene gruetschich is. In dhere groten stouen dhe dhe
 or nog so scholen dhe wintuare enwiken dhen lantwaren. in dhemne stouen dhar se mogen. Schal oc dhe alman to houe to
 dhen hol comet enen alman van lantfaren vae si. dhe sal sine enwiken mit dher almanchap. Watuare na erme elden
 gelotet hebber vnde waren in ande hie. is es oc nor so sal dhe wintuare dhen lantfaren enwiken seif dheren. So wanne in a
 dhe beer. x. enen. we an dhes vorwinnen wt. dhar he vorlma dhe stene to sokende. he beer. x. lueche pnt. heneges
 ghenen pnt. vore. dhe vore en upe lines selues cost. Welic pnt so comet somuare odh wintuare. dhe pnt dhen he vor. se v
 dhe wintuare. dhe solen enen pnt selue becolligen in dhen hof. vorchmer so sal man ene van sancet petes gode geuen. 1. m. cu
 colligen. Somuare vnt wintuare solen enen pnt selue becolligen. vpe dhemne wege. vnt in dhemne houe. dhar enbouen so w
 ren stouen dhe dhen wintuaren to beheuet. dhe dhar sin in dhemne houe dhe solen sin gemeint. An dhe stoue dhe dhar is geheuen d
 he or mehr ledhich welen van manchooldheit. so solen is enberen to dhe tit dhar behof dh gemeint. **Dhar en must man**
fene. it ne si alldan sake dhar. he ene to rechre vnde vorwilen moge. comet oc ene kinapen vngelichte to an seke vnde ne
 to inden vnde to inden. vnde nicht to vorrende it ne si ez beif wille. Wt iegen enape so dunnene. it si upe dhe reile odh
 moge. wt dhes sondeke iegen kinape vorwilen dhar he dhes houet man si. he beer. x. m. salen. vnt alle dhe meer an vlocken
 schepherren. is it an schepsoort. ofte he en selgge sic mit. ru. mane dhen. vnt alle dhe anden mit. ij. mane dhen. **Schur** en
 almanne. is it an en wist an slegen of an slachringe dhe mor man berichren vae dhes houes almanne. **Schur** oc iegen
 houes almanne. **Schur** en schelinge vnder wegen. it si wintuare odh lantwarch. wt dhe vor euemet vnder slegen. dhar is
 bewaren buto. ij. mestman to beide sin. vnde he beware dhe hunde to rechre tit. dor an dhe hunde iegenen schaden
 he vore dhe se losse. schur dhar schadde af. toloet an dhe hunde dhe leden dhar ne heuet dhe hofuorde negene schult an. welc
 to rechre tit. dhe beer. 1. m. salen. vnt van wikes mestmanes wearene. dhe hofuorde. ofte nachtwarde. of dher kerkenillape
 wintuare. **Wt** **af come.** **Weso** wintuare comet in dhe ny mit cogen dhe sal scheren sancet xie van. c. m. 1. vnt in. vnt enen v

1490 - 1

leide in dhen hof lare sinder os

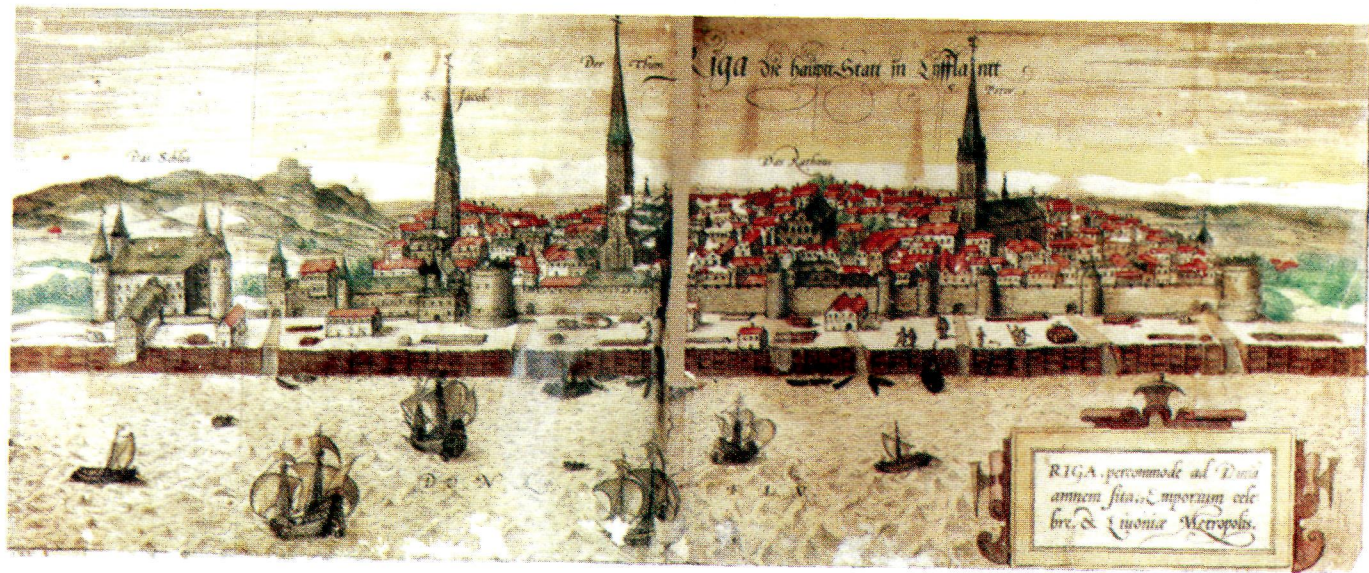
Ил. 3. Первая редакция Новгородской скры (между 1229 и 1250 г.).

Фрагмент, фото оригинала

Ил. 4. Договор вендских городов. Из книги: J. Schildhauer. Die Hanse. Geschichte und Kultur. Leipzig. 1984. Abb. 33

coning reuckbaer oning jaerlauden sone **S**edde ge prout mit dhem **S**ochtergen pinen mit dhem **S**er-
 gen hien anders vñ mit dhen obermannen vñ mit al dhen nogardaren. vñ mit dhem durschen den **S**enrude
 sellenpunde van luleke mit ludolue dwelacken. vñ Jacobs cuninge dhem goren. vñ lesterger den **S**redde
 vnde te schreuen vñt verheicheit nagen iude beue te iu durschen. **S**enrude goren. vñ aller laantich pinen
 dhen olden vrede te dher nuwaer binuiss kerlingen van groland. **S**enrude van nogarden dat tere ker-
 gen. so war so dhem gaste duren nischen schut dat sijst dhe konig uore andwoon mit al dhen nogardaren dhem
 sonnegrats vnde dhe wintergast sal comen. **S**enrude koninges hant deo bigreuen. vnde al dher nogardaren uore dhen
 olden vrede dhen sinder hinderuiss. vnde scholen nemen dhe nogardeschen iden. vnde dhe nogardeschen opude uore dhen
 olden vrede. vnde of se dhen nogardeschen iden nene nemer ge sijn en uore nagen nogarden. vnde kerlingen
 dhar ne heuer dhe koning. vñ dhe nogardaren nicht meer te vnde. **S**enrude of dhe nogardaren nenen iden sinder. noch
 ew opmaune nicht varen. vnde dhe durschen varen sinder iden. so selen te varen sinder hinderuiss vore ker-
 lingen uore dhen olden vrede. **S**enrude dhuich ofte gote uore opstare te dhen tielen. ge sijn ene dhar war
 dhar ne hebber dhe nogardaren nicht meer te vnde. **S**enrude of dhe nogardaren in eres sines willen nicht weder varen
 miren oggen. so scholen te geuen van reuelkeme vore ene halue mark siluers. **S**enrude dhe gaste comen
 in dhe nu uore heuer te dunde. **S**enrude ofte mast. dhe mach he hebben. an leidene sijn dhes varesen. **S**enrude so he
 vore. **S**enrude men enen dher nagen kerlingen. vñ alagen. dhen sal men vore vore alagen. dhar sal man ouer en rechte
 alna sinne boke. **S**enrude of dhe ge nagen kerlingen alagen. vñ nogarden. dhen sal men te nogarden oi rechten
 na sinne boke. **S**enrude dhe durschen. vñ dhe goren comen in dher uoslon vore. **S**enrude so selen te dhe uore
 kerle voreiden sinder leiten. vnde selen in ere sjepe vore lude vñ nene von en dar van older ge varen heuer. vnde
 nicht meer vnde sinne so dhe gaste uore comen te geseude. so sal he geuen al so he nane older tix heuer ge geuen. vnde
 nicht meer. vñ dhe lodenman dhe ge voren is te der sin vñ weder up. dhe sijn hebben vore sine sijn. vñ **S**enrude enen
 ofte enen baken. **S**enrude ge voren van nogarden. **S**enrude alagen. vñ weder up. vñ **S**enrude enen ofte enen. haluen
 baken vore sine sijn. **S**enrude of dhar en lode te baken. dhe ut vore na gude. ofte ge loden is mit gude. dher loden dhar
 men nicht geuen. mer te loden huse sal men geuen. **S**enrude of dhe uore te nomenen lode man al dher up vore.
 dher ut seldene vrede miren gullen. vñ of se se vnder en vore enen ander vore. dhar sijn bluen.

Ил. 6. Гравюра с видом Риги

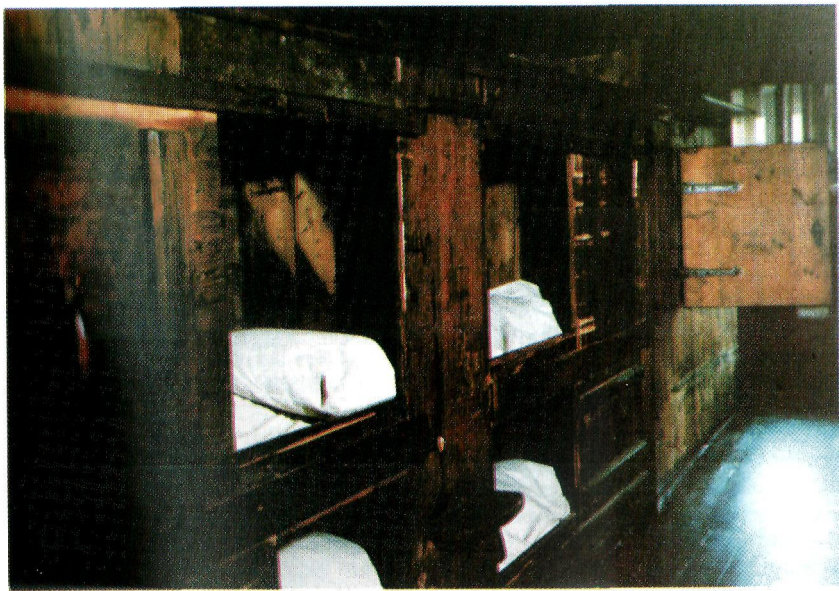
Ил. 8. Фриз с изображением новгородцев

Ил. 9. Рейнская керамика из немецких городов

Ил. 10. Деревянная посуда из ганзейских городов

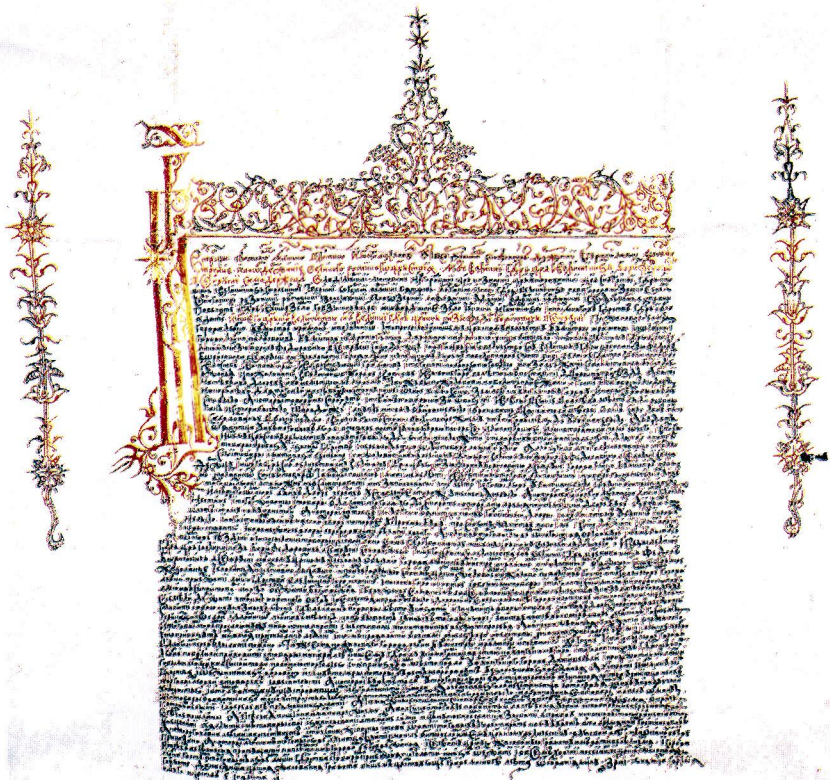
Ил. 11. Спальни купцов в ганзейской конторе в Бергене

Ил. 12. Изображения новгородского и московского купцов в Любеке

Ил. 13. Церковь Иоанна на Опоках

Ил. 14. Лыготная грамота Бориса Годунова городу Любеку, 1603 г.
Русский оригинал

Ил. 15. Клад «новгородок». Вторая четверть XV в. Из раскопок 2008 г.

komende. de letere sunte petere. v. lliuef
piut homghes. Van deme prestere.

Den man scal iemighen prester uoren
to nogarden. uijt sunte peters cost.

Ellic prester comet somer uar. edder
winter uar. de prester den he uor sic vinder
de scal eme vntwiken. vnde an den. de mit
den somer varen. edder winter varen co
met. scolen sic holden. de in deme houe sitt

De winter vare scolen eren prester. sul
uen becostighen. bet in den hof. So wan
ne in den hof comen. so scal men eme de
cost gheuen. in ener malscap. dar er deme
copmanne gheuellighest is. Van sunte
peters vreghene. vnde gheuen eme dar to
to lone. to ietweliker weken. achtezolotnik
ke. So wanne de beschedene winter vare
wedder ut deme houe uaret. so scolen se
ouer ene suluen becostighen. **D**e somer
uare scolen eren prester suluen becostighe
bet in den hof. so wan he dar comet. so